

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2011

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-15-64

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редакторы

А.Г. Аксенова, В.П. Лашенцова

Технический редактор *В.Н. Галкина*

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 21.06.2011.

Формат 70x108 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 06-11/15-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25а

Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2011

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2011

	ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
7	Хакимов Р. С. Евразия: история будущего (отрывки)
	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
19	Дробижева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований
	ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
29	Хайрутдинов Р. Р., Кабирова А. Ш. «Сохранить наше народное достояние»: архитектурный ансамбль Казанского кремля в 1940–1950-е гг.
	125-ЛЕТИЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ
46	Загидуллина Д. Ф. Основные мотивы в поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни
53	Михаэль Фридерих. Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма (отрывки)
	КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
61	Хайрутдинов Р. Р., Салихов Р. Р., Галлямова Д. Г. Тысячелетие Елабуги: обоснование юбилея
72	Али Биринджи. Габдулла Баттал-Таймас. История жизни одного ученого из Казани
90	Мухамадиев Б. М. Основные вехи жизни Ризаэтдина Фахретдинова – ученого, просветителя и общественного деятеля
95	Нияз Халит. Типология мобильных сооружений кочевого стиля в архитектуре Поволжья по мусульманским миниатюрам XV–XVII вв.
99	Надырова Х. Г. Средневековое градостроительство в аспекте концепции исламского города
109	Губайдуллин А. М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в.
	СОБЫТИЯ, ФАКТЫ, ПРОЕКТЫ
112	Ситдиков А. Г. II Международный Болгарский форум
	«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
114	Задачи исследования Золотой Орды
	ИСТОРИЯ
125	Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство во второй половине XVI в.

- 139 **Мухаммадеев А.Р.** Мусульманское судопроизводство в Волжской Булгарии: постановка вопроса
- 150 **Набиев Р.А.** Исламско-христианские отношения в контексте Запад–Восток: взгляд из Татарстана
- 155 **Майданали З.** Социально-политическая организация кочевых обществ: концептуальные подходы и тенденции развития
- 161 **Гарипова З.Г.** Основные тенденции в научных исследованиях в ТАССР (1917–1941 гг.)
- 175 **Пономарев А.Л.** Русский рубль и татарский сум в системе мер средневековья

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 187 **Аксенов А.Б.** Критерий обычного местожительства и право оптации при предоставлении гражданства в случае правопреемства государств
- 194 **Амирова Р.Р.** Формы защиты прав и свобод человека и гражданина
- 200 **Батагаева С.А.** О некоторых проблемах конституционного правосудия
- 204 **Загидуллин Р.И.** О применении понятия «сфера»: постановка проблемы
- 209 **Муртазина Р.Р.** Некоторые проблемы финансирования изменений конституций субъектов Российской Федерации в условиях экономического кризиса

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

- 213 **Алеева Г.У.** Татарский язык: общественно-политическая лексика
- 213 **Алишев С.Х.** Все по истории татарского народа
- 214 **Ганиев Ф.А.** Словообразование в татарском языке
- 214 **Ганиев Ф.А.** Словообразование сложных слов в татарском языке
- 215 **Ганиев Ф.Ә.** Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлеге
- 215 **Загидуллин И.К., Гибатдинов М.М., Загидуллина Д.Ф.** История татарского народа. XVIII – начало XX вв.: учеб. пособие для 11 кл. общеобразоват. шк.
- 216 **Маенхен-Гельфен Отто Дж.** Мир гуннов
- * * *
- 216 **Габдрахманова Г.Ф.** Этнологические исследования в Татарстане
- 218 **Гатауллин А.Г.** Институт цензуры в российском законодательстве XVI–XIX вв.
- 222 **Донина Л.Н.** От эскиза к спектаклю
- 224 **Шагавиев Д.А.** Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX–XXI вв.
- 227 **ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

	HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF STATE CONSTRUCTING
7	Khakimov R.S. Eurasia: history of the future (fragments)
	THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE HUMANITIES
19	Drobizheva L.M. Methodological problems of ethnosociological investigations
	IN MEMORY OF THE GREAT VICTORY
29	Khairutdinov R.R., Kabirova A.Sh. «Preserve our national property»: architectural ensemble of the Kazan Kremlin in 1940–1950
	125th ANNIVERSARY OF GABDOULLAH TUKAY
46	Zagidullina D.F. Main motives in the poetry of Gabdoullah Tukay: reflection of the life devoted to the people
53	Michael Friderikh. Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism (fragments)
	CULTURAL HERITAGE
61	Khairutdinov R.R., Salikhov R.R., Gallyamova D.G. Yelabuga’s millennium: basis of the anniversary
72	Ali Birindzhi. Gabdoullah Battal-Taimas. Kazan scientist’s life history
90	Mukhamadiev B.M. Main milestones of Rizaetdin Fakhretdinov’s life – scientist, educator, public figure
95	Niyaz Khalit. Typology of mobile facilities in nomadic architecture of the Volga Region on Muslim miniatures of the XV–XVII centuries
99	Nadyrova Kh.G. Medieval urban planning in the aspect of the concept of the Islamic city
109	Gubaidullin A.M. New data on defensive installations of the Bulgarian ancient settlement of the X century
	EVENTS, FACTS, PROJECTS
112	Sitdikov A.G. The second international Bulgarian forum
	«ROUND TABLE»
114	Aims of the research of the Golden Horde
	HISTORY
125	Matveev A.V., Tataurov S.F. Siberian Khanate in the second half of the XVI century
139	Mukhamadeev A.R. Muslim legal proceeding in Volga Bulgaria: stating the question

- 150 **Nabiev R.A.** Islamic-Christian relations in the West-East context: view from Tatarstan
- 155 **Maidanali Z.** Social political organization of nomadic communities: conceptual approaches and tendencies of development
- 161 **Garipova Z.G.** Main tendencies in scientific research in TASSR (1917–1941)
- 175 **Ponomarev A.L.** Russian rouble and Tatar sum in the measurement of the Middle Ages

CONSTITUTIONAL LAW

- 187 **Aksenov A.B.** Criterion of the regular place of residence and the right of option providing citizenship in cases of legal succession of states
- 194 **Amirova R.R.** Ways of protecting rights and freedoms of the man and citizen
- 200 **Bagataeva S.A.** Problems of constitutional justice
- 204 **Zagidullin R.I.** Application of the notion «sphere»: problem setting
- 209 **Murtazina R.R.** Problems of financing the changes in Constitutions of the subject of the Russian Federation in conditions of economic crisis

NEW BOOKS. REVIEWS

- 213 *Aleeva G.U.* The Tatar language: social political vocabulary
- 213 *Alishev S.Kh.* Everything about the history of the Tatars
- 214 *Ganiev F.A.* Word formation of compounds in the Tatar language
- 214 *Ganiev F.A.* Explanatory dictionary of compound verbs
- 215 *Zagidullin I.K., Gibatdinov M.M., Zagidullina D.F.* History of the Tatars. XVIII – the beginning of the XX century: School book for the 11th grade of the comprehensive school
- 216 *Maenchen-Helfen Otto J.* The World of the Huns
- * * *
- 216 *Gabdrakhmanova G.F.* Ethnological research in Tatarstan
- 218 *Gataullin A.G.* Censorship Institute in the Russian legislation of the XVI–XIX centuries
- 222 *Donina L.N.* From the sketch to the play
- 224 *Shagaviev D.A.* Russian Moslems in ethnoconfessional processes of the XIX–XXI centuries

ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

227

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО¹ (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

«Евразийский национализм»

Евразийство – широко используемый термин, при этом настолько же темный, сколь и распространенный. Его используют в географии, истории, политике, экономике, идеологии, при формулировании вопросов безопасности, культурном взаимовлиянии и т.д. Публицисты любят выражения типа «Евразийство – это судьба России», но это ясности не вносит. Сегодня трудно определить даже границы Евразии, не говоря уже о внутренней культурной составляющей, способной объединить разные народы.

Классические евразийцы, начиная с Н.С.Трубецкого, П.Савицкого, Г.Вернадского и заканчивая Л. Гумилевым², не дали однозначного понятия Евразии как культурного явления. Н.С.Трубецкой, наиболее значительная фигура среди евразийцев, в 1927 г. писал: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством»³. В данном контексте национализм звучит не как идеология

превосходства одного этноса над другими, а в смысле осознания разными народами своего единства. К сожалению, в русском языке понятие «национализм» несет негативный оттенок, чего нет в европейских, как впрочем, и в татарском, языках. Л.Гумилев, комментируя позицию Н.С.Трубецкого, отмечает, что «истинный национализм состоит не в заимствованиях у чужих этносов, не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами: “познай самого себя” и “будь самим собой”»⁴. Определение евразийского национализма у Н.С.Трубецкого носит эмоциональный характер. Опираясь на него, весьма трудно обрисовать общую культуру Евразии, поскольку континент включает многие народы с совершенно разными языками, религиями, со своими специфическими традициями, обычаями, нормами. Не случайно евразийцы для объяснения причин объединения народов в «евразийскую нацию» обращаются к психологии, которую трудно выразить в точных терминах. Констатация того факта, что Евразия вбирает в себя элементы «европейских» и «азиатских» культур, мало что объясняет. Существуют близкие культуры, которые не могут найти общий язык, например, нет взаимопонимания среди христиан, особенно

между православными и католиками, в то же время православные уживаются с мусульманами.

В истории можно наблюдать, как одни народы сближались, а другие — дистанцировались. Татары и монголы, как и их предшественники хунну и тюрки, постоянно контактировали с Китаем, шла торговля, войны, обмен достижениями. Причем не только кочевники, но и китайцы многое заимствовали у степняков: оружие, еду, одежду и даже моду, в частности прически. Однако в Китае татары не смогли прижиться, а в Евразии — смогли. После падения второго тюркского каганата уйгуры приняли манихейство, карлуки — ислам, басмалы и онгуты — несторианство, тибетцы — буддизм, но китайскую идеологию не воспринял ни один народ. Не случайно была построена Великая стена. Она стала не только физическим, географическим, но также идеологическим барьером между Китаем и Азией.

В то же время существуют народы, которые готовы на совместное житие, невзирая на существенные различия в культуре и поведении. Например, русские и татары, несмотря на многочисленные войны друг с другом, тем не менее создали некий симбиоз или, по словам Л.Гумилева, суперэтнос. Русские находят общий язык с азиатскими, финскими, а также народами Севера. Можно говорить о внутренней симпатии, исходящей от биологической природы народов, но неясно насколько это утверждение будет научным. Л.Гумилев вводит понятие комплиментарности, что можно перефразировать как психологическую совместимость. «Комплиментарность, — считает он, — есть неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтносов и даже отдельных персон»⁵. Комплиментарность надо воспринимать как факт, без объяснения причин. В таком случае евразийство в своем определении вновь возвращается к психологии, которая сама требует объяснений.

Евразийцы, утверждая собственный национализм, отвергают общечеловеческую культуру как понятие бессмысленное, направленное против своеобразия народов. «Я отрицаю возможность общечеловеческой культуры», — так формулирует Н.С.Трубецкой идею евразийства о развитии национальной культуры в статье «Вавилонская башня и смешение языков». Исходя из этого же тезиса он предсказывал, что диктатура пролетариата не сможет противостоять развитию националистических и сепаратистских стремлений народов СССР. Л.Гумилев, развивая эти идеи, пишет: «Все разговоры о “приоритете общечеловеческих ценностей” наивны, но небезобидны. Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос. Однако до тех пор, пока сохраняются различия уровней пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, — такое слияние мало вероятно и торжество общечеловеческих ценностей, к счастью, будет лишь очередной утопией. Но даже если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют отнюдь не “общечеловеческие ценности”, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса»⁶. Пример с наиболее влиятельной в мире англо-саксонской культурой подтверждает слова Л.Гумилева. Это вполне национальная культура и с ней пытаются конкурировать не общечеловеческие ценности, а китайская, испанская, немецкая, французская и другие нации.

Итак, евразийцы объединение народов в некое «братство» рассматривают как свершившийся факт на основе психологической совместимости народов, связанных общностью судьбы и комплиментарностью.

В этническом плане понятие евразийской нации охватывает, кроме

славян, «туранские» или «урало-алтайские» народы. «Мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, — пишет Н.С.Трубецкой — совершенно отвлекаясь от вопроса о том, обусловлена ли эта общность психологического типа родством или какими-нибудь другими историческими причинами»⁷. К туранским народам евразийцы относят угро-финнов, тюрков, монгол, маньчжур, причем особо выделяют тюркские народы как наиболее ярких представителей данного психологического типа, сыгравших выдающуюся роль в истории Евразии.

Один из наиболее последовательных и интересных критиков евразийцев Николай Бердяев отмечал: «Евразийцы любят туранский элемент в русской культуре. Иногда кажется, что близко им не русское, а азиатское, восточное, татарское, монгольское в русском. Чингисхана они явно предпочитают Св. Владимиру. Для них Московское царство есть крещеное татарское царство, московский царь — оправославленный татарский хан. И в этом близком сердцу евразийцев царстве чувствуется то непреодоленное язычество азиатских племен, то непреодоленное магометанство. Христианство не вполне победило в евразийском царстве. Любовь к исламу, склонность к магометанству слишком велики у евразийцев. Магометане ближе евразийскому сердцу, чем христиане Запада. Евразийцы готовы создать единый фронт со всеми восточно-азиатскими, не христианскими вероисповеданиями! против христианских вероисповеданий Запада»⁸. Действительно, евразийцы рассматривали «латинство» как врага, но сомнителен тезис о близости евразийцам ислама, поскольку вся идейная часть их теории построена на будущем торжестве православия. Что же касается наследия Чингисхана, то евразийцы, действительно, придавали ему большое значение. П.Савицкий особо отмечал также роль татар в становлении Российской державы. В письме Л.Гумилеву он писал: «Русь органически усвоила ту часть монголов, которая в XII—XIV вв.

попала на запад от Мугуджар: переход на русскую службу татаро-монгольских мурз и князей с их дружинниками и слугами в XIV и последующих веках. Как известно, великорусское дворянство, сыгравшее огромную роль в создании великого Русского государства, на 30, 40 и даже более процентов состояло из потомков этих мурз, князей и слуг»⁹. Хотя некоторые евразийцы отождествляли Евразию с Россией¹⁰, но, тем не менее, за исходную точку ее становления брали Монгольскую империю, которая была значительно больше по территории, чем Россия и СССР¹¹. Подход евразийцев был обусловлен географическими, климатическими условиями, этническим составом населения Евразии, трактовкой происхождения России, тесно увязанной с татаро-монгольскими традициями.

В то же время само появление Монгольской империи было подготовлено деятельностью ряда народов, проживавших в Великой Степи, среди которых значение тюркского элемента было значительным с древнейших времен, ведь именно гунны, кимаки, кыпчаки, собственно тюрки составили стержень степной части континента. «С начала нашей эры, — пишет Л.Н.Гумилев, — евразийские народы объединялись несколько раз: хунны, сменившие скифов, Великий тюркский каганат VI—VIII вв., монгольский улус и Россия (в широком понимании термина). Как государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов давно слиты в “радужную сеть” единой суперэтнической целостности. Следовательно, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства»¹². Казалось бы, распад СССР противоречит данному тезису, но следует иметь в виду, что Советский Союз был распущен по политическим мотивам и цивилизационные основания для выхода из состава государства были, пожалуй, только у прибалтийских республик.

Сегодня потенциально объединяющим началом Евразии выступает Рос-

сия, поскольку она занимает основное ее пространство. Не только два континента — Европа и Азия — географически объединяются именно благодаря России, но и ядром евразийской цивилизации выступает русская культура, на что и делали особый акцент евразийцы. Данный тезис справедлив и сегодня, но он не может реализоваться сам по себе, многое зависит от способности элиты России установить необходимые взаимоотношения с туранскими народами как в стране, так и Центральной Азии.

Таким образом, евразийство является мировоззрением, тесно связанным с национальными корнями России, причем не только в лице русских, но и других народов. Особо выделяются по своему влиянию славянский и тюркский элементы, а потому в первом приближении евразийство можно назвать тюрко-славянским симбиозом. На эту главную ось нанизываются другие культуры. Можно было бы выделить третью составляющую в лице финских народностей, но они из-за различий в языке не могут составить такой же монолит, как славяне и тюрки, хотя без них Евразия не может состояться.

При всей привлекательности такой формулы, тем не менее, существует «ахиллесова пята» евразийства. Симбиоз не складывается сам по себе. Совместная жизнь в течение столетий, конечно, выглядит как хороший аргумент для объяснения существующего взаимопонимания между народами, о чем любят напоминать публицисты. Например, И.Василенко пишет следующее: «Уже один тот факт, что веками славяне и тюркоязычные народы совместно переживали крутые периоды в своей истории, уже один этот факт создает между ними тысячи тончайших исторических, культурных, психологических связей, заставляя ясно и реально ощущать общность своей судьбы»¹³. Однако при этом забывается, что история России была богата также на восстания нерусских народов, часто под религиозными знаменами. В наше время в Боснии хорваты, сербы и мусульмане, го-

ворящие практически на одном языке, со столетними традициями совместного проживания, конфликтовали, вплоть до вооруженных столкновений. Значит, совместная жизнь в течение столетий не является гарантией существования «братского союза». Нужны ценности, которые реально скрепляют народы без применения силы.

Европа, прежде чем стать культурной общностью, прошла через жестокие войны между католиками и протестантами. Общий язык они нашли на почве либерализма.

Классические евразийцы исходили из того, что народы Евразии всегда были религиозны и подлинное лицо Россия — Евразия может обрести, только вернувшись к религии и укрепив в себе религиозную стихию. При этом они полагали, что общие ценности будут складываться через добровольное принятие туранскими народами православия, т.е. они исходили из естественной притягательности религии, которая и станет общей основой для всей Евразии. П.Н.Савицкий писал: «Евразийцы — православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит; к Ней, к Ее Дарам и Ее Благодати зовут они своих соотечественников; и не смущает их страшная смута, по наущению атеистов и боготорцев подымавшаяся в недрах Православной Церкви Российской. Верят они, что хватит духовных сил и что борец ведет к просветлению...»¹⁴. В этом тексте больше эмоций, нежели аргументов. Века насильственной христианизации, политика поощрения ассимиляции не смогли побороть ислам и нивелировать этническое многообразие страны. Более того, как только государственное давление смягчалось, начиналось так называемое «отпадение» православных в ислам. В свое время на этот процесс обратил внимание Петр Столыпин, который в своем Представлении в Совет Министров докладывал: «Это отпадение, нанесшее столь значительный ущерб православной церкви, нанесло вместе с тем чувствительный удар до-

стоинству национально-русского начала, склонив в Поволжье нравственный перевес в пользу татарско-мусульманской культуры»¹⁵. Ислам был привлекательным, динамичным и помогал развитию многих народ Поволжья и Азии. Во время заседания Особого совещания преосвященный Андрей заметил, что «в настоящее время Казань важнее Константинополя как центр культурной и издательской деятельности. Даже учебники, употребляемые в Туркестане, изданы в Казани в типографии бр. Каримовых»¹⁶. Озабоченность П.Столыпина вызвало то, что все мусульмане России подпадают под влияние просвещенных татарских имамов: «Татарским влиянием захватываются не только поволжские, приуральские и среднеазиатские полуоседлые и кочевые малокультурные народы, подвергающиеся татаризации, но и все оседлое население. Широкое содействие в этом отношении оказывают конфессиональные школы (мектебы и медресе), огромной сетью покрывающие все пространство, заселенное мусульманами. Руководимые татарским и отатаренным духовенством, а равно уже сформировавшимся кадром светских учителей, эти школы при крайне незначительном числе низших правительственных учебных заведений служат надежными проводниками мусульманской культуры и пантуранского духа»¹⁷. Судебные процессы по делу джидидских (реформированных) медресе не дали желаемых результатов, прогрессивный ислам продолжал наступление. Так было в условиях привилегированного положения православия и законодательного ущемления мусульман.

В условиях «перестройки» началось возрождение религий и нет никаких надежд, что мусульмане сами по себе станут православными. Ислам не менее привлекателен, чем православие. Очевидно, что в этом вопросе евразийцы оказались утопистами.

Позицию евразийцев по отношению к православию критиковали с разных позиций. П.М.Бицилли в статье «Два

лика евразийства» осуждал их за теорию «потенциального христианства», которая объединяет народы по геополитическому признаку. Он определял ее как идею секуляризированной богословской мысли, несовместимой с православием, отмечал, что евразийский вариант религиозного государства не совпадает с традиционным православным государством. Действительно, евразийцы были против союза между государственной властью и официальной церковью, который существовал в России до революции, ибо считали, что это оказало православие, лишило русскую церковь способности к развитию. П.Н.Савицкий писал: «Православная Церковь есть осуществление высшей свободы; ее начало – согласие в противоположность началу власти, господствующему в отделившейся от нее Римской Церкви. И кажется евразийцам: в суровых делах мирских не обойтись без суровой власти; но в делах духовно-церковных только благодатная свобода и согласие суть благие руководители. “Европа” же, в некоторых своих частях, в делах мирских разрушает действительность власти и в делах церковных вводит тираническую власть...»¹⁸.

Другие критики считали, что в евразийстве доминирует культ государственности, что евразийцы в своей концепции выразили не идею христианского государства, а идею государственного абсолютизма. «Склонность евразийцев к пониманию религии, прежде всего как силы социально-организующей и формальной, более исторической, чем духовной, тоже очень напоминает римское отношение к религии, – пишет Н.Бердяев. – Субъективные права личности, более абсолютные по своему значению, чем формы государства, мало вдохновляют евразийцев. О свободе совести они говорят только для того, чтобы отделаться от лиц, которые к ним с этим пристают. На практике же готовы ограничить свободу вероисповедания для католиков. Евразийцев вдохновляет движение коллективов, масс. Это есть пафос не столько духовный, сколь-

ко натуралистический. Государство не есть воплощение на земле абсолютного духа, как думал Гегель, как думали римляне. Государство имеет свою миссию на земле, и христианство освящает начало власти. Но государство всегда не адекватно, всегда греховно и в нем всегда возможно торжество царства зверя. Это царство зверя, Левиафан, обнаруживается и в государствах монархических, и в государствах демократических и социалистических»¹⁹. Как это не покажется парадоксальным, но Н.Бердяев в отношении евразийцев к государству и религии слышит прозападные отголоски: «Пафос организованности и социальности у евразийцев скорее римский, латинский, чем русский».

Православие долгие столетия было животворной идеей, обеспечившей становление и развитие России. Однако слишком тесная связь церкви с государством, именуемая «симфонией», сводилась на деле к обслуживанию интересов державы, поддержке несправедливого строя. Не случайно богоискательство стало уделом писателей и философов, а не церковных структур, оно шло вне официального православия, а порой и против церковных традиций. «Та вера, — писал Лев Толстой, — которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман»²⁰. В какой-то момент православие из собирателя русских земель становится обыкновенным тормозом развития. Прозападнические настроения в обществе во многом отражали и недовольство религиозной ортодоксией. О кризисе духовном писали многие, но, пожалуй, самым значимым фактом стало отлучение Льва Толстого от церкви за его открытые высказывания о несправедности священнослужителей. В грехе жила вся страна, дошедшая до хлыстовства, а отлучили только его. На самой вершине развития русской культуры в лице Льва Толстого, выразителя тектонических сдвигов в русском духе, сама база русской этничности — православная церковь отвергла величайшего выразителя этого духа.

Такая метаморфоза обозначила закат главной составляющей Москвы как собирателя русских земель — духовности.

С подобными проблемами столкнулось католичество много раньше, чем православие, следствием чего стала Реформация. В ходе противостояния папской власти и протестантского движения произошла определенная модернизация и самого католичества. Православие избежало подобных катаклизмов, но и упустило функцию духовного лидера, а богоискательство стало уделом литературы и философии. П.Сувчинский писал: «Было бы ошибочным видеть в современной русской церковной разрухе — назревающий процесс реформации Православия. Если Россия в мятежные века Возрождения фактически не была вовлечена в его опыт и страсти, то это не значит, что русское сознание не прошло исторически, в разных аспектах, сквозь всю совокупность идей Гуманизма. Если же Россия только поверхностно впитала в себя идеологические мотивы Возрождения, то искать объяснение этому нужно в особенностях религиозно-культурного существа русской стихии, которому был и есть чужд весь пафос европейской секуляризации»²¹. Действительно, идеи Гуманизма, Реформации, Просвещения можно было заимствовать в готовом виде, но главная проблема, с которой выступал Мартин Лютер, а именно освобождение религии от давления церковной иерархии, православием не была решена. Европейскую секуляризацию не за что осуждать. Она позволила христианству развиваться без давления государственной власти, опираясь на принцип «богу — богово, кесарю — кесарево».

В русской общественной мысли обсуждали различные проблемы, но они касались в основном самого православия или же неприятия «латинства». Тему ислама выносили «за скобки» обсуждения или же борьба с ним ставилась в политической плоскости. Евразийцы люто критиковали «латинство», но тему ислама всячески обходили. Однако были философы, открыто

ставившие трудные для евразийцев вопросы. Н. Бердяев в связи с анализом евразийства в целом писал: «Все будущее русского народа зависит от того, удастся ли победить в нем нехристианский Восток, стихию татарскую, стереть с лица русского народа монгольские черты Ленина, которые были и в старой России. Можно вполне согласиться с тем, что татарское иго имело огромное, не только отрицательное, но и положительное значение в русской истории, что оно способствовало выработке в русском народе самостоятельного духовного типа, отличного от западного. Но это отнюдь не ведет еще к татарскому самосознанию, к подмене русской идеи идеей туранской. Между тем как у евразийцев исчезают своеобразие и единственность русского духовного типа, русской идеи, русской вселенской христианской идеи. Статичность, которой так упиваются евразийцы в результате реакции против бурных движений нашего времени, есть не русская, а татарско-азиатская статичность. Христианство динамично по своей природе, оно создало бурное движение мировой истории»²². Ислам также придал динамизм мировому развитию, особенно в те времена, когда Европа представляла собой довольно жалкое зрелище. Достаточно сказать, что свободная исламская мысль стала предтечей европейского Ренессанса. Она вернула миру античную философию, развила науки, подняла мировую культуру на невиданную высоту. Первые оригинальные европейские мыслители учились у мусульманских ученых. Без исламской ступени говорить о европейской культуре малопродуктивно.

Конечно, в Новое время исламская философия стала схоластической, богословие и шариат оказались тесно увязанными с национальными традициями отдельных стран, науки не развивались и мусульманский мир застыл. Но это не означает, что источником негативных явлений стал Коран, в котором достаточно простора для свободомыслия, открытости, терпимости, что в полной

мере проявилось в средние века и повторится в будущем. Реформированный ислам (джадидизм) у татар показал свою динамичность. Так что мнение Н. Бердяева о статичности ислама верно только отчасти и относится не к сути религии, а его конкретной практике. Но у него гораздо важнее мысль о вселенской христианской идее, как сути русского духа. Русский народ всегда был тесно связан как с православием, так и государственностью. Отказ от них для народа равносильно потере этничности. Советский период показал, что и без религии русские не теряют своих национальных черт, но при условии, если существуют государственные структуры, поддерживающие культуру.

Евразийцы не смогли ответить на коренной вопрос: почему другие народы должны были добровольно принять православие. История становления Евразии не объясняет всего круга проблем, которые возникают сегодня, а главная из них заключается в формулировке тех норм и ценностей, которые могут стать общими для всего постсоветского пространства от Монголии до Дуная. Как показывает время, сегодня на идеологию православия, как, впрочем, и ислама, полагаться не приходится.

Современные евразийцы понимают, что тюрко-славянский симбиоз предполагает союз православных с мусульманами, в то же время многих российских общественных деятелей пугает мифический пантюркизм (кстати, сам термин изобрели в охранке П. Столыпина) и панисламизм. В последние годы все это увязывается с активностью Турции, которую подозревают в проведении политики пантюркизма. В этих страхах есть, намеренное или ненамеренное, но большое преувеличение – государственные органы Турции больше занимаются экономикой, нежели политикой, а различные организации типа «Тюркской» не выходят за рамки культурных обменов по аналогии с панславянским движением.

Сегодня лозунг борьбы с пантюркизмом поднимают те, кто не понимает

существа вопроса, но опасается конкуренции со стороны тюркских народов. Близость тюркских языков и культур исторически сложившийся факт, от которого никуда не уйти и бесполезно с этим бороться. Если кто-то поставил это целью своей деятельности и если он последователен в своих принципах, тогда он точно так же должен бороться с панславянством, пангерманизмом, англо-саксонской глобализацией, панисламизмом и православным единством. Эти явления одного порядка.

Идеологический вакуум приводит к преувеличению таких мифических изобретений, как пантюркизм, панславянство, панисламизм, или превознесению роли православия в жизни народов. Некоторые авторы говорят об историческом союзе православных и мусульман²³, но достаточно взглянуть на цифры посещающих мечети и церкви в Российской Федерации с тем, чтобы иллюзии рассеялись. По социологическим опросам среди татарской молодежи свыше 80% считают себя мусульманами, но только 2% посещают мечеть не реже одного раза в неделю, 4% — раз в месяц. Откровенных атеистов в Татарстане меньше 1%, но и соблюдающих все религиозные обряды ничтожно мало. Очень немногие (1–3%) посещают занятия по основам религии²⁴.

Естественно, обсуждение темы пантюркизма и панисламизма²⁵ остается в российской прессе «злободневным», но глубинная причина заключается не в мифическом влиянии Турции или арабских стран, а в укреплении позиции тюрков, в частности татар, в самой России.

Стержневая тема современной идеологических процессов в мире — это противостояние либерализма и ислама или в другой формулировке — Запада и Востока. При этом исходят из примеров исламских стран, в которых представлен средневековый ислам, застывший в канолах шариата. Но сам Коран достаточно гибок и современен. В нем заложены идеи свободомыслия, откры-

тости к иным культурам, требование заниматься науками и образованием, т.е. то, что характерно для западной философии. Татары за годы реформации ислама накопили достаточный опыт, чтобы утверждать, что между Западом и Востоком не существует непреодолимых противоречий.

Неоевразийство

В современном евразийстве можно выделить два существенных течения. Одно из них возглавляет Александр Дугин со своими коллегами. Другое — Нурсултан Назарбаев с соответствующими научными, образовательными и государственными структурами Казахстана.

А.Дугин продолжает развивать один из сомнительных тезисов классических евразийцев о романо-германском мире как «злейшем враге» России, называя его атлантизмом. Непримируемость евразийства и атлантизма у А.Дугина задается как аксиома, причем на все времена. А.Дугин противопоставляет СТЕПЬ и МОРЕ как несовместимые геополитические пространства, порождающие два извечно враждующих мира²⁶. Территория в его трудах становится самодовлеющей. Народы сами по себе ничего не значат, они подчинены законам или СТЕПИ, или МОРЯ без каких-либо вариаций. Территорию СТЕПИ А.Дугин окрашивает в религиозные тона. «Самосознание народов и наций, — пишет он, — традиционно населяющих территорию России, коренным образом связано со специфической сакральной географией данной территории»²⁷. Но ссылка на сакральность сделана для «красного словца», а основной лейтмотив связан с геополитикой, сформулированной в милитаристском духе. Даже сам лексикон высказываний А.Дугина пугает агрессивностью: «Тьма народов, народцев, культур и культов бросила нам, русским, смертельный вызов. Запад как цивилизация отказывает нам в праве на то, чтобы мы могли быть иной, отличной от них цивилизацией, — и это война. Наши бывшие братья по

единому государству отказывают нам в том, чтобы уважать нашу силу и наш масштаб — и это война. Западные соседи, поощряемые атлантистским могуществом, угрожающе потрясают нас хилыми рыжими кулачками, — и это война. Азиатские орды косят злым глазом на наши южные и восточные просторы — и это война»²⁸. Дихотомия СТЕПЬ/МОРЕ стала в представлениях А.Дугина самоудовлетворяющей. Ни один народ не может выйти за рамки требований СТЕПИ, никакой свободы воли и собственных интересов. Такой тезис вызывает серьезные возражения.

Само слово «степь» имеет вполне определенную привязку к географии и историческому образу жизни. Оно не совпадает по смыслу с понятием «суша». Степь в свое время породила своеобразную кочевую цивилизацию, благодаря которой стало возможным соединение Востока и Запада. В древней и средневековой степи жили скифы, гунны, сарматы, тюрки, но не славяне. Русские предпочитали реки и леса, в какой-то мере лесостепь. Татары уже в средние века в своей массе стали оседлыми и строили города. Полукочное хозяйство оставалось элементом экономики, но далеко не главным. Только у ногайцев и казахов степь достаточно долго определяла образ жизни.

Историческое значение Степи было в другом. Викинги и русские плавали и торговали по рекам, поэтому русские княжества строились вдоль речных коммуникаций, но такой образ жизни не способен создать империю. Княжества могли быть объединены только благодаря Степи, где жили тюрки. «Всякий народ, — пишет Н.С.Трубецкой, — овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только

государство, овладевшее всей системой степи»²⁹. Следует также заметить, что в те времена тот, кто контролировал степи, контролировал и города. Изначально Россия могла возникнуть как громадное государство только благодаря тюрко-славянскому симбиозу, на что и указали евразийцы.

А.Дугин предлагает построить евразийскую федерацию, в которой конструкция субъектов исходит из органической, исторически сложившейся общности, объединенной по национальному, культурному, профессиональному и другим признакам. «Субъект “евразийского федерализма”, — утверждает автор, — исторически обусловлен, а не произволен, холистичен, а не дробно индивидуалистичен, связан с общиной, а не с условно выделенным территориальным сектором, основан на непрерывных традициях, а не составлен искусственно. Это федерализм народов и общин»³⁰. При такой трактовке природы субъектов федерации, естественно, для федеральной власти остаются стратегические вопросы: «Федеральное законодательство должно регулировать лишь те аспекты, которые напрямую сопряжены с геополитическими и стратегическими аспектами, в остальном система самоуправления может очень широко варьироваться от региона к региону»³¹. Иначе говоря, центр ничего не навязывает регионам и народам, которые суверенны в своих внутренних вопросах, но не могут претендовать на какую-либо государственность, они полностью подчинены геополитическим интересам федерации в целом. Смысл федерализации, по А.Дугину, максимальное разгосударствление субъекта федерации. «Так как сама логика федерализма предполагает освобождение субъектов федерации от бремени государственности, то в данном случае региональный субъект отказывается от любого намека на *геополитическую* субъектность (т.е. суверенитет), целиком и полностью делегируя ее федеральному центру»³². В этом плане швейцар-

ская модель для А.Дугина неприемлема как из-за суверенности кантонов, так и слабости геополитической позиции страны в целом. «Швейцария минимизирует геополитический суверенитет ради сохранения разгосударственной логики федеративных кантонов», — пишет А.Дугин³³. Однако это утверждение вызывает сомнения, ведь в кантонах есть самостоятельная законодательная, исполнительная, судебная власть, система образования, здравоохранения, полиция и даже внешняя политика в рамках своих полномочий, иначе говоря, в них присутствует большинство признаков государственности. Ссылки на кантоны Швейцарии как полностью разгосударственные сообщества не соответствуют действительности. В целом предложенная А.Дугиным форма федерализма не имеет перспектив и не может стать базой для объединения народов в некое «братство», тем более учитывая, что в России уже сложились республики, а СНГ состоит из независимых государств.

Новым явлением на евразийском поле стал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он, без сомнения, наиболее яркая и позитивная фигура в отличие от А.Дугина. В 1994 г. в проекте «О формировании Евразийского союза государств»³⁴ Н.Назарбаев инициировал новый этап в развитии евразийства не только как мировоззрения, но и интеграционной практики³⁵.

Н.Назарбаев развивает идеи классических евразийцев. Как отметил он сам, «если в моей идее ученые видят какую-то связь с теми [эмигрантами], кто за пределами России думал о ее судьбе, я не возражаю»³⁶. В то же время следует отметить, что если до Н.Назарбаева евразийство ассоциировалось преимущественно с российской проблематикой, то теперь новое евразийство неразрывно связано и с Казахстаном. В казахстанском варианте евразийства исчез антизападный мотив, что является кардинальным поворотом в развитии самой концепции. Благодаря усилиям Н.А. Назарбаева, практика евразий-

ства стала не отдалением от Европы, а, наоборот, взаимодействием с ней на межгосударственном уровне. В своем Послании 2008 г., глава Казахстана предложил разработать государственную программу «Путь в Европу». В перспективе «Казахстан, являясь центром Евразии, — высказался Н.Назарбаев, — будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро растущими регионами — Китаем, Россией и мусульманским миром»³⁷. Конструктивность позиции Н.Назарбаева не только в его практичности, но и соединении интересов Востока и Запада.

Противопоставление Востока и Запада, которое проходит красной нитью в российском общественном сознании, принесло немало вреда. Сегодня понятие Запада предполагает не только сложившийся романо-германский мир Европы, но также включает США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Идейная основа Запада подкрепляется военной структурой НАТО, наличием общемировой валюты в лице доллара, структурами Европейского Союза.

С Востоком все обстоит сложнее, поскольку «Востоков» много, причем они сильно отличаются друг от друга. Китай, Индию, Иран, Центральную Азию, арабские страны и т.д. можно «объединить» только в противопоставлении Западу, что неконструктивно. Но даже у «восточных» народов есть такие особенности, которые выходят за рамки дихотомии «Восток/Запад». Например, современные татары по складу ума, поведению, образованию скорее европейцы, нежели азиаты, хотя общественное мнение не сомневается, что татары относятся к Востоку. Даже принадлежность к мусульманскому миру не говорит о татарах, что они восточный народ. У татар ислам прошел реформацию именно под лозунгом «Вперед к Европе!» и многое из западных достижений (вначале посредством русских, а затем непосредственно) вошло в татарскую культуру. Поэтому к тезису о противостоянии Востока и Запада нужно

подойти весьма критически, ведь даже те, кто критикует Запад, думают по-европейски.

Евразию нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку. Россию нельзя считать периферией Европы, а Монголию – Китая. Между западной и восточной частями Евразии много общего как

в природе (степь и тайга), так и культуре (славяно-тюркская контактная зона). Евразия если даже не самостоятельный континент в географическом смысле, то, несомненно, представляет собой самостоятельную цивилизацию.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Продолжение. – Начало см. Научный Татарстан. – 2011. – № 1.

² Некоторые авторы относят Л.Гумилева к неоевразийцам, однако в содержательном плане по ряду вопросов он хотя и независимо, но пришел к аналогичным выводам, что и евразийцы – эмигранты. Особенно это заметно в оценке исторических событий. В методологическом и содержательном плане Л.Гумилев является неотъемлемой частью течения классических евразийцев. Сам Л.Гумилев признавал свою близость к ним. «С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен, – сказал он в одном из интервью. – Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали». (См.: Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 23).

³ Евразийская хроника. Вып. VII. – Париж, 1927.

⁴ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 38.

⁵ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 170.

⁶ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 181–182.

⁷ Н.С.Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993. – С. 61.

⁸ Н.Бердяев. Евразийцы // Евразийский вестник. Книга четвертая. – Берлин, 1925.

⁹ Цит. по: Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 12.

¹⁰ Например, П.Н.Савицкий в работе «Евразийство» пишет: «Евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или “евразийским”». См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993.

¹¹ Следует заметить, что Советский Союз с учетом сфер влияния в Восточной Европе, Монголии и Азии вплотную приблизился к границам Монгольской империи.

¹² Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... – С. 64–65.

¹³ И.Василенко. Две главы российского орла // Российская Федерация. – № 7, 1996. – С. 33.

¹⁴ П.Н.Савицкий. Евразийство // Россия между Европой и Азией... – С. 105.

¹⁵ Проект, не успевший стать законом // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № 1/2. – С. 44.

¹⁶ П.А.Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1998. – № 3/4. – С. 76.

¹⁷ Проект, не успевший стать законом... – С. 37.

¹⁸ П.Н.Савицкий. Евразийство // Россия между Европой и Азией... – С. 105.

¹⁹ Н.Бердяев. Утопический этатизм // Путь. № 8. – Париж, 1927. – С. 143.

²⁰ Лев Толстой. Четвероевангелие. – М., 2002, с.6.

²¹ П.П.Сувчинский. Страсти и Опасность // Россия и латинство. – Берлин, 1923. – С. 23.

²² Н.Бердяев. Евразийцы // Россия между Европой и Азией... – С. 102.

²³ Например, А.Панарин считает, что союз России с «братьями-мусульманами» является стратегическим, а будущее евразийское государство должно соединить православие и ислам, извлечь из Библии и Корана только суть и поставить интересы государства выше веры. Только так, в рамках общей высшей миссии, будут защищены православная и мусульманская культуры и обеспечено их согласие. См.: А.С.Панарин. Славяно-тюркское единство. Несущая конструкция российской государственности // Россия и мусульманский мир,

1996. №1; А.С.Панарин. Россия на перепутье: расколы западничества и синтеза евразийства // Россия и мусульманский мир, 1995. №8.

²⁴ См.: Мусина Р.Н. Этноконфессиональные процессы в Республике Татарстан. – В кн.: Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. – Казань, 2001 – С. 261–264. Следует заметить, что цифры по православным мало отличаются от мусульман.

²⁵ Татар порой одновременно обвиняют как в пантюркизме, так и панисламизме, хотя эти понятия взаимоисключающие.

²⁶ У Фридриха Ратцеля и Хэлфорда Маккиндера более обтекаемо говорится о противостоянии разных стихий «Суши» и «Океана». Маккиндер убеждал, что тот, кто владеет «Сушей» (Heartland), господствует над всем миром.

²⁷ А.Дугин. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии. – М., 1999. – С. 589.

²⁸ А.Дугин. Философия войны. – М., 2004.

²⁹ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 7.

³⁰ А.Дугин. «Евразийский федерализм» в современной России//Главная тема. – М., ноябрь, 2004. – С.96.

³¹ Там же. – С.97.

³² Там же. – С.93.

³³ Там же. – С.90.

³⁴ Назарбаев Н.А. О формировании Евразийского союза государств. Проект. 3 июня 1994 года // Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. – Алматы, 2003. – С. 136–147.

³⁵ См.: Евразийство: от идеи к практике. Международная научно-практическая конференция, посвященная 10-летию Евразийской инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. – Астана, 2004.

³⁶ Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. – М., 1997. – С. 104.

³⁷ Там же.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.

УДК 316:303

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Л.М. Дробижева, доктор исторических наук, профессор,
Институт социологии РАН*

С конца 80-х годов прошлого столетия востребованность обществом и властными структурами этносоциологических знаний стала очевидной. Причем это относилось не только к конкретным результатам исследований¹, но и ко многим теоретическим и методологическим подходам, которые использовались политиками и социальными акторами для ответов на этнонациональные вызовы.

После того как расширились возможности научных дискуссий и международных контактов, стали меняться и сами методологические подходы. Для понимания и регулирования проблем, стимулировавших этническую мобилизацию в нашей стране, исследователи пытались перенести на российскую почву некоторые методологические идеи из зарубежного или забытого отечественного опыта. В данной статье и пойдет речь о том, кто, какие идеи и во имя чего стремился развивать в российской этносоциологии, какие споры ведутся вокруг целесообразности использования конкретных методологических подходов.

За последние два десятилетия существенно расширилась проблематика этносоциологических исследований. Вот только основные их направления: социальные аспекты этноконфликтных и постконфликтных ситуаций, отношение социальных групп к этнополитическим инновациям периода принятия деклараций о суверенитетах республик и новых конституций, реакции на введение государственных языков в республиках и социальные последствия

этих актов, влияние новых социальных иерархий на межэтнические отношения, в том числе проблема участия во власти людей разной этнической принадлежности; новые статусные роли взаимодействующих групп, этнический фактор в социальных перемещениях, социальные аспекты адаптации новых миграционных потоков (новая этничность), изменяющиеся социокультурные дистанции групп, наконец, формирование новых идентичностей и солидарностей, прежде всего изучение социальных и социально-политических факторов формирования российской идентичности; соотношение гражданской, региональной, этнической, а также амбивалентной и «дрейфующей» идентичностей, социальная обусловленность толерантности — интолерантности в разных регионах страны. В соответствии с расширявшейся тематикой, естественно, вставали вопросы, связанные с пониманием предмета этносоциологии как направления социологического знания, используемых в ней методов.

На начальном этапе формирования этнической социологии в конце 1960-х годов ее определяли как пограничную научную дисциплину, изучающую социальные процессы в этническом разнообразии и этнические процессы с учетом социального². «Судьбы наций [тогда это был принятый термин для определения этнонаций. — Л.Д.] в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов, изменения общественных отношений, социально-тер-

риториальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов, — писал Ю.В. Арутюнян. — Это скорее проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа, и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены»³.

По проблемному полю, предмету исследований⁴, особенно расширившемуся за последние пятнадцать лет⁵, этносоциология, как и ряд других направлений социологии, междисциплинарна, она пересекается не только с этнологией, которую директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков считает во многом синонимом социально-культурной антропологии⁶, отличающейся от этнографии, но и с социальной психологией, с формирующимися этнополитологией, этноэкономикой. В социологии междисциплинарность присутствует чаще, чем в иных гуманитарных науках. Политическая социология граничит с политологией, государствоведением, политической психологией, социология семьи — с демографией, социальной психологией и т.д.

Институционализация этносоциологии как направления выразилась не только в создании университетских кафедр и специальных подразделений в академических институтах, но и в чтении специальных курсов в рамках общей социологии. Курс этносоциологии читается на социологических факультетах ряда российских университетов, в том числе в МГУ, Санкт-Петербургском университете, Государственном университете — Высшая школа экономики, Российском университете дружбы народов, Российском государственном гуманитарном университете, Московской высшей школе социальных и экономических наук и других вузах. В Центре социологического образования Института социологии РАН

ежегодно проводятся специализированные курсы по этносоциологии для переподготовки преподавателей; в 2004 году в Федеральном центре переподготовки преподавателей социологии, организованном Национальным фондом подготовки кадров на базе Российского университета дружбы народов, совместно с Институтом социологии РАН проводилась сессия «Этносоциология». Частично тематика курса этнической социологии совпадает с курсом социальной антропологии.

В.А. Тишков считает, что этническая социология утвердилась «почти отдельной дисциплиной на стыке двух наук — этнологии и социологии»⁷. Однако он полагает, что этносоциология — это изучение этничности методами социологии. С этим нельзя согласиться, потому что наряду с социологами и этнографы используют массовые этностатистические опросы (В.В. Пименов и др.), а этносоциологи применяют отнюдь не только опросные — интервьюирование и анкетирование, — но и гибкие (или, как их иначе называют — качественные) методы: глубинные проблемно-ориентированные, полуструктурированные интервью, контент-анализ текстов, участвующее изучение социальных связей, в том числе включенные наблюдения. При этом включенным наблюдением в социологии называется не просто полевое наблюдение, как это может быть у этнографов, когда они, например, фиксируют систему отношений между мужчинами и женщинами, старшими и молодыми, ассортимент товаров на рынках и т. п. Включенным в социологии в строгом смысле слова считается такое наблюдение, при котором исследователь вступает в сетевые отношения с социальными акторами на объекте изучения, например, работает в цехе, исследуя трудовые отношения, или на торговых точках вместе с мигрантами, изучая наличие этнической мотивации в производственных отношениях. Отличают этносоциологию от этнологии не столько методы⁸, сколько предмет и методология. Однако мето-

дология фактически во всех научных дисциплинах сейчас в значительной мере междисциплинарна.

В самом широком смысле *предмет этносоциологии включает социальные события, процессы, связи, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве*. Естественно, эта маркировка может меняться, исчезать, возобновляться, главное — понять, что стоит за этими изменениями в социокультурном пространстве⁹. Предмет конкретизируется при изучении перечисленных в начале статьи тем.

По П. Бурдьё, социальное пространство это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции...»¹⁰. П. Штомпка обращает внимание на то, что это не устойчивое состояние, а комплекс не останавливающихся процессов, понимаемых как поток событий¹¹. Важное пояснение дает В. Ильин: «Социальное пространство — это силовое поле, создаваемое взаимодействующими индивидами и их практиками, но вместе с тем имеющее свое особое, системное качество, отсутствующее в самих индивидах (например, государство, право)». В. Ильин относит к социальному пространству и обычаи, мораль¹². Они также могут быть в каких-то ситуациях этнически маркированы. В индивидах есть лишь элементы того или иного силового поля в виде усвоенных социальных ролей и ценностей. Социальными полями называют участки с относительно высоким уровнем взаимодействия индивидов. Таким образом, по В. Ильину, этнополе — это часть социального пространства. Для понимания его существенно то, что это пространство не имеет четких границ, оно открыто, и взаимообусловленность, и функциональность в нем обязательны.

Надо признать, этносоциологи, работавшие в основном в сфере социаль-

ной практики, а именно так формировалось это направление в советский период с конца 1960-х годов, мало были озабочены обоснованием используемых концепций. Возможно, это связано со временем, когда, по сути, все работали в одной — марксистской — концепции, и декларирование этого факта заменяло потребность анализировать свою позицию, что стало необходимым в наши времена.

Сейчас, когда идут острые споры вокруг понимания этничности¹³;¹⁴ среди политологов, социальных философов, этнологов, социальных антропологов, этносоциологи четче позиционируют себя, в том числе и определяя предмет своих исследований.

Когда у В.А. Тишкова возникла инициатива перенести конструктивизм на почву этнологии в российской науке, мы с самого начала определили свою позицию. В 1993 году этносоциологи, работавшие над книгой «Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества», заявили, что и раньше «в силу самого предмета изучения...интуитивно понимали значимость конструктивистской концепции»¹⁵. Не случайно в первой же монографии 1972 года «Социальное и национальное», зафиксировавшей появление нового, этносоциологического направления, был выделен раздел о влиянии средств пропаганды на умонастроения людей¹⁶. Не случайно первые же встречи и обсуждения проблем этничности, национализма с Э. Геллером в конце 1970-х — начале 1980-х годов на конференциях в Бургвартенштайне (Австрия), Таллине и Москве выявили много общих подходов к пониманию этнического феномена, роли интеллектуалов, средств массовой информации, системы образования в формировании этничности. И тогда же мы солидаризировались с теми, кто считает, «что обстоятельный анализ требует интеграции всех этих подходов». Речь идет о субстанционалистской, эссенциалистской, отоологической, примордиалистской, с одной стороны, и конс-

труктивистской, инструменталистской парадигмах — с другой.

Анализируя роль интеллектуалов, профессионалов в конструировании национализма в книге «Этничность и власть в политических государствах» (отв. ред. В.А. Тишков. — М.: Наука, 1994), автор этой статьи еще раз подтвердила солидаризацию с интегрированным подходом¹⁷. Это было продиктовано осознанием того, что обе крайности имеют деструктивный характер: конструктивизм, интерпретирующий мир как результат деятельности «этнических манипуляторов», героев, творящих события и игнорирующих значимость социальных структур, и структурализм, недооценивающий роль активного социального фактора.

Понимая причины популяризации конструктивизма в нашей стране после открытых этнических вызовов и распада СССР, мы всегда считали интерпретацию его многими этнологами и политологами упрощенной. То, что было освоено и даже вошло в политическую практику (имеется в виду поиски авторов этнической мобилизации), касалось именно «политического конструктивизма»¹⁸. Сама концепция конструктивизма намного сложнее и более открыта. В этом нас еще раз убеждает интервью профессора Томаса Лукмана «Журналу социологии и социальной антропологии», в котором он сказал, что Питер Бергер, его соавтор по книге «Социальное конструирование реальности», которую часто приводят как пример конструктивистской концепции, «не является конструктивистом. Особенно в том смысле, который нынче так распространен». Их концепция «избирательно и эклектично основывалась на идеях антропологических работ Маркса, социологическом объективизме Дюркгейма, исторической социологии М. Вебера и, конечно же, социальной психологии Дж. Мида. Теоретическим обоснованием предложенного нами синтеза, указывали авторы книги — является феноменология жизнен-

ного мира, разработанная Гуссерлем и Шютцем»¹⁹.

Для А. Шютца: «Наблюдаемое поле social scientist, научная реальность, имеет специфические смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отобрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальная повседневная жизнь. Именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные обществоведом для того, чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью, в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене»²⁰. П. Бурдьё рассуждает об объективистском и субъективистском подходах и делает вывод: «...оба подхода... находятся в диалектической связи»²¹. Он называет этот синтезирующий подход «конструктивистским структурализмом», или структуралистским конструктивизмом. По П. Бергеру и Т. Лукману, социальный мир — сконструированная объективность, общество — *субъективная реальность*. Эта реальность интериоризирована личностью в процессе социализации. Она определяется авторами как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир, общество или отдельную его часть»²². Первичной социализации в детстве при этом придается большое значение. Чаще всего исследователи и исследуемые отмечают роль языковой среды в семье. Это фиксировали даже радикальные конструктивисты (в частности, в проекте под руководством В.М. Воронкова²³). Конструирование через обучение, действия СМИ, социальные ситуации, в которых этнически маркируется социаль-

ное пространство, происходит позже. В чем-то они могут изменить представления, ценности, поведение человека, но заложенное в детстве чаще всего в той или иной мере влияет на последующие восприятия.

Именно исходя из синтезирующего подхода этнополе понимается, с одной стороны, как часть социального пространства, подчеркнем, что это относительно устойчивая, подвижная, меняющаяся часть, «конфигурация социокультурных процессов, практик (структура)», а с другой — как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам²⁴.

Предметом этносоциологии как раз и является изучение того, как и почему интеллектуальные конструкции превращаются в социальные конструкции, которые ориентируют поведение людей, деятельность социальных институтов. Если люди верят в то, что существуют народы, их культура, ценности, историческое прошлое, то свое поведение они так или иначе строят в увязке с этими представлениями.

Еще задолго до жарких споров между субстанционалистами и конструктивистами в социологии была известна теперь широко применяемая «теорема Томаса». В начале XX века У. Томас и Ф. Знанецкий, написавшие классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке», которых стали считать родоначальниками этносоциологии на Западе, зафиксировали: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям»²⁵. Большинство людей сохраняют представление, что народы существуют как этнокультурные общности; соответствующим образом эти люди себя и идентифицируют. Социологическими исследованиями в различных проектах фиксировалось, что идентификация с этнической общностью является одной из достаточно устойчивых и массовых идентичностей²⁶.

В.А. Тишков писал, что Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижина интерпретируют этническую идентичность «как неотъемлемую психологическую часть «я», а ее изменение — как неестественное и навязанное человеку» (психокультурная интерпретация этничности в рамках примордиализма)²⁷. Удивительно, что В.А. Тишков, внимательно следивший за нашими работами, не заметил, что именно этносоциологи, изучая этническую идентичность, стремились уйти от навязывания, провоцирования этничности. В проекте «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов»²⁸ для изучения уровня этнической идентичности мы использовали тест Куна—Макпартленда: интервьюируемого просят ответить на вопрос «Кто я?», совсем не упоминая об этнической идентичности. На репрезентативных выборках нами установлено, что, как правило, этническая идентичность не является первостепенной, она уступает так называемым базовым идентичностям (отец, мать, дочь, сын, мужчина, женщина, профессия и т.п.). Мы обращали внимание на то, что этническая идентичность актуализируется в сложных, этноконфликтных ситуациях. Например, она была выше у осетин и русских в Северной Осетии после вооруженных столкновений с ингушами. Чем этот вывод отличается от того, что пишут исследователи, причисляющие себя к последовательным конструктивистам: «Достаточно понимания этничности как частичной идентичности, которая вместе с другими частичными идентичностями связана с определенным ролевым регулятором»²⁹?

Изучая распространенность и интенсивность этнической идентичности (допускается, что она может быть высокой, средней, низкой или вообще отсутствовать), мы задавали тот же вопрос, что использовался в опросах Института социологии РАН под руководством В.А. Ядова, В.А. Мансурова: про кого человек мог бы сказать «это — мы». Вариант ответа «люди моей националь-

ности» «паковался» среди других, очевидно значимых идентичностей: «люди моего поколения», «люди того же достатка, как и я» и т.п. Ответы на этот вопрос фиксировали, что большинство людей иногда или часто идентифицируют себя с людьми той же, что и сами, национальности. Но встречались и люди, которые не имели такой идентификации. *Никогда об этнической идентичности как неотъемлемой части «я» этносоциологи не писали. А ее изменение в зависимости от социально-политической ситуации, напряжений, конфликтности, возможности социальной мобильности, участия во власти как раз фиксировали*³⁰. Ю.В. Арутюнян, исследуя армян в разных этноконтактных средах, показывал динамичную этничность людей именно в зависимости от места проживания, длительности жизни в иной этнической обстановке, социальной среды общения³¹. И его выводы (не термины, не понятия, а социально значимые выводы) совпадают с тем, что описывает Йоханес Ангермюллер, проанализировавший результаты проблемно-ориентированных интервью с армянами в Санкт-Петербурге, собранных командой В.М. Воронкова.

Конструкторы или деконструкторы этничности фиксируют внимание на меняющихся представлениях о группе, на дрейфе идентичности³². Этносоциологи как раз изучают, почему конструируется или деконструируется этничность, кто и в чьих интересах это делает. Какие идеологемы в сознание людей встраивают элиты, представляющие интересы федерального центра и позиционирующие себя как выразители интересов этнически ориентированных групп. Причинно-следственные связи этого процесса есть предмет наших исследований.

В методологическом отношении различие между конструктивистами и сторонниками структуралистско-конструктивистского, или полипарадигмального подходов состоит в том, что конструктивисты, не желая придавать значение потребностям, интересам эт-

нических групп, вместе с тем заключают, что они «обладают чувством солидарности»³³. Но на чем же тогда может быть основана эта солидарность?

Если сделать акцент на представлении об этнической группе как общности, существующей на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях (не только «другими» этническими общностями, но и государственными или надгосударственными образованиями³⁴, — например, СНГ, Европейский Союз и др.), то трудно понять, как этнические группы могли бы существовать, не ощущая потребности в безопасности, самореализации, защите своего достоинства. Если ввести соотношение «мы» (этническая группа) — «они» (неэтнические общности), то становится более очевидно, что сопоставление (не обязательно противопоставление) может осуществляться именно с помощью осознания потребностей, интересов. Мы проявляем лояльность по отношению к государству или еще более широкому образованию, если понимаем, что оно защищает наши интересы, обеспечивает безопасность, развитие. Это касается и личности, и групп — этнических или других коалиций. Естественно, речь идет не о номинальных статических группах и даже не всех тех, кто составляет сетевое сообщество, а о той его части, которая социальные, экономические и политические интересы этнически маркирует. Это, например, те якуты, которые считают, что республика должна принимать участие в распоряжении ресурсами, ибо доходы от них могут быть использованы для развития инфраструктуры, образования. Их мнение разделяют и русские, проживающие в республике (по результатам наших и других исследований в Саха-Якутии, такое мнение поддерживается большей частью населения). Это часть русских в России, которая переживает как травму распад Союза, хотя совсем не все из них готовы посылать своих мужей, сыновей, братьев воевать за

Крым или другие территории, входившие в СССР.

Радикальные конструктивисты, на наш взгляд, проявляют излишнюю эмоциональность, возможно, связанную с политической ситуацией³⁵, когда обрушиваются на «структуралистскую оппозицию» «мы — они» как «один из постулатов примордиалистской трактовки» этничности. Стоит ли ратовать за состязательную и множественную природу идентичности³⁶ тогда, когда эта идея фактически давно принята социологами на основе символического интеракционизма и теории ролей (Р. Тернер, Х. Беккер и др.), синтезированных И. Гофманом³⁷. Но ведь и сконструированные множественные и воображаемые «мы» появляются через «другие», «они». Вопрос, как интерпретировать эти оппозиции. Действительно, важно подчеркивать, что они совсем не обязательно враждебные.

Нельзя согласиться и с тем, что изучение «этнических стереотипов» — попытка некой консервации этничности. Для этнопсихологов и этносоциологов — это лишь один из способов изучать характер отношений людей разной этнической принадлежности и состояния идентичности. Как еще задолго до начала вооруженного конфликта армяне и азербайджанцев этносоциологи и этнопсихологи обнаруживали напряжение, способное перерасти в конфликтность? Фиксировалось оно, кроме прочих признаков, и через характер авто- и гетеростереотипов. Армяне «отказывали» азербайджанцам в деловых и интеллектуальных качествах. Азербайджанцы намного ниже оценивали присутствие этих качеств у армян. Взаимные негативные приписывания «зашкаливали» в сравнении с данными по другим регионам страны³⁸.

Почему этносоциологи могли давать совсем другие оценки миграционному поведению русских в республиках Прибалтики, когда многие политологи и политики «трубили отходные марши»? Мы знали, что 67% русских в Эстонии, например, это уже люди, родившиеся в

республике. Но, кроме того, исследования характера межэтнических отношений, в том числе через этнические стереотипы, показывали: русские высоко оценивали деловые, интеллектуальные качества эстонцев, а эстонцы признавали деловые способности русских. Русским здесь легче было принять иную позицию, чем позиция «старшего брата», нежели, например, в Узбекистане, Киргизии, откуда и пошел основной поток мигрантов. Так что вопросы «к подобной широко распространенной методологии» у В.А. Тишкова, на наш взгляд, нередко возникают из-за недостатка осведомленности. Собственно, та методика, против которой выступает Валерий Александрович Тишков, чтобы доказать ситуативность, а в каких-то случаях размытость этнической идентичности и даже ее незначимость, как раз и направлена на выявление этих состояний. А вот против чего мы должны совместно выступить, так это навешивание на классификационные конструкты особых психических или духовных качеств, приписываний менталитета, национального характера³⁹.

Во многом методологические споры, приписывания или даже порой «прописывания» исследователей по направлениям связаны с политической заданностью или собственной диспозицией авторов. Для того достаточно посмотреть, как распределились ученые в своем выборе, заключающемся в признании или отрицании коллективного права культурных групп участвовать в принятии решений.

Политика поощрения этнокультурного плюрализма чревата самыми тяжелыми результатами как для общества, так и для государства в случае России — считает последовательный конструктивист В. Воронков; В. Малахов признает эту точку зрения справедливой. Негативной позиции придерживаются и другие исследователи из Санкт-Петербурга и Москвы — О. Бердникова, О. Паченков, В. Чешко.

В то же время в иных условиях модели «общественной демократии, пост-

роенной на распределении власти между этнолингвистическими группами», эффективны — делает вывод В.С. Малахов в работе «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ»⁴⁰. И сам же, как опытный аналитик, обращает внимание на то, что Э. Кисреев по материалам Дагестана (а разве Дагестан — не Россия?) надеется показать согласительный потенциал модели мультикультурализма и даже со-общественной демократии (consocietal democracy)⁴¹, а авторы И. Савин из Казахстана и А. Семенов из Эстонии, работая на материале русских и других меньшинств в этих государствах, обращаются к мультикультурному обществу как единственной альтернативе этнократии.

Возможность обсуждать вопросы методологии и методики представляется очень важной. Чем больше мы на-

капливаем нарратива и интерпретаций эмпирических исследований, тем очевиднее становятся и двойные стандарты дискуссионтов, и скрытые причины выбора ими методологий и исследовательских установок.

В то же время очевидно — многообразие общества, различные способы теоретического конструирования и факты социальной реальности ориентируют исследователей на то, чтобы необъяснимое с точки зрения одной концепции попытаться понять с иных позиций. Конечно, не все дискутируемые в методологии и методике вопросы изучения этнополя нами рассмотрены, а те, которые обозначены, требуют дальнейших обсуждений. Однако анализ методологических проблем может быть более эффективным, если мы сумеем делать это в увязке с социальной практикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В спорах центра и регионов использовались данные этносоциологических исследований. Объясняя права русских в Эстонии, политики Центра приводили данные опросов — две трети русских были уроженцами республики (см. Русские. Этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. — М.: Наука, 1992. — С. 51). Лидеры национальных движений использовали другие данные этого же исследования — 81% русских горожан удовлетворены жилищными условиями, а среди эстонцев не более трети. При анализе причин армяно-азербайджанского конфликта использовались данные о гетеростереотипах, полученные этносоциологами в ходе исследований 1980-х годов. На Всесоюзном съезде социологов национальные (как тогда говорили) проблемы были одними из центральных в обсуждениях.

² Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. — М.: Наука, 1972. — С. 5; *Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // Советская этнография. — 1978. — № 4. — С. 25.

³ Социально-культурный облик советских наций: по материалам этносоциологического исследования / авт. программы и руководитель исследования, отв. ред. Ю.В. Арутюнян. — М.: Наука, 1986. — С. 4.

⁴ *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология: учебное пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 1999. — С. 13.

⁵ Социология в России / отв. ред. В.А. Ядов. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. — С. 196–210.

⁶ Интервью с профессором В.А. Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — Т. IV. — № 4 (16). — С. 16.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Выделение социального и культурного пространства условно, в культурное пространство входит, естественно, не только мультиэтническое.

¹⁰ *Бурдые П.* Начала. Choses Dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: SocioLogos, 1994. — С. 185.

¹¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 26.

- ¹² Ильин В. Социальное неравенство. — М.: Институт социологии РАН, 2000. — С. 26.
- ¹³ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 1999.
- ¹⁴ Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997; Тишков В.А. Реквием по этносу. — М.: Наука, 2003; Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. — М.: Аспект Пресс, 1999; Сикевич З.В. Социология и психология межэтнических отношений. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999; Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002; Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. — СПб.: Алетейя, 2002; Релятивистская теория нации / отв. ред. А.Г. Здравомыслов. — М.: РНИС и НП, 1998.
- ¹⁵ Ценности и символы национального самосознания в условиях имеющегося общества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. — С. 10.
- ¹⁶ Социальное и национальное. — М., 1973. — С. 302–310.
- ¹⁷ Дробижева Л. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в политических государствах / отв. ред. В.А. Тишков. — М.: Наука, 1994. — С. 71.
- ¹⁸ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах. — М.: Наука, 1994. — С. 41.
- ¹⁹ Интервью с профессором Томасом Лукманом // Ж-л социологии и социальной антропологии. — 2002. — Т. V. — № 4. — С. 7–8.
- ²⁰ Schutz A. Sens commun et interprétations scientifique de l'action humaine // Le chercheur et le quotidien / Paris: Meridiens — Klincksieck, 1987.
- ²¹ Ильин В. Социальное неравенство. — М.: Институт социологии РАН, 2000. — С. 23–24.
- ²² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. — М.: Academia-Центр, 1995. — С. 213.
- ²³ Ангермюллер Й. От национального патриотизма до этнического дальтонизма: армяне Санкт-Петербурга в биографической перспективе // Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. — СПб.: ЦНСИ, 1998. — С. 263, 268.
- ²⁴ Бурдые П. Начала. Choses Dites / пер. с фр. Н.А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 159.
- ²⁵ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. — Vol. 1. — No. 4. Knopf, 1918. — P. 79.
- ²⁶ Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Ин-т социологии РАН, 2002. С. 220–221; Губогло М.Н. Идентификация идентичности. — М.: Наука, 2003. — С. 203, 205.
- ²⁷ Интервью с профессором В.А. Тишковым // Ж-л социологии и социальной антропологии. — 2001. Т. IV. — № 4 (16). — С. 30.
- ²⁸ Проект реализован в 1993–1996 гг., руководитель — Л.М. Дробижева.
- ²⁹ Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские идентичности / Конструирование этничности / под ред. В. Воронкова и И. Освальд. — СПб.: ЦНСИ, 1998. — С. 13.
- ³⁰ Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2002. — С. 220–221; Дробижева Л.М., Аклаев А.А., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. — М.: Мысль, 1996; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1999.
- ³¹ Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве // Социологические исследования. — 2001. — № 9.
- ³² Тишков В.А. Реквием по этносу. — М.: Наука, 2003. — С. 120–123.
- ³³ Там же. — С. 60.
- ³⁴ Там же. — С. 115.
- ³⁵ Там же. — С. 126.
- ³⁶ Там же. — С. 116.
- ³⁷ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.

³⁸ Сходную информацию по итогам исследования в конце 1970-х –1980-е гг. получили Р. Карапетян, реализовавший проект под руководством Ю.В. Арутюняна, и затем Г.В. Старовойтова.

³⁹ Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. – СПб.: Алетейя, 2002. –С. 171.

⁴⁰ Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. –С. 8.

⁴¹ Свою точку зрения на возможности и ограничения этой модели мы высказывали еще в работе 1996 года «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов». См. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1999.

Аннотация

Статья посвящена анализу основных методологических проблем в современной этносоциологии.

Ключевые слова: этническая социология, этничность, этническая идентичность.

Summary

The article deals with methodological problems of modern ethno-sociology.

Key words: ethno-sociology, ethnicity, ethnic identity.

УДК 069.4

**«СОХРАНИТЬ НАШЕ НАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ»:
АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ
в 1940–1950-е гг.**

***Р.Р. Хайрутдинов**, кандидат исторических наук, доцент;
А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук, доцент*

В первые десятилетия Советской власти архитектурный ансамбль Казанского Кремля понес существенные утраты. В конце 1920 – начале 1930-х гг. были снесены колокольня, галерея, ведущая к архиерейскому дому, парадные входные лестницы, четыре боковых барабана и главы Благовещенского Кафедрального собора, разрушены надвратная церковь и часовня при Спасской башне, Спасо-Преображенский собор, колокольня, Варваринская церковь, церковь Киприана и Устиньи, ряд других построек Спасо-Преображенского монастыря и его некрополь¹.

Все эти годы Кремль являлся центром сосредоточения органов власти и управления ТАССР. На его территории размещались основные государственные, советские, хозяйственные учреждения и ведомства, управления и службы². Многочисленность и разветвленность аппарата управления, и как следствие, значительный дефицит служебных помещений наряду с равнодушным и потребительским отношением к зданиям привели к тому, что к сороковым годам XX столетия состояние архитектурных памятников Казанского Кремля стало удручающим.

Большинство зданий требовало незамедлительного ремонта кровли, оконных проемов, дверей, стен, укрепления конструктивных и несущих элементов. Особый урон был нанесен объектам

Кремля размещением в них воинских подразделений, а также проживанием рабочих и служащих заводов, эвакуированных в период Великой Отечественной войны.

В военные годы Татарская республика стала одной из важнейших тыловых баз на востоке страны. Сюда из центральных и западных районов было эвакуировано множество предприятий, государственных и научных учреждений. В Татарстане вопросами приема и расквартирования населения, рабочих и служащих эвакуированных предприятий занимался специально созданный при СНК ТАССР Эвакуационный совет. Местом его расположения также был избран Кремль. В ноябре 1941 г. Татарский обком ВКП(б) назначил заместителя председателя СНК ТАССР З.В. Гинчурина уполномоченным Всесоюзного совета по эвакуации по Татарской АССР.

Уже к началу сентября 1941 г. в республику прибыло более 176 тысяч человек, а всего к весне 1942 г. – 266 тысяч. Население Казани увеличилось с 401 до 515 тысяч человек³. Большой процент среди них составляли рабочие промышленных предприятий, число которых в годы войны превысило 70⁴. В Татарстан были эвакуированы крупнейшие машиностроительные и приборостроительные предприятия, как, например, Московский и Ленинградский авиационные заводы, Ленинградский метал-

лообработывающий завод, Московский часовой завод и др.

В этих условиях руководство республики было вынуждено пойти на беспрецедентный шаг. 16 октября 1941 г. СНК Татарской АССР совместно с ОК ВКП(б) приняли специальное постановление «О предоставлении 30 тысяч квадратных метров площади на территории Кремля для заводов Наркомата авиационной промышленности». По данному постановлению предусматривалось также освобождение здания, занимаемого наркоматами ТАССР, общей площадью 6018 квадратных метров. Около 26 государственных органов и ведомств должны были быть переселены в порядке уплотнения или выселены за пределы Кремля⁵.

Освободившаяся часть зданий в Казанском Кремле временно предоставлялась эвакуированным работникам завода № 22 авиационной промышленности СССР, прибывшим в Казань из Москвы. Согласно архивным источникам, для данного предприятия была выделена площадь в 4107 квадратных метров, из которой 1300 метров было отдано под общежитие, 600 метров занимал детский сад, 2207 квадратных метров составляли квартиры рабочих и служащих⁶. Например, в подъезде № 3 проживало 18 семей и 260 одиноких человек, в подъезде № 4 — 34 семьи и 36 одиноких человек. Здесь же располагался детский сад-интернат на 120 мест⁷. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны кремлевская территория была занята не только под госучреждения, но и под квартиры и общежития.

Но условия проживания в кремлевских зданиях, несмотря на то, что они находились в центре города, были совершенно неудовлетворительные. Проведенная 15 марта 1942 г. прокурорская проверка по обследованию общежития рабочих выявила возмутительные факты как по линии медобслуживания эвакуированных, так и состояния их жилищно-бытового положения.

В докладной записке в Татарский обком ВКП(б) прокурор республики

Д.Исупов писал: «В общежитии большая скученность, холод, антисанитария, отсутствует кубовая для воды, нет прачечной, нет теплой уборной, отсутствует вода [...] За все время отопительного сезона помещение отапливалось всего лишь раз, температура доходит до -5-10⁰, стены покрыты инеем, портятся обои, переплеты, полы и двери. Большинство жильцов заявляют, что благодаря отсутствию дров и неотапливаемости здания они вынуждены спать в верхней одежде, по несколько месяцев не имея возможности попасть в баню, жильцам приходится в помещении стирать белье и там же сушить его...»⁸.

По итогам обследования, определившего, что «скученность и уплотненность общежития превышает санитарный минимум», был сделан вывод о необходимости устранения подобного положения дел, обеспечения должной заботы об эвакуированном населении, ужесточения контроля за соблюдением постановлений правительства. Руководство завода заверяло СНК об освобождении выделенных помещений не позднее 1942 г. Однако вопрос о переселении затянулся и не был решен даже в первые послевоенные годы.

В 1944 г. председатель СНК ТАССР С.М.Шарафеев в письме заместителю председателя СНК СССР В.М.Молотову указывал, что администрация завода не обеспечивает сохранность Дома наркоматов: «Здание не ремонтируется, грязно, запущено, оконные стекла разбиты на 50—60%, полы во многих комнатах порублены, сантехнические устройства разрушены и не работают, основные печи поломаны, а установленные временно угрожают в противопожарном отношении. Имеющиеся деревянные дворовые службы, а также ворота, заборы ограждения поломаны и сожжены»⁹.

Дальнейшее пребывание работников завода в непригодных для жилья помещениях, по мнению С.М.Шарафеева, могло привести к полному разрушению правительственного здания. СНК ТАССР обратился с просьбой дать указание наркомату авиацион-

ной промышленности А.И.Шахурину и директору завода В.А.Окулову освободить занимаемые ими под общежитие, детский сад и квартиры помещения, произвести ремонт внутренней и наружной части здания, восстановить все разрушенные и сожженные дворовые постройки.

Лишь после завершения Великой Отечественной войны в соответствии с распоряжением СНК ТАССР от 21 июля 1945 г. «О размещении наркоматов и управлений в освобождаемом корпусе Кремля» произошло распределение комнат Дома наркоматов между правительственными организациями и учреждениями. Руководители 14 наркоматов и управлений должны были произвести расселение в трехдневный срок и обеспечить ремонт передаваемых помещений¹⁰.

Однако исполнение решения правительства было сопряжено с целым рядом сложностей. Во-первых, руководство завода № 22 не могло в кратчайшие сроки предоставить всем рабочим необходимую жилплощадь и, во-вторых, предлагаемая площадь была намного меньше, чем занимаемая в Кремле. Поэтому в начале 1950-х гг. в кремлевских корпусах все еще сохранялись частные квартиры¹¹. В архиве имеются сведения о проживавших в Кремле семьях Газеевой, Коротковой, Кравцовой, Халитова, Стюковой и др. Всем им предлагалось переселиться из домов военного ведомства в дома местных Советов. Например, семье Газеевой – на улицу Тельмана, Коротковой – на Федосеевскую, Кравцовой – на улицу Островского и т.д.¹² Однако даже в 1957 г. в кремлевских зданиях проживало до 70 семей жильцов¹³.

Большие нарекания вызывала бездеятельность руководства Казанского военного гарнизона и танкового училища по восстановлению обрушившейся в 1942 г. части кремлевской стены, примыкавшей к зданию. Атмосферные осадки, стекающие со всей территории училища, привели к разрушению кирпичной кладки и создали угрозу

обрушения примыкающей к ней стены 4-этажного здания. Находящаяся рядом с разрушившимся участком стена сильно деформировалась, частично обрушилась и создала угрозу завала трамвайного пути и безопасности трамвайного движения 9-го маршрута. Отметим, что отсутствие водоотводов и плачевное состояние ливневой канализации послужили причиной разрушения ряда объектов Кремля.

8 сентября 1943 г. вышло постановление СНК ТАССР и обкома ВКП(б) № 379 «О ликвидации аварийного состояния части кремлевской стены, примыкающей к зданию № 5/4 Казанского танкового училища». В нем отмечалось, что начальник КЭЧ Казанского гарнизона Карлицкий не выполнил указания исполкома Казанского горсовета и постановление СНК ТАССР от 14 сентября 1942 г. по ликвидации аварийного состояния и восстановлению стены. Карлицкого и начальника Казанского танкового училища В.И.Живлюка постановление обязало форсировать работы по разборке и восстановлению разрушенной, а также находящейся под угрозой обрушения части кремлевской стены и обеспечить окончание работ к 30 сентября 1943 г.

Председателю исполкома Казгорсовета Д.М.Тышкевич вменялось в обязанность выполнить все земляные и дорожные работы по укреплению земляного откоса до 25 сентября 1943 г., наркому внутренних дел ТАССР П.Н.Горбулину предлагалось выделить в распоряжение КЭЧ Казанского гарнизона каменщиков и плотников, а руководителю Госплана ТАССР Полянскому – 95 тыс. шт. кирпичей, 25 тонн негашеной извести, 2 тонны сортового железа, 5 тонн цемента. Всего на эти цели исполкому Казгорсовета разрешалось израсходовать в 1943 г. из городского бюджета 250 тысяч рублей¹⁴.

В 1944 г. по распоряжению председателя СНК РСФСР А.Косыгина было выделено 300 тыс. рублей на капитальный ремонт памятников Казанского кремля. На 1 сентября 1944 г. было ос-

воено 270 тыс. руб.: восстановлена часть обрушившейся кремлевской стены, отремонтированы фасады Спасской башни, здание СНК и Верховного Совета ТАССР, проведены работы по озеленению и благоустройству Кремля.

В связи с предстоящим в июне 1945 г. 25-летием ТАССР 30 января 1945 г. СНК республики утвердил постановление «О плане строительных работ по Казанскому Кремлю на 1945 год», согласно которому на ремонт объектов Кремля выделялось 770 тысяч рублей (в том числе из госбюджета – 690 тысяч и 80 тысяч – за счет амортизационного фонда)¹⁵.

В частности, предусматривалось устройство водостоков и канализации кремлевских корпусов, озеленение территории Кремля и прилегающего к нему бульвара, установка скульптуры И.В.Сталина, восстановление обрушившихся кремлевских стен, ремонт Спасской башни и асфальтовых покрытий Кремля. Полная стоимость капитального ремонта Казанского кремля составляла 2 млн. руб.¹⁶

Начальнику Танкового училища поручалось отремонтировать занимаемые корпуса, начальнику Хозуправления Кремля привести в порядок здания наркоматов, наркомы внутренних дел провести ремонтные работы здания, занимаемого под Центральный архив (здание Благовещенского собора) и т.д.¹⁷

С завершением войны у правительства республики появилась возможность решения ряда важных и неотложных задач – освобождение кремлевских памятников от арендаторов, наносящих объектам архитектуры ущерб. В мае 1946 г. увидело свет постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по благоустройству Казанского Кремля», в котором предписывалось помещения Кремля использовать министерствами и управлениями республики в служебных целях. Директор 22-го завода В.А.Окулов обязывался до 1 августа 1946 г. освободить занимаемые помещения Дома правительства.

Командующий территориальным военным округом генерал-полковник Н.И.Гусев обязывался освободить 36 комнат в отремонтированном виде. Начальнику танкового училища В.И.Живлюку предписывалось к 1 июня 1946 г. освободить здание Спасской башни, используемое под склад материально-технического оборудования и вернуть его Хозуправлению Кремля, благоустроить здание училища с фасадной стороны и со стороны кремлевской башни, находящейся на его территории¹⁸. Казанскому городскому совету вменялись в обязанность работы по планировке и укреплению кремлевского откоса, УВС-46 – строительство наружной канализации согласно утвержденному техническому проекту. «Гордорстрою» поручалось провести ремонт асфальтовых покрытий проезжей части и тротуаров.

Хозуправление Кремля было обязано восстановить уничтоженное озеленение, произвести в 1946 г. капитальный ремонт кремлевских стен и башен. Управление по делам архитектуры при СМ ТАССР должно было организовать изучение крена башни Сююмбике и провести практические мероприятия по предотвращению дальнейших отклонений. Автоинспекции предлагалось установить место стоянки автомашин в Кремле и упорядочить движение автотранспорта в кремлевском проезде. Министр внутренних дел ТАССР Горбулин должен был произвести капитальный ремонт крыши кафедрального собора. Совету Министров республики поручалось предусмотреть в бюджете 1946 г. средства на благоустройство Кремля¹⁹.

Вместе с тем, как свидетельствуют источники, многие из намеченных мероприятий так и остались на бумаге. Об этом можно судить по письму Г.И.Иванова, опубликованному исследователем А.Ш.Кабириной²⁰. Находясь проездом в сентябре 1946 г. в столице ТАССР, он посетил Кремль и был настолько поражен его бедственным состоянием, что вынужден был напи-

сать об увиденном в Татарский обком ВКП(б).

Автор отмечает «ужасное состояние» Казанского кремля: «Ведь на стенах этого Кремля масляной краской написано решение Совнаркома, что это является памятником архитектуры, а значит, есть музейная историческая ценность, и разрушение таковой карается законом. Исходя из этого решения (а ведь это решение было принято при Ленине) этот Кремль должен быть в образцовом порядке, чтоб сохранить его как историческую ценность, чтоб воспитывать на нем подрастающее поколение, а также чтобы это было сердцем республики, поскольку там находится Верховный Совет и ряд министерств».

Иванов с сожалением констатировал: «Ограда разрушается от времени [...], рамы окон выбиты, как будто бы только кончилась фашистская бомбардировка. Везде мусор и грязь, газончики запущены, деревья засохли и обломанные, на возвышенностях стоят грязные деревянные уборные, лицевая сторона зданий побелена без штукатурки, тыловая сторона валится и грязная. В закоулках между домами отвратительно грязно, гниль и нечистоты, двор зарос бурьяном и всякими сорняками, побелку сделали небрежно, даже министерские вывески замазаны, а также циферблат часов на башне. Смотришь на все это внутри Кремля, а также снаружи на гнилой вонючий обводной канал и думаешь, есть в городе хозяин или здесь нет хозяев, а каждый живет как может»²¹.

Письмо датировано первым послевоенным годом. Страна только-только начала восстанавливаться после страшной войны. Это было время, когда советские люди испытывали значительные трудности с продовольствием, с одеждой. Но одновременно в народе жило понимание непреходящей ценности архитектурных памятников и необходимости их сохранения для потомков. Война, в ходе которой было разрушено города, музеи, картинные галереи,

всколыхнула глубинные чувства граждан и заставила их более обостренно воспринимать прекрасное и дорожить тем, что уже создано и построено. Так и Г.И.Иванов, обращаясь к руководителям республики, напоминал им, что Казанский кремль является «народным достоянием», а потому должен стать «музеем и сердцем республики, чтобы народ шел в ваш Кремль так, как идет в Московский Кремль, а возможности вы найдете для этого, и народ вас за это отблагодарит»²².

Это письмо сыграло определенную роль в процессе решения вопроса о благоустройстве Кремля. По итогам специально созданного совещания Совет Министров республики принял решение об исправлении указанных недочетов: были вымыты окна и вывески на зданиях министерств, проведены озеленительные работы, организована уборка на территории Кремля, покрашен циферблат часов на Спасской башне и т.п.²³

Дальнейшая история ансамбля Казанского кремля во второй половине 1940-х – 1950-х гг. неразрывно связана с деятельностью Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР. Именно эта организация занималась основными ремонтными и реставрационными работами находящихся на его территории памятников истории и архитектуры. Уже в первые послевоенные месяцы данное подразделение приступило к одной из важнейших работ – исследованию причин деформации башни Сююмбике. Для комплексного изучения состояния башни было принято несколько правительственных постановлений. Одно из них – постановление СНК ТАССР от 20 июля 1945 г. В 1945 г. делались зарисовки деформаций, было выполнено геологическое обследование территории и конструктивное обследование самого сооружения, осуществлены контрольные замеры наклона, подготовлено обращение в СНК ТАССР о необходимости специальных научно-исследовательских работ²⁴.

Состояние знаменитого исторического памятника волновало многих, в том числе и представителей органов власти, так как дальнейшее отклонение и появление деформационных трещин могли вызвать разрушение башни. Полное обследование указанного сооружения вызвало к жизни постановление Совета Министров ТАССР от 9 июля 1946 г. «О мероприятиях по сохранению памятника архитектуры – башни Сююмбеки», в соответствии с которым предполагалось произвести строительные работы по укреплению фундамента башни, ремонтно-аварийные работы, установить оконные переплеты, водосточные трубы, упорядочить отвод поверхностных вод с площади возле северного фасада башни; организовать систематическое наблюдение за наклоном, деформационными трещинами башни на пилонах, а также закрыть арку в башне для проезда автомашин, так как вибрация от машин могла способствовать прогрессирующему росту деформаций²⁵.

Для укрепления башни Сююмбике было принято решение просить Совет Министров РСФСР о выделении целевым назначением 40 т цемента, 200 м² стекла, 1 т кровельного железа, 75 м³ пиленого леса, 1,5 т гвоздей, 500 кг олифы и 2 т бензина. Непосредственное выполнение строительных работ по укреплению фундаментов и стен башни возлагалось на Госстройтрест № 14 Министерства авиационной промышленности СССР²⁶.

В своем обращении на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П.Берия председатель Совета Министров ТАССР С.Шарафеев, ходатайствуя о возложении работ по усилению фундаментов на Госстройтрест № 14, особо подчеркивал, что «памятнику угрожает полное разрушение, если не будут приняты неотложные меры по укреплению основания башни и ликвидации повреждений»²⁷. Ввиду угрожающего состояния башни Сююмбике, Совет Министров РСФСР разрешил в 1946 г., по усилению основания башни,

израсходовать в счет внелимитных затрат 239 тыс. руб.

Организация производственных работ поручалась Московской проектно-технической конторе треста по передвижке и разборке зданий. Распоряжением исполкома Московского городского совета проектные работы планировалось выполнить к 1 ноября 1946 г.²⁸ По договору Управление по делам архитектуры при СМ ТАССР было обязано исследовать грунт под фундаментом башни собственными силами. Первоначально эти мероприятия предполагалось поручить Хозяйственному управлению, но они были отвергнуты ввиду резолюции С.Г.Батыева, написавшего: «На Хозуправление Кремля возлагать такую работу нельзя. Примите меры»²⁹.

Инженерно-геологические изыскания башни велись Казанской инженерно-геологической группой Татарского геологоразведочного треста под руководством старшего геолога Г.А.Штерна³⁰. Для выяснения геологического строения участка 29 ноября 1945 г. в непосредственной близости от башни были пробурены 5 скважин и вырыты 2 шурфа. 20 июня 1946 г. дополнительно были пробурены еще 3 контрольных шурфа для осмотра грунта основания и выяснения конструкции и размеров фундамента. Для широкого изучения и обобщения геологического материала по Кремлю были использованы скважины и шурфы, отрытые на территории Татбашшколы (1937 г.) и на площадке у левого склона берега р. Казанки.

Было установлено, что насыпной (культурный) слой отличается большой неоднородностью, состоит из супеси и суглинка темно-серого цвета, насыщенных в большей или меньшей степени строительным мусором в виде обломков бутового камня и кирпича. Местами среди насыпных грунтов встречались углистые остатки – следы неоднократно повторявшихся на территории Кремля пожаров. При исключительной неоднородности и непостоянстве насыпного

слоя выделялись 2 типа слагающих его грунтов и материалов. В верхней части преобладал строительный мусор: битый кирпич, щебень, бутовый камень, скопления извести, неразложившаяся щепа, обломки предметов домашней утвари, перемешанных с грунтами глинистого типа супесей и суглинков, окрашенных в темно-серый или черный цвет. Местами этот слой налегал непосредственно на покровные образования, местами переходил в более чистые, также насыпного происхождения, но со значительным преобладанием грунтов над строительным мусором, а иногда даже без примеси последнего³¹.

Глубина залегания насыпи колебалась от 1,5 до 3,90 м. Максимальная толщина насыпного грунта была обнаружена под юго-восточной частью фундаментов башни Сююмбике. Ниже под насыпным грунтом залегали перемежающиеся слои мелкозернистого песка, суглинка и супесей различной мощности. Скважиной № 3 был встречен водоносный горизонт мощностью 1,4 м.

Геодезические наблюдения показали, что основной причиной деформации башни являлось ее отклонение в юго-восточном направлении. Впервые отклонение башни от вертикального положения «в сторону собора на величину 0,185 саж. — 39,4 см» отметил перед ее реставрацией в 1913 г. П.М.Дульский³². Величина отклонения основания шпиля или вершины свода над седьмым ярусом измерялась впоследствии неоднократно: в 1927, 1941, 1945 и 1946 гг.

Величина этих отклонений была зафиксирована в следующих цифрах (см): 1927 г. — 114,9; 1941 г. — 114; 1945 г. — 118,7; 1946 г. — 130. Как отмечали специалисты, наиболее точными и бесспорными являлись замеры 1941 и 1946 гг., проведенные геодезическим путем, а остальные измерения осуществлялись при помощи отвеса³³. Обмеры 1941 г. были проведены бригадой в составе проф. М.М.Синявер, архитектора П.С.Борисова, студентки МАИ В.А.Тарасовой³⁴. Обследование 1946 г.

проводилось начальником геодезической службы Управления главного архитектора г. Казани А.М.Губайдуллиным, впоследствии зав. кафедрой геодезии КИСИ (КГАСА)³⁵.

По сведениям Ф.В.Салиховой, башня Сююмбике была включена в городскую триангуляционную сеть 1910 и 1930 гг., поэтому стало возможным получать сведения о ее крене с 1910 г. Отклонение по годам выразилось в цифрах (м): 1910 — 1,22; 1930 — 1,28; 1941 — 1,46; 1946 — 1,64; 1958 — 1,68³⁶.

В 1947 г. было проведено специальное нивелирование архитектурных элементов башни по периметру двух пилонов и четверика 2-го яруса; прослежены и отмечены точки, которые пронивелированы по одному шву кирпичной кладки. Также была пронивелирована поверхность парапетов 1, 2 и 3 ярусов башни. Швы двух пилонов и 2-го яруса были наклонены к горизонту по-разному, поэтому наблюдаемый наклон 2-го яруса сложился за счет трещин в своде проезда и стенах башни. Поверхность парапетов наклонялась к горизонту также по-разному, и только по мере подъема их наклон приближался по величине и направлению к элементам крена башни³⁷.

Подготовленные материалы исследования включали в себя планы Кремля в горизонталях с указанием окружающих башню зданий; план расположения контрольных шурфов и зарисовку фундаментов по шурфам; геолого-литологические профили; план расположения подземных коммуникаций, находящихся на территории башни Сююмбике; таблицу повторяемости направления и средних скоростей ветра по Казани; розу ветров, составленную метеорологической станцией по данным за 1915–1940 гг. Кроме того, был составлен расчет давления на грунт под фундаментом башни и направлений в кладке стен; график роста крена; дан анализ рельефа местности.

Комиссия по изучению башни Сююмбике пришла к выводу, что деформация не являлась следствием изменений

в геологических условиях участка. Наклон башни объяснялся неравномерной осадкой основания из-за сгнивших деревянных свай, забитых под подошву фундамента, и неравномерно несущей способности грунтов основания, а также наличием насыпного слоя большой мощности под юго-восточной частью фундамента башни при большом удельном давлении на грунт в 7 кг/см², что вызвало появление ряда деформационных трещин. В частности, трещины в западной стене 2-го и 3-го ярусов являлись следствием наличия растягивающих напряжений в кирпичной кладке порядка 3–4 кг/см² без учета ветровых нагрузок.

Комиссия рекомендовала для прекращения прогрессирующего наклона сделать частичную подводку фундаментов под южный пилон башни, доведя подошву до естественных грунтов. Перед работами по подводке фундаментов планировалось провести горизонтальный обхватывающий металлический пояс в 1-м ярусе и затяжку свода над проездом, укрепить основание под северный пилон нагнетанием цементного раствора, упорядочить отвод поверхностных вод возле северного фасада башни. Кроме того, предполагалось закрыть проезд под башней и организовать системное наблюдение геодезическим способом. По углам башни и на внутренних поверхностях стен установить постоянные репера, на главнейшие трещины – поставить маяки³⁸.

В 1953 г. начальник Управления по делам архитектуры И.А.Валеев обращается с письмом к секретарю Татарского обкома КПСС С.Г.Батыеву и председателю Совета Министров ТАССР М.З.Азизову с просьбой о ходатайстве в Советах Министров РСФСР и СССР о выделении 200 тыс. рублей на укрепление основания башни. К 1953 г. крен от геометрического центра на проекционное яблоко уже составил 1,64 м, и состояние памятника общесоюзного значения вызвало серьезные опасения³⁹.

В марте 1954 г. Управление по делам архитектуры при СМ РСФСР в лице

заместителя начальника В.Голли уведомило, что Академия архитектуры СССР, к которой обратились с просьбой о составлении проектной документацию по укреплению башни Сююмбике силами Центральной проектной реставрационной мастерской, отказалась от выполнения данной работы. Управление по делам архитектуры РСФСР посчитало целесообразным поручить выполнение данных мероприятий СНРПМ с привлечением кандидата технических наук Э.М.Генделя, проводившего обследование башни и составившего предложения по ее укреплению⁴⁰.

С началом масштабных работ по сооружению защитной дамбы вдоль кремлевских стен состояние башни Сююмбике вновь стало вызывать опасения. В августе 1954 г. И.А.Валеев в письме на имя заместителя председателя исполкома Казанского городского совета А.А.Абецдарского и начальника управления по строительству сооружений инженерной защиты г. Казани А.А.Сальникова отмечал, что забивка железобетонных свай 6-ти тонным молотом при строительстве моста через Казанку из-за резонансного сотрясения оказывает сильное воздействие на башню Сююмбике⁴¹.

В соответствии с шестилетним планом (1955–1960) капитальных вложений по ремонтно-реставрационным работам по неиспользуемым памятникам архитектуры ТАССР подводка и усиление аварийных фундаментов и реставрация отдельных разрушенных участков башни Сююмбике должны были быть осуществлены в 1955–1957 гг. Общая стоимость работ составляла 353 тыс. рублей, в том числе: в 1955 г. 200 тысяч и по 50 тыс. в последующие два года. При этом объем ранее освоенных средств по этому объекту составлял 53 тыс. рублей⁴². Однако из-за отсутствия достаточного финансирования и строительных материалов укрепление фундаментов башни переносилось из года в год.

В октябре 1956 г. И.А.Валеев уведомил Госстрой РСФСР о том, что «ввиду

несвоевременного получения цемента и дождливой погоды, предусмотренные работы по укреплению основания башни Сююмбике не начаты и переносятся на 1957 год. В данное время ведутся только подготовительные работы (заготовка арматуры), также переносятся на 1957 год работы по Булгару ввиду недостаточности автотранспорта. Средства, предусмотренные на эти два объекта, переключаются на объекты Свияжска и стены Казанского Кремля...»⁴³.

Медленное ведение работ по реставрации памятников архитектуры руководитель Управления объяснял тем, что «реставрационная производственная мастерская не имеет в достаточном объеме автотранспорта, рабочей силы, общежитий и жилья для рабочих и служащих, производственной базы, оборудования». Однако и на следующий год ситуация не изменилась. В своем обращении в Совет Министров ТАССР И.А.Валеев обозначает очередной датой проведения работ по усилению фундаментов основания башни Сююмбике силами СНРПМ 1958 г. В 1958–1959 гг. Татарская СНРПМ под руководством архитектора С.С.Айдарова произвела реставрацию наружной облицовки башни, а также заполнения проемов и внутренних деревянных конструкций. Только в 1977–1978 гг. было произведено инженерное укрепление фундаментов башни по проекту, выполненному институтом Татгражданпроект в мастерской № 2 под руководством О.И.Берима и А.И.Исхакова.

Реставрационные работы продолжались в конце XX столетия. В период с 1985 по 1991 г. были реализованы: проект на консервацию башни Сююмбике институтом Татгражданпроект под руководством А.И.Исхакова; производство работ по укреплению фундаментов башни способом буроинъекционных свай силами управления «Гидроспецстрой»; реставрация фасадов и интерьеров башни силами Татарского СНРУ под руководством архитектора Г.М. Газовой с применением оригинальной методики укрепления поверхности

кирпичной кладки и тонирования стен; изготовление и установка завершения башни Сююмбике в виде полумесяца с позолотой.

В послевоенное десятилетие реставрационные работы проводились не только на башне Сююмбике, но и на других объектах Казанского кремля. На эти мероприятия, а также на восстановление памятников г. Болгар, Управление по делам архитектуры в 1946 г. предполагало затратить свыше 200 тыс. рублей⁴⁴.

В справке в редакцию газеты «Красная Татария» в качестве отклика на статью «Бережь памятники культуры», опубликованную 26 марта 1949 г., приводились следующие данные: «За прошедший 1948 год произведено ремонтно-восстановительных работ на сумму 1113 тыс. рублей за счет средств пользователей, в т.ч. по восстановлению части кремлевских стен и благоустройство Кремля – 465 тыс. рублей, Благовещенскому собору по внешнему ремонту здания – 65 тыс. рублей...»⁴⁵.

Но, несмотря на целый комплекс обозначенных мер, вопросы, связанные с благоустройством Казанского кремля, даже к концу 1940-х гг. так и не были разрешены. Свидетельством тому стало обрушение кремлевской стены на протяжении 40 метров на участке от въездных ворот до угловой круглой башни, произошедшее 18 мая 1948 г.

Созданная на следующий день правительственная комиссия в составе заместителя председателя СМ ТАССР А.П.Гаврилушкина, заместителя министра внутренних дел ТАССР Н.О. Власова, профессора КИИГСа В.В. Егерева, и.о. начальника Управления по делам архитектуры при СМ ТАССР Ф.А. Симонова, заместителя главного городского архитектора А.А.Пименова, старшего инженера Госплана ТАССР В.И. Златоустова, главного инженера Хозуправления кремля П.М. Логинова выяснила, что разрушилась не связанная с массивом древней кладки наружная кирпичная облицовка, которая представляла собой свободностоящую стену.

Сочетание свободстоящей кирпичной облицовки с древней бутовой кладкой применялось в Кремле начиная с 1684 г., когда для подстройки башен и перекладки парапетов впервые стал применяться кирпич. С тех пор обрушения на отдельных участках стен повторялись, особенно угрожающими были деформации башенных сооружений. Разрушившийся участок облицовки перекладывался уже несколько раз. Большое разрушение стены произошло в 1774 г. при взятии Казани Пугачевым, в 1839 г. облицовочная часть стены была вновь переложена. В 1852 г. парапетная стенка была заменена. Весной 1927 г. фрагмент стены на протяжении 41 метра выпал и был заменен новой кладкой, которая простояла до 1948 г.

Комиссия основными причинами аварии посчитала отсутствие отведения атмосферных осадков, которые, попадая между облицовкой и основной кладкой, оказывали разрушающее действие. Конструктивная особенность облицовочной стенки не обеспечивала ее устойчивость от больших вибраций, особенно когда вблизи нее проходили танки. Доказательством тому служили частные обрушения западной кремлевской стены во время нахождения здесь танкового училища.

Угроза архитектурному наследию заставила комиссию провести осмотр всех стен и башен Кремля. Проверка показала, что практически все участки кремлевской стены находятся в аварийном состоянии, а на отдельных узлах имеются даже отклонения от вертикального положения. Комиссия установила, что на участке между угловой башней и Консistorской башни с северо-восточной стороны имеются «выпучивания» и отклонение стены от ее вертикального положения наружу на протяжении до 160 м. На участке от Консistorской башни до угловой Воскресенской стены имелись отклонения от вертикали наружу до 40 см, отмечен ряд трещин. Консistorская башня находилась в «весьма аварийном состоянии, с угрозой внезапного разрушения».

Задний участок стены со стороны реки Казанки от Воскресенской до Тайницкой башни имел ряд больших трещин до 10 см. Земляной холм за кремлевской стеной от подмыва весенних вод и подкопов разрушался. В самой Тайницкой башне также были выявлены трещины. Стена со стороны ул. Баумана, за исключением вновь отреставрированных участков, имела на отдельных участках выпучивания, отслоение облицовки и отклонения от вертикального положения. Участок стены от круглой западной башни до Спасской имел частичное разрушение с внутренней стороны. По периметру стен со стороны ул. Федосеевской и р. Казанки в откосах были обнаружены подкопы, которые оказывали вредное воздействие на устойчивость стен.

Особо разрушительными для стен являлись поглотители, помойки и временные уборные, расположенные вдоль кремлевских стен, начиная от дома офицерского состава и по всей территории военного городка, а также отсутствие водоотводов от стен, как с наружной, так и внутренней сторон. Озабоченность комиссии вызвало аварийное состояние Спасской башни, в которой в плохом состоянии были некоторые конструктивные элементы (крыши, перекрытия). Трехэтажный корпус казарм военного городка также разрушался, в нем были выломаны перекрытия, оконные переплеты, двери и др. конструктивные элементы.

Комиссия вынесла решение: во-первых, немедленно разработать правила эксплуатации территории и сооружений Кремля, приняв соответствующие меры с целью охраны от разрушений;

– во-вторых, провести реставрационные работы по восстановлению обрушившегося участка южной стены;

– в-третьих, в связи с угрозой разрушения освободить от жильцов офицерский дом и Консistorскую башню. Также комиссия подчеркнула важность систематической проверки состояния всех сооружений Казанского Кремля⁴⁶.

В январе 1949 г. начальник Управления по делам архитектуры в письме к заместителю председателя Совета Министров ТАССР М.И.Юсуповой указал, что Казанский горисполком не выполняет работ по укреплению кремлевских откосов. 19 мая 1948 г. комиссия под председательством зам. председателя СМ А.Н.Гаврилушкина пришла к заключению о необходимости срочного укрепления откосов кремлевских стен по всему периметру, особенно по ул. Батурина и со стороны р. Казанки. Выполнение означенных мероприятий возлагалось на Казанский городской исполнительный комитет. И.А.Валеев указывал на прогрессирующие деформационные трещины Тайницкой и Спасской башен, на опасные выпучины и обрушение кремлевских стен в 1947-48 гг. и видел причину разрушений в отсутствии правильной организации «поверхностных вод с территории Кремля и откосов кремлевских стен, наличие выгребных ям»⁴⁷.

Многочисленные напоминания о необходимости выполнения постановлений Совета Министров ТАССР на имя председателя исполкома В.П.Головина от 23 августа, 4 октября, 28 октября, 9 декабря 1948 г. также остались без внимания⁴⁸.

Под влиянием этих событий Совет Министров ТАССР 20 августа 1948 г. и 10 марта 1949 г. принял постановления «О мероприятиях по охране памятников архитектуры в Казанском Кремле», где было указано на необходимость проведения конкретных действий по сохранению культурного наследия и благоустройства территории Казанского Кремля. В констатирующей части документов отмечалось, что отданные ранее распоряжения, к сожалению, выполнены не были.

Так, военная часть никаких работ по ремонту Тайницкой башни и стен Кремля, прилегающих к занимаемой ею территории, не произвела; не освободила от жильцов Спасскую и от складских помещений Тайницкую башни; не ликвидировала существующие сараи и вы-

гребные ямы. Хозуправление Кремля также не провело необходимых работ: не организовало водоотводы и водостоки с территории и стен Кремля, не завершило работы по укреплению Консисторской башни⁴⁹.

Спасская, Тайницкая башни Казанского кремля и церковь Николы Ратного использовались КЭЧ Казанского района. Только после длительных переписок с вышестоящими и судебными органами Управление по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР в 1948 г. добилось восстановления 3-го этажа разрушенной КЭЧ Спасской башни, чердачного перекрытия площадью 120 м., кровли, полов, штукатурки, остекления и других работ.

Следует отметить, что расположенные на территории Кремля военная часть и военный городок стали «головной болью» для Управления по делам архитектуры. Ежегодные проверки выявляли одни и те же проблемы, связанные с благоустройством занимаемой ими территории. В апреле 1952 г. начальник Управления по делам архитектуры при СМ ТАССР И.А.Валеев отправляет очередное письмо на имя начальника в/ч № 45463 генерал-майора Лихова и начальника КЭЧ Казанского района инженера-подполковника Завьялова с требованием привести в благоустроенный вид территорию военного городка у здания ДОС-2 и ликвидировать сараи для дров, поглощающие и выгребные ямы.

Он отмечал: «когда-то зеленый уголок кремля превратили в места свалки мусора, понастроили службы, дровяники, помойные ямы и склад дров. Со стороны ул. Баумана на кремлевские стены сложили дрова, тем самым способствуя разрушению стен, к тому же на аварийных участках»⁵⁰. Не выполнялось указание штаба ПРВО и УК 23/7328 от 5 июня 1951 г. об уборке мусора с бульвара, сброшенного с территории военного городка.

Письма аналогичного содержания были отправлены 22 сентября 1952 г. командующему войсками Приволжского военного округа генерал-лейте-

нанту Перекрестову, секретарю крайкома ВКП(б) С.Г. Батыеву, начальнику управления по делам архитектуры при СМ РСФСР В.А.Шквартикову. В них указывалось, что руководство военной части в течение ряда лет грубо нарушало постановление Совета Министров СССР № 3898, инструкцию и правила эксплуатации используемых памятников, ввергло занимаемую территорию и примыкающие к ней участки в захлащенное состояние, варварски разрушало и не производило поддерживающего ремонта находящихся на этой территории памятников. Командование в/ч № 45463 просто не реагировало на указания Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР, игнорируя постановление 1948 г., целый ряд предупреждений от 10 ноября 1948 г., 8 мая 1951 г., 12 марта, 1 июня, 6 августа, 5 сентября 1952 г. и др.⁵¹

25 октября 1954 г. при очередной проверке сохранности памятников комплекса Казанского Кремля начальником инспекции по охране памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР Анисимовым было установлено, что находящиеся на территории военного городка памятники систематически хищнически разрушались. В здании церкви Николая Ратного (XVI в.) самовольно были пробиты белокаменные стены в цокольной части для приспособления подвального помещения под овощехранилище. Подвальное помещение остатков бывшего Спасо-Преображенского монастыря (XVI в.) использовалось под бензохранилище. Неоднократные предупредительные меры со стороны республиканских властей военными игнорировались. Руководство части не принимало мер к прекращению дальнейшего разрушения, а наоборот «усилило его путем увеличения количества солдат и автомашин для вывозки получаемого от разборки белого камня и большемерного кирпича для использования их на мостовую»⁵².

Общее состояние комплекса сооружений Кремля продолжало ухудшаться.

На кремлевской территории отсутствовали должным образом функционирующие канализация и водопровод, что в свою очередь ослабляло основания и фундаменты сооружений. А это приводило к новым разрушениям выдающегося архитектурного ансамбля.

В 1953 г. Управление инженерной защиты г. Казани без согласования с органами управления по делам архитектуры приступило к сооружению защитной дамбы на участке кремлевских стен вдоль берега р. Казанки. Производилась засыпка угловой Воскресенской и основание Тайницкой башни, что вело к искажению их исторического и архитектурного облика. При этом совершенно не предусматривались защитные мероприятия по конструктивному усилению оснований башен и стен при наличии серьезных деформаций Тайницкой башни (трещин и сползания). Управление по делам архитектуры настаивало на согласовании проектов защитных дамб с Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР⁵³.

24 сентября 1953 г. комиссия с участием квалифицированных специалистов осмотрела участок кремлевской стены между Тайницкой и Воскресенской башнями и установила, что сползание и просадка земляного откоса вызвали деформацию стены и помещения гаража, вследствие чего появились трещины в продольных и поперечных стенах гаража, в асфальтово-бетонных полах, перекрытиях размером от 1 до 5 см; обнаружались продольные и поперечные трещины в самой стене основания Тайницкой башни. Комиссия пришла к заключению, что основной причиной сползания и просадки земляного откоса стало его сильное увлажнение при намыве Управлением гидромеханизации инженерно-защитной дамбы, а также из-за вод бытового назначения (вода от мытья машин фильтровалась в грунты откоса)⁵⁴.

19 февраля 1954 г. начальник Управления по делам архитектуры И.А.Валеев обратился к председателю Совета Министров ТАССР М.З.Азизову с письмом

о неблагоприятном состоянии архитектурных и археологических объектов Кремля, особенно в северной его части. Казанский филиал Академии наук СССР также подтвердил свою обеспокоенность состоянием памятников архитектуры. В докладной записке от 1 октября 1953 г. с приложением акта комиссии от 24 октября 1953 г. говорилось об угрожаемом состоянии комплекса кремлевских сооружений в связи с увлажнением основания земляного холма в процессе намыва защитной дамбы; о появлении деформационных трещин на кремлевских стенах, башнях и основных сооружениях; просадках земляного откоса и возможных дальнейших ухудшениях ситуации, в связи с поднятием уровня воды до отметки 56,0–55,0, а также нарушением режима грунтовых вод и стока поверхностных вод с территории Кремля.

Положение Казанского кремля, состояние архитектурных его и археологических памятников серьезно беспокоили и представителей научной интеллигенции. Следует отметить, что археологические наблюдения и исследования на территории Казани и Казанского кремля в 1940–1950-е гг. проводились под руководством Н.Ф. Калинина, основоположника казанской школы археологов, крупнейшего знатока средневековой истории Кремля и всей Казани.

Начальный этап (1923–1927 гг.) археологических исследований Н.Ф. Калинина на территории Казани представлял собой наблюдения за ходом строительных работ, накопление фактического материала⁵⁵. Наблюдения после 1945 г. подготовили почву для начала широкомасштабных раскопок на основе перспективного плана археологических работ, составленного Н.Ф.Калининым. По этому плану предусматривалось проведение раскопок на площади 14 тыс. м². Плодотворные раскопки Н.Ф.Калинина 1950-х гг. завершили второй этап в истории изучения Казанского кремля⁵⁶. В целом в 1923–1954 гг. только на территории

Кремля Н.Ф.Калининым, его коллегами О.С.Хованской, В.Ф.Смолиным, В.В.Егеревым и другими учеными было исследовано 415 кв.м площади⁵⁷.

Необходимость проведения срочных работ по геологическому и гидрогеологическому исследованию территории Казанского Кремля с учетом карстовых образований отметила и комиссия Научно-методического совета по охране памятников культуры при Президиуме АН СССР, заседание которого состоялось 4 января 1954 г.

Управление по делам архитектуры при СМ ТАССР изучив предложения КФАН СССР об археологических работах в районе Казанского кремля и его окрестностях, пересмотрела ранее внесенные предложения от 1 октября 1954 г. Исходя из указаний Научно-методического совета по охране памятников культуры при президиуме АН СССР Управление внесло на рассмотрение и утверждение Совета Министров ТАССР предложения о производстве в 1954 г. геологических и гидрогеологических исследований на территории Казанского кремля в районе провала 1926 г., со стороны ул. Баумана, с учетом карстовых образований, и о разработке мероприятий по обеспечению сохранности сооружений кремлевского комплекса.

Предлагалось произвести археологические исследования и изучение предполагаемых древних подземных ходов на территории кремля (в районе Тайницкой башни, на ул. Баумана). Выполнение этих работ поручалось проектной организации «Ленгипрокоммунстрой» МКХ РСФСР с привлечением КФАН СССР и с возложением производства раскопок, земляных работ, вскрытий, на Управление по строительству инженерной защиты г. Казани.

В 1954 г. был разработан проект решения Совета Министров ТАССР об организации при исполкоме Казанского горсовета комиссии по изучению недр Казанского кремля с целью координации работ разных специалистов. В состав комиссии были включены

ны представители от Казгорисполкома С.К.Дмитриев, городской архитектор С.С.Копец, начальник Управления по делам архитектуры И.А.Валеев, от строительного института нефтяной промышленности В.В.Егерев, археолог КФАН СССР Н.Ф.Калинин, гидрогеолог М.С.Кавеев, от Ленинградского института проектирования коммунального строительства И.И.Пархоменко. Был составлен план изучения подземных пустот Казанского кремля, его коммуникаций и сооружений.

В плане на 1954 г. предусматривалось исследование места провала около Тайницкой башни, проведение археологических раскопок в северо-западной части Кремля, фундамента башни Сююмбике для выяснения причин ее наклона, фундаментов и грунтов у Дома правительства в его восточной части. Планом работ предполагалось проведение глубокого (до 20 м) бурения по археологическим и гидрогеологическим раскопам, по откачке воды, по закреплению пустот, по электроосвещению подземных работ.

Организациям и управлениям рекомендовалось внести в план своих работ на 1954 г. проведение указанных мероприятий с выделением средств, механизмов и рабочей силы. Коменданту Кремля, хозчасти военного училища и другим учреждениям, находящимся на кремлевской территории, предписывалось очистить территорию для производства научных изысканий; оградить железной решеткой башню Сююмбике и закрыть проезд⁵⁸.

За период с 1951 по 1955 г. на восстановление Консисторской башни Казанского кремля было израсходовано 85,2 тыс. руб.; Тайницкой башни — 122,9 тыс. руб.; Спасской башни — 143,3 тыс. руб.; стен и башен — 550 тыс. руб. В 1956 г. в Казанском кремле работы велись в основном на стенах и башнях. За 9 месяцев было освоено 132 тыс. руб., восстанавливались утраченные ранее зубцы на участке Тайницкой до Воскресенской башни, Безымянная круглая аварийная башня оделась металличе-

скими поясами, переключивались стены, восстанавливалась кровля⁵⁹.

Однако эти мероприятия не могли кардинально изменить ситуацию с общей потребностью в ремонте и реставрации кремлевских объектов. В мае 1956 г. в письме направленном на имя председателя Госкомитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров РСФСР С.И.Шапурову и Председателю Совета Министров ТАССР М.З.Азизову руководство и сотрудники Государственного музея ТАССР (В.Дьяконов, Е.Бушканец, Т.Вигалюк, А.Ефимова, Н.Субаев, Ф.Гасимов, В.Гришин) выражали свою озабоченность крайне неблагоприятным состоянием «всего дела с охраной историко-архитектурных памятников в Татарии»⁶⁰.

Музейщики прямо связывали эту ситуацию с тем, что, по их мнению, Управление по делам архитектуры при Совете Министров ТАССР «и особенно, его начальник Валеев наплевательски относится к охране памятников — нашего народного достояния». Авторы обращения констатировали совершенно неудовлетворительное состояние стен и башен Казанского кремля: «Часть из них на глазах разрушается. Отдельные башни грозят обвалом. Железная кровля на некоторых башнях обветшала, на других совсем отсутствует. За последние 10 лет дважды производилась побелка стен и башен. Однако работа эта выполнялась настолько плохо, низкого качества, что общий вид Кремля производит весьма жалкое впечатление. Стоит он обшарпанный, облезлый, разрушающийся»⁶¹.

Через полтора года, в докладной записке директора Государственного музея ТАССР В. Дьяконова «Об учете, состоянии, охране и реставрации исторических памятников в Татарии» (январь 1958 г.) сообщалось, что, как и раньше, продолжается «растрескивание и разрушение определенных участков кремлевской стены», «отдельные отрезки стены сохраняют неряшливый вид и имеют трещины»⁶².

Здесь же отмечалось запущенное состояние исторических памятников XVI–XVIII вв. — стен и башен, в первую очередь — Спасской башни, Благовещенского собора и башни Сююмбике. Напоминая, что здание собора использовалось архивом, В. Дьяконов отмечал, что это обстоятельство не пошло ему на пользу, негативно сказавшись на сохранности архитектурного памятника: «Внешний облик собора, как памятника зодчества, был нарушен снятием купола. Местами не хватало архитектурных деталей на стене и на боковом входе...». В плохом состоянии находилось и само помещение собора. Процесс разрушения росписи и штукатурки, начавшийся в 1940-х гг., в этот период «охватил большую часть помещения». Причинами разрушения являлись не отремонтированная крыша и отсутствие отопления⁶³. Что же касается башни Сююмбике, то она вновь нуждалась в реставрационных работах.

Таким образом, Казанский кремль в 1940–1950-е гг. активно использовался многочисленными госучреждениями и организациями. Эксплуатация зданий привела к разрушениям многих исторических памятников. Редкие попытки ученых и общественности изменить ситуацию и улучшить состояние кремлевских сооружений и благоустроить

территорию Кремля не дали положительного эффекта. Поэтому и в последующие годы проблемы реконструкции, реставрации исторических и архитектурных памятников всего ансамбля Кремля являлись злободневными.

Основные ремонтно-реставрационные работы историко-архитектурного ансамбля Казанского кремля развернулись на рубеже XX — XXI столетий. Объекты культурного наследия комплекса Казанского кремля с 1994 г. состоят в ведении Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль»⁶⁴. Масштабные реставрационные работы проводились на протяжении 10 лет и были приурочены к празднованию в 2005 г. 1000-летия столицы Республики Татарстан — города Казани.

Сегодня Казанский кремль является объектом исторического и культурного наследия мирового, федерального (общероссийского) наследия и особо ценным объектом культурного наследия Республики Татарстан⁶⁵. В 1998 г. ансамбль Казанского кремля был представлен и в конце 2000 г. решением XXIV сессии Комитета по всемирному наследию ЮНЕСКО, прошедшем в австралийском городе Кернс включен в список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казанский кремль. Краткий путеводитель / сост. А.И.Григорьев. — Казань, 1959. — С. 29.

² НА РТ. Ф. Р-128. Оп.1. Д.3450. Л.18–20, 35–36.

³ Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Казань, 2000. — С.132.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.29. Д.88. Л.5.

⁵ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.1. Д.3450. Л.35–36.

⁶ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7–8.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.6. Д.239. Л.160.

⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп.5. Д.472. Л.44–45.

⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп. 2. Д.65. Л.42.

¹⁰ НА РТ. Ф.Р-128. Оп. 2. Д.65. Л. 33–33об.

¹¹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7.

¹² ЦГА ИПД РТ. Ф.15. Оп.6. Д.2359. Л.12.

¹³ НА РТ. Ф.Р-391. Оп.1. Д.110. Л.26.

¹⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.36об.

¹⁵ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.1.

- ¹⁶ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.43.
- ¹⁷ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.1–3, 6.
- ¹⁸ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7–10.
- ¹⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.7–10.
- ²⁰ *Кабирова А.Ш.* «Сделать Кремль музеем и сердцем республики...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2009. – № 1.
- ²¹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.39.
- ²² НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.39.
- ²³ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.65. Л.40.
- ²⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.174. Л.8–9.
- ²⁵ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.327. Л.75.
- ²⁶ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.65. Л.32–32об.
- ²⁷ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.65. Л.29.
- ²⁸ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.327. Л.63.
- ²⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.327. Л.75.
- ³⁰ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д. 328. Л.98.
- ³¹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.328. Л.105–106.
- ³² *Егерев В.В.* Измерение наклона Сююмбекиной башни // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып.2. Казань, 1928. С. 40–41.
- ³³ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.328. Л.110.
- ³⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.328. Л.99; Башня Сююмбике (Обмеры). Казань, 1944. 24 с. 7 табл.
- ³⁵ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.328. Л.93.
- ³⁶ *Салихова Ф.В.* Башня Сююмбике и истоки цивилизации булгаро-татар. К., 2001. С. 37.
- ³⁷ *Салихова Ф.В.* Указ. соч. С. 37–38.
- ³⁸ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.328. Л.117–119.
- ³⁹ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.1042. Л.23.
- ⁴⁰ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1102. Л.26.
- ⁴¹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1102. Л.27–28.
- ⁴² НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1102. Л.39.
- ⁴³ НА РТ. Ф.Р-391. Оп.1. Д.97. Л.74об.
- ⁴⁴ Красная Татария. 1946. 5 марта.
- ⁴⁵ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.650. Л.34.
- ⁴⁶ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.513. Л.36–40.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.650. Л.1.
- ⁴⁸ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.650. Л.34.
- ⁴⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.650. Л.55–57 об.
- ⁵⁰ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.955. Л.11.
- ⁵¹ НА РТ. Ф. Р-128. Оп.2. Д.955. Л.21.
- ⁵² НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1102. Л.37.
- ⁵³ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1042. Л.42.
- ⁵⁴ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1042. Л.66–70.
- ⁵⁵ *Ситдигов А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – С.14.
- ⁵⁶ В 1928–1929 гг. производились раскопки в северо-восточной части Кремля под руководством И.Н.Бороздина. См: Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановской церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. – Казань, 1929. – С. 37–40. В 1935 г. у северной стены Кремля вел раскопки сам Н.Ф.Калинин. См.: *Калинин Н.Ф.* Город Казань (О раскопках в Казанском кремле в 1935 г.) // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. – М.–Л., 1941. – С. 104–106. С 1947 г. им осуществлялись постоянные наблюдения при строительных работах. См: *Калинин Н.Ф.* Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. – Вып. I. 1955. – С.117–138.
- ⁵⁷ *Ситдигов А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – С.19.
- ⁵⁸ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1102. Л.7.
- ⁵⁹ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1208. Л.72.

⁶⁰ НА РТ. Ф.Р-391. Оп.1. Д.97. Л.70–73.

⁶¹ НА РТ. Ф.Р-391. Оп.1. Д.97. Л.71.

⁶² НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1274. Л.7–8.

⁶³ НА РТ. Ф.Р-128. Оп.2. Д.1274. Л.9.

⁶⁴ Постановление КМ РТ от 31.01.1994 г. № 39 «О создании Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль»; Указ Президента РТ от 22.01.1994 г. № 47 «О создании Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский кремль».

⁶⁵ Постановление Совета Министров РСФСР от 30.10.1960 г. № 1327; Указ Президента РФ от 20.02.1995 г. № 176; Постановление Кабинета Министров РТ от 31.07.1998 г. № 424.

⁶⁶ Решение ЮНЕСКО от 02.12.2000 г.; Казанский кремль. – Казань, 2005. – С. 171.

Аннотация

Казанский кремль – визитная карточка не только Казани, но и всей Республики Татарстан. В предлагаемой статье авторы основное внимание сосредоточивают на истории Кремля в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Рассматриваются проблемы, связанные с перепрофилированием служебных помещений, особенностями их использования в экстремальных военных условиях, анализируются меры по сохранению архитектурных памятников, раскрываются формы и объемы работ по восстановлению культурных объектов.

Ключевые слова: Казанский кремль, Великая Отечественная война, послевоенный период, архитектурный ансамбль Кремля, башня Сююмбике, реставрация памятников архитектуры, сохранение культурного наследия.

Summary

The Kazan Kremlin is a visiting card not only of Kazan but of the whole Republic of Tatarstan. In the presented article the authors pay special attention to the history of the Kremlin during the Great Patriotic War and in the post-war period. Moreover, they consider the problems connected with reprofiling offices, peculiarities of their use in extreme war conditions, analyze measures aimed at preserving monuments and depict work content and forms concerning the reconstruction of cultural objects.

Key words: the Kazan Kremlin, the Great Patriotic War, post-war period, architectural ensemble of the Kremlin, the Syuyumbike Tower, restoration of monuments, preservation of cultural heritage.

УДК 82.0 (091)

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ: ОТРАЖЕНИЕ ПОСВЯЩЕННОЙ НАРОДУ ЖИЗНИ

Д.Ф. Загидуллина, академик, доктор филологических наук, профессор

В истории каждой нации есть знаковые фигуры, творения которых становятся частью мировой культуры, а поступки – символом служения своему народу. Такой величиной является Габдулла Тукай (1886–1913) – выдающийся татарский поэт, литературный критик, публицист. Своим творчеством он определил векторы развития национальной литературы и особого, золотого, периода в истории татарской культуры начала XX в.

Глубоко символично, что татарский народ в переломный момент своей истории обрел талантливую и беззаветно преданного сына-поэта. Его приход в литературу был предопределен начавшимися в стране демократическими преобразованиями 1905 г. Тукай сотрудничает с появившимися татарскими газетами и журналами: «Фикер» («Мысль»), «Уклар» («Стрелы») и др., в которых царил дух просветительства; выступает с многочисленными стихами, в которых отчетливо выражены мотивы просветительства: призыв к распространению знаний среди всех слоев населения («Голүмең бакчасында» («В саду знаний...»), 1905), осознание необходимости социальных преобразований («Хөррият хакында» («О свободе», 1905), модернизации татарского общества («Дустларга бер сүз» («Одно слово друзьям», 1905), «Иттифакъ хакында» («О единстве», 1905), культурного роста нации («Шигърь» («Стихотворение», 1905); со статьями программного характера. Поэт напрямую обращается к своему народу:

*О мой народ, глаза раскрой:
Мир изменяет облик свой!
Довольно спать. Над головой
Заря взошла навеки.*

(«О единстве»,
пер. Р.Морана) (6, 5).

Уже в первых произведениях Г.Тукая мысль о необходимости развития татарского общества на основах образованности и культуры зазвучала как национальная идеология: в его творчестве появился мотив судьбы нации. Просветительская парадигма стала толчком к преобразованию традиционной для национальной литературы картины мира, где доминировала оппозиция «Бог – человек». Одно из первых стихотворений Г.Тукая «Алла гыйшыкына» («Из-за любви к Богу», 1905) использует ее модификацию «Бог – нация». Структура традиционных суфийских стихов становится формой выражения нового содержания: лирический герой призывает не отдельного человека, а нацию жить по божественным канонам. Под ними понимаются стремление к знаниям, просвещению, высокое представление о человеке, его жизненном и общественном долге. Исламская философия переосмысливается с позиций этноцентризма: служение нации определяется как необходимость для мусульманина (фарыз). В соответствии с логикой просветительского мышления строится нравственная характеристика человека. Вредными для будущего нации признаются такие качества, как высокомерие, лесть, консервативность,

невежественность, борьба против просвещения, негативное отношение к другим людям.

Обновление традиционных идей наблюдается и в романтических стихотворениях, в которых основным выступает мотив творчества. В стихотворении «Хэзерге халемезэ даир» («Относительно современной ситуации», 1905) утверждается божественная сущность художественного слова и выстраивается цепь соответствий: перо – проводник божественного изречения людям, им написан Коран; писатели – столпы ислама, указывающие путь к идеалу. Свое критическое отношение к татарскому обществу лирический герой объясняет тем, что в нем живут невежество, зависть, жажда мести, а «лекарством» считает почитание Бога, что равнозначно почитанию художественного слова. В стихотворении «И каләм» («О перо!», 1906) риторическое обращение к Богу заменено обращением к перу. В стихотворении «Милләткә» («Нации», 1906) известный суфийский мотив – сумасшествие от любви, трансформируясь в мотив любви к нации, подчеркивает степень накала чувств. Это чувство – высшая ценность на свете, служение нации – высшее наслаждение и счастье. Так в первых стихах молодого Тукая происходит перекодировка традиционных образов, начинается разговор о проблемах нации с позиций просветителя и мусульманина, поэта и неравнодушного человека. Те же идеи проступают и в его публицистике.

Сатирическое творчество Тукая данного периода направлено против невежества («Японияне мөселман идәчәк голяма нәрәдә?» («Где ученые, которые хотят исламизировать Японию?», 1906), безнравственности («Кечкенә генә бер көйле хикәя» («Небольшой ритмизированный рассказ», 1906), «Хатирәи «Бакырган» («Вспоминая «Бакырган», 1906), религиозного фанатизма («Мөритләр каберстаныннан бер аваз» («Голос из кладбища мюридов», 1906), «Сорыкортларга» («Паразитам», 1906), «Пыяла баш» («Стек-

ляная голова», 1906). Со временем в стихотворениях все острее проявляется гражданская и политическая позиция поэта – сторонника демократических преобразований («Государственная Думага» («Государственной Думе», 1907); «Китмибез!» («Не уйдем!», 1907). Так, в ответ на выступления черносотенных депутатов Государственной Думы с угрозами выселения татар из России в Турцию за участие в революционном движении поэт писал:

*Мы уйдем, если туда уйдут
наши города,
Или перейдут туда пережитые
здесь века.
Здесь родились мы, здесь росли,
и здесь мы встретим смертный час,
Связал нас с этой землей великий
и могучий Всевышний.
(Подстрочн. пер.) (5, 186).*

Г.Тукай размышляет о трагедии нации, настоящее и будущее которой зависит от твердости и активности всего народа. Мысль о бездействии и впустую прожитой жизни конкретизируется в резких обвинениях в адрес политиков, купцов, духовенства, шакирдов. Поэт выступает в защиту равноправия женщин («Татар кызларына» («Татарским девушкам», 1906; «Хатыннар хөррияте» («Свободу женщине», 1906); призывает идти в жизнь, на помощь народу, нации («Гәзитә мөрәттибләренә» («Наборщикам газет», 1906), «Мәдрәсәдән чыккан шәкертләр ни диләр?» («Что рассказывают шакирды...», 1907); воспевает служение народу, стремление содействовать его развитию («Мөхәрриргә» («Редактору», 1906), «Әдәбият ахшамы ясаучы яшьләремезгә» («Молодежи, организовавшей литературный вечер», 1906). Большую часть стихотворений занимают посвящения, в которых основная мысль формулируется как риторическое обращение к представителям различных слоев татарского общества.

Осенью 1907 г. Тукай приехал в Казань, которую считал «колыбелью национальной культуры и истории»

(«Пара лошадей»). «Светозарная Казань» (6, 49) притягивала своей богатой и необходимой поэту культурной средой – газетами, книжными издательствами, театром, кругом людей, родственников Тукаю по мысли и духу. Здесь он сблизился с молодежью, сгруппировавшейся вокруг газеты «Аль-ислах» («Реформа»), которая выходила по инициативе писателя Ф. Амирхана. Газета являлась одним из самых прогрессивных печатных органов того времени. Казанский период стал временем расцвета таланта Тукая, временем его интеллектуальной зрелости, временем славы.

В Казани Тукай с большим воодушевлением отдается творческой работе. Совместно с Г. Камалом Тукай в 1908–1909 гг. издает сатирический журнал «Яшен» («Молния»), а с 1910 г. работает в журнале «Ялт-йолт» («Зарница»), фактическим руководителем которого он являлся до конца жизни. На страницах этих изданий крепло и оттачивалось сатирическое дарование Тукая. В сатирических стихах он разоблачает двуличие, безнравственность отдельных религиозных деятелей и представителей национальной интеллигенции, яравившихся в тогу защитников интересов нации («Ысулы кадимче», («Старометодник», 1908), «Миллэтчелэр» («Националисты», 1910), «Яшьлэргэ» («Молодежи», 1910), «Казан вэ Кабан арты» («Казань и Закабанье», 1912) и др.). Многогранное сатирическое творчество Тукая проникнуто стремлением к модернизации татарского общества, социальную действительность лирический герой критикует с позиций национального идеала:

*Плетется мой народ
шатающейся тенью, –
Не вспыхнув, гаснет жар
в растущем поколеньи.
В душе, что так вчера
для общества пылала,
Теперь ни искорки – там только
чад и тленье.*

(Пер. В.Тушновой) (6, 227).

Наиболее яркое сатирическое произведение Тукая – поэма «Печән базары, яхуд Яна Кисекбаш» («Сенной базар, или Новый Кисекбаш», 1908) – задумано как пародия на литературный памятник XVIII в. «Кисекбаш» («Отрезанная голова»). В поэме преобладает эпическое начало: имеется сюжет, рассказывается о событиях, «происходящих» на Сенном базаре в Казани. Отрезанная голова, у которой Див съел туловище, проглотил сына и увел жену, рассказывает о своем горе. Цирковой силач Карахмет берется ему помочь. Карахмет, Кисекбаш, Див, Ишан с кнутом и т.д. – вариации одного и того же образа, «Сенного базара» (2, 87). В нем воплощены религиозный фанатизм, ханжество, невежество, частнособственническая психология мещан, торговцев, религиозных фанатиков – защитников старых порядков. Фантастический сюжет, основанный на повторении сходных, однотипных образов, дает возможность автору воссоздать облик татарского общества, которое далеко от действительности, живет в ожидании чудес и зрелища, «циркового представления». Само «представление», которое и разворачивается на Сенном, – это «кипение в действии пустом». Тукай предупреждает о живучести феодальных и национальных предрассудков, старых политических форм жизни и после революции 1905 г. (4, 172).

В казанский период (1908–1913) в творчестве Г.Тукая, ощущающего себя певцом народной жизни, доминируют романтические мотивы, поэзия обретает философскую глубину и емкость. Меняется просветительская парадигма: она становится предметом философских умозаключений, на первый план выходит мотив служения нации, народу. Многие произведения этого плана трагичны. Так, в стихотворении «Ике юл» («Два пути», 1909) традиционная антиномия «просвещение – невежество» выступает как средство интерпретации двух возможностей человеческой жизни: пути к духовному

совершенству и пути к стагнации. Парадоксальная мысль о том, что стремление к просвещению делает человека несчастным, завершает художественную идею произведения: просвещенные люди – борцы за будущее нации – обречены жить для других людей, их проблемами и заботами. Жизнь представляется как вечная борьба, но все же страдания поэта светлы: чувства безысходности, уныния, одиночества, острое восприятие быстротечности жизни преодолеваются верой в светлое будущее нации. Так, в стихотворении «Өмид» («Надежда», 1908) поэт, выстраивая оппозиции света и тьмы, восхода и заката, будущего и настоящего, друга и врага, отчаяния и оптимизма, приходит к утверждению жизни как победы «солнца ума» над «тьмой невежества» («*О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей! / Совесть мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!*», пер. А. Ахматовой). «Солнце мысли» противопоставляется «совести мертвой» – тьме ложных представлений, верований, идей. Даже «светоч вселенной» несравним с тем, что дает надежду: «*Нет, душа не будет низкой, высота – ее удел*» (6, 153). В стихотворении «Күңел» («Душа», 1909) лирический герой обращается к своей душе, призывая ее жить горестями и заботами других. Высший смысл существования для него – в посвящении себя другим. Только максимальное погружение в мрак и безнадежность, в холод и пустоту, в боль и страдание может вывести к свету и чувству гармонии с мирозданием.

По такому же принципу развивается поэтическая идея многих стихотворений: «Сэрләрүхәсез» («Без названия», 1909), «Милли моннар» («Национальные мелодии», 1909), «Өметсезлек» («Без надежды», 1910) и др. В них драматические, порой трагические переживания лирического героя связаны с жизнью народа, с историей нации.

В статье «Татарские поэты» Дж. Валиди определяет девиз Тукая как «борьбу против нравственных и

социальных низостей, несправедливости» (8). Действительно, начиная с 1911 года основной мотив всего творчества поэта – служение нации – все больше начинает соотноситься с образами простых людей, с социальной ситуацией в татарском обществе. Размышления о трагическом социальном положении народа, у которого нет счастливого настоящего, негодование и горе лирического героя по поводу неравенства проецируются на все человечество («Золым» («Гнет», 1911), «Сайфия» («Дача», 1911), «Читен хәл» («Трудное положение», 1911), «Авыл халкына житми» («Чего же не хватает сельскому люду?», 1912), «Казан» («Казань», 1913), «Хәстә хәле» («Состояние больного», 1913) и др.).

В философской лирике поэта преодоление трагизма жизни неразрывно связано с утверждением идеала и категорией идеального. Именно через идеал оценивает Г. Тукай все явления современной ему жизни. В стихотворениях, где главным выступает мотив тоски о прошлом, жизнь разделена на две половины: время, когда лирический герой считал себя вполне счастливым, и время осознания его невозможности. Так, в стихотворениях «Бәйрәм вә сабыйлык вакыты» («Время праздника и детства», 1908), «Исемдә» («Я помню», 1909) идеализируются приметы прошлого: чистый и радостный смех и беззаботные игры; ожидание светлого счастья; первая влюбленность; сладостные слезы божественных переживаний. Они противопоставлены холоду и равнодушию настоящего. Констатирующий «вечную мерзлоту» души лирический герой живет только воспоминаниями. В воспоминаниях о прошлом, в которых гармония, красота, живая жизнь, сосредоточена суть стихотворения. Память превращается в ценность, сохраняющую ощущение гармонии, красоты мироздания.

Идеал – это истина, которую ищет человек, посвятивший себя служению народу, истина, которая поможет осветить жизнь, проявляется во

многих стихах Тукая. Идеал неутомимого борца, «честного и чистого, как жемчуг», Тукай воспел в марсии «Хөрмәтле Хөсәен ядкаре» («Светлой памяти Хусаина», 1912), посвященной памяти Х.Ямашева. Посвящения «Шиһап хәзрәт» (Шигап-хазрет», 1913), «Улмы? – Ул» («Кто он?», 1910) и «Мөхәрриргә» («Писателю», 1906) воссоздают идеальные образы просветителя Ш.Марджани и писателя Г.Исхаки. Тукай стремится воплотить в своем идеальном герое субстанциальные силы народа, нации.

Истина, противопоставленная материальным ценностям, прочитывается и как состояние души человека, который «пошел искать огонь, чтоб светлым сделать мир земной», и как стремление к духовной свободе («Даһигә» («Гению», 1913). Она уподобляется ярчайшей звезде («Күңел йолдызы» («Звезда души», 1909), поддерживающей человека в самые сложные минуты жизни и позволяющей помочь другим:

*Я ощущаю тяжесть рук,
прикосновение черных сил,
Но враг мой в сердце у меня
святой звезды не погасил.
Нет, нет, горит моя звезда,
не меркнет отблеск золотой,
И несомненно, хоть один
заблудший той спасен звездой.*

(Пер. В.Тушновой) (6, 191).

В стихотворениях о любви Г.Тукая чувство влюбленности интерпретируется как категория возвышенного, как источник поэтического вдохновения («Мәхәббәт» («Любовь», 1907), счастья («Кулың» («Твоя рука», 1908) и стимул к самосовершенствованию («Гә» («Посвящение», 1908), как недостижимый идеал («Бер рәсемгә» («Одному портрету», 1908) и как смысл жизни («Иһтида» («Постижение истины», 1911). Мотив любви сплетается с мотивом творчества. Между мотивом любви и мотивом творчества устанавливается семантическая эквивалентность: согласно Тукаю, любовь и

творчество имеют божественное происхождение и предопределенность.

В пейзажной лирике, где преобладает мотив наслаждения красотой, идеализируется природа родной земли и красота видится в простых явлениях, ярко проявляется национальное своеобразие поэзии Тукая. Он сумел передать присущее татарскому народу восприятие природы («Ай һәм кояш» («Луна и солнце», 1909), «Кышка бер сүз» («Слово зиме», 1909), «Жәйге таң хатирәсе» («Воспоминание о летней заре», 1910) и др.). «Естественная» красота природы в стихах и поэмах противопоставляется «жестокости» исторического развития. Кроме того, двойственность бытия выражается в антитезе божественного и земного, природы и человека («Дошманнар» («Враги», 1912).

Надежда – еще один отблеск идеального в лирике Тукая. Если прошлое – счастливая пора, то мрачное сегодняшнее – время потери надежды, оно ассоциируется с адом, со смертью («Өмидсезлек» («Без надежды», 1910), «Теләү бетте» («Кончилось время надежд», 1909). Милосердие, равно как и надежда, способно поддержать человека в самых тяжелых жизненных испытаниях («Катиле нәфескә» («Самобийце», 1910). Несовершенство бытия объясняется неспособностью человека к состраданию, однако поэт, заявляя об иллюзорности ожидания помощи от других, подчеркивает, что, рассказывая о своем горе, человек преодолевает чувство одиночества. Общение очищает душу и помыслы («Ачы тәжрибә авазы» («Голос горького опыта», 1910). Так, в самых трагических стихотворениях Тукая присутствуют вера в высокие идеалы любви, милосердия, красоты, надежда на их осуществление.

В философской лирике формируется один из центральных мотивов лирики Тукая – мотив трагического одиночества и отчуждения. Прежде всего он представлен как одиночество среди равнодушной толпы, причиной кото-

рого является посвящение себя борьбе за свободу духа, за светлое будущее нации, за изменение мира. В стихотворении «Кыйтга» («Отрывок», 1913) чувство сожаления лирического героя, жизнь которого состояла из «черных дней» и борьбы за «обеление, очищение мира», возникает как результат осознания недостижимости этой цели. Но верность идеалу и стойкость человеческого духа торжествуют: несмотря на одиночество и отчаяние, лирический герой остается верным своему стремлению изменить общество, мир к лучшему.

Исповедальность и внутренний самоанализ в стихах такого плана соединены с ощущением кризиса – драмы в личной судьбе, потери друзей, крушения всего, что было дорого, осознания недостижимости цели всей жизни. Так, в стихотворении «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1910) жизненная установка поэта: песней, творчеством «оживить национальные деревья» – «разбудить» нацию, изменить мир, найти свет и тепло на своем пути, – противопоставлена надгробному камню на могиле матери – образу, приобретающему символический смысл. В минуты осознания недостижимости идеала единственной ценностью для лирического героя является камень, символизирующий и преемственность между поколениями, и бесконечность бытия, и традиции народа, и общечеловеческий, связанный с этой преемственностью великий смысл жизни. Так, отчуждение, погружение в себя открывают сокровенную тайну назначения человека в мире.

В стихах, посвященных теме творчества, поэта и поэзии («Шагыйрь» («Поэт», 1908), «...гә (Яджяр)» («Посвящение», 1908), «Пэйгамбәр» («Пророк», 1909) и т.д.), также появляется мотив отчуждения. Ответственность поэта за окружающий мир, святая миссия творца: быть борцом против темных сил, защитником обездоленных и слабых, всегда молодым и сильным духом, способным увлечь за собой на-

род – представлены в стихотворении «Шагыйрь» как спутники творческого дара. Стихотворение «Пэйгамбәр» распадается на две части. В первой поэт рассказывает о себе – о божественной предопределенности своей судьбы, о своих призывах жить в любви и согласии, об одиночестве и отчужденности, об осознании великой истины. Во второй показывает отношение людей к себе: народ не принял поэта и, жестоко надсмеявшись, изгнал. Написанное как вариация на тему лермонтовского «Пророка», стихотворение содержит религиозно-суфийские символы и детали, напоминает традиционные восточные истории пророков.

Мотив молитвы, мотив любви к Богу пронизывают многие стихи, посвященные нравственным вопросам о судьбе человека («Мигъраж» (1910), «Кадер кич» (1911), «Тәфсирме? Тәржемәме?» (1913). Молитва как таинство, через которое человек выражает свой внутренний мир, предстает не только как обращение к Богу, но и как «разговор» со своей душой, своим «я» («Ана догасы» («Молитва матери», 1909). «Там», у Всевышнего, человек всегда может найти успокоение, поддержку («Кинәш» («Совет», 1909), чистоту и истину («Таян Аллага» (1909), так как человек сам несет в себе частицу божественного («Нәсыйхәт» («Назидание», 1910).

В казанский период творчества Тукай в поисках национальных традиций стихосложения, а также под воздействием русской и западноевропейской литератур переходит от аруза к силлабике, от восточных жанров (газели, мадхия, марсия, касыйдэ), ограничивающих возможности передачи гражданских переживаний лирического героя, к системе жанров западной литературы. Поэт начинает серьезно интересоваться народным слогом, фольклорными традициями. Меняется и склад мышления: любовь к народу, вера в его богатые духовные возможности, в его разум и в его будущее превращаются в эстетическую доминанту в стиле поэта

(4, 159). Надежды лирического героя Тукая-романтика связаны со служением нации. В стихах, посвященных теме творчества, утверждается великая миссия поэта – быть предводителем своего народа в его стремлении к развитию («Бер татар шагыйренен сүзләре» («Размышления одного татарского поэта», 1907). Воспевая духовную свободу, независимость от внешних обстоятельств и обращаясь к социальным проблемам – «Көз» («Осень», 1906), «Хөрриятә» («Свободе», 1907), «Теләнчә» («Нищий», 1907), поэт остро ощущает неотделимость своей судьбы от судьбы народа, нации. Так завершается формирование нового стиля, которому присущи «нюансовость» (4, 156), «мышление антитезами» (7, 54), тяготение к афоризмам, многоступенчатость и вариативность образа (1, 95), близость к народному духу (3, 142).

Литература

1. Ганиева Р.К. Шагыйрьнен рухи дөнъясы. – Казан, 2002.
2. Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Тукая. – Казань, 1964.
3. *Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. Т.5: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр.* – Казан: Тат.кит.нәшр., 1978.
4. *Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала.* – Казань: Изд-во КГУ, 1970.
5. *Тукай Г. Әсәрләр. Биш томда.Т.1: Шигърьләр. Поэмалар (1901–1908).* – Казан: Тат.кит.нәшр., 1985.
6. *Тукай Г. Фәтон весны: стихотворения, стихи для детей, сказки.* – Казань: Татар. кн.изд-во, 2011.
7. *Усманов Х. Антитезалы тасвир кайлардан килә? // Казан утлары.* – 1968. – № 5. – Б.54–56.
8. *Жәләй. Татар шагыйрьләре // Вакыт.*– 1913, 26 июль.

Аннотация

Уже в первых произведениях Тукая мысль о необходимости развития татарского общества на основах образованности и культуры зазвучала с позиций национальной идеологии. Просветительская парадигма превращается в причину философских умозаключений, на первый план выходит мотив служения народу, нации. Сатирическое творчество поэта направлено против невежества, безнравственности, религиозного фанатизма отдельных представителей мусульман. В казанский период жизни в творчестве Г.Тукая окрепли романтические мотивы, он добился философской глубины своих произведений и показал себя певцом народной жизни. В философской лирике формируется один из центральных мотивов его лирики – мотив трагического одиночества и отчуждения.

Ключевые слова: Тукай, татарская литература, лирика, мотив, лирический герой, жанр.

Summary

The idea concerning the necessity of the development of the Tatar society on the bases of education and culture sounded from the viewpoint of national ideology in Tukay's early works. Enlightenment paradigm turns into philosophical reasoning, the motive of serving the people and nation is brought to the forefront. Satirical creative activity of the poet is aimed against ignorance, immorality, religious fanaticism of some Moslem representatives. In the Kazan period of Tukay's life romantic motives became stronger in his creative activity. He achieved the philosophical depth of his works and expressed himself as a singer of the people's life. In his philosophical lyric poetry one of the central motives is formed – the motive of tragic loneliness and estrangement.

Key words: Tukay, Tatar literature, lyric poetry, motive, lyrical hero, genre.

УДК 82.0 (091)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Михаэль Фридерих, доктор

От переводчика

Публикация, предлагаемая нашим читателям, являет собой перевод одной из глав монографии немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма» (Висбаден, 1998). Во время написания книги М.Фридерих являлся научным сотрудником Бамбергского университета. Интерес исследователя привлекали тюркские языки и литература. Он довольно долго работал в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, несколько месяцев собирал материалы для диссертации, посвященной личности и творчеству Габдуллы Тукая, в библиотеках Казани и Москвы. Он интересовался при этом и другими крупными представителями татарской литературы, например, Дэрдмендом – перевод его яркой статьи о творчестве Дэрдменда недавно был опубликован в журнале «Казан утлары». М.Фридерих свободно говорит и читает на татарском языке, причем изучал материалы на арабской и латинской графике, а также кириллице. Он внимательно изучил абсолютное большинство публикаций о Тукае, увидевших свет после смерти Тукая. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировался сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал весьма оригинальные наблюдения и выводы, которые, хочется надеяться, будут интересны нашим читателям.

Искандер Гилязов,

доктор исторических наук, профессор

Глава III. Восприятие Тукая

Разница во мнениях и противостояние в вопросе об оценке личности и творчества Габдуллы Тукая, проявившиеся еще при его жизни, существуют и до настоящего времени. Сутью всех этих разногласий и споров является поиск «истинного» Тукая.

Основополагающие вопросы, которые ставились и ставятся, это: Является ли Габдулла Тукай хорошим или

плохим поэтом? Какие идеалы, какую идеологию выражал Тукай своим творчеством? В чем состоит сущность его творчества? Чьи интересы представлял Габдулла Тукай? Ответы на эти вопросы были решающими. Они определяли основную точку зрения, которая критиками была присвоена Тукаю, и тем самым имели важнейшее значение в поиске ответа на другие, более конкретные вопросы и аспекты, возникающие при исследовании творчества

Тукая, как, например: Каково было отношение Тукая к религии? Был Тукай националистом или интернационалистом? Какое место занимает Тукай в татарской литературе? Как он относился к русской культуре? Какую роль сыграло творчество Тукая в развитии советских национальных литератур? Внес ли Тукай свой вклад в мировую литературу?

В этой главе я хотел бы представить разные ответы, которые давались на поставленные вопросы. Через противопоставление различных, порой совершенно противоположных точек зрения, о которых заявлялось, что именно их придерживался Тукай, я надеюсь показать, как инструментализировалось его творчество.

Получается так, что многие из представленных здесь вопросов не затрагивают творчество Тукая только в каких-то абстрактных, литературоведческих, теоретических рамках. Его литературному творчеству, наоборот, придавалась ключевая общественная роль. Такой способ общественно-политического рассмотрения и оценки – это не находка советской критики, он был уже представлен при жизни поэта и непосредственно в первые годы после его смерти. И все же в условиях реального социализма этот способ достиг своей наивысшей точки: литература считалась орудием в «классовой борьбе», ее политическое воздействие и преобразующая общество сила превратились в догму – литература дегенерировала до «идеологической легитимации собственных осуществляемых интересов»¹. В татарской литературе подобное можно продемонстрировать на примере творчества Габдуллы Тукая.

В мои намерения не входит рассмотрение истории татарской литературы до и после Октябрьской революции на основании истории восприятия Габдуллы Тукая, замалчивая при этом всю историю культуры и литературы Советского Союза. В моем представлении я ограничиваюсь необходимым минимумом фоновой информации, которая

необходима для непосредственного понимания аргументации и точек зрения, имеющих отношение к Тукаю. Знание соответствующего политического фона, на котором делалось то или иное заявление, объясняет, с каким намерением делалось определенное заявление в определенное время. Зависимость от политических условий в большинстве случаев ясна как день. Все соответствующие истории советских литератур рассматриваются исключительно в этой плоскости. Такой способ подхода политически сравнительно безопасен, поскольку все равно, признается ли определенное представление о литературе действительным и верным или же оно задним числом отвергается – примат идеологии над литературой ни в одном случае не ставится под сомнение. Знанием общественно-политического фона, правда, можно пренебречь, если речь идет о том, чтобы показать произвольность точек зрения на Габдуллу Тукая и позиций, которые в разное время приписывались ему. Явственные противоречия бросаются в глаза даже неопытному наблюдателю. Они особенно ярко проявляются в том, что для критиков в итоге не было важно само творчество Тукая, а оно выступало для них как материал, из которого возводился и делался привлекательным определенный идеологический каркас. Это диахронная плоскость. Она становится сложной тогда, когда на протяжении времени проводятся найденные необходимыми «ремонтные работы» с целью сохранения картины. Правда, при этом не заменяется сам загружаемый материал – творчество Тукая, – а меняется каркас, идеологические предпосылки. Творчество Тукая при этом показало себя как настоящая сокровищница: материал настолько богат и обладает такой эластичностью, что не было ни одного каркаса, который нельзя было бы возвести с помощью этого материала. В 1934 г. Фатых Сайфи-Казанлы писал как будто по этому поводу: «Тукая любили. Однако каждый социальный слой любил Тукая по-своему»².

1. Общая оценка: поэзия, идеалы, идеология и мировоззрение Габдуллы Тукая

1.1. Литературный аспект

«Все равно, с какой точки зрения – содержательной или литературного искусства, – из-под его пера не могут выйти стихи, на которых задержится глаз. О чем бы он ни писал, не возникнет прекрасной картины, перед которой можно было бы преклонить колени. Его описание никогда не достигает такого уровня, чтобы оживить перед тобой настоящую жизнь. (...) Он не обладает искусством, чтобы заколдовать тебя таким искусством, увести тебя в какие-то миры, к мечтательному и божественному счастью, к безграничным океанам чувства»³. Это, конечно, самая уничтожающая критика, которой когда-либо удостоивалось литературное творчество Габдуллы Тукая. Эти слова принадлежат Галимджану Ибрагимову и находятся в его сочинении «Татар шагыйрьләре», опубликованном в 1913 г., почти сразу после смерти Тукая. Галимджан сравнивает здесь Сагита Рамиева (1880–1926), Закира Рамиева (Дэрдменда) (1859–1926) и Габдуллу Тукая (1886–1913) – трех важнейших татарских поэтов периода междупервойрусской революцией 1905–1907 гг. и первой мировой войной. И с точки зрения содержания их лирики и ее формы, Тукай у Галимджана Ибрагимова твердо располагается на последнем месте⁴. Однако Галимджан не был слепым, он прекрасно знал, что по одному пункту он оставил позади обоих названных поэтов: «Ну и что же? Татаризм есть, есть способность отразить татарский дух и жизнь естественно и по-настоящему, по-народному... Вот и весь секрет того, почему интересуется Тукаевым человек, имеющий вкус и мораль. Но не только это дало Тукаеву его сегодняшнее положение перед народом»⁵. Галимджан приводит следующие причины, объясняющие столь высокую популярность Тукая в

народе: Тукай как поэт появился перед общественностью непосредственно с появлением первой татарской периодики («Әлгасрел-жәдит», «Фикер»), он целенаправленно поддерживался и был создан прессой как «молодой поэт» «молодой нации»⁶. Претензии и представления татарского народа о лирике были очень скромными: удачная рифма и доступный размер стиха определяли, хорошее это стихотворение или плохое⁷. В отличие от Сагита Рамиева и Дэрдменда Тукай ориентировался на меняющийся вкус народа и на духовно-политические течения, являвшиеся модными и господствующими. Но ни одно из этих течений не может поблагодарить Тукая за его пыл⁸. Коротче говоря: «В Тукае народ в какой-то мере находил то, что искала его душа и его сердце»⁹.

В первые годы после смерти поэта позиция Галимджана Ибрагимова в оценке «литературного Тукая» была не единичной. Хотя число «приверженцев Тукая» (Тукай мөхлисләре), которые «слепо поклонялись ему», и было велико¹⁰, тем не менее, чуть ли не в первый день после его смерти в татарской прессе стали появляться и едкие статьи, основной тон которых совпадал с мнением Галимджана. Критик Махмуд Фуад констатировал: «среди его произведений есть и очень ценные стихотворения, и такие, которые с точки зрения мысли и содержания являются очень слабыми»¹¹. Старому знакомому и временному другу Тукая, поэту Сагиту Рамиеву, также принадлежит не самая лестная оценка литературных качеств Тукая: «Он только разнообразил такие книги, как «Иске Кисек баш», «Бакырган» и «Йосыф», и оставил их нам, добавив к ним слова по последней моде»¹².

Большинство из этих ранних критиков сходились в том мнении, что Тукай был талантлив¹³, и искали лишь основания для того, чтобы объяснить, почему же этот талант не раскрылся. При этом можно назвать два основных объяснения.

Первое из них, «личное» объяснение, согласно которому у Тукая не было хорошего «воспитания», не было «руководства», и что Тукай при жизни никак не смог выстроить свое отношение к другому полу, к «миру любви». А эти два условия играли очень важную роль в жизни поэтов вообще – воспитание и эмоциональная, чувственная жизнь¹⁴.

Второе объяснение выставляло на передний план отношения между поэтом и обществом и подчеркивало, что жизненные условия и общественная ситуация сделали «бесплодными» (кысыр) не только Тукая, но и каждого талантливого поэта¹⁵. Такой взгляд, который опускает поэта до роли безвольного субъекта общественных отношений, однако, мне представляется спорным – все-таки одновременно с Тукаем создавали выдающиеся, и не только в татарском масштабе, произведения такие поэты, как Сагит Рамиев и Дэрдменд. Но он перекликается с господствовавшим в начале 1920-х годов подходом, согласно которому время до Октябрьской революции было отмечено лишь подавлением и эксплуатацией, и являлось эпохой экономической и духовной стагнации. Только с конца 1930-х годов, после официального осуждения исторической школы Покровского и после сталинской «великой чистки», во главу угла был поставлен героико-революционный характер дореволюционной эпохи. Схема интерпретации – человек – это продукт своего времени – осталась той же, но поворот при определении характера этого времени логично привел к противоположному результату: если в 1923 г. еще подчеркивалось, что в общественных условиях своего времени было невозможно раскрыться таланту Тукая, то в 1938 г. стало ясно, что именно эти условия способствовали тому, чтобы он превратился в великого поэта. В статье, посвященной празднованию 60-й годовщины со дня рождения Тукая (1946 г.), Кави Наджми заглянул в дореволюционное время, чтобы

перечислить события, определявшие названные условия: беспорядки среди рабочих на текстильной фабрике в Казани; трагедия в Бездне¹⁶; пламенные призывы «великого демократа» Александра Герцена¹⁷; студенческая сходка в Казани с участием Ленина в 1887 г.¹⁸; революционные прокламации большевика Кирова, распространявшиеся в долине Казанки весной 1903 г.¹⁹ К.Наджми затем подводит итог и пишет: «Вот на почве этой борьбы, великих битв и начался творческий путь Габдуллы Тукая. «Вставай, просыпайся, поднимайся» – это были его слова»²⁰. Революционный характер его времени как основа для революционного характера Габдуллы Тукая – такое положение встречалось до конца 1960-х годов²¹. С середины 1980-х годов оно встречается уже реже, а с 1990-х годов, когда распался Советский Союз и реально существовавший социализм остался в прошлом, революционной активности вообще перестали приписывать какую-либо роль в развитии Габдуллы Тукая²².

Все представленные до этого критики лишали творчество Габдуллы Тукая литературной ценности или, по меньшей мере, оригинальности. Они критиковали Тукая, потому что они были убеждены в самостоятельности литературы. Литература была для них не средством для достижения цели, но ценностью в себе. «Чистая» поэзия в их понимании не должна была следовать господствующему вкусу «массы», следовать за народом и не тематизировать, как это делал Тукай, общественно-политические течения и повседневные события. В центре внимания литературы должен был стоять поэт как индивидуум, который своим творчеством не следует за народом, а открывает ему новые горизонты. Поэзия же, в понимании этих критиков, это очень личное дело и выражение видений художественного гения²³. Такое мнение представляла небольшая часть татарских интеллектуалов, литераторов и критиков²⁴. Напротив, для подав-

ляющего большинства рассмотрение литературных качеств Тукая было, очевидно, очень подчиненным вопросом. Безусловные поклонники Тукая не интересовались этим²⁵ – для них на переднем плане стояло мировоззрение поэта: идеалы, которые находили выражение в его произведениях, отношения между Тукаем, татарским народом и эпохой, в которой он жил и творил. В татарском рассмотрении Габдуллы Тукая уже в дооктябрьское время господствовали рассуждения о социальной, общественной и политической актуальности его творчества.

В советское время все аспекты исследования Тукая были политизированы. Даже языковедческие темы, как, например, «Глаголы в языке Тукая», оказывались лишь поводом для широких идеологизированных декламаций²⁶. Если не считать некоторых малых исключений, в начале 1930-х годов никто уже не занимался вопросами литературного стиля Тукая²⁷.

В следующем разделе я подробнее хотел бы представить, какое мировоззрение, чувства и идеалы приписывались Габдулле Тукаю его критиками.

1.2. Идеалы и мировоззрение Габдуллы Тукая: пессимизм – гуманизм – оптимизм

Определение мировоззрения Тукая как пессимистического или оптимистического было основополагающим для оценки его литературного творчества, его личности, его идеалов, его отношения, которое он имел к своему народу, татарам и к своей эпохе. Оба этих определения не обязательно должны пониматься в качестве абсолютных критериев для оценки. Пессимизм мог быть интерпретирован как выражение личной трагедии поэта – то, что впоследствии в основном оценивалось негативно. Пессимизм, однако, мог быть истолкован и в том отношении, что поэт разделял и выражал господствовавшие в народе «пессимистические» чувства. В этом случае

«позитивная» и «негативная» оценки основываются на том, действительно ли народу принадлежали эти чувства²⁸ или нет. Если основным настроением Тукая определялся оптимизм, то оценка становилась намного проще и была почти всегда однозначно позитивной, потому что оптимизм означает веру в лучшее будущее, а это было одним из качеств, которые в социалистическом контексте были незаменимы для признания величия личности. Третье мировоззрение – гуманизм – занимает среднюю позицию между пессимизмом и оптимизмом. Оно означает, что внимание поэта уделено людям в целом, он не делит их на классы и тем самым не предпринимается разделение их на «плохих» и «хороших». Гуманизм допускает некоторое не совсем ясное и полностью дефинированное пространство, для противоречий в личности и в обществе. С этикетированием мировоззрения Габдуллы Тукая как гуманистического была сделана попытка вытянуть творчество и личность поэта с самого переднего фронта общественно-политических дискуссий. Хотя оценка в качестве «гуманистического» и не позволяла представить поэта неограниченно «образцовым», она все-таки предотвращала его полный демонтаж.

Проблема, лежащая здесь в основе, не в многослойности (можно сказать в переменчивости или произвольности) творчества Габдуллы Тукая. Проблема состоит в том, что большинство критиков не хотело или не могло признавать несогласованностей или противоречий в нем. Для них было невозможным ограничиваться одним единым и исключительным мнением и оценкой. В конце 1920-х годов противоречия между различными мнениями о Тукае, которые были обоснованы или не были, – в данном случае это не играло роли – практически полностью прекратились. Они были заменены единственным официальным взглядом, который, однако, не был статически установлен раз и навсегда, а ориентировался на из-

менявшиеся указания, поступавшие с политической стороны.

Какое из вышеназванных трех мировоззрений приписывалось поэту Тукаю, когда и кто это делал – это определялось предвзятыми точками зрения его интерпретаторов и общественно-политическими условиями, в которых они жили и работали. Чтобы поддержать ту или иную интерпретацию, с творчеством Тукая обходились очень выборочно: то, что было полезно, по мнению соответствующего интерпретатора, выбиралось,

цитировалось и подчеркивалось, то, что противоречило его позиции, – игнорировалось и утаивалось. Интерес в дискуссиях о Тукае касался ни его личности, ни его творчества, а, прежде всего, легитимации существующей или желаемой общественной реальности с привлечением на помощь поэта и его творчества.

Прежде чем я перейду непосредственно к оценкам Габдуллы Тукая, в последующем разделе я представлю политико-культурный фон, на котором разыгрывалось восприятие Тукая.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Enzensberger, Christian: Literatur und Interesse. Eine politische Ästhetik mit zwei Beispielen aus der englischen Literatur. Zweite, fortbeschriebene Fassung, Frankfurt 1981, S. 15, 17.

² *Сэйфи-Казанлы Ф.* Октябрь революциясенә кадәр татар буржуаз әдәбияты // СӘ. – 1934. – № 7. – 121 б.

³ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 74 б.

⁴ То, что Тукай думал о литературном творчестве Галимджана Ибрагимова почти то же самое, показывает его письмо от 4 марта 1912 г. молодому поэту Сагиту Сунчалю. Он писал: « публикации Галимджана в периодической печати кажутся гладкими, искренними и довольно-таки основательными. Однако я не вижу в его отдельных рассказах изящества и искусства, которое могло бы оставить в душе какой-либо след. Для темы, которую можно было бы изложить на десяти страницах, он каждый раз тратит намного больше бумаги». Цит. по: КУ. – 1960. – № 4. – 141 б.

⁵ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – 75 б.

⁶ Галимджан Ибрагимов писал: «Нельзя на все смотреть детскими глазами. Думать, что то положение, которое занимает писатель и поэт перед народом и прессой связано только с его талантом – это большое заблуждение. Здесь могут оказывать очень большое внимание случайности, положение, интересы и интриги в результате которых очень простые склонности могут быть вознесены до небес. И не только у татар, не сводущих в поэзии или морали, но и на культурном Западе тому примеров очень много» (Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 75 б.)

⁷ Галимджан Ибрагимов писал: «Тукаев же с самого начала (буквально – с самой первой молитвы) был большим мастером в этом» (Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 75 б.)

⁸ Галимджан Ибрагимов писал: «Тукаев никак их не подвинул» (Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 76 б.)

⁹ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – 76 б.

¹⁰ *Вәлиди Ж.* Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 3 б.

¹¹ *Фуад М.* Онытылмас үкенеч // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

¹² *Рәмиев С.* Икенче апрель көне // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

¹³ См., например: редакционная статья в газете «Вақыт» (27.06.1906. – № 42; Әмирхан Ф. Габдулла Тукаев шигырьләре // Әлислах. – 1907. – № 9. – 7–8 б.; Камал Г. Габдулла Тукаев шигырьләре // Йолдыз. – 05.12.1907. – № 201; Әмирхан Ф. Габдулла Тукаев шигырьләре (3 нче дәфтәр) // Әл-ислах. – 1909. – № 17. – 8–9 б.; Әмирхан Ф. Печән базары // Әл-ислах. – 1908. – № 52; редакционная статья в газете «Вақыт» (13.12.1908. – № 407); Ибраһимов Г. Татар матбугаты // Йолдыз. – 12.01.1910. – № 490; Бәкер К. Балалар күнеле // Йолдыз. – 19.01.1910. – № 493; Ибраһимов Г. Әдәбият мәсьәләләре // Йолдыз. – 08.06.1910. – № 549; Ибраһимов Г. Күнел жимешләре // Йолдыз. – 05.04.1911. – № 666; Бәкер К. Күнел жимешләре // Нур. – 15.04.1911. – № 230.

¹⁴ Эти два условия названы, например, в статье: Фәхретдин Р. Мөсамәрә // Шура. – 1914. – № 22. – 704 б. О них же говорил и Сагитт Рамиев: Рәмиев С. Икенче апрель көне // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

¹⁵ Әмирхан Ф. Күпме какканны вә сукканны күтәрде ул ятим! // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77(742).

¹⁶ В начале апреля 1861 г. в деревне Бездна Спасского уезда произошло крестьянское восстание, быстро распространившееся и в других деревнях Казанской, Симбирской и Самарской губерний. Восстание было подавлено военной силой в середине апреля. По официальным, царским источникам речь шла о 91 убитом и 87 раненых. По неофициальным данным убитых было более 350 человек. Жестокие действия военных стали поводом для демонстраций студентов Казанского университета. «Бездненское восстание и его подавление стали важным элементом революционной атмосферы 1859–1861 гг. в России (**Great Soviet Encyclopedia, volume 3, Moscow/new York/London 1970, S. 241**).

¹⁷ О роли Александра Герцена и его журнала «Колокол», издававшегося в эмиграции см.: Gleason, Abbot: **Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s**, Chicago/London 1980, S. 77–113.

¹⁸ Сразу по окончании гимназии в Симбирске Ленин начал учебу на юридическом факультете Казанского университета. Из-за участия в студенческой сходке в декабре 1887 г. он был на короткое время арестован и затем исключен из университета.

¹⁹ Сергей Миронович Киров (1886–1934) посещал техническую школу в Казани и закончил ее в 1904 г.. Его «революционные прокламации в долине Казанки» не упоминаются ни в одном из изданий «Большой Советской Энциклопедии».

²⁰ Нәҗми К. Халык шагыйре. Габдулла Тукайның тууына 60 ел тулу унае белән // Кызыл Татарстан. – 14.04.1946. Здесь цит. по: Нәҗми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби публицистик мәкаләләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәҗметдинов. – Казан, 1984. – 171 б. Но К.Наджми «забывает» упомянуть, из какого произведения взяты приведенные им слова Тукая – а они взяты из первого опубликованного стихотворения Тукая «Мужик йокысы». Но это не оригинальное сочинение Тукая, а перевод стихотворения «Что ты спишь, мужичок?» русского поэта А.В.Кольцова (1809–1842). При публикации стихотворения в первом номере газеты «Фикер» 26 ноября 1905 г. Тукай был назван только переводчиком (мөтәржим Габдулла Тукаев) (см.: Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. – 247 б.). Подобное замалчивание или фальсифицированные цитаты встречаются в статье К.Наджми не раз.

²¹ См., например: Нафиков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 119–128 б.; Башкуров Р.; Воздвиженский В. Нәрвакыт халык йөрәгендә. Габдулла Тукайның тормыш һәм иҗат юлы. – Казан, 1966; Лаисов Н. Тукай турында яна китап // Социалистик Татарстан. – 16.03.1969. – № 64 (14616).

²² См., например: Төхфәтуллин Х.К. Камил Мотыгыый. – Казан, 1992.

²³ См., например: Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 85–87 б.

²⁴ С середины 1920-х годов это мнение критиковалось как «буржуазное». Хотя Галимджан Ибрагимов, тогда один из самых известных представителей этого течения, уже и подвергался нападкам (см., например статью: Наум Х. Татар әдәбиятында зәһәрле микроб // Татарстан. – 18.07.1923. – №136(801), он избегал полной диффамации вплоть до ареста 29 августа 1937 г. После смерти Г.Ибрагимова в тюремной больнице в Казани 21 января 1938 г. его «заблуждения» были безжалостно «раскрыты». Он был объявлен «кулацким идеологом», а его высказывания в адрес Габдуллы Тукая в работе «Татар шагыйрьләре» названы «самыми бесстыдными, самыми отвратительными» (Жәләй Л. Г.Тукай телендә фигуральер // СӘ. – 1938. – №3. – 59 б.). Высказывания в подобном «духе» и на таком же языке о Г.Ибрагимове можно встретить до смерти Сталина (1953 г.) Назову только некоторые, наиболее «выдающиеся» примеры: Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. Икенче китап. – Казан, 1940. – 24 б.; Фәйзуллина М. Тукай публицистикасы // СӘ. – 1940. – № 4. – 65 б.; Фасеев К. Әдәбиятта идеологик бозуларга каршы // СӘ. – 1954. – № 8. – 76 б. После реабилитации Галимджана Ибрагимова, в середине 1950-х годов, подобные диффамации прекратились, и точно так же неожиданно и безосновательно, как и обвинения 1938 г., стало утверждаться, что между Ибрагимовым и Тукаем существовало полное едино-

душие. В информации об издании нового, трехтомного сборника сочинений Галимджана Ибрагимова в 1956 г., например, говорилось: «Его имя совершенно справедливо считается в одном ряду такими нашими уважаемыми писателями, как великий поэт Габдулла Тукай» (СЭ. – 1956. – № 10. – 126 б.). Беззастенчивый «поворот» в оценке Г.Ибрагимова особенно ясно продемонстрировал крупный партийный функционер Камиль Фасеев. Еще в 1954 г., в вышеназванной статье он заклеил Г.Ибрагимова как «постоянного идейного врага Тукая» (76 б.), но уже в 1961 г, когда положение на идеологическом фронте изменилось, он пришел к совершенно иным «взглядам» и высоко оценивал «Ценные труды нашего великого критика» (так называлась статья К.Фасеева о Г.Ибрагимове в журнале «Совет әдәбияты» (1961. – № 2. – 142–153 б.).

²⁵ Одним из редких примеров, когда при позитивной оценке Тукая также оценивались и его литературные качества, является статья Г.Рафики, опубликованная в 1914 г. Хотя он и соглашался с тем, что среди стихов Тукая есть неудачные в литературном отношении, однако, они не портят общей картины. В большей степени они являются будто родинкой, которая украшает и без того красивое лицо и как будто придает ему особый «шарм». (Рәфикый Г. Тукайны тәхәттүр // Аң. – 1914. – №7. – 144 б.)

²⁶ См.: Жәләй Л. Г.Тукай телендә фигыльләр //СЭ. – 1938. – № 3. – 58–66 б.; № 4. – 58–66 б.; № 5. – 59–63 б.

²⁷ И даже в этих малочисленных примерах идет речь только о непрямом рассмотрении. Стихи некоего товарища Батикова в 1931 г. подверглись критике и не были опубликованы из следующих соображений: «Ваши стихи, похоже, были написаны не в этом году, а еще до революции. Теперь же стихи, написанные в стиле Тукая, не могут удовлетворить нашу горячую индустриальную эпоху, эпоху классово-борьбы» (Яналиф. – 1931. – № 5/6. – 139 б.)

²⁸ Одним из немногих примеров, когда подобное было сделано, является небольшая статья о татарской литературе литературоведа и теоретика П.С.Когана, опубликованная в 1927 г. (Коган П.С. Татар әдәбияты турында // Безнең юл. – 1927. – № 9. – 20–23 б.)

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокопочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировался сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.

УДК 902

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ЕЛАБУГИ: ОБОСНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ

*Р.Р. Хайрутдинов, кандидат исторических наук;**Р.Р. Салихов, доктор исторических наук;**Д.Г. Галлямова, кандидат исторических наук*

В 2007 г. город Елабуга вслед за столицей Татарстана — Казанью отметил свой миллениум. Проведению тысячелетнего юбилея предшествовала большая исследовательская и организационная работа по определению времени возникновения древней Алабуги. В ходе реализации этой крупной научной программы были подведены итоги многолетних историко-археологических и культурологических исследований елабужских древностей, проведены масштабные археологические раскопки на территории города и посада, обобщен накопленный за почти двухсотлетний период времени исторический и археологический материал.

В мае 2011 г. исполнилось 10 лет документу, ставшему основой для обоснования и реализации этого проекта — заключению Института истории АН РТ «О времени возникновения г. Елабуга», позволившему в конечном итоге благодаря поддержке руководства республики, администрации города и района воплотить в жизнь планы по подъему экономического и культурного потенциала региона.

Историческая наука в Татарстане в конце 1990-х — начале 2000-х гг. переживала важный, ответственный и в то же время необычайно интересный этап своего развития. Политические изменения последнего десятилетия XX столетия, обеспечившие демократизацию общества, становление государственности республики, инициировали и необратимый процесс отказа от прежних идеологических догм, искреннее вни-

мание и стремление к всестороннему и объективному изучению прошлого. Перед учеными открылись исследовательские перспективы, требующие не только тщательной поисковой деятельности, но и генерирования ярких идей, использования новых оригинальных методов и подходов.

Само время поставило перед историками глобальные задачи, проблемы концептуального характера, связанные с созданием многоотной истории татарского народа, истории Татарстана, капитальных научных трудов, которые позволили по-новому взглянуть на политические, социальные, этнические, культурные и экономические процессы, происходившие на евразийском континенте в течение нескольких тысячелетий.

Вместе с тем для ученых, давно и серьезно занимающихся изучением татарского мира России, не существовало жесткого разделения на фундаментальные и прикладные исследования. Общие закономерности, взаимосвязь явлений и событий требовали от историков при анализе и решении научных проблем татароведения, безусловно, целостного, комплексного подхода. Вот почему в Институте истории Академии наук РТ в этот период большое значение придавалось региональным исследованиям, освещению прошлого отдельных населенных пунктов, административных районов и территорий.

Знакомство с многовековой биографией древнего татарского аула, города или историко-культурных ареалов, та-

ких, как, например, Заказанье, Закамье и Елабужская сторона, в конечном итоге приводило исследователей к постижению и пониманию самой сути происходившего не только в национальном, тюрко-мусульманском масштабах, но и в рамках всей татарской цивилизации.

Так, определение тысячелетнего возраста города Казани, сделанного сотрудниками института, является ярким подтверждением этого тезиса. Решение достаточно локального вопроса, несомненно, имеющего огромное научное и политическое значение, затронуло и множество других аспектов татарстанской, российской и мировой истории в целом. Ведущими научными специалистами Татарстана, России и целым рядом зарубежных ученых, принимавших участие в совместных исследованиях столицы республики, был подтвержден вывод о существовании на территории Волжской Булгарии X–XIII вв. разветвленной сети городских поселений. По материалам археологов, на территории Булгарии насчитывалось более 170 городищ, из числа которых около 35 были в прошлом крупными городами, в том числе и древняя Алабуга.

Институтом был собран богатейший материал о тысячелетней булгаро-татарской городской культуре, убедительно заявлено о ее неповторимости и уникальности, а также широкой распространенности на территории континента. В этом контексте последующее обращение исследователей к прошлому города Елабуги, сегодня являющегося общепризнанной историко-архитектурной гордостью Татарстана, стало оправданным и многообещающим в научном плане событием.

Изучение археологических древностей Елабужского края насчитывает более чем 200-летнюю историю. Одним из первых исследователей знаменитого Елабужского (Чертового) городища был капитан Н.П.Рычков, оставивший в 1769 г. подробное описание этого памятника. Среди ученых первой трети XIX в., изучавших городи-

ще, были профессора Казанского университета Ф.Эрдман, Н.Кафтаников. В середине XIX в. большой вклад в изучение и сохранение этого памятника внес елабужский городской голова И.В.Шишкин, отец знаменитого русского живописца. В 1880-е гг. подробное обследование здесь проводил известный русский археолог А.А.Спицын. Уже в советское время, в 1950-е гг., территорию Елабужского городища исследовали археологи А.П.Смирнов, Т.А.Хлебникова, Ф.В.Генинг. В 1970–1980-е гг. памятник изучался археологическими экспедициями, возглавляемыми С.Кузьминых, М.Кавеевым, К.Корепановым, А.Х.Халиковым. С 1994 г. активные археологические раскопки в Елабуге вел старший преподаватель ЕГПИ А.З.Нигамаев.

Первым ученым, поставившим вопрос о домонгольском периоде основания Елабуги, был крупнейший татарстанский археолог Альфред Хасанович Халиков. Еще в начале 1990-х гг., основываясь на материалах исследований Елабужского городища, он предположил, что его возраст насчитывает около 800 лет. Впервые о 1000-летнем возрасте города, как о научной проблеме, заговорили на конференции, проведенной в Елабуге в 1997 г. Практически работы по определению возраста Елабуги велись параллельно с казанскими исследованиями. Большую помощь в обработке елабужских материалов и проведении новых изысканий оказали директор Института истории АН РТ Р.С.Хакимов, специалисты Национального центра археологических исследований института – Ф.Ш.Хузин, П.Н.Старостин, Е.П.Казаков, историки Р.Р.Хайрутдинов, Р.Р.Салихов, Р.Ф.Галлямов, преподаватели Елабужского государственного педагогического университета А.З.Нигамаев, А.М.Калимуллин, во главе с ректором Н.М.Валеевым, и директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, кандидат исторических наук Д.Г.Галлямова.

Особая роль в создании и реализации этой исследовательской программы принадлежала Главе Администрации г. Елабуга и Елабужского района, ныне ректору Казанского (Приволжского) федерального университета Ильшату Рафкатовичу Гафурову. С самого начала своей деятельности (с апреля 1998 г.) в качестве руководителя муниципалитета ключевым направлением своей работы И.Р.Гафуров считал создание условий для эффективного использования потенциала территории. Одним из важнейших ресурсов города, по его убеждению, являлось историческое прошлое Елабуги, богатейший пласт культурного наследия. Совершенно очевидными для новой городской команды были и перспективы развития туристской индустрии в регионе. Свою роль в осознании необходимости проведения исследований на территории города сыграло и близкое общение с руководством Института истории АН РТ, детальное изучение опыта работ по обоснованию тысячелетия Казани.

Выявленные елабужские находки подверглись тщательному анализу и научной экспертизе. Раскопки велись местными и казанскими учеными, однако с результатами находок были ознакомлены и специалисты всех ведущих научных центров Среднего Поволжья и Приуралья, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Так, в самой Елабуге материалы раскопок были внимательно изучены ведущим специалистом Института археологии РАН, заведующим отделом полевых исследований, членом-корреспондентом РАН В.В.Седовым.

В ходе работы были получены положительные заключения ведущих научных центров Российской Федерации о времени возникновения г. Елабуги: Института археологии РАН (от 26.03.2001 г.), Института российской истории РАН (от 2.05.2001 г.), Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (от 3.05.2001 г.), Удмуртского института истории, языка и литературы РАН (от 18.12.2000 г.),

Марийского научно-исследовательского института истории, языка и литературы РАН (от 2.02.2001 г.), исторического факультета Пермского педагогического университета (от 23.02.2001 г.), Елабужского государственного педагогического института (от 12.02.2001 г.).

Результаты исследований неоднократно обсуждались на международных и российских научных конференциях. Обсуждению проблем датировки Елабуги был специально посвящен круглый стол (январь 2000 г.), проведенный Администрацией г. Елабуги и Елабужского района, Елабужским государственным педагогическим институтом и Институтом истории АН РТ. Институтом совместно с Администрацией были изданы книга «Древняя Алабуга» — Казань, 2000. — 222 с., сборник материалов «О времени возникновения города Елабуги. Заключение и материалы». — Казань, 2001. — 55 с. (6,5 п.л.)

Администрацией города, Елабужским Советом народных депутатов по завершении археологических исследований 2000 г. принимается решение на основании научного заключения Института истории и президиума Академии наук Татарстана установить дату основания города Елабуги. В мае 2001 г. доработанное заключение Института истории, в котором были обобщены результаты исследований и сделан вывод о возникновении Елабуги на рубеже X—XI вв. как поселения городского типа, было подписано Р.С.Хакимовым, Р.Р.Хайрутдиновым, Ф.Ш.Хузиным. Научный этап по обоснованию времени основания древней Алабуги в целом был завершен. Все материалы и заключения по определению даты возникновения г. Елабуги в 2001 г. были переданы Институтом истории АН РТ в президиум Академии наук РТ для подготовки решения.

В апреле 2003 г. первый Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев принял участие в работе XVIII сессии Елабужского объединенного Совета народных депутатов. Под № 10 в протокол сессии был внесен пункт о проработке

вопроса по определению возраста возникновения г. Елабуга как поселения городского типа. Таким образом, внимание к данной проблеме было привлечено на самом высоком уровне, и Академия наук вновь вернулась к рассмотрению материалов научных исследований Института истории.

18 сентября 2003 г. состоялось заседание президиума Академии наук РТ, на котором было принято постановление об утверждении даты основания древней Алабуги. 24 октября 2005 г. М.Ш.Шаймиев подписал Указ о праздновании 1000-летия основания города Елабуги в августе 2007 г. и образовал Республиканскую комиссию по подготовке и проведению празднования юбилея во главе с председателем комиссии – Премьер-министром Республики Татарстан Р.Н.Миннихановым.

Можно согласиться с тем, что утверждение даты возникновения того или иного населенного пункта имеет важное, но не определяющее значение. Тем более что история родного горо-

да, его историко-культурное наследие действительно являются предметом интереса и гордости большинства жителей Елабуги. Естественно, что главной задачей тысячелетия, целью юбилейных программ стали помимо сохранения исторического облика древнего города, в первую очередь, создание условий для превращения Елабуги в крупный туристический центр Закамского региона, с развитой культурно-музейной инфраструктурой, а также помощь в решении актуальных социальных и культурных проблем.

Однако невозможно отрицать тот факт, что динамичное развитие Казани и Елабуги, социально-экономические преобразования этих городов в первые десятилетия XXI в. стали возможными в результате достижений фундаментальной гуманитарной науки, а изучение истории городской культуры края способствовало заметному укреплению и развитию академической исторической науки, авторитета республики в целом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Заключение Института истории АН РТ от 3 мая 2001 г. № 00.171 «О времени возникновения г. Елабуга»

(Принято решением ученого совета Института истории АН РТ, протокол № 4 от 17 апреля 2001 г.)

Дата основания города Елабуги до последнего времени оставалась не установленной. По этому вопросу существовал ряд мнений, основанных преимущественно на письменных документах. Самой распространенной является точка зрения, сторонники которой историю города начинают с указа Екатерины II, переименовавшей в 1780 г. село Трехсвятское и одновременную крепость при нем в уездный город Елабугу. В современных энциклопедиях (см.: Города России. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 133; Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С.184) основание города отнесено к середине или второй половине XVI столетия, когда на территории современной Елабуги возникло упомянутое село Трехсвятское.

Эти даты основания Елабуги всегда вызывали большие споры, ибо в распоряжении

ученых имелись факты, указывающие на существование более древнего поселения на территории города. Так, в письменных документах XVI–XVIII вв. село Трехсвятское упоминается, как правило, параллельно с названием Елабуга («Трехсвятское тож Елабуга», «село Трехсвятское, что на Елабуге» и т.д.). Данный факт свидетельствует о существовании Елабуги еще до появления села Трехсвятского во второй половине XVI в. И действительно, в «Списке населенных мест периода Казанского ханства», составленном известным историком Е.И.Чернышевым по писцовым книгам XVI–XVII вв. с привлечением других всевозможных источников, значится «село Елабуга-Алабуга, Зюрейской дороги на р. Каме». Очевидно, после покорения Казанского ханства Иваном Грозным Алабуга была просто переименована в Трехсвятское, но это название не прижилось

среди местного татаро-русского населения и параллельно с ним употреблялось более привычное «Алабуга».

Фольклорные источники (о елабужских ханах Уразбакты и Илбакты, о разгроме города войсками Тимура в 1391 г.) позволяют говорить о Елабуге XIII–XIV вв., но достоверность этих данных пока не установлена. Таким образом, самые ранние и достоверные сведения письменных источников о Елабуге ограничиваются периодом Казанского ханства.

В последние годы на территории г. Елабуги археологами проводились широкие раскопки, которые дали возможность зафиксировать культурный слой булгарского времени. Новые материалы раскопок на Елабужском (Чертовом) городище, проведенных проф. А.Х.Халиковым в 1993 г., позволили ему выдвинуть предположение о возникновении на этом месте булгарского укрепленного поселения и белокаменной крепости-мечети во второй половине XII в. Данное предположение получило поддержку большинства участников научно-практической конференции «Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников», проходившей 26–27 сентября 1997 г. на базе Елабужского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В их докладах были приведены достаточно убедительные материалы, которые дали основание несколько уточнить предложенную А.Х.Халиковым дату. В резолюции конференции, в частности, указывалось, что «по совокупности имеющихся материалов возникновения Елабужского городища представляется возможным датировать концом X–XI вв.»

Однако многие проблемы, связанные с определением времени возникновения Елабуги, не удалось решить на этой конференции в силу скудости накопленных источников. Было рекомендовано в дальнейшем активизировать археологические раскопки двух памятников — Елабужского городища и болгарского поселения (посада) в исторической части современного города. При дальнейших работах по уточнению даты основания г. Елабуги предстояло решить две важные задачи: 1) определить хронологическое соотношение городища с поселением (посадам), выявить их взаимосвязь и место в топографической структуре древней Елабуги; 2) проследить историческую пре-

емственность, непрерывность в развитии города Елабуги от древнего поселения. В этом плане самое серьезное внимание обращалось на стратиграфию памятников, сопоставительное изучение находок и объектов из каждого отдельно взятого слоя.

При решении поставленных задач учитывался положительный опыт ученых, работавших в последние годы над проблемой определения возраста Казани. Новая методика, разработанная на материалах средневековой Казани, основана на синтезе данных целого комплекса научных дисциплин при определяющей роли археологических источников. Она признана универсальной, следовательно, вполне применима для решения аналогичной проблемы древней истории Елабуги.

Елабужское (Чертово) городище расположено на юго-западной окраине города на правом берегу р. Тоймы, правого притока Камы. Занимает большой мыс коренной террасы, возвышающейся над рекой на 52–60 м. Площадка городища (около 3 га) укреплена с напольной стороны тремя линиями земляных валов и рвов. Знаменитая каменная башня болгарского времени возвышается у восточного склона мыса. В некоторых списках «Казанской истории» второй половины XVI столетия отмечено, что «Чертово городище» расположено «на высокой горе близ городка Елабуги». В документах первой половины XVII в. памятник носит название «Каменного городища, что на Елабуге».

Первое подробное описание городища и каменных развалин на его территории приводится в сочинении Н.П.Рычкова, лично посетившего Елабугу в 1769 г. Он был первым исследователем, определившим развалины каменного здания как остатки «храма язычников», т.е. мечети, построенной болгарскими и занятой потом православными монахами. Позднее городище обследовалось профессором Казанского университета Ф.И.Эрдманом и Н.Н.Кафтанниковым.

Интересную книгу о г. Елабуге написал и издал в 1871 г. И.В.Шишкин, городской глава, стараниями которого в 1867 г. была отремонтирована и восстановлена почти в первоначальном виде сохранившаяся башня на древнем городище. Он считал, что на месте древней Елабуги первоначально располагался скифский город Гелон, а позднее — болгарский город Брюхимов. Эта точка зрения была поддержана и другими исследователями. Так, К.И.Невоструев полагал, что

«город Елабуга входил прежде в состав древнего Волжско-Болгарского, а потом Казанского царства; ...здесь был известный и славный по русским летописям болгарский город Бряхимов, в 1164 г. разоренный Андреем Боголюбским в знаменитый поход его на Болгарию». Однако, как показали дальнейшие исследования, локализация города Бряхимова на месте Елабужского городища оказалась ошибочной.

Значительные исследования на городище проводил в 1888 г. известный русский археолог А.А.Спицын. Определив время строительства каменной башни не позднее XIII в., он высказал предположение, что это здание представляло собой или часть древнего караван-сарая или усыпальницу одного из мусульманских святых.

Материалы Елабужского городища привлекли внимание крупнейшего советского археолога-булгароведа А.П.Смирнова. Он утверждал, что «это была военная цитадель, самый северный пункт Булгарского княжества, за которым начиналась малозаселенная полоса, составлявшая границу с северными племенами». По аргументированному мнению А.П.Смирнова, Елабужское городище с цитаделью было построено в X–XI вв. и служило «опорой господства болгар среди удмуртских племен. Отсюда они совершали набеги на села, облагали их данью».

В 1958–1959 гг. городище было обследовано разведочными отрядами Т.А. Хлебниковой и В.Ф. Генинга, в 1971 г. — С.В. Кузьминых, подтвердивших основные наблюдения А.П. Смирнова.

В 1981 г., впервые за долгие годы, Елабужское городище подверглось раскопкам, проведенным экспедицией ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР под руководством М.М.Кавеева. Исследователю удалось археологически доказать время функционирования здесь укрепленного болгарского поселения — XI–XIII вв. Материалы раскопок показали, что городище не являлось местом постоянного проживания болгар, а служило военной крепостью или убежищем, использовавшимся окрестным населением только в случаях военной опасности. По классификации Р.Г. Фахрутдинова, памятник относится к третьему типу болгарских городищ, функционировавших в качестве военных крепостей-форпостов по охране стратегических и торговых путей, пограничных зон.

В 1991–1992 гг. на памятнике проводил масштабные исследования К.И.Корепанов,

заложивший в районе сохранившейся башни обширный раскоп площадью 896 кв.м. В стратиграфии памятника он выделил несколько слоев (ананьинского, именьковского времени, булгаро-татарской эпохи, периода существования русского монастыря XVII–XVIII вв.). На основании анализа керамического материала и вещевых находок из булгарского слоя начало его отложения он датировал X–XI вв. Среди ранних находок была достаточно представительная группа лепной посуды т.н. «постпетрогромского типа», появившаяся в булгарских памятниках в конце X в. Были обнаружены также железные наконечник стрелы, нож и рыболовный крючок, глиняные пряслица и грузило для рыболовной сети, сланцевое точило, костяной наконечник стрелы, сердоликовая бипирамидальная бусина, бытовавшие преимущественно в XI — первой половине XIII вв. Более поздние находки представлены фрагментами керамики золотоордынского и ханского времени. По мнению Л.Д.Макарова (Ижевск), находка небольшого количества древнерусской или славяно-русской керамики может свидетельствовать о проживании в Алабуге небольшой группы русских людей в XIII–XIV вв.

В 1993 г. по заданию Елабужского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника исследования на раскопе были продолжены проф. А.Х.Халиковым. Экспедиция ставила своей основной задачей полное археологическое и архитектурное обследование белокаменного сооружения на Елабужском городище.

Тщательное изучение профилей бровок и стенок раскопа дало возможность не только определить условия залегания конструкций вскрываемого каменного здания, но и установить общую стратиграфию культурных наслоений городища в данном районе. Было установлено, что общая мощность культурного слоя в западной части исследуемой территории доходит до 80 см, тогда как вдоль склона она едва превышала 50 см. Стратиграфия раскопа в пределах сооружения дала следующую картину:

1. Дёрн и поддёрновый слой с включениями на отдельных участках весьма мощных каменно-щебенистых скоплений — 10–30 см;

2. Гумусированная суглинистая серая супесь с включениями древесного угля и известнякового щебня — 5–10 см. По определению А.Х.Халикова, эти отложения связа-

ны с функционированием в XVII–XVIII вв. Троицкого монастыря;

3. Углистая прослойка мощностью 5–10 см. Происхождение этой прослойки А.Х.Халиков связывал с событиями середины XVI в. В «Казанской истории» второй половины XVI в. говорится о большом пожаре, уничтожившем это здание: «И по мала часе явился дым черн, велик, изнутриграда, из мечети, на воздух идя, смрад зол»;

4. Серая плотная супесь с щебенистыми включениями в 15–20 см толщиной, местами подстилаемая кладкой из известняковых плит и блоков – остатков пола или стен здания. Данный слой был определен как болгарско-казанский и связывался со временем строительства и функционирования здания в XII – середине XVI вв. Строительный горизонт здания прослежен в основании культурного слоя болгарского времени и покоился практически на пятом слое, накопленном в пьяноборско-азелинский и именьковско-котловский периоды.

5. Серая суглинисто-супесчаная почва мощностью 5–10 см с находками керамики именьковского и пьяноборско-азелинского типа.

6. Темно-серая плотная супесь с углистыми включениями в 10–15 см толщиной – нижний слой, датированный ананьинскими материалами серединой и второй половиной I тысячелетия до н.э.

Болгарский слой со средней мощностью 20–30 см являлся, по мнению А.Х. Халикова, доминирующим. В этом слое лежали остатки каменного здания, воздвигнутого на ленточном фундаменте по ширине стен, для устройства которого был выкопан котлован на глубину 35–40 см. Здание имело почти правильную квадратную в основе форму с длиной сторон 21 м, по углам которого очертились фундаменты округлых башен со средним диаметром в 5 м. Имелись и пристенные башни, в числе которых треугольный выступ – контрфорс, ориентированный своим острием на юг-юго-запад (205 градусов), т.е. точно на Мекку. Эта полубашня-михраб была построена одновременно с юго-западной стеной. Дополнительным подтверждением того, что здание изначально выполняло роль мечети, по убеждению А.Х.Халикова, является почти меридиональная ориентация его с отклонением примерно на 25 градусов, что было вызвано необходимым в этом регионе направлением здания мечети, т.е. соблюдением Кыблы.

Все здание было сложено из плитчатого известняка; скрепляющим средством служил глинисто-известковый раствор, характерный для болгарских построек домонгольского времени.

При изучении белокаменного здания в его конструкциях и связанных с ними наслоениях обнаружен материал, который позволил уточнить датировку памятника. Наиболее многочисленными оказались находки общеполитической керамики домонгольского времени. Достаточно много лепной раковинной теста керамики прикамско-приуральских истоков (79 фрагментов). Как отмечалось уже выше, чашевидные сосуды так называемого «постпетрогромского» типа широко представлены в материалах болгарских поселений домонгольского периода начиная с X столетия, но нигде эта группа посуды не встречается в таком большом количестве, как на Елабужском городище. Это, несомненно, указывает на своеобразие этнического состава населения восточных районов Предкамья, в частности, на присутствие заметного количества угорских или, скорее, тюрко-угорских элементов. Об этом говорят и топонимические данные, собранные в последние годы проф. Л.Ш.Арслановым.

С домонгольским периодом истории городища связаны и некоторые другие находки из раскопа 1993 г.: железные скобы, гвозди, ключи и цилиндрический замок, шиферное и глиняные пряслица, бочонковидная бусинка из синего и шаровидная бусинка из желтого непрозрачного стекла. Все они относятся к числу довольно часто встречаемых находок в болгарских памятниках XI – первой половины XIII вв.

В своем отчете А.Х.Халиков отмечал небольшую группу гончарной керамики золотоордынского и казанского периодов (второй половины XIII – первой половины XVI вв.). Кроме того, было обнаружено небольшое количество фрагментов посуды, отнесенной Т.А.Хлебниковой к XIII («джукетауской») и XVIII группам своей классификации. Эти группы характерны в основном для материальной культуры болгарских поселений золотоордынского времени, хотя встречаются и в домонгольских слоях.

С 1994 г. исследования памятника продолжались А.З.Нигамаевым. За пределами юго-западной части городища примерно в 130 м от наружных валов во время обследования отложений культурного слоя у края обрыва были вскрыты остатки женского

захоронения с украшениями, состоящими из двух медных шумящих подвесок и серебряного височного кольца с шаровидной пронизкой. Последняя находка принадлежит характерным изделиям болгарских ремесленников XI в., имеющим болгаро-салтовские истоки. Интерес представляет еще одна находка, обнаруженная в районе вышеупомянутого захоронения – железный наконечник копья типа пиковидных, распространенных в XI–XII вв. По мнению исследователя, на этом месте могло располагаться кладбище X–XI вв. с погребениями, имеющими истоки в угро-тюркском мире.

А.З.Нигамаевым были заложены еще три разведочных шурфа и новый раскоп площадью 256 кв.м, примыкающий к раскопу 1993 г. Целью данных исследований было изучение центральной части городища, где была вероятность обнаружения следов жилищ и хозяйственных построек болгарского времени. К сожалению, почти вся территория раскопа была занята монастырским некрополем XVII в., полностью разрушившим более древние культурные отложения. В разрушенных слоях кроме фрагментов болгарской гончарной и лепной посуды обнаружены 5 глиняных пряслиц, костяной наконечник стрелы пулевидной формы и железный ключ от цилиндрического замка типа Б по новгородской хронологии, датирующиеся в пределах XI–XIII вв.

В целом исследования 1993–1999 гг. показали, что городище на мысу непрерывно функционировало с XI по XVI в., но основное население проживало все же не здесь, а в другом месте.

Болгарское поселение в исторической части современной Елабуги. Еще в 1911 г. на территории Елабуги, в посадской части города во дворе И.З.Новикова, был обнаружен интересный клад, переданный впоследствии в Эрмитаж. Он состоял из четырех серебряных серег так называемого «киевского типа» и 17 серебряных монетных гривен. Находки были датированы XI–XIII вв.

В 1997 г. во время строительных работ на ул. Б.Покровской были выявлены два захоронения, одно из которых оказалось полностью разрушенным, а второе исследовано А.З.Нигамаевым. Костяк лежал на глубине 105 см от современной поверхности. Захоронение совершено в грунтовой яме в стандартном для мусульманских традиций положении: ориентация ЗЮЗ-ВСВ, лицом к кыбле, туловище чуть повернуто

на правый бок. Каких-либо сопровождающих предметов, связанных с погребением, не оказалось, но в засыпи могильной ямы был обнаружен фрагмент ручки болгарского красноглиняного кувшина с широким лощением. Несколько глубже, под костяком, лежали фрагменты венчика горшковидного сосуда бурого цвета с узким лощением и стенки лепного чашевидного сосуда постпетрогромского типа. Данное захоронение было совершено не позднее, чем в золотоордынское время. Аналогичное захоронение, с небольшим количеством болгарской керамики в засыпи могильной ямы, было обнаружено в 1994 г. на Набережной у мемориала павшим воинам.

После этих открытий было решено более основательно обследовать старую часть города, прежде всего территорию, прилегающую к надлуговой террасе между Спасским и Покровским соборами. В 1997–2000 гг. было заложено 5 раскопов общей площадью более 200 кв. м.

Наиболее интересным и информативным оказался раскоп I площадью 120 кв.м на ул. Большой Покровской в 30 м северо-восточное от обнаруженных ранее погребений. Мощность культурного слоя в раскопе составляла 95–125 см. Удалось выделить несколько хронологически разновременных слоев:

1 (современный) – дерн и поддерновый слой мощностью 30–35 см;

2 – слой буровато-серой гумусированной супеси с активными включениями органики мощностью 35–55 см; время его отложения на основании характерных находок было определено второй половиной XVI–XVIII вв.;

3 – слой плотной серой супеси с углистыми включениями мощностью около 25 см, относится к болгаро-татарскому времени (середина XIII – середина XVI вв.). В этом слое представлены находки ханского и золотоордынского времени, среди которых имеются фрагменты кашинной поливной керамики и джучидская монета XIV в.

4 – слой плотной коричневой супеси с углистыми вкраплениями мощностью не более 20 см, судя по характерным находкам, имеющим близкие аналогии в материалах домонгольских памятников Волжской Булгарии, был датирован XII – первой половиной XIII вв.

Наряду с ярко выраженной коричневой и красноглиняной керамикой домонгольского облика в коллекции находок из ран-

него слоя хорошо представлена изготовленная вручную, иногда с подправкой на круге посуда из глиняного теста с большим содержанием толченой раковины; некоторые сосуды, имеющие чашевидную форму с оригинальными ручками подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части, украшены гребенчатым штампом. Такую посуду Т.А.Хлебникова выделила в XVIII группу своей классификации, определив время ее бытования XIII–XIV вв. В средневековых памятниках Удмуртии и Пермского Приуралья она появляется еще в XII в. На городище Джукетау встречается как в домонгольском, так и в золотоордынском слое. По всей вероятности, проникновение носителей данной керамики из районов Верхнего Прикамья в Елабужский край произошло еще в XII в.

Начало отложения домонгольского слоя в пригородной части древней Алабуги относится ко времени не ранее второй половины XII в. Из индивидуальных находок домонгольское происхождение имеют свинцовая торговая пломба, глазчатая бусина, браслет из витой медной проволоки, глиняные пряслица, железные ключ от цилиндрического замка, ножи и гвозди. Обращает на себя внимание наличие в слое круговой керамики, характерной только для домонгольского гончарства. Следует особо отметить тот факт, что с нижним горизонтом слоя стратиграфически связано несколько хозяйственных ям и мусульманских погребений, засыпь которых была стерильной.

Район исследований был плотно застроен в течение долгого времени, поэтому ранние напластования сохранились плохо, материалы в ряде случаев оказались перемешанными. Ранние находки, в том числе и домонгольские, в переотложенном состоянии встречались даже в слоях XVIII–XIX вв.

Остальные раскопы в исторической части города показали аналогичный результат. Во всех раскопах обнаружен материал, правда, в небольшом количестве, и домонгольского, и золотоордынского, и ханского времени.

Археологические исследования 1997–2000 гг. в старой части города дали весьма ценный материал, показывающий, что на территории современной Набережной от мемориала памяти до Покровской церкви располагался средневековый посад города с мусульманским некрополем. Учитывая

многочисленные находки болгарских вещей на этой территории и клад серебряных вещей XI–XIII вв., обнаруженный в 1911 г., основную (ремесленную) часть древней Алабуги есть все основания локализовать на территории современного исторического центра Елабуги, расположенной недалеко от сильно укрепленного городища, представляющего собой военно-политический и культовый центр региона. Елабужское поселение было местом постоянного проживания населения не только в домонгольский, но и последующие периоды.

Новые материалы по археологии древней Елабуги неоднократно обсуждались на различных научных конференциях, в том числе и на Международных конференциях «Средневековая Казань: возникновение и развитие» (Казань, 1999), «Великий Волжский путь» (Казань, 2000). Подведение итогов многолетних работ по проблеме определения даты возникновения города были посвящены «Круглый стол» по актуальным вопросам древней и средневековой истории Елабужского края, специализированная конференция «Алабуга: возникновение и развитие» (по проблеме определения времени возникновения города Елабуги), проходившие в г. Елабуге в январе и ноябре 2000 г. Проанализировав представленный комплекс материалов, участники последней конференции пришли к следующему заключению:

1. Раскопки на Елабужском городище и в исторической части современной Елабуги существенно расширили круг археологических источников, которые могут быть привлечены для обоснования даты возникновения города. Болгарская гончарная и различные группы лепной керамики с учетом комплекса других находок (шиферные пряслица, сердоликовая и стеклянные бусы, железные наконечники стрел и копья, ключи от цилиндрических замков и пр.) дают основание отнести время возникновения болгарской крепости (городища) на высоком мысу правого берега р. Камы к концу X – первой четверти XI в.

2. Елабужская крепость служила не только убежищем для окрестного населения в моменты военной опасности, но и культовым местом, политическим центром Восточного Предкамья, откуда распространялась власть болгарского эмира на близлежащие земли. Практически одновременно, в XI–XII вв., возникло и основное поселение (посад),

располагавшееся в исторической части современного города и структурно связанное с вышеупомянутой крепостью. Именно с этого времени наблюдается непрерывное развитие этого поселения вплоть до современности.

3. Возникновение Елабужского городища с прилегающим посадом в указанное время вполне закономерно и подтверждается анализом общеисторической и политической ситуации, сложившейся в Нижнем Прикамье к началу II тыс. н.э. Падение Хазарского каганата и относительная слабость Северо-Восточной Руси выдвинули Волжскую Болгарию в качестве единственно сильного государства на огромном пространстве от Урала до Верхнего Поволжья. Волжская Болгария переживала экономический подъем, в стране функционировало множество конкурирующих между собой ремесленных центров, выпускающих разнообразную и высококачественную продукцию, значительная часть которой предназначалась на экспорт. Эта продукция реализовалась в первую очередь в землях финно-угорских и тюркоязычных соседей, где выявлены целые регионы (Марийское Поволжье, бассейн р. Чепцы, Верхнее Прикамье), насыщенные изделиями болгарских ремесленников.

В конце X в. из районов Среднего Урала в Волжскую Болгарию проникает новая волна угров, в значительной степени тюркизированных, которые изготавливали специфичную круглодонную посуду с цилиндрической шейкой, украшенной гребенчато-шнуровой орнаментацией. Как было отмечено выше, такая керамика составляет, наряду с общеполгарской, значительную группу находок Елабужского городища. Очевидно, часть этого пришлого населения осела в районе современной Елабуги и приняла участие в строительстве крепости, ставшей впоследствии одним из крупных опорных пунктов Болгарского государства в Восточном Предкамье. Исследователи единодушно объясняют причину возникновения городища на реке Каме, являвшейся

одним из ответвлений Великого Волжского пути, активной торговой экспансией болгар в северо-восточных регионах государства.

4. Участники конференции пришли к мнению о целесообразности проведения 1000-летнего юбилея г. Елабуги в начале третьего тысячелетия.

Научные результаты конференций опубликованы в 2000 г. в книге «Древняя Алабуга».

Все материалы из раскопок города Елабуги просмотрены и проанализированы сотрудниками Центра археологических исследований Института истории АНТ, подтвердившими заключение о возникновении Елабуги в конце X – первой четверти XI вв.

С выводами археологов Татарстана относительно времени возникновения Елабуги согласился член-корреспондент РАН, профессор В.В.Седов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН М.В.Седова, доктор исторических наук М.Г.Иванова (Ижевск), доктор исторических наук, профессор А.М.Белавин (Пермь) и другие российские археологи, побывавшие на раскопках и ознакомившиеся с материалами исследований 1993–2000 гг.

Рассмотрев представленные материалы научных конференций и результаты отдельных экспертных оценок и заключений, ученый совет Института истории АНТ принял решение:

Признать аргументы и доводы исследователей о времени возникновения г. Елабуги в конце X – первой четверти XI вв. научно достоверными и подтвержденными целым рядом вещественных источников.

Основываясь на комплексе археологических, исторических данных, учитывая частоту совпадения экспертных оценок хронологии датированных находок из древнейшего слоя городища и прилегающего посада, аналогичного стратиграфическому слою Казанского кремля, наиболее вероятной датой возникновения города Елабуги следует считать первое десятилетие XI века, в границах 1005–1010 гг.

Председатель ученого совета,
директор Института истории АН РТ

Заместитель директора института
по научной работе, к.и.н.

Руководитель археологических экспедиций
«Казанский кремль» и «Древняя Алабуга», к.и.н.

Р.С. Хакимов

Р.Р. Хайрутдинов

Ф.Ш. Хузин

Аннотация

Статья посвящена истории обоснования 1000-летнего юбилея города Елабуги. В 2011 г. исполнилось 10 лет со дня подписания заключения Института истории им.Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан «О времени возникновения г.Елабуги», документа, открывшего новую страницу в социальном, экономическом и культурном развитии региона. В статье раскрывается тесное плодотворное взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления, Академии наук Республики Татарстан в изучении, сохранении и популяризации историко-культурного наследия.

Ключевые слова: тысячелетие, г.Елабуга, древняя Алабуга, археология, памятники истории и культуры, туризм, средневековый город.

Summary

The article is devoted to the history of 1000 anniversary of Yelabuga. Ten years passed since signing the document of Institute of History in the name of Mardzhani of the Academy of Sciences of Tatarstan called «Time of rise of Yelabuga». It opened a new page in the social, economical and cultural development of the region. The article deals with the close interaction between public and local authorities and the Academy of Sciences of Tatarstan in studying, preserving and popularizing historical cultural heritage.

Key words: millennium, Yelabuga, ancient Alabuga, archeology, monuments of history and culture, tourism, medieval city.

УДК 001-057.4

ГАБДУЛЛА БАТТАЛ-ТАЙМАС. ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ОДНОГО УЧЕНОГО ИЗ КАЗАНИ*

*Али Биринджи, доктор истории,
директор Общества истории Турции им. Ататюрка (г.Анкара)*

Эта история жизни, получившая свое начало в Татарстане и закончившаяся в Турции, представляет собой ненаписанный роман¹. С одной стороны, он стал публицистом политического движения, которое умерло, не успев родиться, унесло и изгнало его далеко. На своей второй родине, в условиях создания нового государства, своими статьями и книгами он внес вклад в его фундамент. Он оставил произведения, ценность которых с каждым пройденным днем мы начинаем все лучше понимать. Цель этой статьи – показать тюркскому миру значимость Габдуллы Баттал-Таймаса как личности и публициста, заслуживающего внимания, которого необходимо еще лучше узнать. Главным образом, статья основывается на двух его мемуарах².

*Ильнур Миргалеев,
кандидат исторических наук*

Рождение, семья, женитьба и переезд

Габдулла Баттал родился 8 декабря 1882 г. в крестьянской семье в деревне Новый Актау Бузулукского уезда Самарской губернии (в оригинале дер. Янга Актау Бузулукского уезда Самарской (Куйбышевской) губернии Татарстана)³. Отца звали Габдулла, деда Мухаммед-Рахим, прадеда Сеид-Баттал. Имя матери – Масрура ханум. Габдулла Баттал был четвертым ребенком в семье (из пяти) и после рождения был наречен Габделбарром, однако позже во время учебы в медресе в Троицке его стали называть Габдельбари⁴.

В 1910 г. Г. Баттал женится на Кафии Вали ханум, родственнице из родной деревни, однако в скором времени она умирает от тифа⁵, и в июне 1913 г. он женится во второй и последний раз

на учительнице русского языка Газизе Шамлы ханум (1884 – 31.10.1975), дочери Джалаледдина и Фатимы⁶. От этого брака у них родился единственный сын Билгивар Таймас (1915 – 28.06.1999)⁷.

После очень бурной и плодотворной жизни Г. Баттал-Таймас скончался в апреле 1969 г. в Стамбуле в возрасте 87 лет. Как отмечалось, Г. Баттал был «среднего роста с карими глазами и пшеничного цвета лицом», 27 апреля был похоронен среди исторических личностей, нашедших свое последнее пристанище на старинном кладбище Караджаахмет⁸.

Годы учебы

Несмотря на наличие двух мемуаров, вышедших из-под его пера, данные о годах учебы Г. Баттала представлены скудно. Иногда информация, которую

* Вступительная статья и редактирование кандидата исторических наук Миргалеева Ильнура Мидхатовича, руководителя Центра золотоордынских исследований Института истории АНТ.

Перевод с турецкого языка Гайнутдинова Дамира Минировича, аспиранта Института истории АНТ.

он дает, лишена прозрачности и категоричности.

Известно, что начавший учиться в родной деревне Г. Баттал в тот период получил большую поддержку от своего старшего брата. Старший из братьев Гарифулла для получения образования отправился в Оренбург и после продолжительного периода окончил медресе, став, по понятиям того времени, «хальфой». Проучившегося несколько лет в деревне Габдельбара брат взял к себе и определил в медресе «Караван Сарай», обучение в котором велось по «бухарской методике»⁹. По утверждению самого Г. Баттала, он проучился там два-три года¹⁰.

Избрание его наставника (устаза) из медресе Хасана хальфы имамом в Каргалах, находящихся недалеко от Оренбурга, стало началом новой вехи в жизни Г. Баттала. Хасан хальфа взял с собой туда несколько способных учеников, среди которых был и Габделбар, как тогда его называли. В то время в Каргалинское медресе приезжали учиться не только со всего Приуралья, но также из Северного и Южного Туркестана. Однако, несомненно, известно одно – с каждым днем пребывания в медресе у него росли любовь и рвение к чтению, а через некоторое время и к сочинительству¹¹.

После того, как однажды он услышал от одного из просвещенных шакирдов медресе Садык хазрата в Каргалах хвалебные отзывы о медресе г. Троицка, он решает поехать в этот дальний город.

В этот период он уже вышел из детского возраста, и, скорее всего, это был конец XIX – начало XX вв. В то время как старший брат Гарифулла и отец посчитали полученное образование достаточным и решили вернуть его в деревню, Г. Баттал покидает Каргалы и через Оренбург и Тузтубу направляется на берега Яика (р. Урал) и Хобды¹² к табынским казахам, где, проработав все лето учителем, скапливает немного денег. Осенью он возвращается в Оренбург и оттуда через Самару на поезде едет в Троицк в медресе шейха Зайнул-

лы. Здесь он меняет свое имя на «Габдельбари». В Троицком медресе («Расулия») более основательно и углубленно изучались арабский язык, тафсир, хадисоведение и другие науки. Становится понятным, что тут на него оказал заметное влияние преподаватель медресе хальфа Сабир Хасани¹³.

Сабир Хасани любил свою профессию, обладал способностью обучать и обучаться и видно, что он также обладал духовным авторитетом среди своих шакирдов. Кроме преподавательской деятельности он занимался и продажей книг, художественных произведений, изданных в казанских типографиях. Благодаря этому в медресе формировалась культурная атмосфера, в которой одновременно уживались и переплетались кадимистская и джадидистская литература. Среди тех, кто благодаря Сабир Хасани был очарован глубокими и трудно описуемыми переживаниями во время чтения книг Гаяза Исхаки, Галиасгара Камала и других молодых писателей, был в том числе и будущий публицист Г. Баттал. Более того, появление его первого произведения «Акмулла» (1903) в этом городе было не случайным. После окончания медресе он получил иджазу (разрешение) и стал хальфой¹⁴.

В этом разделе, посвященном годам учебы, хотелось бы отметить главное – всю жизнь он учился и писал. Это дело им никогда не прерывалось. Он знал несколько тюркских языков. Позже, прожив четыре года в Египте, вместе с классическим арабским, полученным в медресе, он в совершенстве освоил современный арабский язык. Кроме того, он владел русским и финским, мог читать и понимал персидский и французский языки. Своей самореализовавшейся личностью он сильно отличался от своих земляков ученых и просветителей, получивших образование в университетах России и Европы¹⁵.

Профессиональная деятельность

Преподавательскую и служебную деятельность Г. Баттала невозможно

представить под отдельными заголовками, отделив их от творчества, в таком случае придется многое повторять. Поэтому информация о его жизни будет представлена в хронологическом порядке по периодам, однако для меньшего повтора будет сказано в отдельной части о его писательской деятельности и произведениях.

Первые годы преподавательской работы и египетский период

Г. Баттал мог получить иджазу не позднее 1903 г., т.е. когда выпустил первую книгу «Акмулла». Первый педагогический опыт был получен им в Троицке в медресе шейха Зайнуллы Расулева. Из Казани и с прилегающих территорий в то время для получения высшего образования отправлялись в медресе Бухары, Стамбула и Египта. Были и те, кто ездил даже в Индию¹⁶.

Как известно из автобиографии Г. Баттала, он решает отправиться в Египет под влиянием и, возможно, по убеждению возвратившегося оттуда имама Лутфи Исхаки. Прежде чем решиться на это, он также советуется и получает одобрение Зайнуллы Расулева (1833–1917)¹⁷, руководителя медресе «Расулия». Известив старшего брата Гарифуллу, он встречается с ним по пути на одной из станций недалеко от Самары, а затем направляется в Крым. Нужно также отметить, что ехал он по поддельным документам. Наряду с советами Лутфи Исхаки¹⁸, стоит заметить, что на данный выбор большое влияние оказало также и то, что с 1882 г., после английской оккупации, Египет стал прибежищем для большого числа представителей оппозиционной оттоманской интеллигенции, считаясь местом свободомыслия. Поездку ускорила начавшаяся перед русско-японской войной (1904–1905) мобилизация¹⁹. Г. Баттал посчитал в то время более уместным и необходимым уехать в Египет, нежели идти в армию.

С самого начала путь в Египет был полон приключений. После неудачных попыток получить в Крыму паспорт по

подложным документам он купил за четыре российских золотых удостоверение личности у жителя г.Ризе и сел на пароход. После того, как в Стамбуле об этом стало известно, он был арестован и посажен в следственный изолятор жандармерии. Затем он был посажен на поезд с документами, которые имели юридическую силу только до Эскишехира. Зимой 1904–1905 гг. он прошелся по дорогам Анатолии. От Эскишехира на телеге добрался до Карахисара, где чиновник по регистрации населения сделал на его документах запись: «Студент, направляющийся в Священную (букв. «Лучезарную». – *Пер.*) Медину». После этого Г. Баттал на поезде отправился в Измир, где сел на пароход, направлявшийся в Александрию, а оттуда добрался до Каира²⁰.

По прибытии в Каир ему только исполнилось 23 года, но, несмотря на это, он предпочел не поступать в какое-либо медресе. То, что он не испытывал такой потребности, – его особое качество, которое заслуживает внимания. Этот поступок отличал его от других казанских просветителей. В Каире он изучил современный арабский язык и с большим интересом читал произведения и переводы на нем, таким образом расширяя и углубляя свои знания²¹.

Современный арабский язык позволил ему жить трудом своего пера. За гонорары он работал в газете «Аль-Джарида». Здесь из-под его пера, возможно, в первый раз в арабском мире, вышли статьи, посвященные проблемам и культуре тюрок, живущих под российским протекторатом. Они были напечатаны в таких газетах, как «Аль-Мюэйд» и «Аль-Мукаттам», и журнале «Аль-Минар». В то же время, пользуясь арабскими трудами, он написал книгу «Мусульманские философы» и отправил в Казань, где издал ее под псевдонимом «Муса Габдулла»²².

Приехавший весной 1908 г. в Каир Исмаил Гаспринский для ознакомления арабского мира со своими идеями и проблемами тюрок, живущих в России, решил издавать там газету, и для перевода

на арабский язык своих статей по совету земляков взял к себе Г. Баттала. Однако выпускаемая ими газета «Ан-Нахда» не получила ожидаемого интереса и смогла просуществовать только два месяца, выпустив всего 16 номеров. В этом деле главным приобретением для него стало знакомство с Исмаилом Гаспринским. Примерно в этот же период он познакомился с приехавшим в Каир Юсуфом Акчурой и написал о нем в газете «Аль-Мукаддат» краткую заметку²³. Во время пребывания в Каире Россия после поражения в войне с Японией в 1905 г. объявила о Манифесте и созвала Думу (парламент). В него (парламент. – *Пер.*) попало в качестве депутатов и несколько тюрков, например, Садри Максуди. В то же время под влиянием частичных свобод, особенно в Казани и Оренбурге, начинает зарождаться и развиваться тюркская печать²⁴.

Возвращение в Россию и первые годы после приезда (1908–1913)

Летом 1908 г. благодаря стечению обстоятельств Г. Батталу были выданы документы на имя Мусы Габдуллы, по которым он получил паспорт. По чистой случайности он уже пользовался этим именем. Уехав четыре года назад из России писателем-любителем, он возвратился редактором-профессионалом и подданным Великой Порты. Когда по просьбе Исмаила Гаспринского он по пути навестил его в Бахчисарае, то попал на торжества 25-летия газеты «Тарджеман». Здесь он во второй раз встретился с Юсуфом Акчурой²⁵.

После торжеств поменяв феску на шапку, он направился в Оренбург, который покинул 10 лет тому назад. В то время в городе вместе с газетой «Вақыт», главным редактором которой был Фатих Карими²⁶, два раза в месяц выходил журнал «Шура». Журнал «Шура» выпускался дядей Фатиха Карими, историком и редактором Ризаэтдином Фахреддином, и привлекал внимание всех своим насыщенным содержанием и уровнем. Баттал познакомился с этими двумя знаменитыми личностями и в

«Вақыт» стал публиковать статьи под псевдонимом. По приезде из Оренбурга в Троицк его призвали в армию, где он отслужил солдатом, пока не был демобилизован по болезни домой. В начале весны 1909 г. снова возвратился в Оренбург, где до лета 1910 г. в «Вақыт» и «Шура» опубликовал большое количество статей²⁷.

По настоянию друзей он снова приехал в Троицк, где с весны 1910 г. до начала осени 1913 г. три года проработал в частной школе преподавателем истории и литературы и женился во второй раз. После этого брака по любви решил переселиться в Казань. Скорее всего, в этом решении большую роль сыграла его жена Газиза Шамлы²⁸.

Годы в Казани (1913–1917)

Этот период жизни Г. Баттала оказался самым спокойным. Газета «Юлдуз», которую с 1906 г. начал выпускать Ахмадхади Максуди²⁹, получила путевку в жизнь после Манифеста 1905 г. и была единственной из восьми тюркских газет, просуществовавшей до 1913 г. Вслед за женитьбой³⁰ в середине лета (в июне) 1913 г. после настойчивых предложений от своих друзей он начал работать в Казани журналистом и редактором. Среди сделавших это предложение был журналист этой газеты Галимджан Ибрагимов³¹.

Первые статьи Г. Баттала в газете «Юлдуз» были напечатаны, когда он работал еще учителем. В первое время все статьи этой популярной еженедельной газеты, которая давала полезные советы и не имела в содержании глубокого смысла, писались А.Х. Максуди. Позже газета пополнилась еще 2–3 журналистами и приобрела более солидный вид. Читателями газеты были преподаватели, городские и деревенские предприниматели. Позже тираж газеты увеличился, и она стала выходить три раза в неделю.

Во времена Г. Баттала газета «Юлдуз» стала выходить пять раз в неделю и получила имидж газеты, ориентированной на прогрессивную интеллигенцию. Зимой 1913–1914 гг. он едет в

Москву, чтобы навестить свою жену Газизу ханум, которая преподавала в школе Шамси Асадуллаева, уроженца Кавказа. Он был одним из тех, кто принял участие как редактор газеты «Юлдуз» на съезде, созванном в июне 1914 г. в Петербурге по инициативе мусульманских депутатов Думы для обсуждения религиозно-культурных проблем российских мусульман³².

В этот период одним из журналов, где печатались его статьи, стал журнал «Мектеп». Среди просветителей, являвшихся авторами этого журнала, начавшего выходить 21 февраля 1913 г., были знаменитые просветители А. Хади Максуди, Садри Максуди (Арсал), Гаяз Исхаки, Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов, Заки Валиди (Тоган) и Фатих Амирхан, свое место рядом с ними нашел и Габдулла Баттал-Таймас³³.

Статья от 16 марта 1917 г., написанная сразу после получения известия об отречении от престола царя Николая II от своего и от имени сына, стала причиной ухода Г. Баттала из газеты «Юлдуз». Когда его статья из-за чрезмерной политической предосторожности его владельца, А.Х. Максуди, была изменена до неузнаваемости и напечатана в таком виде, он потребовал напечатать оригинал статьи, а услышав в ответ отказ, уволился. Возможно, это был первый разрыв (раздор) между казанскими тюрками, который породила революция. Свой разрыв Г. Баттал разъяснил своим читателям в письме, напечатанном в газете «Кояш»³⁴.

Революция и выезд из России (1917–1921)

В России через 12 лет после Манифеста 1905 г., во второй раз, 15 марта 1917 г. был издан Манифест, в котором царь Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила. Это всколыхнуло весь тюркский мир и стало поводом появления больших волнений и надежд³⁵. Но вскоре эти надежды сменились большими мучениями и разочарованиями. Несомненно, Г. Баттал тоже находился на этом поприще и был сре-

ди той части интеллигенции, которой пришлось в конце этого пути покинуть родину.

Организации, пресса и подготовка учебников в годы революции (1917–1918)

Если говорить о революции 1917 г., то казанские тюрки, не имевшие политического образования, имели слой интеллигенции, значимость которого недооценить трудно. Тем не менее у них отсутствовали ясная и всеми принятая политическая задача и программа. Новая обстановка, возникшая после революции, и отсутствие авторитета после устранения царского правления привели к возможности и необходимости сформировать общественные организации, поэтому хоть какое-то время все действовали вместе.

Милли Шура, созданная в Казани в первые годы революции, должна была заниматься созданием организаций и решением национальных проблем мусульман в связи со сложившимися обстоятельствами. Ее возглавлял Фуад Туктаров, в ее состав входил также Г. Баттал. Они выпускали газету «Курултай»³⁶. Другая группа, считая, что Милли Шура является партией богатых и духовенства, создала альтернативную организацию и стала выпускать газету «Аваз». Ее лидером был Шахид Ахмадиев, она опиралась на мелких торговцев. Третью группу образовали сторонники революции, то есть татарские большевики, во главе с Муллануром Вахитовым³⁷ и его соратниками. Объединившись вокруг рабочих, они стали выпускать газету «Кызыл Байрак». В России того времени интеллигенция разных народов была похожа на не слышащих друг друга певцов одного и того же хора. Каждый что-то говорил, но не слушал, о чем говорят другие³⁸.

Милли Шура, желая помочь другим регионам в создании политических организаций, послала с этой целью в Туркестан делегацию. Г. Баттал также вошел в состав этой делегации, по предложению жившего тогда в Моск-

ве Гаяза Исхаки³⁹, который написал об этом в одной из своих статей в газете «Иль». Делегация в первую неделю июня (1917) с речного вокзала Казани направилась в Самару, а оттуда на поезде в Оренбург – второй по значимости центр казанских тюрков. В делегацию также входили Изетдин Сайфульмулюк и Бурхан Хабиб. У Таймаса в городе находились старший и младший братья, а у И. Сайфульмулюка – семья. Перед этой ответственной поездкой в Туркестан они хотели встретиться с местной интеллигенцией и прогрессивным населением города⁴⁰.

Когда они на поезде из Оренбурга через Тузтубе добрались до Ташкента, встретились с председателем Шура-и Ислам Мунавваром Кари (Мунаввархан Абдуррашидханов). Г. Баттал описывает его как восточного дипломата. Тут не было возможности реализовать свои планы. Шура-и Ислам смогла выпустить только один журнал; кроме того, по словам самого Г. Баттала, кроме кулуарных речей и выступлений под открытым небом сделать ничего не удалось. Здесь тюрки, как и в Казани, разделились на три группы. Кроме Шура-и Ислам вторую группу составил «Общество улемов» – в него вошло оппозиционное Мунаввару Кари духовенство, а третью группу составила «левая» молодежь. Здесь от имени делегации практически выступал только Г. Баттал. Тут он встретился с Садри Максуди (Арсалом), одним из депутатов Думы от тюрков, находившегося здесь в качестве члена Туркестанского комитета, который в условиях революции должен был временно управлять Туркестаном⁴¹.

К концу июня Г. Баттал покинул Ташкент с большими разочарованиями, но все же нашел хорошую причину себя утешить: «Он упрочил и расширил свои знания о туркестанцах, полученные из книг, некоторыми своими личными наблюдениями». Когда он возвратился в Казань, страна, главным образом, была в руках Советской Армии, а ею руководили солдаты. В этот период и женщины вступили на политическую сте-

зю, продолжало работать Центральное бюро созданного 24–27 апреля Первого Конгресса мусульманок⁴².

По приезде в Казань он приступил к своему основному занятию с 1913 г. – газетному делу и по предложению Фуата Туктарова устроился директором корректирования новой газеты «Курултай». Арендованные две комнаты в доме Апанавых на знаменитом казанском Сенном базаре использовались как контора. Газета должна была печататься в прежнем издательстве «Миллет», которая перешла в собственность Гиладжеддина Ахметова. Настоящий издатель газеты, как известно, был из новых татарских богачей. Газета, в которой главным редактором был Фуад Туктаров, из-за дефицита бумаги выпускалась маленьким форматом на коричневой упаковочной бумаге. Через некоторое время в газете стали публиковаться самый лучший и авторитетный газетный публицист того времени Джамалетдин Валиди и историк Газиз Губайлуллин⁴³.

В то время как Г. Баттал был занят изданием газеты, Октябрьская революция решала судьбу миллионов людей на территории Российской империи. В противоборстве за власть между «красными тисками» и белогвардейцами земли и города, переходя из рук в руки, превратились в развалины. В этой смутной атмосфере Г. Баттал, который, с одной стороны, издавал газету, с другой – был членом «Милли Шура», был избран депутатом в Собрание в Уфе. Не имея возможности из-за начавшейся в конце ноября суровой зимы добраться до Самары на теплоходе по уже заледенелой Волге, он направился на поезде сначала в сторону Москвы до станции Рузаевка, затем пересел там на поезд в сторону Уфы⁴⁴.

Участовавший 30 ноября 1917 г. на открывшемся Национальном съезде мусульман тюрко-татар, Г. Баттал остался независимым: не присоединился ни к «тюркистам», состоявшим примерно из 50 депутатов и считавшим достаточным приобретение национально-культурных прав, ни к «топракчылар», состоявшим

примерно из 30 депутатов и выступавших за территориальную автономию, несмотря на то, что находился в их комиссиях. Но ясно, что Г. Баттал, сначала с некоторыми просветителями принимавший татар за отдельное среди тюрков образование, недолго сохранял эти взгляды, и по взглядам был «тюркистом»⁴⁵.

После окончания Собрания 24 января 1918 г. Г. Баттал вернулся в Казань. По пути, во время пересадки на станции Тимерязево, он встретился с Фуадом Туктаровым, Самигуллой Салиховым и Мухитдином Ахмеровым из Уфы – тюркскими депутатами, возвращавшимися из Петрограда после разгона 4 января 1918 г. Советским правительством первого и последнего Учредительного собрания. Возлагавший большие надежды на будущее России Комуч при первой же возможности был ликвидирован большевиками⁴⁶.

Возвратившись в Казань, Г. Баттал в вакууме, образовавшемся из-за неспособности новой власти полностью овладеть ситуацией, продолжил издавать газету «Курултай». В это время в феврале собрался Второй Всероссийский мусульманский военный съезд. Татарские большевики, проделав там большую работу, арестовали умеренных и националистически настроенных представителей. К тому же власть в городе была уже в руках большевиков. Вслед за арестами националистически настроенные силы взяли под свой контроль Забулачную часть города. Советы в насмешку позднее дали этому название «Забулачная республика». Только в конце марта с помощью вооруженных татарских рабочих и моряков-красноармейцев Советам удалось сломить националистическое движение, их дома подверглись грабежу. В это время в рядах большевиков были Мулланур Вахитов и Галимджан Ибрагимов, с которыми Г. Баттал был близко знаком⁴⁷.

После разграбления Казани в апреле большевиками была закрыта газета «Курултай». Через некоторое время бывшие «курултаисты», собравшиеся

для получения разрешения на выпуск новой газеты, по предложению Джамалетдина Валиди решили издавать газету «Алтай» при условии, что главным редактором и ответственным директором не будет Фуад Туктаров. Главным редактором и ответственным директором газеты стал Г. Баттал. В реальности по своему внешнему виду, содержанию и духу новая газета практически не отличалась от «Курултая». Выпустив 13-й номер, газета была закрыта по решению еще малоизвестных татарских коммунистов, входивших в состав революционного комитета, а сам он был арестован. Позже Баттала выпустили, получив от него подписку, что он не покинет Казань до тех пор, пока его дело не рассмотрит военный трибунал, и что впредь он ни под каким именем не будет выпускать газету⁴⁸.

Лишившись возможности заниматься изданием газет и политикой, Г. Баттал отправил жену Газизу и маленького сына в сопровождении Фуада Туктарова и его супруги в сторону Уфы для лечения кумысом. А сам тем временем с Мухитдином Курбангалиевым и муллой Беди уединился для создания хрестоматии по тюрко-татарскому языку для школ в деревне Услон, находившейся на высоком холме на противоположной стороне от Казани⁴⁹.

Красные и белые: между двух огней

В то время как Г. Баттал был занят созданием учебников, на сцене большевистской революции потихоньку стали появляться новые игроки: члены разогнанного Учредительного собрания (Комуч), в основном эсеры, создали свою контрреволюционную армию и привели войну к кровавому и затяжному характеру. Эти силы летом 1918 г. захватили Самару, Симбирск и Сызрань на юге. К августу народная армия Комуча составила 30500 человек. В России, таким образом, начиналась борьба, а точнее, война между красными и белыми⁵⁰.

Ранее, создавшие в Самаре речной военный флот, комучевцы 5 августа с народной армией вошли в Казань и за-

ставили красных покинуть город. Вернувшись 6 августа в Казань, Г. Баттал снова занялся изданием и политикой. При новых обстоятельствах некая группа казанских тюрок, посовещавшись и оценив сложившуюся ситуацию в доме Бадреддина Апанаева, создала руководящую комиссию из тюрко-татарских, русских и чувашских представителей, которую возглавил Ильяс Алкин, экспедитор военной Шуры. Прежние сотрудники газеты «Курултай» и «Алтай» на общем собрании приняли решение возобновить выпуск газеты «Курултай». На собрании, кроме Г. Баттала, присутствовали Джамалетдин Валиди, издатель Гиладжеддин Ахметов, из писателей Гизеттин Сейфульмулюков и Каюм Мустакай. Из-за дефицита бумаги газета стала выходить двухстраничным номером⁵¹.

В начале сентября, получив известия об активном наступлении красных к западу от Казани в районе Заинска, белые стали отступать от города. Наступали тяжелые времена для тех, кто писал против красной диктатуры. Среди тех, кто покидал город с надеждой на скорое возвращение, были Г. Баттал, из «курултайстов» Джамалетдин Валиди, Гизеттин Сейфульмулюков и Каюм Мустакай. Однако между уходом и возвращением Г. Баттала прошли год и семь месяцев, и за это время столько всего произошло, что не хватило бы романа. Две недели он провел в городе Лаишеве (Лаеш), который расположен к югу от Казани, на берегу реки Камы, которая течет от Уфы, с мыслями и планами только о возвращении. В то время еще никто и предположить не мог, что красные, войдя в город 10-го сентября, окончательно им завладеют⁵².

Они провели ночь в русской деревне, и только через день, добравшись до Лаишева, стало ясно, что в ближайшее время попасть в Казань им не удастся. Все было заполнено солдатами-дезертирами и беженцами. Здесь он сел на теплоход, который был в руках белых, и решил ехать на юг, в Самару. Когда теплоход с Камы вышел в Волгу, пришло

известие, что Тетюшский уезд Казанской губернии и Симбирск захвачены красными. Здесь с ними расстался Джамалетдин Валиди, который направился в свою деревню. Полагая, что Тетюши уже заняты красными, они вместе с Гизеттином Сейфульмулюковым и Каюмом Мустакаем перешли на левый берег Волги и направлись на юго-восток в сторону Димитровграда (Мелекес). Они пришли в деревню Филип и остановились у имама деревни, Ракипа муллы, и его сына Фатиха эфенди, Г. Баттал был знаком с ним со времен учебы в Троицке. Радужный прием закончился ужином и баней, когда они рассказали, что бегут от красных. Хозяева отвезли их морозной ночью на телеге к имаму соседней деревни Губан Шахиду эфенди. На следующий день они перебрались в деревню Кызылсу. Только на телеге они смогли добраться до одного из причалов на берегу Волги и на пароходе доплыли до Самары. После того как Г. Сейфульмулюков отправился к себе на родину в Оренбург, они остались вдвоем. У них не было причин там задерживаться. И сразу сев на поезд, они напрямик двинулись в Уфу. Держа путь на восток, он с каждой минутой удалялся от семьи⁵³.

В это время Уфа начала вооружаться и готовилась дать отпор Советам, в Уфимское государственное совещательное собрание были приглашены лидеры антиреволюционных организаций. Одним из участников этих заседаний был и Г. Баттал. Прибыв в Уфу, он встретился с Юсуфом Акчурой, приехавшим к турецким военнопленным с миссией от Красного полумесяца и гостившим в это время у муфтия Галимжана Баруди⁵⁴.

21 сентября 1918 г. в Уфе с тем, чтобы создать всероссийское правительство для передачи руководства для борьбы с Советами, было созвано совещание, в котором приняли участие представители Комуча, Казанского Милли Шура и различных регионов. Из тюркских регионов делегации возглавляли: от казахов (Алаш Орда) Алихан Букейханов, от башкир Заки Валиди (Тоган), от Милли Шура Гаяз Исхаки и др. Туркестанское

правительство в качестве политическо-го беженца представлял Мустафа Чокаев. Совещательный совет под председательством социалиста образовал Временное Всероссийское правительство, которое позже после переезда в Омск было распущено⁵⁵.

После окончания совещания в Уфе, когда казанские общественные и политические деятели решили собраться в Кызыльяре (Красноярск) к востоку от Уфы, в Западной Сибири, где было большое количество тюркского населения, для организованности и готовности они выехали туда прямым поездом. Был октябрь 1918 г. и сибирская зима уже входила в свои права. В Челябинске местные турки с большой радостью встретили и проводили этот поезд. В ехавшей группе кроме Беньямина Ахтямова, замещавшего председателя Милли Шура и Милли Межлиса Садри Максуди, находились Г. Баттал, Салимгирей Жантурин, Шайхулла Алкин, Губейдулла Буби, Закир Кадири (Уган), Ибрагим Биккул, Нажип Курбангали, Гаяз Исхаки, Султанбей Мамлеев и Мирзагаяз Яникеев⁵⁶. А также, с другой стороны, в группу входили не являвшиеся членами Шуры и Межлиса, Фуад Туктаров, Гумер Терегулов, Каюм Мустакай и Газиз Мирас. В Кызыльяре ожидавшие гостей местные турки распределили гостей по своим домам и таким образом началась работа Национального управления тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Его председатель Садри Максуди сам не присутствовал, а переправился сначала в Финляндию, а затем во Францию⁵⁷.

Председателем созданного в Кызыльяре управления стал Биньямин Ахтямов. Фуат Туктаров и Гумер Терегулов смогли от съезда членов Комуча в Екатеринбурге получить средства для издательства на тюркском языке. Однако в двух городских типографиях не было в необходимом количестве арабского шрифта. Арабский шрифт, привезенный до этого из самарской газеты «Халык», был размещен в одной из типографий, и стала выходить еженедельная газета

под названием «Маяк». Было выпущено всего тридцать номеров. Г. Баттал в этой газете был одновременно и главным редактором, и директором по корректурованию. Другим редактором был Каюм Мустакай⁵⁸.

Среди воспоминаний Г. Баттала, который провел 1918–1919 гг. в Кызыльяре, особое место занимают посиделки в доме Мустафы Тюмена, женитьба Мустафы Тюмена и Галима Акчуры. В этот период, чтобы газета лучше выпускалась, он на 4–5 дней съездил в Омск, находившийся в руках белых. К этому времени турки оказались меж двух огней: красных и белых. Съезд в Кызыльяре был распущен правительством Колчака, газета «Маяк», лишившись финансовой поддержки, вынуждена была закрыться. После того как в городе стало нечего делать, по приглашению остановившихся в Челябинске торговцев-беженцев он прибыл туда и снял комнату у одной русской семьи⁵⁹.

Как стало известно с его слов, вероятно, в 1919 г. в мае он узнал по телеграфу у своей тещи Фатимы ханум, что жена и ребенок находятся в Казани. По приглашению Фатимы ханум он из Челябинска до Перми на поезде, а затем на санитарном теплоходе по Каме добрался до Сарапула. С приближением красных пребывание в гостях и спокойные дни закончились. Он, оставив привезенные с собою номера газеты «Маяк», двинулся в путь. Из-за столпотворения и давки, напоминавшей светопреставление, он не смог сесть на теплоход, купив лошадь с телегой, вернулся домой, где к нему присоединилась некая женщина с дочкой. На пароме он переправился на противоположную сторону и остановился в городе Оса. После столь продолжительной дороги первым делом он продал лошадь с повозкой и снял квартиру у одной русской семьи. Первым местом, куда он отправился в городе, была библиотека. Спустя некоторое время, передохнув за чтением книг, Г. Баттал снова отправился в путь, на этот раз поводом к поездке стала преподавательская деятельность⁶⁰.

Самигулла Салихов, являвшийся тюркским представителем Комуча, возглавлял в то время в Екатеринбурге департамент по делам образования мусульман и пригласил его преподавать. Он сначала на пароходе добрался до Перми, а оттуда на поезде приехал в Екатеринбург и на педагогических курсах стал давать уроки истории. Среди слушателей был и Фатхелькадир Сулейманов, в последующем Абдулкадир Инан⁶¹.

В это время противостояние белых и красных было в разгаре. К тому же после того, как в Екатеринбург пришло известие, что 30 июня Пермь перешла в руки красных, Г. Баттал, как и многие другие, снова оказался в дороге. Среди товарищей по судьбе был и тесть Закира Кадири. После того, как он в качестве преподавателя смог пристроиться к земской колонне повозок, в первых днях июля (1919) был вынужден покинуть город. События разворачивались в те дни, когда территория Западной Сибири находилась во власти обвораживающего и заколдовывающего северного лета. Среди сентябрьских месяцев 1918–1921 гг. это были самые замечательные 3 дня пути, наполненные минутами наслаждения и спокойствия, которые он больше никогда не испытывал. Они остановились в 200 км на северо-востоке, в Ирбите, пристроив лошадей и повозки во дворе одной из школ. Имамом в городе был Захид эфенди, его ученик из Троицка⁶².

Долго не задержавшись в Ирбите, он на повозке добрался до ближайшей станции и в тот же день вечером прибыл в Тюмень. Здесь он встретился с представителем от Тюмени, Мугаллимом Рауфом, с которым познакомился в Кызыльяре в Национальном управлении. Мугаллим Рауф его радушно принял, однако, несмотря на это, Г. Баттал не смог там задержаться более чем на два дня. Он снова продолжил свой путь, чтобы встретиться со своим другом – Фуадом Туктаровым, и, сев на поезд, направился в Омск. Почти на середине пути, во время смены поезда в Ишиме, он не успел в вагон, где оставил свои вещи; ему

пришлось сесть на следующий поезд. Вагоны были заполнены беженцами, и в билетах уже не было необходимости. Все бежали в Омск, до которого еще не добрались красные. На одной из промежуточных станций, воспользовавшись остановкой поезда, он пешком дошел до следующей станции и добрался до поезда со своими вещами. В результате он сошел с остановившегося в окрестностях Омска поезда и пешком дошел до города. Таким образом, Г. Баттал с каждым днем отдалялся от дома на восток⁶³.

В Омске он остановился в доме Гимуш муллы, с которым познакомился в Кызыльяре, а также встретился с Мубаракшой Ханафиевым, исполнявшим здесь обязанности имама и писавшим в журнал «Шура» в основном статьи об алкоголе. После того, как Баттал узнал, что Фуад Туктаров уехал из города три-четыре дня тому назад, он также через два-три дня его покинул. Он хотел остановиться в Томске и пробыть там некоторое время: почитать книги и поразмышлять. Г. Баттал жаловался на то, что почти год, а если быть точнее, с сентября 1918 г., не может спокойно почитать книгу и заняться размышлениями для пополнения знаний. Борьба закончилась и говорить о тайном обществе тоже не приходилось. «Нужно было продержаться в суровой Сибири, не потухнуть с точки зрения мысли и знаний, думать о будущем, так как с победой красных культурные и идейные движения в мире не переставали существовать». Он снова был в пути – на Великой сибирской железной дороге⁶⁴.

Когда Г. Баттал после долгой поездки приехал в Томск – самый большой город Западной Сибири, он встретил тут близких знакомых, которых сюда забросила революция. Среди них был один из работников газеты «Кояш» (Казань) Захид Нуркин. Здесь также находились некоторые казанские купцы и баи Габдулхамит Казаков, Шакир и Габдулла Апанаевы и Сарысакал Лотфулла эфенди. Г. Баттал здесь смог добраться до книжных магазинов и библиотек. С началом работы университета он стал

вольным слушателем историко-филологического факультета. В это время он вместе со своим другом Сарысакал Лотфуллой эфенди для исследования путей бегства на Дальний Восток, сев на товарный поезд, отправился на юг от озера Байкал в Иркутск. Там в городе в доме имама Сахмана, с которым он познакомился в Уфе на заседаниях Национального собрания, встретил своего шурина Юсуфа Шамлы и имама Екатеринбургского муллы Ирфана Рахманкула. Однако слова уважаемого купца Шайхуллы Шафигуллина, который был родом из Казани, положили конец их надежде о бегстве. Начинаясь зима 1919 г., он был в четырех тысячах километров от Казани. К тому же он не смог увидеться с другом – Фуадом Туктаковым, по пятам которого шел все это время. Г. Баттал принял решение вернуться обратно и вновь попытаться счастье. Его путь на восток остановился на берегах Байкала и теперь он возвращался обратно на запад; и опять его путь был наполнен новыми приключениями⁶⁵.

Возвращение с востока в Казань

Первой остановкой Г. Баттала на пути с востока на запад стал Кызыльяр (Красноярск), расположенный на реке Енисей. Там он пробыл два дня и встретился с имамом из Казани. В этот период один за другим города в Сибири переходили от белых к красным. Омск, ставший 14 ноября 1919 г. столицей правительства Колчака, 22 декабря перешел в руки красных. Отмена красными директивы о расстреле (15.1.1920), понимавшими, что они уже обладают преимуществом, пробудило в Г. Баттале непреодолимое желание вернуться в Казань. Получив в Томске от новой созданной организации мусульман-коммунистов разрешение с оговоркой: «Отправлен в Казань для получения учебников и печатных принадлежностей», он отправился в путь⁶⁶.

Когда он прощался с друзьями, чтобы сесть на специально выделенный поезд для томских делегатов Московского съезда российских казаков, были

последние дни января 1920 г. На станции Тайга поезд перешел на Великую Сибирскую линию железной дороги. В Новониколаевске (Новосибирск) поезд загрузили провиантом и двинулись в сторону Омска. Вдоль железной дороги в огромном количестве встречались трупы людей и лошадей. Судя по рассказу, от холода и голода в регионе умерло двести тысяч человек. Используя долгую стоянку в Омске как повод, он разыскал и навестил Губайдуллу Гусманова из Уфы. Беседы и сетования вокруг чайного стола по заведенному казанскому обычаю в удобной и теплой комнате дома Гусманова оставили незабываемый след в памяти Баттала. Вчера счастливый и блиставший Омск, сегодня уже был в полувымершем, беспорядочном и отвратительном состоянии, заполненный жалкими, растерянными и пессимистично настроенными людьми. Поезд, двигаясь в сторону Уральских гор, проехал Красноярск, в котором он провел зиму 1918–1919 гг., и достиг Уфы – после Казани и Оренбурга третий по значимости город тюрков Внутренней России. Здесь, на верхнем этаже особняка Духовного собрания, он посетил Галимжана Баруди⁶⁷.

После этого на пути в Самару, во время остановки на станции Аксеново, он встретился с военным комиссаром Башкирской республики Заки Валиди (Тоган), возвращавшимся из Москвы в вагоне с надписью «Башкирская республика». Благодаря этому он избежал участи быть арестованным татарскими коммунистами, старавшимися показать свою преданность большевизму. Проехав большой мост через Волгу, находившийся на пути между Самарой и Сызранью, он на станции Рузаевка пересел на товарный поезд, который вез сено. На нем он добрался до станции Тимерязево. Таким образом, наступала последняя фаза в путешествии Г. Баттала. Когда он темным вечером в один из дней первой недели марта (1920 г.) добрался до Казани, оказалось прошло ровно год и семь месяцев, как он покинул Казань, и 37 дней, как уехал из Томска.

Это возвращение, казалось, в то же время было окончанием больших стремлений и переживаний. Когда он ночью пришел домой, жена Газиза встретила его с большой радостью и изумлением. Через два дня все уже об этом знали, и о нем стали ходить недобрые сплетни⁶⁸.

Арест и тюремные дни в ЧК

После приезда в Казань Г. Баттал вскоре узнал, что его старые друзья стали врагами, а если быть точнее, стали большевиками. Первая статья, направленная против него, вышла под авторством «пьяницы Ибрагима Кулиева», работавшего до него в газете «Юлдуз». Вдобавок, когда он пришел к Галимджану Ибрагимову, который с ним дружил до революции, то от своего старого друга и нового привилегированного члена общества, который успел к тому времени стать выдающимся казанским коммунистом, услышал слова: «Тебя разве еще не повесили?». Эти слова отражали реальную обстановку. Ибрагимов дал ему следующий совет: написать статью с клеветой и проклятием на прежних соратников и раскаянием о сделанных старых делах и прошлой работе. Баттал ушел от него, сказав, что хочет заниматься делами вне политики. Это была их последняя встреча. Вскоре, как он и предполагал, его пригласили в ЧК⁶⁹.

За это время Казань очень изменилась и превратилась практически в другой город. Большая часть друзей уехала из него, город почти вымер; даже оживленный Сенной базар из-за тишины был похож на кладбище. У него практически пропала надежда найти друга или место, где он смог бы спрятаться. Баттал, посоветовавшись с женой, от безнадёжности и с очень маленькой надеждой на то, что его выпустят, решил сдаться. В один из дней, ближе к вечеру, взяв немного хлеба, кусок сахара и щепотку чая, он вместе с женой направился в центральный дом ЧК, его бросили в подвал, а жену отпустили домой. Баттала держали вместе с другими преступниками, но через какое-то время его перевели в одиночную камеру. Потом его продержали

в распределительной тюрьме и отправили в районную тюрьму, находившуюся у р. Казанки. Здесь было относительно спокойно, и его тут же распределили к местным деревенским кулакам. Единственным утешением Баттала были письма и еда, присылаемые ему женой. В это же время произошло одно из незабываемых редких событий в его жизни – его приятель Джамалетдин Валиди проявил смелость посетить его тут⁷⁰.

Просидев в подвале ЧК и двух других тюрьмах в общей сложности полтора месяца, ему сообщили, что до окончания Гражданской войны он будет оставаться в трудовом лагере. На следующий день его направили в лагерь. К этому времени уже все луга освободились от снега. Лагерь был довольно далеко от города и его со всех сторон окружали заросли кустарника. Жена и сын на следующий же день пришли навестить Баттала. В лагере находились люди различных социальных слоев и профессий, было также несколько турецких военнопленных. Ему разрешалось каждую субботу уезжать домой, а в воскресенье он должен был возвращаться⁷¹.

В трудовом лагере ему приходилось собирать овощи на государственных огородах, находившихся между Казанью и Волгой, и спать в деревянных бараках, построенных для пленных во время Первой мировой войны. Его снова вызвали для допроса в ЧК. Его обвиняли в причастности к убийству Мулланура Вахитова (19 августа 1918 г.) и в том, что его публикации не представляют интереса для народа Советского государства. После этого его направили на более трудную работу – добычу торфа на болоте. Батталу было запрещено занимать должности в гражданской сфере. В июле (1920) он находился в так называемой Кизической слободе, где жил в большом, старом, полуразрушенном доме⁷².

Поездка из тюрьмы в Баку и возвращение в Казань

Случаи побегов из лагеря натолкнули Г. Баттала на мысли о побеге. С

помощью жены, конечно же, дав взятку, он получил в официальных органах документы на имя Габдуллы Рахимова с разрешением ехать в Баку по военному поручению. 19 августа 1920 г., когда на речном вокзале он уже поднимался на пароход, его внешность была изменена до неузнаваемости: козлиная бородка под большевицкий манер, выбритые бритвой волосы, на голове шапка с кокардой серпа и молота. Его сопровождала русская женщина – школьная подруга жены⁷³.

Пароход был переполнен коммунистами, ехавшими в Баку на Конгресс восточных народов (1–7 сентября 1920 г.). Из-за отсутствия отдельной каюты он был очень обеспокоен тем, что его могут узнать на палубе. В шестидесяти километрах от Казани он пересел на более вместительный пароход и смог окончательно успокоиться только тогда, когда доехал на нем до Астрахани. Он уже был далеко и вряд ли кто-то мог его здесь узнать. Однако неожиданная встреча с С. эфенди из Пензы, который был одним из старых обитателей медресе «Мехметбей» в Каире, его удивила. По его словам, на пароходе он также познакомился с турком, и указывает его как И. Ар⁷⁴.

В Астрахани он снова садится на пароход и через 80 км пересаживается на другой, больший пароход. Когда Баттал доехал до Баку, стояли последние дни августа и продолжались приготовления к конгрессу. Отправившись в гости к знакомому мусульманину И. Ара, он продолжал сталкиваться с необычными совпадениями и изумляться. Заки Валиди и Хади Атласи тоже были в городе. Однажды вечером во время ночной встречи была совершена облава, Х. Атласи арестовали и отправили в Казань. Сам Баттал спасся лишь благодаря поддельным документам. Азербайджан и Баку к этому времени пять месяцев находились под властью большевиков (27 апреля 1920 г.) и для того, чтобы регион не смогли покинуть враги революции, были предприняты особые меры по контролю за границей. Поэтому, поте-

рвав надежду перейти в Грузию, А. Баттал, как он сам говорит, стал заниматься спекуляцией между Астраханью и Баку. Он поехал в Астрахань за новыми документами и, возвращаясь обратно в Баку, взял с собой пару килограммов сахара, перевозка которого приравнивалась к перевозке кокаина. Во время второй поездки в Астрахань он встретился с преподавателем и писателем Наджибом Гасри, ради чего он посетил его родное село. После этого он осмелился осуществить поездки по Внутренней России. С этими документами он даже мог вернуться в Казань⁷⁵.

Переполненный переживаниями, он в Астрахани сел на пароход «Лев Давидович Троцкий». В Самаре в нему присоединился шурин – Юсуф Шамлы. Однажды ночью, спрятавшись от проверки на пароходе, рано утром он сходит на одном из безлюдных причалов близ Казани. В руках у него был только соляной мешок, с которым он пришел в город. Однако он не пошел к себе домой, а направился к знакомому в Слободу (Татарскую слободу). Туда же навесить мужа у озера Кабан пришла и жена Баттала. В это самое время из-за покушения на председателя Совета народных комиссаров М. Саид-Галеева был введен жесткий контроль, и начались аресты. После первого убежища, сменив еще два дома, он перешел в лачугу, прилегающую к первому дому с края от города. Его жена каждый вечер приносила ему еды и пыталась достать дорожные документы. Допросы, обыски, отправка в тюрьму и расстрелы стали обычным явлением того времени. С наступлением зимы 1920 г., когда небольшие реки постепенно стали сковываться льдом, Баттал с паспортом необразованного, неотесанного крестьянина, прицепив свои сани к саням одного коммуниста из Буинска, покинул Казань⁷⁶.

Бегство из тюрьмы, отъезд из Казани и выезд из России (1920–1921)

Отъезжая из Казани на развалившихся с полуживой лошадкой, он

смотрел с холма Услона и даже не мог предположить, что в последний раз видит город, в котором прошел его самый лучший и плодотворный период жизни. Оставив молодую жену и шестилетнего сына, он начал свой путь по России, ничем не отличавшийся от опасного приключения. На пароме он переправился на правый берег Волги и медленно продолжил свой путь. Первым местом, где остановился Баттал, стал Буинск (Буа) – центр одного из казанских уездов в 70 километрах к северу от Симбирска. Здесь он оставил лошадь и сани одному хозяину дома⁷⁷.

Знакомство в Буинске с сыном владельца мыловаренного завода дало ему новую надежду. По его приглашению на арендованной машине они поехали в Симбирск. Ему здесь должны были дать бумагу, что он находится в пути для закупки материалов для завода. Получив ее, он смог бы спокойно ездить. Однако у хозяина завода появились сомнения в том, что он беглец, и планы Баттала не осуществились.

Он попытался достать документы, чтобы снова поехать в Баку, но не смог. Баттал познакомился с муэдзином, который посоветовал ему ехать в Петроград и достал документы. На этот раз он направился на запад. Под именем Габдуллы Рахимова в качестве проводника поезда в вверенном ему вагоне, загруженном сбруями и тыквами, он добрался до Казанского вокзала в Москве, где останавливались поезда, прибывавшие из Средней Азии⁷⁸.

Он провел несколько дней в Москве в поисках паровоза, который мог бы доставить вагон до Петрограда. В свободное время он прогуливался по городу. И наконец он смог довести вагон до станции Любан в окрестностях Петрограда. Прошло 15 дней как он уехал из Симбирска. В Петрограде он нашел инженера, которому должен был передать груз. Отдав груз и получив оплату за работу, снова вернулся в город. Еще будучи в Симбирске, у одного друга он взял адрес Лутфи Исхаки – имама мечети на Казанской улице. С этим имамом,

получившим образование в Египте, Баттал познакомился давно в Троицке, в издательстве «Хизмет», и попал под впечатление его оригинальных взглядов. В это время вместе с богатыми купцами он навещал приболевшего Л. Исхаки. В этот же период его несколько дней продержали в тюрьме ЧК близ станции «Озерки» и позжепустили. Его жизнь при Л. Исхаки улучшилась, но стала ощущаться нехватка еды⁷⁹.

В Петрограде делать было нечего, и Баттал решил вновь заняться передвижной торговлей, как когда-то делал это между Астраханью и Баку. С помощью Комитета мечети Г. Баттал получил документы чиновника по аттестации в дезинфекционной службе Петроградской железной дороги. В его обязанности входило перевозить из Симбирска дойных коз. Однако, получив в этом городе ответ, что они не могут найти дойных коз даже для своих служащих, Баттал обрадовался. Ведь он избавился от такой ноши. Накупив на базаре Симбирска у продающих из-под прилавка людей сливочного масла, соли, сахара и муки и предоставив документы для проезда, он вернулся в Петроград. Г. Баттал стал свидетелем восстания моряков в Кронштадте против советской власти и казни бунтовщиков (6–18 марта 1921 г.). В результате этого и других схожих восстаний с марта 1921 г. правительство перешло к НЭПу⁸⁰.

Весну 1921 г. Г. Баттал провел в Петрограде, во время своих поездок он познакомился с Адуррабом Барком (Йельгар) из Пешавара и турецким писателем и депутатом Исмаилом Супхи (Сойсаллыюглу), приехавшим к Лутфи Исхаки. В начале лета Г. Баттал вместе с А. Барком отправился в Москву. Здесь он на несколько дней остановился у знакомого купца Л. Исхаки. Баттал планировал отправиться в столицу Украины Киев, заниматься передвижной торговлей и одновременно путешествовать⁸¹.

В Москве в фуражке железнодорожника со значком кирки и лопаты он спокойно мог ходить по городу. Здесь

во время визита к своему другу Абду-рабу, в номере гостиницы Баттал в первый раз встретился с известным дипломатом периода Ататюрка, депутатом Тевфиком Рушту (Арас). В городе он также встретил бывшего члена Комуча Ильяса Алкина, ставшего чиновником по обязательной регистрации. Другой важной личностью, с которой, скрываясь под именем Габдуллы Рахимова, Баттал часто встречался в Москве и завязал близкие отношения, был Мехмет Эмин бей Расульзаде – преподаватель персидского языка в Институте восточных языков им. Лазаровского⁸².

Г. Баттал стал советоваться со своими знакомыми: остаться ему в России или покинуть ее. Среди них был имам Захид эфенди, его ученик из Троицка, которого он описал под именем «Старый хафиз». Тот посоветовал ему точно так же, как Мехмет Эмин Расульзаде, Убейдуллах Ходжаев из Ташкента и Ильяс Алкин из Казани и некоторые другие турки – просить поддержки у Сталина⁸³.

Г. Баттал находился в растерянности. Слова известного казанского адвоката И. А (?), с которым его познакомил Захид эфенди, стали окончательными при принятии решения: «Да, это правда. Возможно, Сталин вас простит, возьмет под свою опеку, и вам даже предоставят какую-нибудь работу. Однако, как и многих других сомнительных личностей, вас возьмут под наблюдение. При возникновении реального или мнимого антисоветского заговора арестуют и бросят в тюрьму. Я считаю этот путь небезопасным. Если вы твердо не решили

оставаться в России, самый надежный для вас путь стать политическим эмигрантом». После этих слов Г. Баттал, наверное, принял самое важное решение в своей жизни – покинуть Россию⁸⁴.

Будучи в Москве, он поддерживал связь с женой Газизой и, чтобы узнать ее мнение, пригласил в Сарапул. В получении разрешения на поездку в Сарапул ему помогли верные друзья из купцов, в особенности из казанских баев, зять Габдельлхамида Казакова Габдерахман Шафи Алмас. Проехав по северной железной ветке до Перми, а затем на теплоходе на юг, он добрался до Сарапула. Чтобы не привлекать внимания, он остановился у одной русской семьи. Встретившись с женой, сыном и тещей, приехавшей из деревни, он вернулся в Петербург, откуда планировался побег⁸⁵.

Для встречи с лодочниками из Финляндии Г. Баттал вместе с одним ребенком и мишарином средних лет направился в Ориенбаум. Здесь он до вечера гулял у лесистого берега и затем в заброшенном доме прождал наступление времени отправки. На лодке с двумя финскими гребцами-контрабандистами туманной ночью между 9–10 часами по волноватому морю он устремился на финский берег, где не было большевизма. На берегу его задержали солдаты, и он был направлен на карантин. Через некоторое время его отпустили. Когда он покинул Казань и Россию, был сентябрь 1921 г., ему было 39 лет⁸⁶.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Было прочитано на симпозиуме интеллигенции Идель-Урала, организованном Международным Казахско-турецким университетом им. Ходжы Ахмеда Ясави (Анкара, конференц-зал TDV Коджатеппе, 1 апреля 2000).

² В этой статье основные биографические данные взяты из двух книг, написанных самим Г. Батталом: 1 – *Rus İhtilâlinde Hatıralar* 1917–1919 İstanbul, 1968, 264 s. Ötügen yaıınevı; 2 – *Ben bir ıřık arıyordum*. İstanbul, 1962, 209 s. Tan Gazetesi Matbaası. Хотя Саадет Чагатай в статье о нем указывает на то, что в последние годы жизни он писал *Воспоминания*, однако Баттал не смог их закончить: «Abdullah Battal-Taumas (8. XII. 1882–25. IV. 1969)», *Azerbaycan*, sayı. 191–196 (1971), s. 13–20. О том, что в основе этой статьи лежат воспоминания самого Г. Баттала, становится ясно из-за отсутствия по-

добной информации в других источниках. Вслед за смертью анонимная статья в «*Türk Kültürü*» («Abdullah Battal-Taymas», sayı. 79, Mayıs 1969, s.69–72) вероятно была написана Саадет Чагатай. Статья с аналогичным содержанием находится в книге «*Kazan Türkleri*» (Ankara, 1988, s. 223–226). Статья из «*Türk Kültürü*» опубликована в виде пункта в «*Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi*» (İstanbul, 1998. С. 8, s. 285).

³ Географические названия написаны так, как указано у Г. Баттала, но также рядом указаны их современные. Для этого был использован советский атлас (Atlas SSSR, Moskova, 1983). Бузулукский уезд Самарской губернии позже был присоединен к Оренбургу: (*SSR Administrativno Teritoryalnoe Delenie Soyuznih Respublik* – 1971, s. 146). Мы не смогли определить деревню, где он родился.

⁴ *Türk Kültürü*, agm. s. 69; s. Çağatay, agm s. 14.

⁵ Таymas, 1968 s. 16.

⁶ Dış İşleri Bakanlığı Arşivi, Dn-5300; Emekli Sandığı Arşivi, Dn. 75508; S. Çağatay, agm. 16.

⁷ Некролог о смерти Бильгивара Таймаса: *Hürriyet*. (30 Haziran 1999) s. 15; Старшая дочь Бильгивара Таймаса – Зейнеп Таймас; младшая дочь – Улькер Парс. Выражаю благодарность Улькер Парс и ее супругу Джихат Парсу за предоставленные фотографии.

⁸ Таymas'ın bu tarafı için: Dn. 5300.

⁹ Более детальную информацию об образовании медресе Волго-Уральского региона см.: Nadir Devlet, *Rusya Türklerinin Milli Mücadele Tarihi* (1905–1917), Ankara, 1999 s.179–185 ТТК. Yayını; Azade-Ayşe Rorlich, *Volga Tatarları* (Çev. Mehmet-Süreyya Er); İstanbul, 2000 s. 176–216 iletişim yayınları; İsmail Türkoğlu, *Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin*, İstanbul, 2000 s. 26–42; İbrahim Maraş, *Türk Dünyasında Dinî Yenileşme* (1850–1917), İstanbul 2002 s. 277–301.

¹⁰ Таymas, 1968 s.28.

¹¹ S. Çağatay, agm. s.13.

¹² Илек и Хобда – реки, соединяющиеся на юге Оренбурга, притоки Волги.

¹³ S. Çağatay, agm. s.14.

¹⁴ К сожалению, мы не смогли найти анкетных данных первого произведения.

¹⁵ Dn. 5300.

¹⁶ Таymas, 1968 s.197.

¹⁷ Hakkında bilgi için: İ. Maraş, age. s.99–101.

¹⁸ Таymas, 1962 s.143.

¹⁹ S. Çağatay, agm. s.14.

²⁰ Таymas, 1962; s.150; 1968 s.197; S. Çağatay, agm. s. 15.

²¹ S. Çağatay agm. s.15.

²² Çağatay agm. s.15.

²³ Таymas, 1962 s. 128; 1968 s.30 dn.12; Nadir Devlet, *İsmail Bey Gaspıralı*, Ankara, 1988 s.119–120.

²⁴ Таymas, 1962 s.35; О прессе среди татар см.: N. Devlet. 1999 s.167–179, s.279–282.

²⁵ Таymas. 1962 s.128–129; 1968 s.29–30.

²⁶ Fatih Kerimî hakkında: İ. Türkoğlu, age. s.350–353; İ. Maraş, age. s.101–102.

²⁷ Таymas, 1968 s.30–31, 197

²⁸ Таymas, 1968 s.197; S. Çağatay, agm. s.16.

²⁹ A. Hadî Maksudî için: İ. Maraş, age. s.110–111.

³⁰ Таymas, 1968 s.16, 197.

³¹ О первом знаменитом татарском коммунисте Галимджане Ибрагимове, достойного внимания как личности см.: Таymas, 1962 s.178–189; İ. Türkoğlu, age. s.353–354.

³² Таymas, 1962 s.133–134, 136, 143–144; 1968 s.15–16; Kurultay için: N. Devlet, 1999 s.220 – 223.

³³ N. Devlet, 1999 s.173; İ. Türkoğlu, age. s.214 dn. 434.

³⁴ Таymas, 1968 s.19–20.

³⁵ N. Devlet, 1999 s.219; Причиной больших надежд была тактика большевиков. «Ленин и Троцкий использовали против белых этот сепаратизм, с целью после падения белых с помощью Красной Армии их подавить». Stephen İ. Lee, *Avrupa Tarihinden Kesitler 1789–1980* (Türkçesi. Savaş Aktur), Ankara, 2002 s.201 Dost Kitabevi.

³⁶ Фуад Туктаров в 1924 г. тоже прибыл в Турцию. Проработав на таких должностях как переводчик, библиотекарь и регистратор, он скончался 18 декабря 1938 г. в Анкаре (Таймас, 1968 s.64 – 65).

³⁷ Molla Nur Vahitov (1885 – 19 Mart 1918) için: Deyateli SSSR i Revolyutsionnogo Dvijenya Rosii, Moskva 1989 s.377.

³⁸ Таймас, 1968 s.13–14, 51–52; Geniş bilgi için: 1917 *Ekim İhtilâli ve Türk-Tatar Millet Meclisi*. İstanbul, 1998 s.83.

³⁹ Ayaz İshakî için: İ. Maraş, age. s.111–113.

⁴⁰ Таймас, 1968 s.20–21.

⁴¹ Таймас, 1968 s.34–45, 46–47, 50; N. Devlet, 1999 s.247.

⁴² Таймас, 1968, s.50–55; Kongre için: Şengül Hablemitoğlu-Necip Hablemitoğlu, *Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk Kadın Hareketi* 1893-1920, Ankara, 1998 s.152–162.

⁴³ Таймас, 1968 s.56-58; Cemaleddin Velidî için: İ. Maraş, age.109–110.

⁴⁴ Таймас, 1968 s.s.90–91.

⁴⁵ Таймас (1968 s.93) это положение объясняет следующим образом: «Я один оказался воздержавшимся, не присоединившись ни к одной из партий, так как от Милли Шура не получил полномочий присоединиться к той или иной партии». Вместе с тем упоминания его имени среди «тюркистов» нет (N. Devlet, 1998 s.189). Изменения в воззрениях Г. Таймаса отмечает И. Тюркоглу (age. s.236).

⁴⁶ Таймас, 1968 s.94–98.

⁴⁷ Таймас, 1968 s.101; Alimcan İbrahimov için: Таймас, 1962 s.178-191; İ. Türkoğlu, age. s.353– 354; Tatar komünistlerinin faaliyetleri için: A-A. Rorlich, age. s.257–283.

⁴⁸ Таймас, 1968 s.101–102.

⁴⁹ Таймас, 1968 s.102.

⁵⁰ Таймас, 1968 s.103.

⁵¹ Таймас, 1968 s.105–106.

⁵² Таймас, 1968 s.66, 106–109.

⁵³ Таймас, 1968 s.110–111, 116–121.

⁵⁴ Таймас, 1968 s.129.

⁵⁵ Таймас, 1968 s.122 – 123.

⁵⁶ Г. Батгал не дает первое имя Енекеева: «Kazan Türklerinde millî davranışlar», *Dergi*, s.22 (1960) s.36; И. Тюркоглу дает его полное имя (age. s.148).

⁵⁷ Таймас, 1968 s.126–132; Таймас, agm. s.36.

⁵⁸ Таймас, 1968 s.132 – 135; Таймас, agm. s.37.

⁵⁹ Таймас, 1968 s.136–137, 145 Таймас, agm. s.37.

⁶⁰ Таймас, 1968 s.146–155.

⁶¹ Таймас, 1968 s.155–157.

⁶² Таймас, 1968 s.193–197.

⁶³ Таймас, 1968 s.201, 214–220.

⁶⁴ Таймас, 1968 s.220– 222.

⁶⁵ Таймас, 1968 s.243 – 251.

⁶⁶ Таймас, 1968 s. 253; Таймас, 1962 s. 8.

⁶⁷ Таймас, 1962 s. 9–23; Таймас, «Kazanlı fikir adamı ve terbiyecisi Alimcan Barudî», *Dergi*, s. 13 (1958) s. 21–23; Таймас, *Alimcan Barudî*, İstanbul, 1958 s.31–32; Zeki Velidî Togan, *Hâtıralar*, İstanbul, 1969 s. 313; A. Barudî için: İ. Maraş, age. s.83–85.

⁶⁸ Таймас, 1962 s.25–27.

⁶⁹ Таймас, 1962 s.27–28.

⁷⁰ Таймас, 1962 s.29, 37–43.

⁷¹ «Ankara Türk Ocağında Abdullah Battal-Taymas tarafından 18 Nisan 1955 tarihinde verilen konferans», *Azerbaycan*, s. 37 (Nisan 1955) s. 11; Таймас, 1962 s. 43–46; Таймас 1968 s. 113.

⁷² Таймас, 1962 s. 48–51.

⁷³ Таймас, 1962 s. 53–54.

⁷⁴ Таймас, 1962 s. 56–59.

⁷⁵ Таймас, agm. s. 11; Таймас, 1962 s. 69–76, 87–90.

⁷⁶ Таймас, 1962 s. 92–97.

⁷⁷ Таймас, 1962 s. 99–102.

⁷⁸ Таумас, 1962 s.106–107, 131–134.

⁷⁹ Таумас, 1962 s. 143–149.

⁸⁰ Таумас, 1962 s. 150–153.

⁸¹ Таумас, 1962 s. 150–153.

⁸² Таумас, 1962 s. 154–162, 165–169; Таумас, agm. s. 11.

⁸³ Таумас, 1962 s. 172 Таумас, 1968 s. 196–201.

⁸⁴ Мы не смогли выяснить имя адвоката, которое Баттал указал: «И.А. Таумас», 1962 s. 172–173.

⁸⁵ Таумас, 1962 s. 173–175.

⁸⁶ Таумас, 1962 s. 169, 175–177.

Аннотация

В статье рассматривается история жизни известного писателя, историка и языковеда Габдуллы Баттал-Таймаса, татарина, эмигрировавшего в Турцию. Али Биринджи собраны уникальные материалы, интервью, фотографии татарских эмигрантов. Али Биринджи является автором многих работ, посвященных нашим соотечественникам. Эта статья, предоставленная им самим для публикации в Татарстане, вызывает большой интерес, в ней много нового, доселе неизвестного из биографии и творческой деятельности Г. Баттала. Большинство из этих сведений раньше было недоступно нашим ученым и биографам Г. Баттала, т.к. источники этих сведений никогда не издавались в России.

Цель этой статьи, как пишет автор, показать тюркскому миру значимость Габдуллы Баттал-Таймаса как личности и публициста, заслуживающего особого внимания. В статье рассматриваются биография Габдуллы Баттала, годы учебы и преподавательской работы, так называемый египетский период, возвращение в Россию, годы жизни в Казани, а далее период жизни в эмиграции, сначала в Финляндии, а затем в Турции. Приводится перечень трудов Г. Баттала-Таймаса.

Ключевые слова: Габдулла Баттал-Таймас, Гаяз Исхаки, Ризаэтдин Фахредин, Юсуф Акчура, Галимжан Баруди, Исмаил Гаспринский, медресе «Караван Сарай», шейх Зайнулла Расулев, Милли Шура, тюрко-татары, «Казанские тюрки», Каргалы, Оренбург, Троицк, Стамбул, Анкара, Хельсинки, кладбище Караджаахмет, Казань, Египет, Каир, газета «Тарджеман», «Вақыт», «Юлдуз», «Курултай».

Summary

The article by the director of Turkish Society of history in the name of Ataturk (Ankara, Turkey), Doctor of History Ali Birindzhi deals with the life of the famous writer, historian and linguist Gabdoullah Battal-Taimas, the Tatar who emigrated to Turkey. Ali Birindzhi is interested in the history of Tatar emigrants in Turkey. He collected unique materials, interviews, photographs of Tatar emigrants. Ali Birindzhi is the author of a great number of works devoted to our compatriots. This article is of great interest as it contains a lot of new facts from the biography and creative activity of Battal. The majority of this information was earlier inaccessible to our scientists and Battal's biographers because the sources of this information were never published in Russia.

According to the author the aim of the given article consists in demonstrating Battal's significance to the Turkic world as a personality and publicist who deserves special attention. The article deals with the biography of Battal, studying and teaching, the so-called Egyptian period, return to Russia, Kazan period of life, emigration to Finland and Turkey. Ali Birindzhi considered his scientific works and made a list dividing them into periods.

Key words: Gabdoullah Battal-Taimas, Gayaz Iskhaki, Rizaetdin Fakhreddin, Yusuf Akchura, Galimzhan Barudi, Ismail Gasprinsky, medrese «Caravan Sarai», sheikh Zainulla Rasulev, Milli Shura, Turkic Tatars, «Kazan Turki», Kargaly, Orenburg, Troitsk, Istanbul, Ankara, Helsinki, cemetery Karadzaaahmet, Kazan, Egypt, Cairo, newspaper «Tardzheman», «Vakyt», «Yulduz», «Kurultay».

УДК 908(471.41)

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ РИЗАЭТДИНА ФАХРЕТДИНОВА – УЧЕНОГО, ПРОСВЕТИТЕЛЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Б.М. Мухамадиев, соискатель

Ризаэтдин Фахретдинов – востоковед, ученый-энциклопедист, автор многоотомной библиографической монографии «Асар» о творчестве деятелей культуры и просвещения тюркских и других народов Востока, писатель, автор многочисленных рассказов и повестей, драматург, национальный просветитель – сторонник эмансипации восточных женщин, муфтий Центрального Духовного управления мусульман с 1923 по 1936 г., год смерти. Его имя известно, авторитетно в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Египте, Саудовской Аравии, других странах арабского Востока. Он пытался противостоять разрушению религиозных основ мусульманства в 1920–1930-е гг. После смерти был объявлен японским шпионом, его имя было запрещено, родственники уничтожены или сосланы, многие сочинения сожжены. Творческое наследие его огромно и еще не освоено – только в Башкирском научном центре Академии наук хранятся сорок томов его рукописей, в большинстве своем неизвестных, неопубликованных.

16 (4) января 1859 г. в деревне Кичучатово Бугульминского уезда Самарской губернии (сейчас Альметьевский район Татарстана) в семье имама этой деревни Фахретдина Сайфетдина родился пятый ребенок – Ризаэтдин. Его отец, Фахретдин хазрат, родился в 1819 г., умер в 1891 г., похоронен в деревне Кичучатово, где и провел всю свою жизнь. Это был образованный человек, середняк, сам выполнявший все сельхозработы, воспитавший много детей.

Мама Ризаэтдина – Махуба бинте Рамкул была дочерью имама деревни Старое Иштиряково того же Бугульминского уезда Рамкул хазрата. Она родилась в 1821 г., умерла в 1873 г., и похоронена в деревне Кичучатово. Рамкул хазрат был образованным, начитанным человеком, собирал рукописные книги. Предки его были из образованного духовенства.

Первые уроки Ризаэтдину дала его мама – Махуба абыстай. Ризе тогда было всего 5–6 лет.

Осенью 1867 г. Ризаэтдина вместе с его дядей Гильман хазратом Карими отправили учиться в медресе города Чистополя. Отучившись всю зиму, он весной вернулся домой. К большому его сожалению, следующей осенью ему не удалось поехать в медресе Чистополя. Этой зимой он учился дома. Его дядя Гильман хазрат устроился имамом в деревню Миннебаево, поэтому в медресе не поехал. Ризе же было всего 9 лет, поэтому его одного не могли отпустить в далекое медресе. Когда Риза рассказывал о своих годах учебы, он всегда сожалел, что не смог закончить учебу в Чистопольском медресе. Ведь после окончания этого медресе можно было поступить в русскую школу [1].

В 1869 г. Ризу вместе с его братом Кашафетдином отправили учиться в медресе деревни Нижние Шелчелы, что в двадцати верстах от Кичучатово. Риза всю зиму проводил в медресе с остальными шакирдами, но летом возвращался в Кичучатово. С 1869 г. начинается непрерывная пора учебы в Шалчалинском медресе, продолжавшаяся 20 лет.

Самостоятельно Ризаэтдин Фахретдинов изучил арабский, персидский и турецкий языки. Русский он выучил позже. Хотя знал его хуже, чем фарси, арабский и турецкий, мог читать необходимую научную и историческую литературу.

В 1884 г. в руки Фахретдинова попала газета «Тарджиман» — «Переводчик». Шакирд деревенского медресе смог на нее подписаться, постоянно ее читал. Знакомство с этой газетой он считал одним из ключевых событий для своего развития как личности [2, с. 38–39].

В 1885 г. заключил брак с дочерью ахуна Габденнасыра Тухватуллина из деревни Чыбыклы Мензелинского уезда Нурзямал. Прожили они вместе 50 лет.

В 1886 г. Риза поехал в Казань. В Казани он впервые встретился с Шигабедином Марджани, познакомился и с другими учеными [3, с.114].

В 1887 г. впервые поехал в Уфу, в Духовное управление, сдал экзамен на звание «мударриса».

Весной 1889 г. Ризаэтдин распрощался с медресе, в котором провел двадцать лет. Было ему тогда тридцать один год. Медресе он покидал с чувством горечи: знания, которые он получил за долгие годы, приходилось собирать по крупицам. В последний год обучения в медресе он написал трактат «Подарок для близких друзей» и учебное пособие по арабской грамматике «Китабе ат-тасриф». Через год в Казани издаются книги Фахретдинова «Китабе аль-игтибар» и «Вводная книга», популярно объясняющая каноны религии по вопросам наследства. Всего же Фахретдиновым к этому времени были опубликованы пять книг.

Осенью 1890 г. из Уфы, от кадия Духовного управления Халила пришло письмо с просьбой прибыть в Уфу. А причина вызова указана не была. Посоветовавшись со своим отцом, Фахретдин хазратом, Риза выехал в Уфу. Оказалось, что ему предлагают должность кадия в Духовном управлении. Решив, что, может быть, сможет здесь заняться наукой, Риза согласился переехать в Уфу. В феврале 1891 г. Риза прибыл в Уфу.

После переезда в Уфу Риза начал свою официальную службу в Духовном управлении. Через некоторое время, полностью освоившись, начал вводить правила, улучшающие порядок работы. Помимо выполнения основной работы он привел в порядок доселе бесхозный архив Духовного управления, где хранились исторические материалы о мусульманах России, тысячи метрических книг татар и башкир. Создание Фахретдиновым архива с уникальным по тем временам порядком было очень крупным делом. Для архива во дворе управления было построено из камня специальное здание. Риза приложил много сил для того, чтобы материалы, представляющие историческую ценность, были собраны в одном месте и надлежащим образом хранились. Порядок хранения материалов мог быть образцом для современных архивов. В нескольких больших комнатах, на многочисленных стеллажах в порядке, позволяющем быстро найти необходимый документ, долгие годы хранились материалы, собранные в отдельные тома, — тысячи и тысячи документов. В последние годы своей жизни (1922–1935) ученый приложил много сил для того, чтобы оставить этот архив на своем месте, обращался во многие инстанции. В настоящее время этот архив находится в Уфе в Центральном государственном историческом архиве.

В Уфе Риза начал создавать собственную библиотеку. С детства жадный до книг, он начал с усердием собирать их. Эти многочисленные исторические, философские труды великих ученых на арабском, персидском, турецком языках были спутниками его каждодневной научной работы. Среди его книг, накопленных за многие годы, были и очень редкие издания. Под началом Духовного управления мусульман — Диния назарете в то время находились более четырех тысяч приходов и столько же мечетей, три с половиной миллиона мусульман [4, с.29–34].

Фахретдинов выписывает из мусульманских стран журналы, газеты, книги по истории и культуре, подвергая все материалы тщательной систематизации.

Особенно углубленно он изучает арабский язык и литературу, богословские труды. Любимые его предметы — биографии выдающихся мусульман России и история развития культуры и искусства тюркских народов. Здесь, в Уфе, он начинает работу над самым значительным своим трудом — библиографическим сборником «Асар», основанном на документах. Название можно перевести как «следы» или «памятники», если шире — «следы, которые одаренные люди оставляют в вечности». Эта многотомная монография, составленная в хронологическом порядке, посвящена жизни и творчеству деятелей культуры, просвещения, науки тюркских и других народов Востока. Над этим трудом Фахретдинов работает многие десятилетия.

Первая часть сборника биографических очерков «Асар» выходит в Казани в 1900 г., вторая — в 1901 г., третья — в 1903 г., четвертая, пятая, шестая, седьмая и восьмая части издаются в 1904 г. в Оренбурге. Биографические сведения в «Асар» перемежаются замечаниями автора и критическим анализом, касающимся исторических и богословских вопросов.

«Асару» близок цикл критических биографий Фахретдинова «Замечательные люди», рассказывающий о деятелях мусульманской науки. Изданы были шесть частей цикла — «Ибн Рушд», «Магарри», «Ибн Гараби», «Ибн Теймийе», «Имам Газзали» и очерк о современном Фахретдинову ученом Ахмеде Митхате. Ризаэтдин пишет биографии замечательных женщин старого и нового мусульманского мира.

Пишет Фахретдинов преимущественно на языке тюрки. Он автор повестей «Салима, или Целомудрие», «Асма, или Проступок и наказание», многочисленных публицистических выступлений по вопросам мусульманской культуры, ее отношения к европейской науке и образованию, об эмансипации восточных женщин. Он издает учебники, методические труды, популярные брошюры по вопросам педагогики и этики — «Воспитанная мать», «Воспитанный отец», «Воспитанное дитя»,

«Воспитанная женщина», «Семья». В общей сложности по вопросам воспитания им написаны более шестидесяти работ. Фахретдинову принадлежат две книги о знаменитых путешественниках: «Путешествие Исмаила», в которой рассказывается о поездке жителя села Каргалы Исмаила Бекмухаметова в Индию, Среднюю Азию и Ближний Восток в 1751 году, и «Путешествие Ибн-Батуты в Кипчак» [5, с.43–47].

В 1898 г. Риза впервые побывал в Оренбурге, познакомился со многими людьми, много общался. В мае 1900 г. он совершил поездку в Булгар. Привез оттуда оттиски надписей с древних надгробных камней.

Когда Фахретдинов работал в должности кадия, каждые 3 года его утверждали на новый срок: начиная с 1881 г., в начале 1894, 1897, 1903, 1906 г. — до 1909 г. Все годы, проведенные в должности кадия, он мечтал о научной работе в области истории.

В 1906 г. Фахретдинов по приглашению известных золотопромышленников Рамеевых переезжает в Оренбург, где становится вторым редактором газеты «Вақыт» — «Время», редактируемой племянником Ризаэтдина писателем Фатыхом Каримовым. Здесь раскрываются новые грани личности Фахретдинова — организаторские способности и журналистский талант. Вскоре «Вақыт» становится самым популярным тюркоязычным изданием. В начале 1908 г. братья Рамеевы, получив официальное разрешение, начали выпускать журнал «Шура», Фахретдинов становится редактором журнала. За 10 лет издания журнала «Шура» Риза написал сотни объемных научных, исторических и других важных статей. В этот период Фахретдинов пишет множество биографических очерков — портреты ученых, поэтов, политических деятелей, полководцев и даже капиталистов, деятелей западной культуры и различных мировых религий. Почти в каждом номере журнала «Шура» эти биографии публикуются под рубрикой «Замечательные люди и великие события». Он привлекал к сотрудничеству

с журналом много людей, разворачивал на страницах журнала диспуты по различным общественным проблемам. Публиковались в журнале «Шура» и авторы-женщины. Риза переписывался со многими людьми. Ему писали ученые, учителя с разных концов страны, читатели журнала «Шура». Несмотря на отсутствие свободного времени, он не оставлял без ответа ни одно письмо. Он и сам запрашивал письмом необходимые для его научных трудов сведения. Среди его респондентов были ученые Аравии, Ирана, Индии, Японии, Турции и других восточных стран.

Из Оренбурга в Уфу Фахретдинов вернулся в 1918 г., после прекращения издания журнала. Он возвращается на работу в Духовное управление мусульман и его опять избирают религиозным судьей [6, с75–78].

Главный труд Фахретдинова в сфере богословия — «Религиозные и социальные вопросы». В нем излагаются основные положения ислама и разбираются почти все вопросы, имеющие значение для современной мусульманской жизни. Другое значительное его богословское сочинение — «Комментарий на изречения Мухаммеда».

У Фахретдинова были весьма серьезные намерения полностью посвятить себя востоковедению. Из академических кругов поступили соответствующие предложения, и они почти приняты. Но в 1921 г. умирает муфтий Г. Баруди, и в 1922 г. Фахретдинова избирают муфтием Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Здание Духовного управления становится местом его служения до последних дней жизни.

В начале двадцатых годов законодательные структуры страны издают указы и постановления, которые формально поддерживают принципы свободы слова и вероисповедания. В 1923 г. власти разрешают провести съезд мусульманского духовенства.

С избранием Фахретдинова муфтием и руководителем Духовного управления, он ходатайствует перед Народным комиссариатом по делам

национальностей о возобновлении издания религиозного журнала. В 1924 г. Фахретдинов добивается издания «Ислам маджаллясы» — «Журнал Ислам». В журнале публикуются статьи Фахретдинова, Тарджиманова, казья Джухангира Абызгильдина, Мухлисы Бубинской, богословские сочинения, суры Корана, информационные материалы. Особое внимание уделяется вопросам религиозного образования. Журнал «Ислам» выходит тиражом семь тысяч экземпляров и рассылается во все восточные республики. Некоторые экземпляры отправляют за границу.

В знак уважения к научным заслугам Фахретдинова в 1925 г. его приглашают в Ленинград на торжества по случаю двухсотлетия Академии наук. Долгие семь лет после окончания работы в журнале «Шура» Ризаэтдин был отдален от научных кругов, и поэтому он особенно был рад возможности пообщаться с серьезными учеными [7].

Сразу же после приезда в Ленинград он приходит в Академию наук. Академик И.Ю. Крачковский, знаменитый переводчик Корана, долго беседует с ним по-арабски, а затем знакомит с учеными, прибывшими из Турции, Индии, Швеции. Фахретдинов занимает почетное место на торжественном заседании Академии, в академической библиотеке он видит и свои книги. Здесь же Ризаэтдин знакомится с историком Худяковым, который дарит ему свою книгу.

Весной 1926 г. Фахретдинову пришло приглашение из Аравии на Первый Всемирный конгресс мусульман в Мекке. Риза направил от своего имени телеграммы Председателю ЦИК М.И. Калинину и Наркому иностранных дел Г.В. Чичерину, получил подтверждение, что никаких препятствий к поездке на конгресс нет.

Фахретдинов просит Президиум ВЦИК отдать распоряжение о беспристрастном рассмотрении фактов закрытия мечетей, об освобождении из мест заключения и возвращении из ссылки мусульманского духовенства, о пересмотре дел сосланных в административном порядке мухтасибов, имамов, муэдзинов.

Какой-либо серьезной реакции на заявление Фахретдинова не последовало. Официальная власть признала, что допущены перегибы в проводимой религиозной политике, но отношения между нею и духовенством не изменились.

В старости у Фахретдинова в привычку вошло по воскресеньям приходить на мусульманское кладбище, где он бродил среди могил, рассматривая надписи. При жизни он указал место, где хотел бы быть похоронен. С февраля 1936 г. Ризаэтдин начал слабеть и, по воспоминаниям близких, потерял надежду на выздоровление. Он умер 12 апреля и был похоронен на указанном им ранее месте. Над его могилой прочитали Коран, а затем, согласно завещанию, провожавшие его в последний путь в молчании разошлись. Провожать

его пришло очень много людей, но речей, ему посвященных, не говорилось.

Кончина Фахретдинова стала поводом для окончательного разгрома Духовного управления мусульман России, а заодно и Башкирского Духовного управления. Суть обвинений по «Делу о заговоре руководителей ЦДУМ» сводилась к тому, что заместитель муфтия казый Тарджиманов под руководством муфтия Фахретдинова решили объявить о закрытии ЦДУМ с целью спровоцировать выступления против советской власти. Уже по ходу следствия были добавлены обвинения в связях с эмигрантскими организациями Японии, Германии и Финляндии, что позволило использовать формулировку «шпионско-диверсионная деятельность» [1, 6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шараф А.* Воспоминания об отце / А.Шараф // Ризаэтдин Фахретдин: Фанни-биографик жыентык. – Казан: Рухият, 1999. – С. 111–146.
2. *Гайнуллин М.* Татарская литература и публицистика / М. Гайнуллин – Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. – 352 с.
3. Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
4. *Салихов А.Г.* Малоизвестные страницы из жизни Ризы Фахретдинова / А.Г. Салихов // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения: Материалы республик. науч. конф. – Уфа, 2001. – С. 29–34.
5. *Хусаинов С.М.* Публицистика в творчестве Ризы Фахретдинова / С.М. Хусаинов // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения: Материалы республик. науч. конф. – Уфа, 2001. – С. 43–47.
6. *Султанбеков Б.* Страницы жизни Ризы Фахретдинова – ученого, муфтия, литератора, педагога / Б.Султанбеков // Татарстан. – 1993. – № 1. – С. 75–78.
7. *Баишев Ф.Н.* Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Р. Фахретдинова / Ф.Н. Баишев. – Уфа: Китап, 1996. – 170 с.
8. Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения: Материалы республик. науч. конф. – Уфа, 2001. – 148 с.

Аннотация

Статья посвящена изучению жизни и творчества известного татарского ученого Ризаэтдина Фахретдинова. Ризаэтдин Фахретдинов – автор большого количества научных трудов по истории, культуре, религии. В 1923–1936 гг. он был муфтием Центрального Духовного Управления мусульман России.

Ключевые слова: Ризаэтдин Фахретдинов, востоковед, «Асар», медресе, Духовное управление мусульман, журнал «Шура», муфтий.

Summary

The article is devoted to studying the life and creative activity of a well-known Tatar scientist R.Fakhretdinov. R.Fakhretdinov is the author of a considerable quantity of proceedings on history, culture, religions – mufti of the Central Spiritual Board of Muslims from 1926 to 1936.

Key words: R.Fakhretdinov, orientalist, medrese, «Asar», mufti, magazine «Shoora», Spiritual Board of Muslims.

УДК 72.03:726(47+57)

ТИПОЛОГИЯ МОБИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КОЧЕВОГО СТИЛЯ В АРХИТЕКТУРЕ ПОВОЛЖЬЯ ПО МУСУЛЬМАНСКИМ МИНИАТЮРАМ XV–XVII ВВ.

Нияз Халит, доктор архитектуры

Своеобразная культура кочевого стиля, присутствие которой неоднократно отмечалось археологами и этнографами (подробно об этом см. [1]), была неотъемлемой частью общей архитектурной культуры татарского народа и его предков на протяжении тысячелетий. Отголоски форм кочевого стиля можно наблюдать как явно, так и ассоциативно и в оседлой архитектуре. Проявляются они как в общей композиции, так и в художественно-образных характеристиках, в декоративных мотивах, — причем не только в эпоху средневековья, Новое время и вплоть до настоящего времени. Сам образ кочевого прошлого настолько крепко впечатался в сознание тюркских народов, что его мотивы постоянно сопровождают эволюцию стиля, проявляясь как на концептуальном уровне, так и в формах подсознательных ассоциаций. Более того, именно они зачастую выступают в качестве приоритетных компонентов национального стиля, подчеркивая своеобразие культурной традиции при сохранении основных позиций стиля эпохи. Именно так сложились основы сельджукского, а затем и османского стилей (на это обращали внимание многие исследователи [2, 3, 4; с.140 и др.]), золотоордынские и постзолотоордынские татарские стили средневековья. В настоящее время можно наблюдать новую волну реминисценций кочевнических архитектурных мотивов во вновь образовавшихся государствах Средней Азии, в башкирской архитектуре, ярко иллюстрирующую сказанное выше.

О тюркском кочевом стиле можно говорить много, рассматривая его конс-

структивные, композиционные, художественно-образные, декоративные качества. Это один из важных компонентов, заложивших основы более поздних архитектур. Его влияние, например, на архитектуру Древнего Рима, Византии, средневековой Европы и Руси практически никем не изучалось и еще ждет своих исследователей. Не затрагивалась эта тема даже в татарской науке, хотя здесь отголоски кочевого стиля наблюдаются совершенно очевидно (Примеч. 1).

Прекрасным материалом, позволяющим составить достаточно полное впечатление о тюркской кочевой архитектуре, являются средневековые мусульманские миниатюры XV–XVII вв., иллюстрирующие различные хроники, исторические рукописи, литературные произведения. В их числе можно назвать богато иллюстрированные исторические хроники Рашид ад-Дина (*Джами' ат-таварих, XIV в.*, см. Примеч. 2), Бабур-наме (см. Примеч. 3) (биография ферганского правителя Бабура, первого из Великих Моголов, см. Примеч. 4), иллюстрированные турецкие военные хроники XVI в. [например, 5 и др.], иллюстрированная антология творчества Джамии (XVI в.) [8] и некоторые другие.

Анализируя и сопоставляя между собой эти многочисленные изображения, можно прийти к следующим выводам.

1. Средневековые мусульманские миниатюры являются достоверным историческим источником, весьма подробно и реалистично передающим особенности типологии, стиля и даже декоративного оформления реальных сооружений.

2. Материал средневековых мусульманских миниатюр показывает, что кочевая архитектура не претерпела никаких изменений в течение последующих столетий и до деталей совпадает с постройками современных кочевых тюрок и родственных народов.

3. Отсюда следует вывод, что кочевой стиль представляет собой весьма консервативную традицию, эволюция которого завершилась намного раньше создания этих миниатюр. Таким образом, изображения XV–XVII вв. в целом можно считать справедливыми и для более ранних эпох, в нашем случае – домонгольской Волжской Булгарии.

4. Сопоставление средневековых мусульманских миниатюр с реальными объектами и между собой выявляет единство тюркского кочевского стиля вне зависимости от географического положения и этнической принадлежности. Типология, композиция, элементы конструкций и способы оформления практически совпадают, за исключением некоторых нюансов.

Опираясь на вышесказанное, можно с определенной долей уверенности реконструировать формы кочевого стиля и для нашего региона.

Анализ средневековых мусульманских миниатюр позволяет говорить о пяти видах кочевых сооружений: *юрте, шатре, палатке, кибитке и навесе*.

Несомненно, все эти виды в той или иной форме существовали и в средневековой архитектуре Поволжья, в том числе и Казани, как продукта средневековой тюркской городской культуры, сочетавшей в себе элементы кочевого и оседлого стилей.

Юрта представляла собой каркасное разборное сооружение, круглое в плане. Ее скелетная конструкция имела вид решетчатого цилиндра, перекрытого деревянным куполом на радиально расходящихся от центрального дымового отверстия нервюрных конструкциях. Юрта покрывалась войлоком и тканями, которые могли приподыматься или частично убираться для вентиляции в жаркое время года. Употреблялась обычно в качестве относительно дол-

говременного мобильного сооружения: жилища или иного назначения.

Различают два вида юрты: тюркскую и монгольскую, хотя различия эти носят нюансный характер, касаясь лишь формы купола. У тюркской юрты купол более выпуклый и приближается к полусфере, у монгольской – уплощенный и приближается к конической форме. Иных различий в конструкциях, материале или принципах оформления не наблюдается.

На средневековых изображениях встречаются юрты с куполом, выступающим за пределы цилиндра, напоминающим луковичную форму.

В жаркое время года вокруг юрты мог быть растянут тканевый навес, свидетельством чему являются как иллюстрации к «Бабур-наме», так и современные монгольские гэрэ.

Судя по многочисленным изображениям, богатые юрты украшались орнаментами в технике войлочной мозаики, обтягивались орнаментированными тканями, лентами, кистями. Эта традиция сохранилась у тюрок-кочевников до сегодняшнего дня.

Шатер, как правило, представлял собой центричную вантовую конструкцию на растяжках от центрального опорного столба, обтянутую тканью. Употреблялся обычно в качестве временного походного сооружения: жилища или иного назначения.

Конфигурация плана шатра могла быть круглой или многогранной.

В зависимости от размеров менялась и конструкция. Шатры небольших размеров могли иметь один или несколько опорных столбов, более крупные объемы требовали устройства дополнительного каркаса наподобие перекрытия юрты. Соответственно, верх шатра мог иметь свисающую форму, либо купольную. Каркас обтягивался тканью, однотонной или орнаментированной – в зависимости от богатства или предназначения.

Композиция шатров менялась от конической или пирамидальной до двухъярусной, с вертикальными или наклонными стенами округлой или многогранной формы.

Палатка являлась вариантом шатра, но, как правило, вытянутой формы на двух или более центральных опорных столбах. Это был более просторный и комфортабельный вид сооружения, вмещавший значительное число людей и служивший чаще общественным или представительским целям (походный дворец, мечеть, штаб).

Конфигурация плана палатки могла быть округлой, прямоугольной или усложненной. Верх мог иметь двускатную, вальмовую или усложненную форму.

Существовали и комбинированные формы, своеобразные гибриды шатра и палатки.

Кибитка служила передвижным жилищем в походных условиях. Она представляла собой юрту или иное легкое сооружение (как правило, каркасное или плетеное), поставленное на тележку или платформу на колесах, либо прямо на спину вьючного животного (верблюда).

Судя по средневековым изображениям, существовало четыре основных типа кибиток: юрта, юртообразное строение с конической крышей, прямоугольный навес с плоской крышей, обтянутый тканью, и небольшая беседка на спине вьючного животного.

Историками и современниками отмечены кибитки весьма значительных размеров, вмещавшие несколько десятков человек. К примеру, платформу с юртой Чингис-хана волокли около 60 волов.

Навес являлся временным сооружением над местом отдыха или временного пребывания правителя (командующего и др.) для представительских целей. Мог иметь разнообразные формы венчающей части (собственно навеса), на одном или нескольких столбах и растяжках. Судя по изображениям, венчающая часть навеса представляла собой каркас с натянутой на него тканью.

Навесы могли быть открытыми и полуоткрытыми. В сущности, это была просто верхняя часть юрты, шатра или палатки с полностью или частично удаленными стенами.

Перечисленные мобильные сооружения носили по своей функции универсальный характер и могли быть использованы в самых разных целях: жилых, хозяйственных, культовых или представительских. Юрты или другие мобильные постройки могли быть разных размеров и оформлялись в зависимости от степени богатства владельца, — от маленькой бедной юрты или шатра до огромных размеров сооружения — дворца или мечети, вмещавшего сотни людей и украшенного шелками, коврами, резьбой и позолотой. Современники описывают целые города с улицами, площадями, дворцами и мечетями, меняющие местоположение и перемещающиеся на сотни километров в пределах родовых кочевий по мере необходимости (Примеч. 5).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На эту тему мною подготовлена специальная публикация (Отголоски образов кочевого прошлого в архитектуре казанских татар), находится в печати.

2. **Джамиат-таварих** (перс. جامع‌النواربخ; монг. *Судрын чуулган*; в русской традиции — **Сборник летописей**) — историческое сочинение на персидском языке, составленное в начале XIV в. визирем государства Хулагуидов Рашид ад-Дином по приказанию ильхана Газана.

Газан-хан, бывший полиглотом и знатоком истории, особое внимание уделял истории собственного народа. В 1300/1301 он приказал Рашид ад-Дину собрать воедино все сведения, касающиеся истории монголов. Основная часть работы, получившая название *Та'рих-и Газани* («Газанова летопись»), была поднесена Олджейту-хану в 1307 г. Полностью труд был закончен к 1310/1311[7].

3. **«Бабур-намэ»** (перс. بابر نامه; «Книга Бабура» или «Записки Бабура») — воспоминания Захир ад-дина Мухаммеда Бабура (1483—1530), основателя Империи Великих Моголов, прямого потомка Великого Эмира Тимура. Написаны на чагагайском языке, в то время именовавшемся «тюркí»; при этом встречаются отдельные фразы и стихотворные вставки на фарси.

Изложение начинается с воцарения 12-летнего Бабур в Фергане. От первого лица Бабур, к тому времени уже один из могущественнейших монархов Азии, описывает свои первые шаги и неудачи, потерю Самарканда и переезд в Кабул в 1504 г. С 1508 по 1519 г. рассказ обрывается, возобновляясь уже в тот момент, когда Бабур прочно утвердился в Афганистане и начал походы на северо-запад Индии. Третья часть записок охватывает период 1525–1529 гг., времени окончательного оформления империи, которой потомки Бабура будут править на протяжении трех столетий.

Бабур был высокообразованным носителем среднеазиатской культуры. Его записки отражают его интерес к истории, быту, флоре и фауне посещенных им стран, имеют огромную историческую и литературную ценность. «Записки Бабура» уже в эпоху Великих Моголов служили настольной книгой императоров, переводились на фарси и богато иллюстрировались лучшими мастерами индийской миниатюры. К настоящему времени памятник переведен примерно на 25 языков мира, в том числе и на русский (перевод М. А. Салье, изд. 1958, 1993 в Ташкенте) [6].

4. Полное имя Захир-ад-дин Мухаммед Бабур (14 февраля 1483 — 26 декабря 1530) — чагатайский и индийский правитель, полководец, основатель государства Великих Моголов (1526) в Индии.

5. «Там увидели мы целый движущийся город, с улицами, домами, мечетями и кухнями; по повелению Султана Мугаммеда, мгновенно все останавливается на том месте, где он велит», — писал в середине XIV в. Ибн-Батута, описывая свое путешествие по Золотой Орде [9 — с.464].

ЛИТЕРАТУРА

1. Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII — начала XIX вв. — М.: Стройиздат, 1989.
2. Бернштам Л.Н. Архитектурные памятники Киргизии. — Фрунзе, 1971.
3. Засыркин Б.Н. Архитектура Средней Азии. — М., 1948.
4. Райс Т. Сельджуки. Кочевники — завоеватели Малой Азии. — М.: Центрполиграф, 2004.
5. Фехер Г. Турецкие миниатюры времен покорения Венгрии. — Будапешт: Корвина, 1980.
6. Бабур-наме. Материал из Википедии — свободной энциклопедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Джамиат-таварих. Материал из Википедии — свободной энциклопедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
8. Джами. Избранные произведения: (Лирика, «Семерица», «Весенний сад») / Пер. с фарси В. Звягинцевой, Наума Гребнева, Т. Стрешневой, Л. Пеньковского, С. Липкина, В. Державина, Ю. Нейман, А. Адалис. — Ленинград: Советский писатель, 1978.
9. Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду, в половине XIV века // Русский вестник, Том 2. 1841.

Аннотация

Исследование открывает не затрагивавшуюся ранее тему — кочевая архитектура татар Поволжья, нижняя временная граница появления которой не определена, а верхняя прослеживается вплоть до 2-й половины XIX века. Рассматривается типологический аспект.

Ключевые слова: кочевой стиль, мусульманская миниатюра, юрты, шатры, кибитки, палатки, навесы, сельджукский стиль, османский стиль, татары, Поволжье, Рашид ад-Дин, Бабур-наме.

Summary

The study opens the theme that was not touched upon before — the nomadic Tartar architecture of the lower Volga Region, the appearance of which is not exact. It existed down to the 2nd half of the 19th century. The typological aspect is viewed.

Key words: nomadic style, Muslim miniature, Jurtes, tents, kibitki, Seljuk style, Ottoman style, Tatars, Volga Region, Rashid ad-Din, Babur-name.

УДК 72.03

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ ИСЛАМСКОГО ГОРОДА

Х.Г. Надырова, кандидат архитектуры, доцент

Проблемы средневековых городов исследуются на стыке нескольких смежных научных областей: истории, археологии, истории градостроительства и архитектуры, социологии и других. В первые десятилетия XX в. сложилась научная историография по средневековому градостроительству регионов и государств мусульманского мира. Тогда же была разработана концепция исламского города, которая с развитием научных методов, накоплением различных материалов и данных по средневековым городам развивалась и видоизменялась на протяжении века. Как правило, под термином «исламские» обычно понимают города Востока. Проблема применения этой концепции актуальна при изучении средневековых городов на территории, соответствующей Татарстану, поскольку градостроительная культура Волжско-Камского региона развивалась в рамках государств Волжско-Камская Булгария, Булгарский улус Золотой Орды, Казанское ханство, население которых с начала X до середины XVI в. исповедовало религию ислам [11; 12]. Цель статьи: рассмотреть средневековое градостроительство Волжско-Камского региона с точки зрения концепции исламского города в зарубежной историографии по проблемам изучения средневековых городов мусульманского мира. Выяснить, как изучались средневековые города мусульманского мира зарубежными исследователями; выявить характерные черты этих городов; определить – соответствуют ли этой концепции средневековые города Волго-Камья и что общего было у них

со средневековыми городами мусульманского Востока.

В отечественной историографии изучение городов регионов с преобладающим мусульманским населением велось в различных аспектах, однако с точки зрения влияния ислама на формирование пространственно – планировочной или иного вида структур городов практически не велось. В советский период характеристика средневековых городов не несла религиозной окраски и определялась их региональной спецификой [1; 2; 9–10; 16]. Исследователями в большей степени признавалось влияние ислама на архитектуру, чем на градостроительство [6; 15]. В постсоветское время была предпринята попытка впервые открыто уточнить понятие «исламский город», до этого практически отсутствовавшее в российской историографии [7; 14]. В последние годы средневековая архитектура и градостроительство исламских государств в научном мире рассматриваются в аспекте культурно-цивилизационного значения [13; 15]. Для зарубежных исследователей интерес представляют средневековые города Средней Азии, которые известны по ряду публикаций. Города мусульманского периода в развитии Волго-Камья в зарубежной историографии малоизвестны. В западноевропейском научном каталоге исторических городов указана Казань, да и то позднего времени [21].

Средневековое градостроительство на территории современного Татарстана, развивавшееся в рамках вышеперечисленных исламских государств, представлено в основном археологическими

остатками многочисленных городов. Традиционный тип городов региона мысовой. Города этого типа располагались на высоких междуречных или междувражных мысах и опоясывались с напольной стороны оборонительными системами, включавшими рвы, валы с бревенчатыми стенами и башнями. Такие города могли быть одно-, двух- или реже трехчастными. К мысовому типу городов относились домонгольский Булгар, Казань и многие другие [11]. Столица Волжско-Камской Булгарии г.Билляр имел концентрическую систему пространственной организации и был близок к городам восточного типа региона Месопотамии [13]. В Булгарском улусе Золотой Орды получил распространение тип открытого, линейно-протяженного города. Ярким примером города такого типа служил г.Булгар – столица улуса [12]. Материалы археологических раскопок и научные исследования подтверждают факт распространения в средневековых городах региона архитектурных сооружений различных типов: соборной многоколонной мечети, минарета, бани-хаммам, мавзолея и т.д. Мусульманский обряд захоронения был основным во всех городах региона. Наряду с этим, учитывая характеристику средневековых городов региона в оригинальных текстах русских летописей и трудах арабских географов, исследователи констатируют исламский образ жизни их жителей. Волжско-Камский регион являлся самым северным регионом средневекового мусульманского мира.

Города мусульманского мира известны европейцам с последней трети 1-го тысячелетия. С завоевательными войнами арабов расширялась территория мусульманского мира, в который вошли исторически сложившиеся и существовавшие до них города. Среди них были Дамаск, Иерусалим и другие города Восточного Средиземноморья, Месопотамии и Северной Африки. Развитие Аббасидского и Омейядского халифатов, продвижение мусульман на Пиренейский полуостров, в Среднюю

Азию и Индию способствовали сложению обширной сети городов. Она формировалась завоеванными и вновь созданными мусульманами городами и поселениями. Крестовые походы на Восток с целью отвоевания у мусульман Святой земли, Реконкиста на Пиренейском полуострове показали европейцам очевидные различия средневековых градостроительных культур христианского Запада и мусульманского Востока.

Исторические исследования городов мусульманского мира начались в XIX в. В начале XX в. к исследованию городов подключились социологи. Среди них – Макс Вебер, считающийся одним из основоположников социологии религии, интересовался ее связью с другими социальными институтами, воздействием религиозных идей на общественную жизнь и на хозяйственную деятельность людей. Он заложил основы концепции исламского и западноевропейского средневекового города. Уже после его смерти в России были переведены на русский язык и изданы его труды, знакомившие исследователей с ее положениями [3; 4].

В своей теории М.Вебер предложил считать городами те средневековые поселения, где наблюдалась цеховая организация ремесленного населения, при которой цеха обладали определенными юридическими и экономическими правами. В соответствии с ней города исламского Востока, с его точки зрения, не имевшие такой организации, не являлись городами, а только поселениями. Теория М.Вебера была востребована исследователями городов мусульманского мира на протяжении десятилетий, а труды его неоднократно переиздавались [5; 34].

Концепция исламского города была разработана в 1920–1950-е гг. исследователями французской школы, специализировавшимися на изучении городов Алжира и Сирии. Научное направление исследований городов и культуры Востока получило название «Ориентализм». Мусульманские города Магри-

ба в сравнении с античными городами, имевшими прямолинейно-квартальную структуру, назывались ориенталистами «ничто» [35, с.48]. В своих исследованиях ориенталисты основывались на предположении, что в мусульманской цивилизации все определялось религией ислама. Структура города и дома в пределах мусульманского мира на трех континентах и на протяжении около тринадцати столетий рассматривались ориенталистами как постоянные. Считалось, что, достигнув определенного уровня, они как бы прекращали свое развитие. Ориенталисты больше внимания уделяли отдельным зданиям, форме города, а не процессу его развития. Мусульманские города, имевшие античную основу, по мнению ориенталистов, «выродились», искажив прямолинейные улицы в криволинейные коммуникации. Кроме того, считалось, что все мусульманские города не обеспечены муниципальными учреждениями, которые отличали античные и средневековые западноевропейские города. Это стало одним из главных постулатов ориенталистской концепции мусульманского города. Одним из выводов этой концепции было признание, по существу, отрицательными достижений исламских государств в урбанизме.

В 1950-е гг. исследователи, хотя и перешли от изучения монументальных зданий к исследованию застройки исламских городов, продолжали применять принципы градостроительной организации Магриба ко всем регионам мусульманского мира. Была разработана гипотетическая модель структуры исламского города, основанная на существовании соборной мечети в центре города, иерархически организованного рынка, жилых районов, состоявших из кварталов различных этнических групп, и отсутствии различных типов муниципальной организации. В типичном исламском городе должны были быть: укрепленная цитадель и оборонительные стены, главный рынок и соборная мечеть, 1–3 общественные бани-хаммам, караван-сарай, медресе, сеть узких не-

регулярных улиц, этнические кварталы, здания с внутренним двором, предместья за пределами стен и практический недостаток открытого общественного пространства, не считая внутреннего двора соборной мечети [39, с.3].

Тем не менее существует общий консенсус среди ученых о том, что исламский город имеет несколько характерных особенностей [36]. Главная мечеть, где читают еженедельные пятничные молитвы и может быть медресе для религиозного и научного обучения, располагается в центре города и, как правило, окружена рынком. Товары на нем пространственно распределены по значению. Такие предметы, как свечи, благовония, духи, книги, ткани и т.д., продаются близко к мечети, а другие предметы в соответствии со степенью безопасности – дальше. На центральной площади сгруппированы социальные службы, управления торговли, искусств и ремесел, бани-хаммам и гостиницы.

Цитадель также известна как касба, представляющая дворец-резиденцию правителя, крепость, окруженную своей стеной и включающую свою мечеть, охрану. Как правило, находится в высокой части города, близко к стене.

Жилые кварталы представляют группы домохозяйств, основанных на общности и близости, которые проявляются в личных связях, общих интересах и религиозно-нравственном единстве. У каждого квартала были своя мечеть, используемая только для ежедневных молитв, коранические школы, пекарни, магазины и другие объекты первой необходимости. Они могли иметь свои собственные ворота, которые обычно закрываются на ночь после последней молитвы и открываются рано утром во время ранней молитвы. Кварталы объединяли жителей не только по религиозному, но и этническому признаку. Многоэтничность была представлена в городе в виде кластеров – групп кварталов, которые экономически и социально управлялись через сложную судебную систему, которая обеспечивала равенство всех групп [38].

Связь между кварталами и центральным местом осуществлялась сетью узких извилистых улиц и улочек, носивших общий, частный и полупчастный характер. Хорошо укрепленные стены с несколькими воротами окружали город. В предместьях существовали кладбища, отдельные для мусульман, евреев и, в последующий период, для христиан, недалеко от главных ворот был еженедельный рынок, где продавали животных.

Вышеперечисленные особенности были свойственны средневековым городам Волго-Камья. Однако цитадель была характерна только для столичных городов с правительственными резиденциями [13, 14].

Несмотря на то, что не все были согласны с ориенталистской моделью исламского города, она была широко распространена среди ученых, которые некритически цитировали ее или включали в свои собственные исследования [19, p.17]. Ученых в тот период мало смущал тот факт, что средневековые европейские города также имели узкие нерегулярные улицы, этнические кварталы, здания с внутренним двором, городские стены с башнями и воротами, немного общественного пространства, рынки, церкви и т.д.

Ориентализм развивался в завершающий период колониализма. По оценке современных исследователей, развал колониальной системы положил конец в урбанистических исследованиях скрытому евроцентризму и тенденции недооценивать цивилизации, которые следовало рассматривать с большим пониманием и анализом различий, чем акцентировать внимание на предполагаемом подчиненном положении их в сравнении с западной цивилизацией [35, с.53]. Все более очевидным становилось расхождение характеристик городов с исламским населением в различных регионах мира с идеальным (типичным) представлением об исламском городе.

Мусульманский мир средневековья охватывал огромную территорию

от Атлантического океана до Индии и Средней Азии, от Магриба до средней части Восточной Европы. Различные регионы этого мира обладали разными природно-климатическими условиями. Арабский мир, на котором фокусировались исследования ориенталистов, составлял только его небольшую часть.

В 1970–1980-х гг. появились исследования, в которых доказывалась мысль, что в регионах с особенностями исторического развития и различными культурными традициями использование концепции исламского города с одной-единственной моделью было невозможным [24–27; 30–32]. Становилось понятным, что типичный или «идеальный» город может быть восстановлен на основе анализа древних источников для конкретного периода. История городов мусульманского мира была длительной, сложной и обуславливала много их разновидностей. Не имеется никакого общего для всех регионов и государств типичного мусульманского города вида ориенталистов [35, с.56].

Историками градостроительства, географами и историками выявлено несколько типов средневековых исламских городов. Наиболее известными в истории градостроительства являются арабские города Мекка и Медина, в которых зародилась исламская религия. Они имеют важнейшее сакральное значение для мусульман.

Другую группу составляют первые арабо-мусульманские гарнизонные города (Кафа, Басра, Кайруан и др.), возникшие на завоеванных территориях, чтобы проповедовать ислам. Они играли роль «цитаделей веры», способствовали увеличению мусульман и являлись местами их концентрации и распространения ислама в Азии, Африке и южной Европе. Многие города появились из-за этой религиозной роли. К IX в. значение этих городов уменьшилось в связи со снижением роли Аббасидского халифата во взаимоотношениях с различными регионами мусульманского мира и набегами на них кочевников.

В восточном Средиземноморье большую группу составляли исламские города с эллинистическим и римским архитектурно-градостроительным наследием. Среди них выделялись Дамаск и Иерусалим. На основе изучения городов этой группы французские ученые Sauvaget и Elisseff выдвинули теорию классической модели исламского города, возникшего в результате постепенного преобразования квартально-уличного образца городов античности. Их поддержал Kennedy, подчеркнув, что эти преобразования начались еще в доисламский период в эпоху ранней Византии [29].

Отдельную группу составляют средневековые города Месопотамии, среди которых видное место занимает Багдад с концентрической пространственной организацией [23; 33].

Дискуссия о том, что является исламским городом и существовал ли он вообще, продолжается. Часть исследователей считает, что арабы дали определенный стимул ближневосточной урбанизации, не вызывая общего увеличения уровня городского развития и не идентифицируя города с исламом [31]. Другие признают, что исламские города на завоеванных мусульманами территориях представляли собой ранее существовавшие города с их морфологическими особенностями. Но они были расширены и адаптированы для проживания мусульманского населения [24].

С 1970-х гг. проводился ряд международных научных конференций и симпозиумов по проблеме исламского города. В течение 1980-х гг. статьи, изданные в журнале MIMAR, и симпозиумы, поддержанные фондом Ага Хана (Aga Khan), явились основой для исследований и разработки архитекторами «исламских» проектов и городского проектирования. В 1980-е гг. многие исследователи уже отказывались от использования словосочетания «исламский город» из-за неоднозначного отношения к «ориентализму» в научной среде [19; 27]. Стало очевидным, что понятие исламского города появилось

на Западе и определено в различии от западноевропейского города [30; 32].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появились исследования арабских ученых и других регионов мусульманского мира. Изучалась специфика городов арабского Востока [28]. Одни ученые рассматривали исламский город как юридическое лицо, имевшее отличительную форму и особенности, изучали его генезис и развитие [20]. Другие — выявляли особенности идентификации и типические черты, которые были бы применимы ко всем исламским городам, или являлись уникальными для различных регионов мусульманского мира [19]. Благодаря введению в научный оборот новых архивных материалов, определялось влияние социальной структуры горожан на застройку городов [22].

Прежнее понятие «исламский город» было подвергнуто окончательному пересмотру на второй Международной конференции по урбанизму в исламе, проведенной в 1990 г. в Токио [18 а, pp. 287–300].

В конце XX в. ученые предложили структурный подход к изучению традиционного исламского города [21, 25]. Концептуально он заключался в рассмотрении его как структуры, составленной из сложившихся иерархий пространства города, основанной на первичной единице — доме с внутренним двором. Структура города имела сложившиеся иерархические уровни, создававшиеся в процессе постепенного скопления застройки, а не ее подразделения. Улицы городов не были спланированы, а появились из оставшихся свободными мест после строительства зданий. Дома формировали группы вокруг узких, полуообщественных переулков. В итоге группы групп сформировали соседства, группы соседств образовывали кварталы, группы кварталов формировали городскую застройку. Этот процесс скопления застройки сделал этнические кварталы или соседства основой «свободной концентрации» родственного населения в отличие от социально-экономического разделе-

ния городского населения на Западе [19, р.23]. Кварталы городов исламского Востока, по сути, были аналогичны племенным деревням под патронажем местной элиты [21, р.146; 25, р.37–38].

Viansa проводит аналогию между традиционным городом с исламским населением и большим особняком, где пятничная мечеть – гостиная комната, караван-сарай – общественная зона с комнатами для гостей, рынок – соединение внутренних коридоров и кварталы – жилые комнаты. Таким образом, здесь каждая часть имела свое место в городской иерархии и была частью целого. Созданные места наделялись социальным значением, основанным на секретности и праве рода. Уличной сетью формировались связи от запретного пространства внутри дома до мира за городскими стенами [21, р.146]. Чужаку улицы и переулки города с мусульманским населением представлялись лабиринтом коридоров с глухими стенами. Однако в действительности они являлись закодированной и сложно-визуальной отсылочной системой порогов, переходных зон и буферных мест, которые действуют все вместе как фильтры, чтобы сдерживать чужаков от проникновения вглубь [21; 25]. Порога обычно служили арки, низкие каменные ограды, груды кирпичей или внезапное сужение переулочка.

В процессе исследований городов мусульманского Востока были выявлены общие принципы организации городской жилой застройки. Закрытость и родственное сообщество – руководящие принципы в организации пространств любой иерархии. Высота зданий, например, была ограничена так, чтобы никто не мог видеть двор через забор и крышу дома соседа. Не позволялось располагать двери и окна соседних домов на улице непосредственно друг против друга, так, чтобы нельзя было бросить взгляд на интерьер дома соседа. Боковые коридоры, которые вели от передней двери до внутреннего двора, располагали так, чтобы, даже если кто-то сумел проникнуть взгля-

дом за переднюю дверь, его видение будет ограничено решетчатой стеной. Маленькие, высокие, решетчатые или закрытые окна разрешали рассмотреть улицу изнутри. В то время как зритель остался невидимым с внешней стороны [39, р.5].

В последнее десятилетие исламские города были исследованы в различных аспектах. Много факторов играли решающую роль в формировании плана и формы города мусульманского мира. В дополнение к влиянию местной топографии и морфологическим особенностям существовавших ранее городов, они отражали социальную организацию, культурные, политические и экономические структуры исламского городского общества. Были выявлены общие особенности и принципы организации средневековых городов ближневосточного региона [37; 38].

Принцип учета природно-климатических и ландшафтных условий. Согласно ему в значительной степени определяется характер города с исламским населением, происходит адаптация формы и плана города. Он нашел свое выражение в появлении таких элементов, как двор, терраса, узкие улицы и сады, которые были разработаны для борьбы с жаркой погодой, доминирующей в окружающей среде большинства регионов мусульманского мира.

Принцип учета религиозных верований и культурных традиций. Религиозные верования и практика определили центром религиозной и культурной жизни для всех групп населения соборную мечеть, которая заняла центральное место в пространственной и социальной иерархии города. Культурно-религиозные убеждения исламского населения обусловили разделение общественной и частной жизни, которые регулировались различными пространственными уровнями общественных зон и жилых районов города. План города состоял из узких улиц и пространств мечетей и рынков, разделяющих частную и общественную сферы городской жизни. Следовательно,

экономическая деятельность горожан, участие их в общественной жизни города были отделены от жилья и сосредоточены в общественных местах и на основных улицах.

Принципы построения города, вытекающие из законов шариата. Исламский город также отражал правила шариата (исламское право) с точки зрения физических и социальных отношений между государственными и частными сферами, а также между соседями и социальными группами. Приоритет частной жизни был возведен в закон, который защищает право собственности, устанавливает высоту домов и другие правила, определяющие форму исламского города.

Принцип учета общественной организации городского сообщества, основанного на социальных группах кровных родственников или общности этнического происхождения и культурных традиций. Такая организация жителей позволяла иметь солидарность родственников, поддерживать обороноспособность, общественный порядок и религиозную практику. Этнические группы включали арабов, мавров, евреев и других этносов. Часто такие кварталы имели свои названия, отражавшие специфику этнической группы. Такие факторы, как расширенная структура семьи, защита частной жизни, гендерное разделение и сильное взаимодействие сообщества, четко отражаются в плотно застроенных домами с внутренним двором городских кварталах. Социально-правовые вопросы в городах с исламским населением были переданы религиозным ученым, жившим в центре рядом с основным государственным учреждением, которым являлась главная мечеть [38].

Наряду с религиозными установками три исламских установления приводили в движение процессы, которые формировали города мусульманского мира и обуславливали в них образ жизни исламского населения:

— различие между членами уммы (прихода) и посторонними, которые

вели к юридическому и пространственному различию соседств и кварталов;

— разделение женщин и мужчин, которое определяло специфическое решение вопроса пространственной организации на любом уровне иерархии города;

— юридическая (законная) система, которая разрешала проблемы по использованию земли разных типов в различных местах, детальное судебное решение взаимных прав по ее месту и использованию.

Эти три фактора были характерны для исламского общества. Однако исторические города, которые существовали в мусульманских странах, развивались под влиянием таких неисламских факторов, как климат, ландшафт, технологии строительства и производства, так же, как политических переменных, например, отношения между правителями и управляемыми, общего уровня социальной борьбы, соотношения внутренней и внешней безопасности. Кроме того, характер любого города мусульманского мира в любом регионе был результатом не только влияния этих переменных, но и унаследованных традиционных форм с тремя установками, упомянутыми выше, а именно: 1) юридические различия между мусульманами и посторонними горожанами; 2) сегрегация полов и соответствующее ей разделение рабочей силы; 3) полностью децентрализованное использование земли и правительственное регулирование по месту *post factum* [38]. В сегодняшнем мире эти три составляющие рассматриваются как регрессивные. Следовательно, своеобразный характер городам исламского мира придавал жизненный уклад в соответствии с этими исламскими установками.

В последнее десятилетие наметился новый подход, и проявилось разнообразие специализированных исследований средневековых городов исламского мира [34]. Исследователи рассматривают город как живой организм, состоящий из глубоко связанных между собой частей в виде жилых районов, культо-

вых и общественных зданий, обслуживающих учреждений и т.д. и находящийся в непрерывном преобразовании от рождения до смерти [35].

Научная полемика вокруг понятия «исламский город», растянувшаяся на несколько десятилетий, не ограничилась только средневековыми городами. Она была перенесена на города Нового времени и современные и позволила исследователям прийти к некоему общему знаменателю [34, 35]. Средневековые города с исламским населением обладали определенной спецификой в организации внутреннего пространства и жизни в них, обусловленные религиозными установками. Но в первую очередь они обладали региональными особенностями, сложившимися под влиянием климатических, социально-экономических и исторических условий развития. Калейдоскопическое многообразие средневековых городов мусульманского мира обусловлено обширными хронологическими и реги-

онально-территориальными рамками их существования [23; 33]. Однако до настоящего времени в этом многообразии не представлены города исламского Волго-Камья. В соответствии с рассмотренной концепцией исламского города средневековое градостроительство нашего региона занимало особое место в многообразии городов мусульманского мира. Наряду с идентичными типами культовых, мемориальных и общественных зданий, характерных для других регионов мусульманского мира, жилая ткань городов и их оборонительные сооружения обладали своеобразием, обусловленным природно-климатическими условиями и архитектурно-строительными традициями региона. Очевидно, в характере жилой ткани проявлялся свод принципов и правил, присущих организации жилой застройки городов других регионов и стран мусульманского мира и отражавший сложившийся образ жизни исламского населения Волго-Камья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути / К.М. Байпаков. – Алматы, 1998.
2. *Буряков Ю.Ф.* Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра / Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов, С.А. Фонарев и др.; отв. ред. Ю.Ф. Буряков; АН УзССР, Ин-т археологии. – Ташкент: Фан, 1990.
3. *Вебер М.* История хозяйства. – Пг., 1923.
4. *Вебер М.* Город. – Пг., 1923.
5. *Вебер М.* Образ общества. Избранное. – М., 1994.
6. *Воронина В.Л.* Ислам и архитектура (на примере Средней Азии) / В.Л. Воронина // Архитектурное наследство. – М., 1984. – № 32.
7. *Воронина В.Л.* Средневековый город арабских стран (ВНИИТАГ Госкомархитектуры) / В.Л. Воронина. – М., 1991. – 100 с.
8. *Кадырбеков И. Д.* Развитие градостроительства Киргизии: Проблемы расселения / И.Д. Кадырбеков. – Фрунзе: Кыргызстан, 1983. – 91 с.
9. *Лавров В.А.* Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX в.) / В.А. Лавров. – М., 1950. – 177 с.
10. *Мурадов В.Г.* Градостроительство Азербайджана XIII – XVI вв. / В.Г. Мурадов. – Баку: Элм, 1984 – 132 с.
11. *Надырова Х.Г.* Средневековые столичные города Волго-Камья: опыт сравнения пространственно-планировочных структур // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2009. – № 2 (12). – С. 15–21.
12. *Надырова Х.Г.* Города Волго-Камья в составе Золотой Орды: архитектурно-пространственная организация столицы Булгарского улуса // Архитектурное наследство: сб. – М.: КомКнига, 2006. – С. 38–44.
13. *Надырова Х.Г.* Формирование и развитие архитектурно-пространственной структуры столицы Волжско-Камской Булгарии г.Биляра // Региональное многообразие архитектуры России. Научный сборник. – Казань: ООО Изд-во «Плутон», 2007. – С. 30–42.

14. *Надырова Х.Г.* Развитие градостроительной культуры Волго-Камья X – середины XVI веков: итоги исследования // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. № 4 (12), 2009. – С. 38–43.

15. *Ртвеладзе Э.В.* Цивилизации, культуры, государства Средней Азии / Э.В. Ртвеладзе. – Ташкент, 2005. – 288 с.

16. *Стародуб Т.Х.* Мусульманский средневековый город (термин и архитектурное выражение) / Т.Х. Стародуб // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – С. 170–171.

17. *Стародуб Т.Х.* Эволюция типов средневековой исламской архитектуры. Автореферат на соиск. степени доктора искусствоведения. – М., 2006.

18. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.

18 а. *Akira Goto.* Keynote Presentation: A Challenge to the Notion of Islamic Cities // The Proceedings of the Second International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT II). November 27–29, 1990. The Middle Eastern Culture Center, Tokyo, Japan (Tokyo: The Middle East Culture, 1994), pp. 287 – 300.

19. *Abu-Lughod J.* The Islamic City: Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance // Urban Development in the Muslim World. Ed. Hooshang Amirahmadi and Salah S. – El-Shakhs. 1993. – pp. 11–36. (Первоначально опубликовано: **Abu-Lughod Janet.** The Islamic City- Historical Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance // IJMES, 19 (May1987) – pp. 155–176).

20. *Al-Sayyad, N.* Cities and Caliphs: On the Genesis of Arab Muslim Urbanism / N. Al-Sayyad – Greenwood Press, Westport, USA, 1991.

21. *Bianca Stefano.* The Deep Structure of the Traditional Urban Fabric. // Urban Form in the Arab World—Past and Present. – London: Thames & Hudson. 2000. – pp. 137–157.

22. *Bierman Irene A., Rifaat A.* Abou-El-Haj, Donald Preziosi, eds. The Ottoman city and its parts: urban structure and social order. – New Rochelle, NY: AD Caratzas, 1991.

23. *Bosworth C.E.* Historic cities of the Islamic world. – BRILL: Academic Publishers, 2008. – pp.585.

24. *Brown K.* The use of a concept: «The islamic city» // Middle Eastern cities in comparative perspective, edited by K. Brown, et al., Ithaca Press, London, 1986. – pp.73–81.

25. *Daunton M.* The Social Meaning of Space: The City in the West and Islam. In Proceedings of the International Conference on Urbanism and Islam. (ICUIT). October 22 – 28, 1989. Ed. Yukawa Takeshi. Tokyo: Research Project «Urbanism in Islam, A comparative Study» and the Middle Eastern Culture Center of Japan.

26. *Grabar O.* Reflexions on the Study of Islamic Art. // Muqarnas, № 1, 1983: 8.

27. *Eikelman D.* 1. The Middle East. An Anthropological Approach. – Prentice Hall, 1981. (Englewood Cliff, New Jersey, USA, 1986).

28. *Hakim B. S.* Arabic-Islamic Cities. – London, 1986.

29. *Kennedy Hugh.* Muslim Spain and Portugal – Longman, 1996.

30. *King, A.D.* Culture, Space and Representation: Problems of Methodology in Urban Studies // The Proceedings of International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT), October 22-28, 1989, edited by T. Yukawa, Tokyo: The Middle Eastern Culture Center, Tokyo, Japan.

31. *Lapidus I.M.* The Evolution of Muslim Urban Society // Comparative Studies in Society and History. – 1973, vol. 15. – pp. 21–50.

32. *Lapidus I. M.* Middle Eastern Cities. – University of California Press, Berkeley and Los Angeles. The Proceedings of International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT), October 22-28, 1989, edited by T. Yukawa, Tokyo: The Middle Eastern Culture Center, Tokyo, Japan. 1989.

33. *Morris, A. J.* A History of Urban Form before the Industrial Revolution. – 1994.

34. *Petruccioli Attilio.* After amnesia. Learning from the Islamic mediterranean urban fabric. – Icar, 2007 – pp.238.

35. *Salma Khadra Jayyusi, Renata Holod, Attilio Petruccioli, André Raymond.* The city in the Islamic world, Volume I. – Leiden, Boston: Brill, 2007. – pp. 1046; Volume II. – Leiden; Boston: Brill, 2008. – pp.1494.

36. *Weber, M.* The city. Translation and edited by Don Martindale and Gertrud Neuwirth / M. Weber. – New York: The Free Press. 1958.

37. *Nasser Rabbat.* The Islamic City: Historicity and Abstraction / <http://archnet.org/courses/islamic-city.html>, 2007.

38. *Rabah Saoud*. Introduction to the Islamic City / <http://www.muslimheritage.Com/topics/default.cfm>. ArticleID-206 – FSTC 2001-2010. (статья была впервые опубликована в октябре 2001 года. Откорректирована в редакции HTML).

39. *Dion Good*. The Middle Eastern Islamic City: Type and Morphology / GoodMECitiesPaper. Pdf – Adobe Reader (обращение ноябрь 2010 г.) – 1–17 pp.

Аннотация

Статья посвящена общей характеристике в свете концепции исламского города градостроительства исламских средневековых государств, существовавших на территории Татарстана в X – середине XVI вв. Градостроительное наследие Волжско-Камской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства представлено историко-археологическими памятниками на месте столичных и крупных городов Биляра, Суvara, Джукетау, Ошеля, Булгара и многих других. И только один из них – Казань – существует и ныне, но с середины XVI в. развивался в рамках Русского христианского, а в настоящее время Российского многоконфессионального государства. В этих условиях правомерен вопрос об исламском характере, чертах общности и особенностях средневековых городов Татарстана и государств мусульманского мира. Для ответа на этот вопрос необходимо привлечение научных данных по исламским городам других регионов. В 1920-х гг. в зарубежной историографии сложилась концепция средневекового исламского города. Изучение исламских городов на протяжении длительного времени и в различных регионах мусульманского мира, по мере накопления новых материалов, заставляло ученых корректировать ранее сложившуюся концепцию исламского города и подтверждало многообразие его форм. Новые подходы и методы изучения городов с исламским населением позволили дать современную трактовку концепции, которая раскрывает суть исламского города, его характерные признаки и региональные особенности в многообразии мусульманского мира, к которому относилось Волго-Камье.

Ключевые слова: город, ислам, средневековье, концепция, градостроительство.

Summary

The article is devoted to the general characteristics in the light of the concept of Islamic urban planning of Islamic medieval states that existed on the territory of Tatarstan in the 10th and in the middle of the XVI centuries. City building population of Volga Kama Bulgaria, Bulgar ulus of the Golden Horde and Kazan Khanate was represented by historical archeological monuments in the place of capital and large cities of Bilyar, Suvar, Dzhuketau, Oshel, Bulgar and many others. But only one of them – Kazan – exists even nowadays, but since the middle of the XVIth century it has developed in frames of the Russian Christian and at present Russian multiconfessional state. Under these conditions the question concerning the Islamic character is reasonable as well as the question concerning the common features and peculiarities of medieval cities of Tatarstan and states of the Muslim world. In order to answer this question it is necessary to involve scientific data about the Islamic cities of other regions. In the 1920s the concept of the medieval Islamic city appeared in foreign historiography. The study of Islamic cities in different regions of the Muslim world on the basis of accumulation of new materials made scientists correct the concept of the Islamic city developed earlier and confirm the diversity of its forms. New approaches and methods of studies of cities with the Islamic population allowed to give modern interpretation of the concept which reveals the essence of the Islamic city, its characteristics and regional peculiarities in the diversity of the Muslim world which the Volga Kama Region belonged to.

Key words: city, Islam, the Middle Ages, concept, urban planning.

УДК 623.11

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ОБОРОНИТЕЛЬНЫМ СООРУЖЕНИЯМ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА X в.

А.М. Губайдуллин, кандидат исторических наук

Остатки наиболее ранних оборонительных сооружений Болгарского городища исследовались в 1967–1969 и 1972–1974 гг. (раскопы XIV, XXVIII, XXX, XLI, XLVI) (см. Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987). Полученные в тот период времени данные позволили определить, что поселение X в. имело мысовой характер с занимаемой площадью около 90 тыс. кв. м. С запада и юго-запада оно ограждалось двумя линиями рвов, расстояние между которыми составляло около 50 м. Кроме того, вдоль внутренней линии были зафиксированы остатки деревянной крепостной стены¹. Эта система тянулась от края террасы до Большого Иерусалимского оврага, ограждая цитадель города.

В последующие два десятилетия внимание археологов в основном было обращено на изучение других объектов, расположенных на территории памятника. Только с середины 90-х гг. XX в. возобновляются исследования фортификации раннего Болгара. Так была вскрыта внутренняя линия обороны (раскопы СXXXIII, СXXXV, СXXXVI, СXXXVII, СXXXI)².

Наибольший интерес вызывают результаты изучения остатков мощной деревянной ограды, начало которым положили еще исследования 80-х гг. прошлого столетия (раскопы LXVII, ХСIII). Ее следы выявлены в виде светло-бурой полосы шириной 0,3–0,4 м и пятнами столбовых ямок в ней. Она проходила в полутора десятков метров от восточного рва с внутренней стороны и шла параллельно ему. Судя по стратиграфическим наблюдениям, эта стена существовала всю первую по-

ловину домонгольского периода (X–XI вв.) и подвергалась неоднократному ремонту³.

Если раньше первоначальные оборонительные сооружения изучались попутно с другими задачами, то с 2000 г. они приняли планомерный целенаправленный характер⁴. В северной части памятника раскопами СXXXVII и СXLI было продолжено вскрытие данных объектов фортификации.

В раскопе СXXXVII выявленный внутренний ров имел наибольшую ширину 2,8 м. Однако эти параметры не соответствуют первоначальному размеру объекта, т.к. его границы были сильно переработаны вышележащими слоями и сооружениями. Подобная картина наблюдалась ранее и на других раскопах, где «верхние края рвов... были срезаны сооружениями золотоордынского времени»⁵. В данном же случае их скрыли уже во вторую половину домонгольского периода, что подтверждается стратиграфически. Об этом говорит и то, что ров перекрыт напластованиями V слоя, которые состоят из прослоек серой супеси и суглинка. Заполнение же самого объекта в нижней части относится к VI слою.

Наблюдения показали – ров, как и на других исследованных участках, треугольной формы с дренажной канавкой. Его склоны имеют различную крутизну: эскарп – 45–50 градусов, контрэскарп – более 60 градусов. Таким образом, он является вариантом т.н. «пунического рва», что сближает его с позднеантичными сооружениями подобного рода Северного Причерноморья.

Кроме того, на обеих отлогостях рва фиксируются уступы шириной 0,3–

0,5 м. По-видимому, их устройство предназначалось для воспрепятствования оползанию склонов, являясь аналогом бермы. Такие уступы выявлены и в раскопе ХLI, которым изучался этот же объект в южной его части⁶.

Данный ров функционировал недолго и был засыпан в то же время. По-видимому, это произошло из-за его недолговечности, т.к. он был выкопан в слое супеси и без специального крепежа склонов не мог существовать длительный период. Возможно, это произошло и вследствие расширения площадки поселения и переноса линии укреплений на другое место.

Стратиграфическая картина позволяет примерно определить первоначальную ширину рва. Она составляла не менее 4 м, а глубина — не менее 2,5 м. Также можно с определенной степенью уверенности говорить о том, что данный ров никогда не заполнялся водой и не был для этого предназначен в соответствии со своим типом. Это следует из его треугольной формы и состава грунта, в котором он выкопан. Обычно такие рвы оставались сухими и только трапециевидные могли быть водяными.

Раскопом СXXXVII были выявлены и остатки оборонительной насыпи, чьи следы удалось зафиксировать с внутренней (восточной) стороны рва. Она представляла собой массив желто-красного суглинка мощностью до 0,73 м и шириной (сохранившейся) свыше 5 м, покоящийся на слое аллювиального песка. Ранее данный вал также фиксировался и на некоторых других исследованных участках территории памятника⁷. Дата его строительства точно не устанавливается. Однако одним из косвенных свидетельств, указывающих на время возведения насыпи, является факт отсутствия под его туловом погребенной почвы. Последняя была срезана перед насыпкой данного оборонительного сооружения. Обычно такой способ служил для выравнивания площадки и соответствовал начальному этапу возникновения поселения. Поэтому можно (с долей вероятности) датировать вал временем основания памятника.

С внутренней стороны рва был обнаружен ряд небольших столбовых ямок, углубленных в материк на 0,1–0,15 м и расположенных по линии его направления. Возможно, их следует интерпретировать как остатки кольев, поддерживавших плетень, который, в свою очередь, служил в качестве крепежа внешней отлогости оборонительной насыпи. Зафиксированы и некоторые остатки надвальных конструкций. Они представлены двумя столбовыми ямами диаметром 0,3 и 0,7 м. Последняя, судя по всему, являет собой следы от крепостной стены, установленной вдоль внешней отлогости вала. Меньшая же по размерам яма могла быть частью конструкции, некогда поддерживавшей настил боевого хода. Проведя аналогии с результатами предыдущих исследований, можно реконструировать данное фортификационное сооружение как стену, состоящую из вертикальных столбов, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами, т.е. в виде столбовой конструкции⁸.

Продолжение деревянной стены цитадели города, существовавшей в X–XI вв., было также исследовано раскопом СХLI. Остатки ее представляют полосу темно-серой гумусированной супеси с включением мелкого угля и комочков обожженной глины шириной 0,3 м. В ней же зафиксированы и столбовые ямы диаметром 0,2–0,3 м, являвшиеся следами от вертикальных бревен-связок. Кроме того, выявлен и слой древесной трухи до 0,06–0,07 м мощностью, связанный со строительством этого оборонительного сооружения, который соотносится с VI слоем стратиграфической шкалы городища.

Весь комплекс полученных данных, таким образом, позволяет реконструировать объект как деревянную крепостную стену, построенную в виде столбовых конструкций, которая к настоящему времени прослежена уже на протяжении более 50 м. В результате виден довольно интересный фортификационный комплекс, состоящий из двух рвов и вала с установленной поверх него стеной, а также внутренней цита-

дели. Все это говорит о предпринятых серьезных оборонительных мероприятиях и довольно высоком уровне развития болгарского военного зодчества.

Мы не склонны относить данные объекты к простым крепостным сооружениям, т.к. понятие «простое» не всегда применимо. Во-первых, необходимо учитывать уровень развития военного дела в целом и осадного искусства, в частности, применимо к конкретному времени и региону. Здесь имеет большое значение принцип разумной достаточности. Во-вторых, комбинацию рвов, вала и стены (плюс цитадели) не совсем правильно было бы относить к простым сооружениям ввиду того, что их функции довольно сложны. Несмотря даже на отсутствие таких узлов обороны, как башни, вся система представляла собой грозную силу. Треугольные рвы слож-

но преодолевать противнику, а ломаная форма линий укреплений позволяла вести продольную оборону стен и перекрестный обстрел прилегающей местности.

По-видимому, имела место также ярусная и многорядная защита. В первом случае могли использоваться верхний и подошвенный бои (применительно к цитадели), во втором – система надолбов и палисадов вдоль бермы, два ряда рвов (вала) и основная стена.

Последние результаты исследований являются подтверждением того, что наиболее ранние укрепления Болгарского городища были возведены в X в. во время основания города. Не случайно такой важный торгово-административный центр, занимавший столь выгодное положение, в тот хронологический период имел и соответствующую его статусу фортификацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987; *Краснов Ю.А.* Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 101.

² *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань, 2002. – С. 88–89.

³ *Кавеев М.М.* Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе СХХVII. – Казань, 1998. Док. Фонд БГИАМЗ, инв. № 757-6/ 112.

⁴ *Губайдуллин А.М.* Булгарские оборонительные сооружения X в. // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы третьих халиковских чтений. – Казань, 2004. – С. 51–53.

⁵ *Краснов Ю.А.* Оборонительные сооружения... – С. 101.

⁶ Там же. – Рис. 10.

⁷ Там же. – С. 103–104.

⁸ *Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф.* Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988. – С. 66–67.

Аннотация

В статье приводятся сведения о наиболее ранних оборонительных сооружениях Болгарского городища. Здесь рассматриваются их конструктивные особенности, дается попытка реконструкции всего комплекса фортификации данного укрепленного поселения болгар X в. На основе этого высказывается предположение о неоднозначности этого исторического памятника уже в начальный период его существования.

Ключевые слова: средневековые, Болгарское городище, ранняя фортификация.

Summary

The data on the earliest defensive installations of the Bulgarian site of ancient settlement are presented in the article. Their design features are considered and the attempt to reconstruct the whole fortification complex of the given fortified Bulgar settlement of the 10th century is given. On its basis the assumption concerning the ambiguity of this historical monument in the initial stage of its existence is pointed out.

Key words: the Middle Ages, the Bulgarian site of ancient settlement, early fortification.

УДК 930:061.2/.3

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ БОЛГАРСКИЙ ФОРУМ

А.Г. Ситдиков, кандидат исторических наук

21 мая 2011 г. в г.Болгар прошел II Международный Болгарский форум. Проведение этого крупного международного форума является большим событием в научной и общественной жизни не только Татарстана, но и России в целом. В нем примут участие видные ученые — представители крупных научных школ Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья, деятели культуры, политики, общественные деятели. Такой большой интерес к истории и культуре нашего края и народов, населявших его в прошлом вполне закономерен. Это продиктовано, в первую очередь, тем, что здесь еще с древности сложился настоящий узел контактных зон и пересечений цивилизаций. Необходимо сказать, что Болгарский форум выходит далеко за рамки изучения собственно Волжской Болгарии. А такое название форума подчеркивает большое влияние этого государства, которое оно оказало на формирование многих народов и уникальных культур. Ведь впоследствии в этом «плавленном котле» образовывались и приходили в упадок великие государства прошлого — Золотая Орда, татарские ханства. Все они внесли огромный вклад в развитие евразийской цивилизации и являются ее неотъемлемой частью.

Как известно, история Поволжья была насыщена драматическими коллизиями и поворотами. Именно здесь следует искать корни многих современных проблемных ситуаций. И определенным итогом, «уроком истории», может служить оптимистическая мысль, что эпоха процветания в Поволжье и шире — России и всей Европе — насту-

пала тогда, когда развивалась торговля, а в политике главенствовали законы толерантности и взаимного учета интересов.

Несомненно, что программа по изучению истории поволжского региона имеет огромный исследовательский и практический интерес, и уже закономерно способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и мира.

У Болгарского форума есть все возможности стать мощной, современной научной и практической площадкой по изучению исторического, духовного, материального наследия народов Поволжья, а также широкому освещению и пропаганде нашего великого общего прошлого. Сейчас в республике начата беспрецедентная по своим масштабам и значению работа по восстановлению Болгара и Свияжска. Эта созидательная деятельность направлена, в первую очередь, на сохранение наследия, оставленного нам талантливыми предшественниками.

Болгарский историко-археологический комплекс не имеет аналогов в мире как ценный исторический памятник, свидетельствующий об исчезнувших средневековых государствах (Волжская Болгария, Золотая Орда) и как оказавший значительное влияние в течение X—XV вв. на развитие культуры и архитектуры. Архитектурные памятники комплекса являются самыми северными в мире объектами средневекового мусульманского зодчества, уникальным и единственным образцом болгаро-татарской архитектуры середины

XIII–XIV вв. Несмотря на то что время сильно разрушило эти яркие архитектурные объекты, систематические археологические работы ученых в течение многих десятилетий на городищах дали возможность получить новые сведения об истории средневекового Болгара.

В течение многих лет Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Татарстана выступает инициатором проведения в регионе конференций регионального, федерального и международного уровня. Институт истории инициировал проведение нескольких научных мероприятий, среди которых можно отметить Международный форум «Идель–Алтай», дважды проходивший в Казани, на котором рассматривались вопросы происхождения, становления и развития государственности татарского народа и его соседей.

Решение о проведении Международного Болгарского форума было принято в августе 2009 г. по инициативе М.Ш. Шаймиева. В мае 2010 г. в г. Болгаре прошел I Международный Болгарский форум. В нем приняло участие более 100 ученых-исследователей и официальных представителей России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

На обсуждение широкого круга специалистов II Болгарского форума вынесена тема: «Средневековая история Евразии: симбиоз городов и степи». Она затрагивает вопросы развития культур степных пространств Евразии

от Дальнего Востока до Карпат I тысячелетия нашей эры. В работе форума планируется рассмотрение вопросов, касающихся возникновения, развития и своеобразия городов на территории Евразии, предпосылки появления городов в степи и их взаимодействие с сопредельными территориями. Желание принять участие в работе II Международного Болгарского форума изъявили 53 специалиста из многих регионов России и зарубежных стран Болгарии, Венгрии, Украины, Казахстана и Туркменистана.

Предстоящие дискуссии на форуме, возможно, подведут нас к решению этих очень важных задач. Они дадут возможность представить исторический процесс еще более объемным, а истории и культуры отдельных стран и народов более связанными и взаимозависимыми, приблизят нас к решению насущных проблем современности, в первую очередь экономических и политических. На примере поволжского региона явственно видно, что Россия исторически сложилась как многонациональная и поликультурная страна. В этом ее уникальность. Но вот для того чтобы фактор многогранности российской цивилизации, в самом широком смысле, более полно учитывался и стал частью современной политической культуры, необходимо обязательно заглядывать в свое прошлое и уметь находить в нем ответы на самые злободневные вопросы сегодняшнего дня.

Казань, 28 марта 2011 г.
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«Задачи исследования Золотой Орды»

Ведущие:
Хакимов Рафаэль Сибгатович,
Трепавлов Вадим Винцерович

Участники:

1. **Хакимов Рафаэль Сибгатович**, д.и.н., чл.-корр. АН РТ, директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
2. **Трепавлов Вадим Винцерович**, д.и.н., гл.н.с. Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (г. Москва).
3. **Крамаровский Марк Григорьевич**, д.и.н., зав. отделом Востока Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург).
4. **Мари Фаверо-Думенжу**, д.и.н., н.с. Французского института восточной археологии (г. Париж).
5. **Миргалеев Ильнур Мидхатович**, к.и.н., зав. Центром исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).
6. **Свентославски Витольд**, д.и.н., профессор Института археологии Гданьского университета (г. Гданьск).
7. **Бочаров Сергей Геннадиевич**, к.и.н., н.с. Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Симферополь).
8. **Загидуллина Дания Фатиховна**, д.фил.н., чл.-корр. АН РТ, главный ученый секретарь АН РТ (г. Казань).
9. **Хамидуллин Булат Лиронович**, к.и.н., главный редактор издательства «Фэн» АН РТ (г. Казань).

Хакимов Р.С.: Идея проведения данного круглого стола вытекает из задачи развития журнала «Научный Татарс-

тан». Один из его номеров был посвящен археологическим исследованиям, и мы хотели бы, чтобы в следующем номере у нас был материал по Золотой Орде. Как вы прекрасно знаете, у нас вышел 3-й том «Истории татар», и здесь присутствуют ведущие участники этого проекта, авторы и редакторы 3-го тома. Издание указанного тома стало определенной вехой развития исторической науки России, и нам надо выработать определенную политику: какие-то темы, может быть, слабо представлены, на что-то надо обратить более пристальное внимание, и исходя из тех возмож-

ностей, которые есть сегодня у научного сообщества, поставить новые задачи исследований. Мне кажется, что участники данного круглого стола владеют этим материалом лучше, чем кто-либо, наверное, они и обозначат эти проблемы для обсуждения.

Трепавлов В.В.: Уважаемые коллеги! Прежде всего, я хотел бы выразить благодарность гостеприимным хозяевам — Рафаэлю Сибгатовичу и Ильнуру Мидхатовичу за возможность встретиться и обсудить вопросы, которые всех нас интересуют. Надо сказать, что действительно, в связи с публикацией 3-го тома и вообще в связи с ситуацией в российской науке золотоордынская тематика очень востребована. Она многогранна и остра. Я хотел бы напомнить, что в 1998 г. Миркасы́м Усманов собирал в Казани международный семинар, посвященный источниковедению Улуса Джучи, на котором он обозначил некоторые проблемы изучения этого государства, и его рекомендации во многом не устарели и сейчас. Первое, на чем настаивал академик М.А.Усманов, это необходимость избегания противостояния, искажения и фальсификация золотоордынской истории, тех стереотипов, что есть в массовом сознании в отношении Золотой Орды и ее огромной исторической роли. М.А.Усманов призывал не допускать этническую монополизацию истории Золотой Орды, в частности откровенно обращал этот призыв к татарстанским и казахстанским исследователям. Действительно, Золотая Орда была полиэтничным государством, связывать историю Золотой Орды только с каким-то одним современным государством либо народом невозможно, как, например, Римскую империю либо Византию связывать только с римлянами и греками.

М.А.Усманов наметил несколько направлений источниковедения Улуса Джучи. Он предлагал приступить к терминологическому анализу тюркоязычных документов в сравнении с иноязычными переводами, прежде

всего с русскими переводами, поднять на новый уровень использование нумизматических данных, не просто как обычного вспомогательного иллюстративного материала, а как полноценный инструмент исследования, что пока не наблюдается со стороны историков. Он предлагал активное изучение сохранившихся памятников, и в Казани его усилиями развернулась подготовка квалифицированных источниковедов. На семинаре известный историк, наш американский коллега Юлай Шамильоглу, призвал использовать традиционные аспекты, в частности, экологические и климатические наблюдения. Это не новое направление в науке, оно известно по разработкам профессора Льва Гумилева, хотя, конечно, мы наблюдаем своеобразное отношение к его работам.

Эдуард Сальманович Кульпин обратил внимание и на вклад самого Юлая Шамильоглу в золотоордынскую тематику, например, изучение клановой структуры Золотой Орды. Если вернуться к докладу покойного академика М.А.Усманова, то, конечно, для 1998 г. это нельзя расценивать как напутствие, тем более завещание (Миркасы́м Абдулахатович ушел совсем недавно), но все-таки то, что он говорил, актуально и для современности, даже спустя 13 лет. В частности — борьба со стереотипами. В беседе с корреспондентом «Комсомолки» зам. председателя Государственной Думы по безопасности Геннадий Гудков говорил, что сталинская модель очень удачно легла на национальный менталитет, Россия была оккупирована татаро-монгольской Ордой сотни лет назад, жестоко пресекавшей всякие пути к самостоятельности, а рабские черты характера отражались и отражаются в элите и «внизу» до сих пор... Вообще удивительно, как Золотая Орда признается виновницей плохих дорог, ломающихся лифтов и падающих самолетов!..

Что касается археологических исследований, М.А.Усманов предложил исследовать именно сохранившиеся

памятники, здесь, мне кажется, на первое место выступает Казахстан. Казахстанские коллеги обнаружили очень много средневековых памятников, это связано с именем академика Алькея Маргулана, а в наше время — с работами историка Ирека Аджигалиева. В нашей науке нужен постоянный генерализатор археологических открытий, в свое время в некоторой степени эту функцию исполнял Герман Алексеевич Федоров-Давыдов. Сейчас я хотел бы обратить внимание на работу Владимира Александровича Иванова из Уфы. Он делает очень широкие убедительные выводы по степному материалу и по тому региону, который почти не был затронут городской цивилизацией (где в свое время работал Федоров-Давыдов), поскольку это кочевой мир, это фундамент государства. Что касается письменных источников, надо сказать, что на 80% золотоордынские исследования сейчас продолжают базироваться на переводах Владимира Тизенгаузена и русских летописях, но отрадно, что в последние десятилетия введены в оборот имена Утемиша-хаджи, Кырыми, и есть большой потенциал для «наращивания» имен в этой сфере исследований.

Вот в последние годы очень интересные наблюдения над тюркскими источниками публикует казанский исследователь Ильяс Мустахимов, а 2 года назад на конференции, посвященной Золотой Орде (Казань), наша уважаемая коллега госпожа Мари Фаверо рассказала о том, какая большая информация содержится в невведенных в научный оборот мамлюкских и иных египетских источниках. Я сам столкнулся с огромным, не востребованным пока историками материалом, а именно — с документами Великого княжества Литовского, когда готовил работу по Большой Орде. Ну и, наконец, можно сказать, что в последние 2 десятилетия получило развитие направление, которое было немыслимым в советские 1960—1970 гг. — это изучение культуры Золотой Орды, поскольку к этому государству было совершенно определенное

отношение. И здесь сегодня безусловный приоритет имеют исследования М.Г.Крамаровского.

Что касается нумизматики. Нумизматы работают очень активно, но, думаю, вы согласитесь — их работа носит несколько сектантский характер. Идут постоянные споры, очень редко достижения золотоордынской нумизматики пересекаются с достижениями золотоордынской историографии.

Вот перечень небольшого числа проблем, что существуют ныне в золотоордынской тематике. Для решения этих и множества иных проблем важен координирующий центр, организационный штаб. Можно с удовлетворением отметить, что наконец-то такой штаб появился в виде Центра по изучению истории Золотой Орды имени М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани. Польза этой организации, этого центра в том, что привлекаются к дискуссии историки разных регионов, в т.ч. периферийных регионов огромной России, которым часто трудно доносить до широкой аудитории результаты своих изысканий. Здесь играет огромную роль и издательская деятельность Центра, которая делает доступной для широкой научной аудитории наработку многих наших коллег. Надо сказать, что золотоордынская проблематика бесконечна и бездонна. Уверен, что у каждого из вас есть наиболее интересные темы. Предлагаю поделиться своими наблюдениями по проблемам исследования Золотой Орды.

Миргалеев И.М.: Вадим Винцерович практически многие направления уже обозначил. Что касается источников, по ним наш Центр также ведет активную работу. Скоро издадим полную версию Утемиша-хаджи и Габделгафара Кырыми. Мы недавно с Вадимом Винцеровичем издали антологию «Мамай», в которой отрывок из сочинения Кырыми, относительно Мамая, в моем переводе был издан, среди специалистов он вызвал большой интерес. Издание такого сочинения, безусловно,

необходимо. Также у нас и по другим источникам ведется работа, например по персидским. Как раз к Международному золотоордынскому форуму совместно с азербайджанскими коллегами мы издали Хафиза Абру, продолжателя труда Рашид ад-дина. По другим персидским источникам нашим Институтом истории ведутся переговоры с иранскими коллегами о получении копий этих источников для дальнейшего перевода на русский язык. Кроме того, мы работаем и по так называемому 3-му тому Рашид ад-дина — Шуаб Панджгана, большого генеалогического сочинения. Я хотел бы здесь сказать и о полном списке Утемиша-хаджи, который мы все же смогли заполучить и сейчас активно готовим его к изданию. На конференции мой доклад как раз будет посвящен этому вопросу. Этот источник, несомненно, может быть отнесен к собственным источникам поздней Золотой Орды, так как Шибаниды, которые захватили Среднюю Азию, отправили Утемиша-хаджи в Большую Орду и в Хаджи-Тархан для сбора информации. Я бы еще отметил исследования по популяционной генетике. Как известно, казахстанские коллеги много делают в этом направлении. У нас также есть интерес к таким родам исследований. Сотрудники нашего центра заня-

лись и повседневной жизнью в Золотой Орде. Это очень интересная тема.

Трепавлов В.В.: Это для меня новость, что ведутся исследования по этногенетике золотоордынского времени...

Миргалеев И.М.: На нашем форуме по популяционной генетике будет два доклада. В этом вопросе мы сотрудничаем с нашим Казанским университетом, московскими и казахстанскими коллегами. Данные популяционной генетики достаточно интересны, но с ними должны работать историки. Например, московские генетики, как нам сообщили, по татарам собрали много материалов, но они пока не обработаны.

Трепавлов В.В.: У меня вопрос, возможно, достаточно шепетильный. Дочь Заки Валиди — Тогана Исенбике — держала у себя рукопись Утемиша-хаджи, но никому ее не давала, а Вы издаете?

Миргалеев И.М.: Эта рукопись принадлежала Ризаэтдину Фахретдину. И на обложке так и написано: «принадлежит Ризаэтдину Фахретдину». Рукопись была Заки Валиди увезена в Турцию, это достаточно известная история. Главное то, что мы ее смогли заполучить от одного из его учеников.

Крамаровский М.Г.: Я хотел бы обратить внимание на важный аспект. Это связь изучения Золотой Орды и истории Европы. Дело в том, что уже много десятилетий мы вращаемся в определенном кругу. Хотелось бы, чтобы золотоордынская история стала по-настоящему частью европейской культурой, и на это есть большие основания. На начальном этапе кое-что сделано трудами наших археологов, историков, в т.ч. группой, которая занимается средиземноморским направлением, под руководством Карпова. Мне кажется, что есть другие аспекты. Например, многие из нас привлекали записки Перо Тафура, испанца, который посетил западную часть Золотой Орды. Испанцы знают ли, что это записки все-таки выдающегося путешественника? Весь европейский мир стремился попасть в Крым. Перо Тафура был в Крыму и оставил записи, правда, написал свои записки через 10–15 лет. Но то обстоятельство, что европеец стремился попасть в этот регион, важно для нас, и контекст такого путешествия просто обязаны использовать; если бы поставили задачу, то мы могли бы привлечь десятки известных европейцев, это не только испанцы, все средиземноморцы, тем более здесь могли бы помочь наши коллеги из «византийцев» и другие специалисты. Не надо стесняться нашей пограничной области между Востоком и Западом. Поскольку я один из музейщиков, должен сказать, что филиал Эрмитажа открыл выставку, посвященную этим проблемам, Золотой Орде. Многие большие проблемы нам не подвластны, т.к. существуют финансовые и организационные трудности. Хотелось бы, чтобы Институт истории им. Ш.Марджани как-то эту линию педалировал, все-таки здесь, в Казанском кремле, существует филиал Эрмитажа, наши возможности в России огромные, материалов много и можно смелее привлекать западных коллег, делая историю мировой не только на Востоке. Вот сейчас закончилась выставка, посвященная Хубилаю. Не

случайно инициаторами этой выставки явились американцы. За последние 10 лет 5 или 7 очень больших выставок с хорошими каталогами прошли в Европе: Германии, Австрии и Америке и, между прочим, не одна из них не дошла до России, только одна дошла до Китая. Сейчас в Сингапуре проходит такая экспозиция. Мы должны проявлять определенную активность. У нас есть потенциал, профессор Пиотровский принципиально меня поддержал в этом вопросе. Мы должны плотнее входить со своими идеями, материалами в общество.

Миргалеев И.М.: Марк Григорьевич, Перо Тафур издан в переводе на русский язык. Он побывал в Крыму, но у него немного сведений о Золотой Орде.

Крамаровский М.Г.: Да, он побывал в Крыму. Он издан на русском языке. Перевод прекрасный, я не знаю, насколько он известен в Испании. Но вот сейчас были дни Испании в России. Мы подготовили большую выставку в Эрмитаже, и меня попросили участвовать в этом мероприятии. Упомянутый источник плохо откомментирован. Золотой Ордой мы занимаемся, а не занимаемся Центральной Европой или Южной Европой, сидим в сторонке. Хотя по проблемам истории торговли, ремесла, керамики и стеклоизделий мы можем участвовать. У нас масса материалов из нашей территории. Например венецианского стекла в Венеции нет, а у нас есть, в Золотой Орде есть.

Миргалеев И.М.: Зимой, когда я был в командировке в Москве, в МГУ встречался с С.П.Карповым, он мне задал вопрос: когда был убит Бердибек, в какой день? Он говорит: почему спрашиваю, потому что мы нашли документ, где консулы передавали в Венецию, что вот в этот день произошел переворот и был убит Бердибек. Т.е. этот круг источников еще ждет исследователей. В них, несомненно, много

информации и по золотоордынской тематике.

Загидуллина Д.Ф.: Все эти разговоры приводят нас к мысли, что, может быть, расширить круг источников изучения Золотой Орды. Я, к сожалению, не историк, а наши студенты очень активно сейчас интересуются методологией. Сегодня необходима демифологизация золотоордынской истории. Мне кажется, сейчас тот период, когда нужны и популярные истории, может быть, именно расширение источников музейными материалами, филологическими рукописями, текстами художественной литературы. Это могло бы привлечь внимание широкого круга читателей к истории Золотой Орды. Как вы считаете, Марк Григорьевич? Не только музейный материал, а вкуче со всеми. Это очень интересно. Записки путешественников тоже очень важный аспект. Давайте на общественных началах включим маленький спецкурс. То, что говорил Марк Григорьевич, очень рационально и правильно в отношении расширения круга источников. Вот вы, Ильнур Мидхатович, говорите, что С.П. Карпов нашел документы по Золотой Орде. Вот приехали бы на эту конференцию по Золотой Орде и рассказали бы. Марк Григорьевич совершенно прав, когда обращает внимание на музейные материалы. Все мы занимаемся средневековой историей, чтобы дать информацию населению о прошлом, а как эту информацию передать через учебники, прежде всего, через музей, через наглядные экспозиции? Это должно быть конечной целью, мы

должны знакомить с нашими разработками не только специалистов, которые занимаются Золотой Ордой, но и более широкие круги.

Я вот услышала про электронную библиотеку. У нас сегодня Институт прикладной семиотики разработал известный проект электронной библиотеки Махмутова и проект будет финансироваться через Министерство культуры. Может быть, вот эти материалы по Золотой Орде, Ильнур Мидхатович, войдут туда?

Бочаров С.Г.: Собственно, еще один класс источников, который очень слабо используется в изучении истории Золотой Орды, это армянские источники. И в общем-то, свод армянских источников о монголах опубликован на русском. У нас даже на сегодня есть 5 томов, опубликованных в Армении. Это и памятные записи армянских хроник, которые составлялись в Крыму, на золотоордынской территории. Это малые исторические сочинения, которые непосредственно касаются истории Золотой Орды и которые даже опубликованы уже на современном армянском языке. Но вот эта масса источников совершенно выпадает. У нас были 2 года назад прямые контакты с армянскими коллегами, мы были в Армении. Выход этих изданий на русском языке их совершенно не заинтересовал. Но нужно переводить все это на русский язык, нужен хороший специалист, какая-то хорошая программа, которая приведет к ответам на очень многие вопросы, конкретные вопросы по Золотой Орде. Армяне присутствовали и в Крыму, и в Северном Причерноморье. Этот пласт у нас тоже охвачен, почему-то я думаю, что вольно или невольно Сергей Павлович сейчас все свои основные интересы переключил на Тану и переключил на Венецию. Мы думаем, что через несколько лет будет большая книга с полным комментарием и золотоордынских отношений, и латинских отношений. По этому поводу как раз, мне кажется, в общем-то источники публикуются и будет научный оборот

достаточно активен и в общем-то латинские источники все-таки опубликованы в Венеции, их переводы опубликованы Санкт-Петербургским востоковедом А.П. Григорьевым. Тут вопрос о качестве этих переводов, конечно. Именно о сотрудничестве здесь стоит вопрос специалистов в разных областях и все-таки те же западноевропейские историки прекрасно публикуют эти источники, но когда речь идет о Северном Причерноморье, о Золотой Орде, часто они не знают, о чем пишут. Когда речь идет о конкретной ситуации в Крыму, о конкретных именах золотоордынских наместников, правителей, они встают в тупик. Иногда, когда увидишь сам источник, оказывается: совершенно не те имена, совершенно не те топонимы. Поэтому мне кажется, что при наличии вот такого сотрудничества — здесь безграничные возможности, даже не для одного человека, а для нескольких, и для карьерного роста, и диссертационным и монографическим исследованиям. В чем мы как бы сейчас кровно заинтересованы, в первую очередь, это в армянских источниках и надеемся с казанскими коллегами как-то удастся сдвинуть проблему с мертвой точки.

Также это свод арабской эпиграфики, все-таки на территории Золотой Орды, по крайней мере в Крыму, достаточно большой пласт материалов, полученных в 20-е годы экспедицией по изучению татарской культуры в Крыму. Публиковались эти материалы в 20-е годы Османом Акчокраклы, частично руководителями этой экспедиции профессорами Бороздиным и Башкировым, но тем не менее общего свода хорошо проиллюстрированного, переведенного, с современным научным комментарием нам тоже недостает.

Трепавлов В.В.: В Крыму разграблено большое количество памятников. Сергей Геннадьевич, уточните, пожалуйста, эта работа над сводом арабских исторических памятников как проект?

Бочаров С.Г.: Да, пока как проект.

Трепавлов В.В.: В Дагестане А.М. Шихсаидов проводил большую работу по эпиграфике. Можно только приветствовать и пожелать успехов, но, может быть, наши иностранные гости что-нибудь скажут.

Мари Фаверо: Мне кажется, что сегодня моя первая задача — это извещать Францию, Западную Европу о большой работе, которая ведется в Татарстане и России, которые имеют отношение и к истории Европы. Я так думаю, что есть много исследователей, которые занимаются историей Византии, но международных связей между исследователями часто недостаточно. Координация между нами — важная задача. Сегодня благодаря сотрудничеству между Татарстаном и Францией сможем организовать международный коллективный труд — веб-сайт, на котором мы сможем найти все публикации Западной Европы. Мы не знаем ваши работы, у вас много материалов, у нас, например, во Франции золотоордынские источники пока не опубликованы, надо опубликовать. Монгольские источники пока тоже не опубликованы, по-моему, это очень важно, это очень интересно, надо опубликовать арабские и другие источники.

Миргалеев И.М.: Вот вы сказали насчет веб-сайта. У нас совместно с московскими коллегами был проект, но безуспешный. Мы сейчас решили своими силами создать сайт по золотоордынской истории. Это очень большая работа, пока еще мы думаем. Что касается электронной библиотеки, с некоторыми коллегами мы собираем источники и работы историков, сегодня около 500 ГБ уже собрано. Большое желание — на следующий Золотоордынский форум, к 2013 г., подготовить в качестве раздаточного материала такую электронную библиотеку.

Трепавлов В.В.: Золотая Орда была большим государством, она была соседом Польско-Литовского государства.

Нам эту зону представляет профессор Свентославски Витольд.

Свентославски Витольд: На Золотую Орду я смотрю как на очень большую проблематику. Вы знаете, Бенедикт вместе с послом папы Римского ездил в глубину Великой степи, к монгольскому хану. И тема в польской историографии одна — это война. Когда человек говорит о татарах, о Золотой Орде, то думает о войне. Конечно, меня очень интересует вооружение, средневековое оружие, но я хочу писать и на другие темы, но в польской историографии пока рассматривается только война. Кроме того, у нас есть литовские и польские татары, это прежде всего историография истории польских или литовских татар. Сильная группа польских татар поддерживает и сегодня свои традиции, они горды, что их предки татары. Но, а что с торговлей, что с другими аспектами, это для меня удивительно. Для польской историографии необходимо отойти от этих стереотипов, например, Ян Длугош писал в основном о войне, но необходимо искать другие источники, не только польские, но и итальянские и другие. Из польских источников известно о том, что в Кракове делали татарские шлемы. Мастер делал прежде всего для подарков, делал типичное западноевропейское вооружение. Он мог делать и татарский шлем. Это означает, что в Кракове могли делать татарские вещи для покупки, есть вещи, которые мы не можем определить, и мы спрашиваем, откуда они здесь. Например, недалеко от Воронежа несколько лет тому назад был найден топор. Он имеет прекрасный снимок, фотографию. Но была ошибка автора. Может, вы, Марк Григорьевич, писали о татарских ремесленниках? Это очень хорошая вещь, которая показывает богатство искусства, вооружение татар Золотой Орды. Этот топор не имеет никаких связей с ремесленниками Золотой Орды и тип топора — из Восточной Европы. Зверь, который представлен на этом топоре,

прекрасный зверь, о котором говорилось в литературе три столетия. Он имеет много аналогов из Средней Европы. Это очень интересная находка. Этот топор, может, был погребен с каким-то знатным воином, остальные вещи показывают большой мир, но человек связан с этой территорией, может быть, он европеец и взял его когда-то, может быть, это след торговли. Я и завтра буду говорить о войне, буду писать о вооружении. Интересная тема воинов Золотой Орды, но еще очень много надо сделать. Я бы хотел искать и польские источники и, может быть, написал бы о татарах, есть много информации, книг, но они тоже прежде всего связаны с войной.

Крамаровский М.Г.: Да, я обратил внимание на этот топор, в волнении допустил определенную ошибку, что вошло в каталог, об этом сейчас написали многие. Оно было мной исправлено. Это был человек из первых поколений, это участник западного похода 1935 г. в одном из соединений, которые шли на Польшу, вероятно, этот топор он добыл в том походе, потом этот человек вернулся, сделал какую-то карьеру. Есть большая проблема с генезисом этого типа топора, центром производства, проблема открытая и очень хорошо, если наши западные коллеги что-нибудь скажут. Я думаю, что одна из этих связей, когда человек, участник Западного похода, вернулся с предметом, который произвел впечатление. Ну, то что вы сказали, важно, это значительно шире, чем контакты, выраженные в произ-

водстве оружия, в т.ч. по шлему. Есть некоторые работы наших московских коллег, например, Михаил Викторович Горелик, который опубликовал находки, связанные с итальянским влиянием, и т.д. То есть это большая проблематика, есть материалы археологические, я должен сказать, что есть в некоторой степени опубликованные идеи. Клад из деревни Литва близ Минска, там провели изумительные поиски. У нас есть памятник близ Минска, который до сих пор сохранился. Я хочу сказать: есть такие памятники и замечательно, что есть, безусловно, интересные связи с великим княжеством Литовским, что имеет для нас определенное значение для формирования культурного облика. В общем получается продуктивная идея.

Трепаев В.В.: Хотел бы полностью разделить сожаления пана Свентославски насчет польской историографии, прежде всего, уделяющего внимание военным конфликтам с татарами, но здесь действительно, если читать Яна Длугоша и Стройковского, то впечатлительное сплошное военное напряжение на границах. Но если взять, например, литовскую метрику, там, конечно, картина гораздо глубже...

Хамидуллин Б.Л.: Сегодня мы с вами обсуждаем очень интересную тему об основных задачах исследования золотоордынской истории. Тема, безусловно, многогранна и широкопланова. Как и в любой иной исторической тематике, приоритетными здесь являются проблемы, связанные с введением в научный оборот нового источникового материала, а также по возможности адекватное разностороннее изучение известных источников.

В своем выступлении я хотел бы основное внимание уделить пропаганде научных знаний, о чем в своих выступлениях уже упомянули Вадим Винцевич и Марк Григорьевич. Изучение истории не является самоцелью. Любое историческое исследование должно находить свою по возможности более

широкую аудиторию, активно пропагандироваться. Это и издание научно-популярных книг, и пополнение музейных экспозиций, умение и желание использовать современные мировые электронные ресурсы, как, например Интернет, и т.д.

Являясь представителем издательства «Фэн» Академии наук РТ и академического журнала «Научный Татарстан», я хотел бы обратить ваше внимание на то, что мы достаточно активно работаем в указанном направлении. По инициативе Центра золотоордынских исследований Института истории им. Ш.Марджани, по личной инициативе Ильнура Миргалеева издательство «Фэн» издало несколько сборников статей в серии «Золотоордынская цивилизация», также в нашем издательстве увидели свет несколько монографий всемирно известных ученых по истории Золотой Орды.

Отмечу также, что, благодаря стараниям академика Миркасыма Абдулахатовича, главного ученого секретаря АН РТ Дании Фатиховны, журнал «Научный Татарстан» ведет очень серьезную деятельность по пропаганде различных научных знаний, включая и юриспруденцию, и филологию, и историю. На страницах нашего журнала уже увидело свет несколько публикаций по золотоордынской тематике, написанных известными учеными России. В целом большой пласт материала, публикуемый в журнале, посвящен самым разным вопросам истории. И я хотел бы обратиться ко всем присутствующим с

пожеланием по возможности активнее публиковаться в нашем журнале, привлечь своих коллег к написанию статей в наш журнал. Мы будем этому очень рады... Спасибо.

Хакимов Р.С.: У меня к коллегам вопрос. Вот у нас вышел 3-й том «Истории татар». Много материала во время и после издания этого тома накопилось. Этот материал очень большой, разнообразный и у нас возникла идея — сделать дополнение, т.е. «3-й том плюс», но пока это только идея и еще у нас нету прецедента, как издавать по 1-му, по 2-му, но там тоже накоплен материал. Что вы думаете об этом, «3-й том плюс», темы должны быть специализированные о чем-то или продолжение разных тем как дополнение, но не хотелось бы разношерстные очерки. Вопрос ко всем.

Трепавлов В.В.: Насчет 3-го тома. Видите ли, при всем уважении к авторам этой огромной работы, мне кажется, что не совсем соответствует содержанию монографии. Есть период Токтамыша начала XV в. Там течения событий связаны, а все остальные — это очень разрозненные очерки, они очень часто интересные. Если бы вот этот 3-й том плюс сделать в виде попытки историю татар, Золотой Орды, изложить от начала до конца — хронологически, политика, экономика, культура и т.д., как обычно пишется, но не в очерковом плане, как 3-й том получился. Я не знаю, согласятся ли коллеги с моей оценкой 3-го тома. У меня впечатление, что оно очерковое по сравнению с Булгарским 2-м томом. Там первоклассный материал, но расположен он не совсем удачным образом, композиционно.

Миргалеев И.М.: Да, было бы здорово.

Хакимов Р.С.: Для 3-го тома плюс материалов достаточно, т.е. здесь перед нами только вопрос концепции, у нас даже проблема отбора этих материалов, вот в чем дело, 3-й том плюс должен не-

сти новые концепции, не быть просто дополнением.

Миргалеев И.М.: Вопрос 3-го тома плюс с Рафаэлем Сибгатовичем мы уже неоднократно обсуждали. Есть несколько ключевых тем, например, можно сделать том только по политической истории и тогда она не будет очерковой. Но пока нам больше импонирует, если сказать обобщающим термином, по культуре. Например, она будет больше иллюстративной — фотографии оружия, керамики, рукописи и т.д. Иногда ко мне заходят люди и спрашивают, что такое Золотая Орда. Я открываю на моем компьютере файл и показываю фотографии различной посуды и т.п. По-моему, это очень хорошая тема, и не дублировать сам 3-й том, и чтобы получить возможность раскрыть тему.

Крамаровский М.Г.: Это исключительная идея, но хватит ли сил, вот это надо продумать. Что касается идеи культуры, далеко не все охвачено, к каждому тому это новая формула издательской деятельности, дополняющая базовую конструкцию. Если речь идет о культуре, вообще говоря, теоретических проблем здесь не вижу, надо четко продумать эту структуру и как-то договориться о коллективе исследователей, потому что невозможно, чтобы один человек писал это дополнение, договориться о каком-то взаимодействии, наметить время. Принципиально для меня абсолютно неожиданно цивилизованный подход. Я бы сказал, что есть определенная проблема, во всяком случае из коллег не все понимают это. Например, Н.Н. Крадин выступил оппонентом этой идеи.

Те предложения, те вопросы, которые предлагаете, справедливы, но кто может ответить на эти вопросы? Может, наши коллеги европейцы? Можно признать различные системы ценностей цивилизованными. Это все проблемы, они не имеют однозначных решений. У нас есть возможности и мы призываем исследовать не только военные исто-

рии. Конечно, хорошо, что это выдвигается директором Института истории, видите ведь, в сущности до последнего времени на территории России, Советского Союза не было ни одного научного учреждения, которое бы занималось проблемами золотоордынской направленности. Подвиг Германа Алексеевича Федорова-Давыдова так велик, даже, может быть, это недооценено. Лично мне Герман Алексеевич говорил, что этим он занимается не на работе, его работа – читать лекции спецкурсы. Он только летом занимался экспедицией. Он говорил: «А вы ходите на работу в Эрмитаж заниматься Золотой Ордой». Это правда.

Хакимов Р.С.: Название, я думаю, вопрос вторичный, важна сама концепция. Просто «3+» назрела раньше, чем со вторым и первым томами. Последнее – как вообще издание будет выглядеть? Потому что после этого «+» может появиться еще «+2», надо быть готовым чисто организационно.

Трепавлов В.В.: Уважаемые коллеги, уважаемый Рафаэль Сибгатович, спасибо за хороший разговор. Наверное, на этом закончим. Всем большое спасибо.

*Публикация материалов
круглого стола подготовлена
И.М. Миргалеевым*

УДК 94 "04/14"

СИБИРСКОЕ ХАНСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. (некоторые аспекты политической истории)

*А.В. Матвеев, кандидат исторических наук,
С.Ф. Татауров, кандидат исторических наук, доцент*

Сибирские ханства просуществовали на политической карте Северной Азии несколько веков, примерно с XIII по конец XVI в. В результате феодальных междоусобных войн они часто меняли свои названия и границы. В отдельные этапы своей истории они сокращались до небольших размеров или, наоборот, расширялись, занимая все пространство лесостепной полосы Западной Сибири от р. Обь до склонов Уральских гор. Возглавлявшие эти политические объединения ханы совершали успешные военные походы на тысячи километров, захватывали большие богатые города и забирали большую добычу, а через очень короткий срок терпели поражения под стенами своих столиц. В чем сила и слабость сибирских ханств, почему они играли значительную роль в истории Средней Азии, а рассыпались в результате похода одного атамана с немногочисленным отрядом? На наш взгляд, историки так и не нашли ответа на этот вопрос. Благодаря деятельности выдающейся плеяды ученых — Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.Г. Георги, Д.Г. Мессершмидта, Н.М. Ядринцева, Р.Г. Скрынникова, З.Я. Бояршиновой, С.В. Бахрушина, Х. Атласи и многих других — мы достаточно хорошо знакомы с историей ханства в период присоединения Сибири к Российскому государству. Более ранние периоды истории этих государственных образований, в силу, прежде всего, скудности источниковой базы, описаны гораздо фрагментарнее. Но именно в предшествующих исторических событиях сло-

жилась ситуация, в результате которой хан Кучум оказался беззащитен перед атаманом Ермаком. Осмелимся пред- ставить свою точку зрения.

Возникновение и падение в Западной Сибири Сибирского ханства в середине XVI в. произошло в русле тех глобальных изменений, которые происходили в это время почти на всей территории Северной Азии. В течение одного XVI в. территория Средней Азии оказалась переделенной несколько раз. За это время произошел наибольший взлет и падение Бухарского ханства, которое в свои лучшие годы подчинило почти все среднеазиатские государства и сыграло главную роль в создании Сибирского ханства. За этот век, через многочисленные поражения и победы, казахские ханы смогли консолидировать свои силы и занять огромные территории вплоть до Каспийского моря. В это столетие на территорию северо-восточного Казахстана, вытесняя или подчиняя проживавшие там народы, пришли калмыки. После череды страшных эпидемий, природных катастроф и серьезных военных поражений с территории Великой Степи ушли ногайцы, народ, который безраздельно господствовал здесь еще в начале века. Под занавес XVI в. в Азию пришла Россия, которая разгромила Сибирское ханство и захватила Западную Сибирь. Все вышеперечисленные события и вся история возникновения и исчезновения Сибирского ханства уместились в историю правления трех выдающихся государственных деятелей — правителя

Бухары Абдаллах-султана, сибирского хана Кучума и московского царя Ивана Грозного.

На наш взгляд, создание Сибирского ханства в середине XVI в. стало результатом дальновидной и успешной политики Абдаллах-султана. В тяжелейшей борьбе с соседними среднеазиатскими государствами ему было необходимо нейтрализовать самого грозного соперника — казахских ханов, постоянно расширяющих свою территорию и влияние. Выходом стало создание в их северном «тылу» союзного государства — Сибирского ханства. Имея за спиной такую угрозу, казахские правители не решались на большую войну с Бухарой (она началась только после падения Сибирского ханства и завершилась осадой Бухары и смертью Абдаллах-султана). В качестве «отступного» Бухара «отдала» казахским ханам ногайцев, которые в результате лишились своих владений на Южном Урале. При полной военной и финансовой поддержке Абдаллах-султана Кучум разбил хана Едигера и на месте Тюменского ханства создал свое ханство — Сибирское.

Хан Кучум — кем бы его не считали современные ученые — все свое правление оставался сторонником Абдаллах-султана и всячески старался не допустить усиления казахских ханов и их союза с Москвой. Примером может послужить поход Маматкула на Строгановские земли к казахскому Хакк Назар хану в 1573 г. и уничтожение им посольства Третьяка Чубукова. Тем самым Кучум бросил открытый вызов Москве, хотя к войне хан был совершенно не готов. За годы своего правления Кучум создал в Западной Сибири самое большое по территории и населению ханство, провел ряд реформ, направленных на укрепление государственной власти, но не успел создать и вооружить современным оружием мощную армию, способную противостоять вооруженным силам Русского государства.

К середине XVI в. русский царь Иван IV Грозный стал обладать достаточной военной силой для ведения аг-

рессивной внешней деятельности. Ему было необходимо уничтожить прямую угрозу безопасности своего государства, исходившую от тюрко-татарских ханств с юга и юго-востока. На решение этой задачи у русского государя ушло четверть века, начиная с первого Казанского похода в декабре 1547 г. и заканчивая битвой при Молодях в 1572 г., когда наголову был разбит крымский хан. В 1552 г. после жестокого штурма пала Казань и прекратило существование Казанское ханство, в 1554 г. — захвачена Астрахань, а затем в 1556 г. к Русскому царству было присоединено Астраханское ханство. В 1554 г. ногаи приняли московский протекторат. Московское царство начало интенсивно продвигаться на Восток. В течение 10—15 лет русские заселили огромную территорию Поволжья и Предуралья. Требовалось время, чтобы освоить этот край. В этот период русские городки были здесь скорее военными центрами, нежели центрами новых земельных или промышленных районов, численность населения их была крайне невелика. При отсутствии внешних угроз русская восточная окраина в Поволжье и Приуралье могла крепнуть и развиваться в течение длительного времени. Иван Грозный, несмотря на то что его военные силы были скованы на западном направлении — против Литвы, Польши и Швеции, — вынашивал планы нейтрализации Бухары и захвата более отдаленных восточных рубежей. После смерти Хак-Назара русское правительство, готовясь к войне с Кучумом, направило посла Вельямина Степанова к казахскому хану Тевеккелю, пытаясь договориться о том, чтобы хан и родственные ему султаны «все были под царскою рукою, стояли бы они на бухарского хана и на Кучума царя»¹. Правительство Московского царства стремилось привлечь на свою сторону казахских ханов и, опираясь на них, ликвидировать бухарского хана, своего последнего сильного противника на юго-восточном направлении. Очевидно, что Москва разрабатывала

стратегию и тактику проникновения в Казахстан и Среднюю Азию². И, как мы знаем из хода истории, Москве удалось претворить эти планы в жизнь. Бухара, пожертвовав своими союзниками, направила военную экспансию Российского государства несколько по иному пути. В буквальном смысле, выманив Россию в Сибирь, она представила казахским ханам нового противника, с которым им предстояло сражаться последние столетия.

Исследуемый нами исторический период относится ко времени раздела территорий планеты между мировыми религиями. На огромном пространстве Западной Сибири и Казахстана происходил передел сфер влияния между христианством в лице православия и исламом. В исследованиях исторических процессов средневековой Западной Европы давно и прочно закрепилось представление о том, что кроме светских сил огромное значение на все политические процессы оказывали силы властей духовных. В изучении интересующих нас событий этот фактор до последнего времени в расчет не принимался, хотя весь ход исторических событий показывает, что наряду с Абдаллах-султаном, «застрельщиком» и идеологом образования Сибирского ханства, была группа представителей мусульманской духовной элиты. Рассмотрение этого обстоятельства следует начать с момента русских военных побед в Поволжье в 1550-х гг., когда их результатом стала победа в этом регионе православия над исламом. Еще в начале XVI в. эти две религии достигли определенного, достаточно устойчивого положения на своих «исконных» территориях и начали вести агрессивную политику по подчинению себе новых земель и народов. Наиболее точно это противостояние показал С.М. Соловьев на примере обороны Казани: «Страшное ожесточение, с каким татары, эти жители степей и кибиток, способные к нападению, но неспособные к защите, защищали, однако, Казань, это страшное ожесточение заслуживает внимания историка:

здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем государя московского»³. Билась и проиграла.

В 1552 г. после взятия Казани были уничтожены ее мусульманские святыни и медресе. Погибло большое число защитников города и его мирных жителей. Из города были изгнаны жители-мусульмане. Высшая церковная мусульманская элита в страхе бежала. Наиболее вероятными местами ее эмиграции стали Астраханское царство и государство кочевых узбеков в Средней Азии. Эмигранты донесли до суфийских шейхов Средней Азии слухи о том, что московское православное царство начало крестовый поход на восток. Вскоре были получены доказательства этой угрозы. А. Ногманов пишет, что после взятия Казани в 1552 г. перед российской властью «впервые встала проблема выработки определенной позиции по отношению к исламу, уже не как религии враждебного сопредельного государства, а как верованию вновь приобретенных подданных. Выбор был сделан в пользу политики христианизации. Свою военную победу царизм стремился дополнить идеологической и не мог позволить развиваться рядом с насаждаемым им православием такой влиятельной и организованной силе, как ислам. С этого момента последний оказался фактически вне закона, превратившись из господствующей в Поволжье и Приуралье религии в гонимое вероучение, подлежащее «искоренению» из сознания порабощенного народа как идеологии побежденного ханства. Это был исторически логичный акт, автоматически следовавший за потерей татарами государственности. Наступил период отрицания правительством права мусульманства на существование»⁴. Последствием процессов первой половины 1550-х гг. стал исход исламской элиты из Поволжья.

Наиболее ожидаемым направлением русской государственно-религиозной

экспансии должно было стать юго-восточное (на Хиву и Бухару) направление. В пользу этого говорили известные и сравнительно легкие пути сообщения, связывавшие Поволжье и Среднюю Азию, а также экономическая выгода присоединения к России высокоразвитых ремесленных и торговых центров. Кроме того, в условиях междоусобной борьбы за власть в этом среднеазиатском государстве у Москвы здесь всегда были потенциальные союзники. В 1554 г. суфийские шейхи Хивы и Бухары получили веское подтверждение обозначенной ранее угрозы. Войска Московского царства захватили Астраханское ханство и тем самым действительно шагнули на юго-восток.

Опыт Казанского, Астраханского ханств показывал, что москвиты при благоприятной политической ситуации могли аккумулировать достаточное количество ресурсов для ведения масштабных военных действий, а также использовать иные способы политической войны. В этих условиях духовные лидеры среднеазиатского мусульманства были обязаны предпринять ответные шаги. Необходимо было избрать из претендентов на высшую власть в государстве кочевых узбеков одного лидера, наделить его идеологической поддержкой и ресурсами, нейтрализовать возможность союза Московской Руси с казахами, и главное — отвлечь Москву от Средней Азии. Нужно заранее отметить, что великая политическая игра, в которую сыграли вожди среднеазиатского ислама, увенчалась успехом. Ценой победы стало Сибирское ханство.

В начале 1550-х гг. в Средней Азии шли распри удельных шейбанидских правителей. В 1552 г. Барак-хан занял г. Самарканд и утвердился на престоле под именем Науруз Ахмада. Против него повел упорную борьбу представитель боковой линии Шейбанидов, правитель г. Кермина Абдаллах-султан, которому помогал его дядя правитель Балха Пир-Мухаммад-хан.

Поскольку победителем в борьбе за власть и одним из главных героев пос-

ледующих событий, в конце концов, оказался Абдаллах-султан, то можно утверждать, что именно он по каким-то причинам в 1552–1553 гг. получил поддержку мусульманской элиты Средней Азии. После прихода к власти Абдаллах-султану стало очевидно, что основным противником Бухары является Казахская орда. Несмотря на успешные военные походы, покорить многочисленных казахских ханов, кочующих по огромной территории, было невозможно, а значит, с этой стороны для его государства всегда существовала постоянная угроза. Если Московскому государю удалось бы договориться с казахскими ханами, то Бухара могла оказаться в очень незавидном положении. Абдаллах-султану необходимо было создать противовес на политическом и военном фронте, который бы сдерживал казахов, заставлял оглядываться при любой попытке военных действий против Бухары. По этой причине Абдаллах-султан обратил свое внимание на Сибирское княжество Тайбугидов, которое являлось прямым политическим наследником Тюменского ханства. Политической основой его была традиционная система карача-беев⁵. Столицей государства с начала XVI в. был город Искер, расположенный на Иртыше, недалеко от устья Тобола. На территории Сибирского княжества Тайбугидов проживало большое количество небольших тюркоязычных и угорских этнических групп. По образу жизни часть населения жила оседло, часть вела полукочевое хозяйство, некоторые группы были чистыми кочевниками. Вся территория государства была поделена на территориальные кланы «или даже феодальные «дома», правда, включавшие в рамках отдельных «улусов» или «юртов» — княжеств и рядовых сородичей, представителей правящих кланов»⁶. Распространение ислама здесь только начиналось, население государства в подавляющем большинстве сохраняло древние языческие верования. Другими словами, Сибирское княжество Тайбугидов было слабым феодальным государством,

не представлявшим собой серьезного партнера для создания необходимого военно-политического союза. В то же время было очевидно, что лесостепная зона Западной Сибири имеет огромный людской и ресурсный потенциал. Численность населения и контроль над пушной торговлей позволяли содержать здесь достаточно мощную армию. Сибирское княжество Тайбугидов и предшествовавшее ему Тюменское ханство на протяжении длительного времени благодаря своей военной организации сохраняли господство над угорскими и самодийскими племенами Западной Сибири, противостояли другим кочевым объединениям. Еще не была забыта история возникновения Бухарского ханства и то, откуда привел в Азию своих воинов Абу-л-хайр. Несмотря на то что Западная Сибирь напрямую не имела контактов с Бухарой, связь между этими территориями сохранилась на генетическом уровне, так как в венах бухарцев текла толика сибирской крови. Естественно, что Абдаллах-султан прекрасно был осведомлен о положении в Искере, о сильных и слабых сторонах правящего там хана Едигера.

Именно Сибирское княжество Тайбугидов Абдаллах-султан решил взять в свои руки и превратить в сильного союзника. Осуществить этот план было поручено хану Муртазе и его сыновьям Ахмед-Гирею и Кучуму. Муртаза был шейбанидом, а значит он и его сыновья могли законно претендовать на власть в любом осколке Золотой Орды, в том числе и в Сибирском княжестве Тайбугидов. Абдаллах-султан, отправляя Муртазу в Сибирь, одновременно решал две проблемы. Ставил во главе нового государственного образования верного себе человека и отодвигал его непосредственно от себя и от Средней Азии. Муртаза ничем не отличался от других ханов, а поскольку его родовые кочевья находились не так далеко от Бухары, то он частенько совершал набеги на своих богатых оседлых соседей.

Примерно в 1554 г. или в 1555 г. Муртаза умер, поэтому план Абдаллах-

султана пришлось воплощать в жизнь сыновьям Муртазы. На роль духовного лидера претендовал Ахмед-Гирей, на роль военного руководителя больше других подходил Кучум. Он получил хорошее «военное образование» в Ногайской орде и, вероятно, уже в те годы проявил себя как опытный военачальник. На смену двум братьям тайбугидам Едигеру и Бекбулату Абдаллах-султан нашел своих – шейбанидов Ахмед-Гирея и Кучума.

В 1554 г., вскоре после того как русские войска неожиданно захватили г. Астрахань и посадили на ханский престол своего ставленника, Абдаллах-султану и его духовным покровителям пришло время действовать. Очевидность намерений Москвы не останавливаться в движении на юго-восток не вызвала более сомнений у последних скептиков. Абдаллах-султан сформировал сильный военный отряд, который под руководством Кучума проник по Иртышу на территорию Сибирского княжества Тайбугидов, «разорил юрты местных жителей и дошел практически до самой столицы ханства»⁷. Однако, что примечательно, столицу не взял. В свете нашей гипотезы можно предположить, что такой задачей перед Кучумом и не ставили. Демонстрация силы была столь впечатляющей, что в 1555 г. правитель Сибирского княжества Тайбугидов Едигер обратился за военной помощью к московскому царю. Больше помощи Едигеру попросить было неоткуда. Между Сибирским княжеством и государствами Средней Азии кочевали казахи и ногайцы, в среде которых позиции Кучума были сильны. Иван IV Грозный согласился принять под свое покровительство Сибирское княжество Тайбугидов и вскоре начал величать себя «правителем Сибирским», получил первый сибирский ясак мехом пушных зверей. Москва прочно включила Сибирь в свою сферу влияния, объявив об этом Европе. Однако реальных сил для защиты княжества Тайбугидов у Москвы не было. Поэтому смена правящей династии, которая случилась в этом

государстве в 1563 г., была спокойно воспринята Московским царством. На месте Сибирского княжества Тайбугидов появилось Сибирское ханство. Восемилетняя пауза между двумя походами Кучума на север была занята сложными политическими процессами, которые проходили в казахско-ногайских степях⁸, и временем утверждения Абдаллах-султана на Бухарском троне. В 1563 г. войско Кучума овладело столицей Сибирского княжества Тайбугидов городом Искером. Захват власти не мог удовлетворить интересы ни Кучума, ни его покровителя, поскольку прежде государство было небольшим по территории и численности политическим объединением со слабой централизацией власти и неразвитыми государственными институтами. Об этом, кстати, можно судить по размерам дани, которую Едигер посылал в Москву. Необходимо было создавать мощное государство, способное противостоять казахским ханам и демонстрировать свою силу Московскому царству. Поэтому после того как Кучум стал правителем нового государства, ему пришлось оперативно решать целый ряд серьезных задач по его укреплению: увеличение территории и численности населения ханства, создание армии для обороны границ и военных походов, введение государственной религии.

Для большинства родовой знати сибирских татар (которая была почти вся тайбугидских корней) Кучум был если и не главным врагом, то уж точно не желанным властелином. Тайбугиды, несмотря на военный разгром, продолжали владеть всеми местными ресурсами, главными из которых были люди. Требовались оперативные действия, которые бы сформировали новую, поддерживающую Кучума силу. Источниками этой силы стала Великая степь. Кучум пригласил переселяться в свое государство вождей родовых подразделений Ногайской, Казахской орд. Казахский историк М. Абдиров пишет, что основу ханства составили казахские племена: аргын, жалаир, керей,

кыпшак, найман, табын, часть башкир, ханты и манси⁹. Кучум поселил приглашенных кочевников на южных окраинах своего государства, в Ишимской и Барабинской степях, по долине р. Иртыш выше устья р. Ишим. В Среднем Прииртышье поселились аялынды, корни которых этнографы обнаружили в Башкирии¹⁰. Источники говорят о том, что численность прибывших на берега Иртыша людей была довольно значительной. По крайней мере, аялынды в несколько раз превосходили все другие группы населения Среднего Прииртышья¹¹. Для подтверждения этого исторического и этнографического факта было бы интересно сравнить известные археологические комплексы поздне-средневекового населения Среднего Прииртышья, Башкирии и Южного Урала. Известно, что аялынды входили в личную охрану хана Кучума и самый оперативный военный резерв. Именно на земли аялынды, в Тарское Прииртышье, ушел Кучум после поражения под Искером, а аялынды до последнего момента оставались опорой хану, а затем его сыновьям.

Вероятно, часть тайбугидской знати была «завоевана» Кучумом экономическими методами. Он обеспечил регулярное движение торговых караванов между своими землями и городами Средней Азии, позволив тайбугидам реализовывать свой торгово-экономический потенциал. Одним из следствий азиатской торговли стало расселение на территории ханства бухарцев, которые свою деятельность также ставили в зависимость от Кучума. Впоследствии в XVII в. на основе бухарских поселений были сформированы особые иногородческие волости. Археологические коллекции, полученные в ходе раскопок археологических памятников XVII–XVIII вв. на Тоболе, в Барабе и в Среднем Прииртышье, дают нам предстательный среднеазиатский комплекс – украшения, оружие, одежду. Это свидетельствует о достаточно тесных торговых связях местного населения со среднеазиатским рынком¹².

Таким образом, в результате масштабной переселенческой политики в Сибирское ханство пришло новое население, которое быстро «растворило» непримиримую тайбугидскую оппозицию и было готово осуществлять нужную хану внешнюю и внутреннюю политику.

Для защиты границ и проведения военных походов ханству была необходима армия. Кучум пришел в Сибирь с небольшим отрядом численностью не более двух тысяч человек. Вскоре армия Сибирского ханства была создана. Ядро ее составили наемники — ногайская конница, бухарские воины, огланы во главе с Маметкулом. В случае войны к ней присоединялось ополчение, формируемое главами улусов. Значительная часть армии располагалась гарнизонами в пограничных городках и городах ханства. В оперативном подчинении хана или его полководцев, по нашим подсчетам, находилось не более 1–2 тысяч человек.

Кучум может по праву считаться талантливейшим полководцем и государственным властелином. Практически весь период своего правления он провел в военных походах. К 80-м годам XVI в. он значительно расширил границы Сибирского ханства и укрепил их военными городками с постоянными гарнизонами¹³. Свообразные пограничные линии, состоявшие из цепи городищ, были исследованы на северо-восточной окраине бывшего Сибирского ханства в Среднем Прииртышье С.Ф. Татауровым и А.В. Матвеевым, а также на юго-восточной окраине, в Барабе, — В.И. Соболевым¹⁴.

Вероятно, отправляясь на север в 1563 г., Кучум уже имел задачу распространить в новом государстве ислам. Это могло быть обязательным условием среднеазиатской мусульманской элиты, поскольку вместе с потерей Казани в 1552 г. она лишилась своего влияния на севере и ей было необходимо восстановить в этих широтах свои позиции. Религиозная реформа в Сибирском ханстве была на руку и Кучу-

му. В ходе ее успешной реализации он получал государственную идеологию и основу единой судебной системы. После наведения в стране элементарного порядка хан Кучум отправил к Абдаллах-султану посольство за исламскими проповедниками. Известно, что вскоре кроме исламских проповедников с юга был прислан новый правитель Сибирского ханства — Ахмет-Гирей-султан. Он без сопротивления со стороны Кучума сел на ханский престол и управлял государством четыре года¹⁵. Чем было вызвано такое решение Абдаллах-султана, неизвестно, но это была довольно распространенная на Востоке практика. Правитель Бухары желал установления прямых контактов и связей между Сибирским ханством и суфийскими шейхами, за которыми последовало бы еще большее усиление Кучума. Поэтому временная «отставка» Кучума была оправдана той великой миссией по распространению ислама, которой необходимо было отдаться целиком и полностью.

Чем занимался деятельный хан Кучум все это время? Источники умалчивают. Можно лишь предположить, что он проводил религиозную реформу, отлаживал административные и хозяйственные механизмы Сибирского ханства, укреплял границы, располагая вдоль них городки-форпосты; воевал с хантами, манси, башкирами, упрочил свои отношения с казахскими и ногайскими родами, заключив несколько династических браков с верхушкой степной аристократии. Когда же все дела были закончены, «тесть Кучума хана Ширай, хан над степными казахами, убил Ахмет-Гирей хана. Кучум снова стал в Искере ханом»¹⁶. Убийство казахами ставленника Бухары можно расценивать как прямой вызов Абдаллах-султану и демонстрацию силы. Эта трагедия еще быстрее заставила Абдаллах-султана бросить Кучума в пекло противостояния с казахами и Московским царством, так и не дав ему закончить процесс строительства своего государства. История не терпит сосла-

гательного наклона. Поэтому мы можем только предполагать, насколько бы выросла мощь Сибирского ханства, какую роль оно стало бы играть на политической арене Средней Азии, если бы Кучум не начал военную конфронтацию с Московским царством в 1573 г.

В 1573 г. Кучум начал выполнять свою главную миссию, ради которой он и был направлен на север, — увлечь Московское царство на восток, за Урал. Для этого потребовалось совершить совсем немного действий: прекратить платить дань Москве, то есть объявить о своей независимости, и перейти к активным политическим действиям на недавно присоединенных землях Московского царства. Хан Кучум сделал это после того как в 1572 г. послы Сибирского ханства наблюдали разорение Москвы крымским ханом Девлет-гиреем. О широком «антирусском фронте», организованном мусульманской элитой в начале 1570-х гг., говорят следующие факты. При последующих мирных переговорах с Москвой Девлет-гирей заявил Ивану IV: «Долго ли враждовать нам за Астрахань и Казань. Отдай их, и мы друзья навеки. Тем спасешься от греха, ибо, по нашим книгам, не можем оставить царств мусульманских в руках неверных»¹⁷. Одновременно с нападением на Москву крымских татар, летом 1572 г. во владениях купцов Строгановых состоялось восстание казанских татар, марийцев, удмуртов и башкир («черемисский бунт»), сопровождавшееся сожжением и разгромом русских поселений по Каме и Чусовой¹⁸. Разные источники говорят о причастности к восстанию то Кучума, то крымского хана. Мы же полагаем, что идеологами и организаторами этого выступления могли быть и другие силы. Не случайно, что именно в 1572 г. к Кучуму прибыла первая мусульманская миссия.

Летом следующего 1573 г., когда крымский хан Девлет-гирей вновь двинулся на Москву, Яков и Григорий Строгановы докладывали: «Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывать, куда идти

ратью в Пермь, да многих де наших осятков побил, а жены их и дети в полон повели»¹⁹. Безусловно, походы крымского и сибирского ханов были продолжением единой военной акции 1572 г. против Москвы. Вероятно, по согласованию с Абдаллах-султаном во время этого набега Маметкул перебил русское посольство Третьяка Чубукова к казахскому Хакк Назар хану. По некоторым данным, численность участвовавших в походе составляла около 700 человек²⁰. Первый поход за Урал Маметкула не имел своей целью захват пленных, скота, имущества. Штурмовать ради этого укрепленные русские городки, вооруженные, кстати, пушками, после тяжелейшего перехода через Уральские горы было равносильно самоубийству. Поэтому очевидно, что у этого и последующих походов была совсем другая цель — нагнетать обстановку на восточных границах Московского государства.

Ни Бухара, ни Искер не могли допустить союз Московского государства с казахскими ханами. Если бы это произошло, участь бухарского государства да и в целом всей Сибири и Средней Азии была бы предрешена. Только активное государственное строительство, одновременно проводимое Абдаллах-султаном и Кучумом, могло нивелировать эту угрозу. Расцвет Бухары и Искера пришелся на 1570-е — начало 1580-х гг. — период, когда Абдаллах-султан подчинил Фергану и после длительной осады взял в 1573 г. Балх. В 1574 г. к его владениям были присоединены Шахрисябз, Карши и Хисар. В 1576 г. султан отбил у врагов г. Самарканд и взял г. Ташкент. В 1582 г. Абдаллах-султан совершил поход в Дешти-и-Кыпчак, убил Баба-хана и взял его крепости Шахрухия, Сайрам и Ахангеран. Одновременно Абдаллах-султан вел войны в Хорасане и овладел г. Гератом. В 1583 г. его сын Абдал-Мумин захватил и разграбил г. Мешхед. В том же году, после смерти отца, Абдаллах-султан стал верховным ханом узбеков²¹.

Кучум в 1570-х гг. также значительно расширил границы своего ханства,

присоединив на юге Зауралье, Прииртышье, вплоть до устья р. Оми и Барабу. На севере, в низовьях р. Иртыш и р. Обь, после серии удачных походов он привел в подчинение хантыйских князьков. Имея на севере и на юге своих владений сильных противников, казахские ханы были вынуждены заключить мирные соглашения с Абдаллах-султаном и Кучумом.

Усиление мощи Бухары и Искера сильно озаботило Москву. Иван IV Грозный не мог не обеспокоиться судьбой своих владений в Приуралье. Да и Казань в этот момент еще не была достаточно «русской». Среди татарского населения бывшего Казанского ханства естественным образом было очень сильно влияние ислама. Разгром посольства Третьяка Чубукова в 1573 г. был уже открытым вызовом Москве. Иван IV Грозный получил хорошую пощечину от своего бывшего вассала и уже не мог не заниматься вопросами возвращения подвластных ему владений в Сибири. Москва переориентировалась на восточное направление экспансии, что впоследствии и привело к покорению Сибири.

Таким образом, «покорение Сибири Ермаком» в начале 1580-х гг. было закономерным результатом военно-политического противостояния христианского Московского царства и исламского мира Поволжья и Средней Азии. История, занявшая собой вторую половину XVI века, была наполнена драматическими событиями, захватывающим переплетением интриг и, в конце концов, стала трагедией Кучума и его семьи. Однако Кучум никогда не был пешкой в этой игре.

Поход Ермака настолько хорошо и разнообразно описан в литературе, что мы не будем перечислять все связанные с ним события. Следующей отправной точкой для нас станет ночь с 5 на 6 августа 1584 г., когда в ночном бою недалеко от устья р. Вагай погиб атаман Ермак.

К сожалению, российские историки до последнего времени практически не

рассматривали в своих работах деятельность Кучума после смерти Ермака. В лучшем случае в литературе упоминаются скитания хана где-то в Барабинской степи и мелкие налеты на русские поселения, продолжавшиеся до известных событий 20 августа 1598 г., когда отряд тарского воеводы Андрея Воейкова совершил «окончательный разгром Кучума на Оби»²².

Между 1584 и 1598 гг. — полтора десятка лет — значительный временной отрезок, чтобы все это время деятельный и амбициозный правитель Кучум, имея за плечами политическую, военную и материальную опору со стороны Бухары, ничем не занимался. Более того, все это время геополитическая ситуация в Западной Сибири складывалась для Кучума благоприятно. С одной стороны, после гибели Ермака русские «взяли паузу» и вместо продвижения на юг по рр. Иртыш и Ишим обратили свое внимание на север. С другой стороны — воевода Дмитрий Чулков в 1588 г., пленив в г. Тобольске тайбугина Сейдяка и Карачу, ликвидировал Кучуму «соперников» в борьбе за власть в Сибирском ханстве, что было выгодно Кучуму.

К лету 1590 г. Кучум восстановил свою власть над значительной территорией Сибирского ханства. Под его контроль вновь попали земли лесостепного и степного поясов от р. Тобол до р. Обь. Надо сказать, что «реставрация» требовала от Кучума огромного напряжения сил. Новые географические рамки Сибирского ханства требовали проведения мероприятий по его внутреннему переустройству и укреплению границ.

В конце 1580-х гг. Кучум осуществил массовое переселение податного населения с севера на юг, по долине р. Иртыш. В результате этого процесса в центре «нового» Сибирского ханства, по р. Иртыш и его притокам от устья р. Ишим до устья р. Омь появились укрепленные татарские населенные пункты, среди которых были известные нам по документам XVII—XVIII вв. деревни Тартамак, Айткулово, Киргап, Атак (Отак), Саитово, Курманово, Черталы,

Бергамак, Инцисс, Молодцово, Чиплярова²³. Доказательством этого факта являются обнаруженные рядом с этими населенными пунктами и частично исследованные памятники позднего средневековья (городища Екатерининское V, Крапивка II в Тарском районе Омской области).

Другой задачей, потребовавшей перераспределения военных сил ханства после 1584 г., было удержание в подчинении угорских общин, проживавших в глубине правобережной Иртышской террасы. Прииртышские ханты в это время были фактически единственным населением, платившим хану так необходимый для переустройства государства ясак. Для решения вышеозначенной задачи в среднем течении правых притоков р. Иртыш – рр. Туй, Шиш, Уй и Тара Кучум усилил свои военные гарнизоны. На юге Кучуму пришлось урегулировать отношения с ногайцами, калмыками и казахской ордой. Несмотря на то что в пользу Кучума на южном направлении всегда работали авторитет и поддержка Бухары, он наверняка был вынужден держать какие-то вооруженные силы на этой новой границе. Кроме того, Кучум заключил несколько династических браков с родовой верхушкой кочевников. Как мы помним, к тому времени одной из жен хана Кучума уже была дочь хана Шигага, занявшего после гибели Хакк-Назара его место.

Немаловажной причиной относительной слабости вооруженных сил Сибирского ханства в этот период стал переход части татарского населения на сторону русских. Поход Кучума к г. Тобольску в 1590 г. был вызван не столько намерением взять город (хан понимал, что на это у него нет сил), сколько попыткой подчинить себе или уничтожить проживавшее вокруг г. Тобольска татарское население. Об этой же задаче писал Г.Ф. Миллер, когда рассказывал про набег Кучума на Каурдакскую и Салымскую волости в 1590 г. «Это было его мстью тем татарам, которые не признавали его своим государем и подчинились русским»²⁴.

Таким образом, во второй половине 1580-х гг. хан Кучум был вынужден произвести такое рассредоточение военных сил, которое не позволяло ему совершать крупные наступательные операции против русских. Справедливости ради надо отметить, что и русские до строительства в 1587 г. г. Тобольска не представляли для Кучума серьезной опасности и ему было важнее отстроить сложный механизм внутренней и внешней политики нового Сибирского ханства.

В конце XVI в. русские воеводы использовали любые способы, чтобы расколоть тюркское население в Западной Сибири и тем самым ослабить позиции Кучума и его сподвижников. Как всегда, в дело пошла проверенная веками практика – «разделяй и властвуй». Тем более что в ситуации многолетнего противостояния шейбанидов и тайбугидов последние выступили естественными союзниками русских. Татар вербовали на русскую военную службу, обещая им жалование, сохранение родовых земельных владений, освобождение от уплаты налогов, льготы на ведение торговли и т.д. Причем следует отметить, что этот процесс начался сразу после похода Ермака, а уже во время последнего похода на Кучума в 1598 г. тарский воевода А. Воейков настолько доверял сильным татарам, что поручил отдельную операцию отряду, составленному из 40 казаков и 60 татар. Служилые татары в XVII в. числились в составе гарнизонов гг. Тобольска, Тюмени и Тары; в 1630 г. их насчитывалось 378 человек, в конце века – 429²⁵. Тем самым русские власти добивались того, чтобы татары воевали друг с другом.

Еще одним способом организации противостояния между аборигенным населением Западной Сибири была политика христианизации. Практиковались различные способы обращения в новую веру, в том числе и насильственные – разрушение мечетей, изгнание духовных людей и т.д.²⁶. Однако нельзя отрицать и тот факт, что в результате этой политики определенная часть

татар (туринские и обские) приняла православие добровольно²⁷. Тем самым Россия стремилась ослабить позиции крепнувшего в Западной Сибири ислама и вбить религиозный «клин» между сибирскими татарами.

Для управления коренными народами Западной Сибири русские власти сохранили имевшееся здесь административное деление и механизм сбора ясака, когда родоплеменную знать освободили от его уплаты и сохранили за ней все привилегии. Так, кучумовы «мурзы и мурзичи» в большинстве своем были приняты на русскую службу и составили особую группу «служилых юртовских татар». Они осуществляли сбор ясака и решали мелкие исковые дела²⁸. Особыми административными единицами в составе сибирских уездов стали ясачные волости и улусы, население которых составляли коренные жители Западной Сибири, находившиеся в русском подданстве и платившие ясак.

Сильным ударом по политике «собираания земель» Кучума стало резкое снижение численности тюркского населения в ряде районов Западной Сибири, прежде всего тех, где население оказывало особенно сильное сопротивление русским отрядам. Петр Буцинский сравнил количество ясачных людей в середине XVI в. и в начале XVII в. и пришел к выводу о том, что во время завоевания русскими Сибирского царства погибла масса инородцев²⁹. Численность мужского населения уменьшилась, по крайней мере, в 10 раз. Строительство каждого русского сибирского города сопровождалось тем, что проживающее на окружающей территории местное население практически полностью исчезало или вынуждено было переселяться на новые земли. Тот же П. Буцинский, рассказывая об основании г. Тары, пишет о том, что если в момент ее основания в 1594 г. в округе было 23 крупных населенных пункта сибирских татар, то Дозорная книга Василия Тыркова 1624 г. описывает нам в районе города лишь 3 татарские деревни на правом берегу р. Иртыш. К сожалению,

целенаправленных исследований, в которых была бы проведена оценка численности населения Западной Сибири до присоединения к Российскому государству и после него на настоящий момент мы не имеем. В какой-то мере этот пробел восполняют работы Н.А. Томилова³⁰. Однако он опирается только на русские источники, другие публикации по этому вопросу носят тезисный характер³¹.

Несмотря на русский метод «разделяй и властвуй», Кучум воссоздал свое государство. Демонстрация его военной мощи произошла во время похода на г. Тобольск в 1590 г. Однако сил на захват города или его блокаду у Кучума уже не хватило. Русские умело отсиживались за острожными стенами и эффективно наносили внезапные удары. Боевая тактика «Ермакова войска» продолжала быть наиболее оптимальной в условиях противостояния с Сибирским ханством. Кроме того, сейчас русские находились в гораздо более выгодных условиях. За спиной у военных отрядов были гг. Тобольск и Тюмень. Набег Кучума на Тобольск в 1590 г. показал русским властям необходимость строительства мощного пограничного пункта, максимально приближенного к новым границам Сибирского ханства. В 1592 г. тобольские казаки подготовили и провели разведку среднего течения р. Иртыш до устья р. Тара, а в 1594 г. крупный и хорошо подготовленный отряд тобольских служилых людей под командованием воеводы А.В. Елецкого построил острог нового русского города – Тары, который и сыграл главную роль в уничтожении Сибирского ханства.

Хроника последующих военных действий тарских служилых людей и нового Сибирского ханства выглядит следующим образом. В 1594 г. состоялась «разведка боем» Гриши Ясыря из г. Тары вверх по Иртышу. Из этого похода стало очевидно, что Кучум, потеряв Тарское Прииртышье, создает на юге новые укрепленные городки и переселяет сюда часть аялыньских та-

тар. Чтобы не допустить возможности нового укрепления хана в следующем, 1595 г., был совершен поход письменного головы Бориса Доможирова на Черный городок, расположенный в междуречье рр. Тара и Омь. Городок был разрушен, аялыньские татары были возвращены на р. Тару. Несмотря на эти походы, Кучум контролировал практически все земли южнее р. Тары, переместив свою ставку с Иртыша на р. Тару в городок Тунус. Поэтому в 1596 г. по приказу тарского воеводы князя Андрея Елецкого был совершен «барабинский поход», который имел целью силою или добровольно подчинить татар барабинских волостей Чангула, Лугуй, Люба, Келема, Тураш, Барма и Кирпики. Отряд вновь возглавил письменный голова Борис Доможиров. Городок Тунус был разрушен, татары западных Барабинских волостей были частью истреблены, частью — бежали, сопротивление их было полностью сломлено.

Походы тарских воевод вынудили Кучума уйти из Прииртышья на восток и в 1598 г. крупный военный отряд воеводы А. Воейкова окончательно разгромил хана уже на р. Оби. Хан Кучум перестал быть военным соперником России в Сибири, его государство распалось окончательно, а преемникам понадобилось определенное время, чтобы восстановить иерархию власти (пусть уже не существовавшего Сибирского ханства) и создать себе определенный экономический и военный потенциал. В 1601 г. сын Кучума Али принял ханский титул и с этого времени начался следующий этап в противостоянии Сибири и России, в котором одну из главных ролей играли уже сыновья и внуки Кучума и примкнувшие к ним кочевники северо-казахстанских степей.

Таким образом, инициатором «Покорения Сибири Ермаком» была мусульманская элита, потревоженная

агрессивной политикой Московского царства в ходе завоевания Казанского и Астраханского ханств. Иначе говоря, «Покорение Сибири» было закономерным результатом военно-политического противостояния христианского Московского царства и исламского мира Поволжья и Средней Азии. Для суфийских шейхов и Абдаллах-султана Сибирское ханство стало разменной монетой, которая почти на 300 лет отсрочила приход в Среднюю Азию Московского царства и гибель Бухары. Во второй половине 1590-х гг. казахские ханы, поняв, что с севера им ничего не угрожает, начали военные действия против Бухары. Именно этим объясняется то, что Кучум после своих поражений в середине 1590-х гг. не смог уйти в Бухару, а вынужден был метаться по узкой полосе земли между казахами, калмыками и русскими. В свою очередь и Абдаллах-султан не мог ничем помочь сибирскому хану. В 1598 г. казахи нанесли ему тяжелое поражение, отняв значительное количество земель, завладели Туркестаном, Ташкентом, Андижаном и Самаркандом. Абдаллах-султану удалось отстоять Бухару, но сломленный разгромом государства, которое он строил всю жизнь, султан умер. Так, практически в один год с исторической сцены ушли два выдающихся человека — правитель Бухарского государства Абдаллах-султан и правитель Сибирского ханства — Кучум. С исчезновением Кучума завершилась история позднесредневековых сибирских государств. После смерти Абдаллах-султана Бухара пережила нелегкий для себя период, но сохранила свою независимость и через некоторое время смогла вернуть себе первенство в Средней Азии. Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что идея Абдаллах-султана и его духовных покровителей была реализована — Россия пришла в этот регион только во второй половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Сб. документов и материалов. – Алма-Ата, 1961. – С. 7.

² *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань: ФЭН, 2002. – С. 146.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. – М.: Голос, 1993. – Т. 6. http://militera.lib.ru/common/solovyev1/06_03.html.

⁴ *Ногманов А.* Эволюция законодательства о мусульманах России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.) // Панорама-Форум. – 1997. – № 12. Ислам в татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума, Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. (специальный выпуск) / http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.php?tbut=12&sod=11.

⁵ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: Школа, 2007. – С. 226.

⁶ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история... – С. 243.

⁷ *Верхотуров Д.Н.* Покорение Сибири: мифы и реальность. – М.: Олма-пресс, 2005. – С. 65.

⁸ *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века: монография. – Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2008. – С. 118–125.

⁹ *Абдиров М.* Хан Кучум // Простор. – 1993. – № 9. – С. 207.

¹⁰ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – С. 297, 379.

¹¹ *Буцинский П.Н.* Сочинение в двух томах / Т.1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Мандрики, 1999. – С. 14–15.

¹² *Богомолов В.Б.* Ткани XVII тюркского населения бассейна р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.1: Культура Тарских татар. – Новосибирск, 1996. – С. 112–117; *Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево [ОМ VII]. – Омск, 2003. – (Новое в археологии Прииртышья. – Вып. 3). – 64 с.; *Татауров С.Ф., Тихонов С.С.* Могильник Бергамак II // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.1: Культура Тарских татар. – Новосибирск, 1996. – С. 58–84.

¹³ *Соболев В.И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 226.

¹⁴ *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство в 1584–1598 гг. // Исторический ежегодник. 2008. Вып. 1. Отечественная история / под. ред. А.В. Якуба, Ю.А. Сорокина. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2008. – С. 4–8.

¹⁵ *Атласи Х.* История Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 54.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Гариф Н.* Освободительная война татарского народа. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 34.

¹⁸ *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. – М.: Изд-во «Наука», 1962. – С. 78–79.

¹⁹ *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. – М.: Изд-во «Наука», 1972. – С. 21.

²⁰ <http://www.spsl.nsc.ru/history/descr/sibir.htm>. по В.В. Похлебкин Татары и Русь. 360 лет отношений в 1238–1598 гг. – М., 2000.

²¹ *Абдиров М.* Хан Кучум // Простор. – 1993. – №9. – С. 207–223.

²² *Миллер Г.Ф.* История Сибири... – С. 292; *Синяев В.С.* Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1951. – № 2. – С. 141–156.

²³ *Томилов Н.А.* Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.1; Культура тарских татар. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1996. – С. 192.

²⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т.1. – С. 272.

²⁵ *Вершинин Е.В.* Неверность «бродячих царевичей». Зауральское лесное пограничье в XVII в. Сибирская заимка. <http://zaimka.ru/kochevie/kuchum.shtml>.

²⁶ *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 142.

²⁷ *Томилов Н.А.* Некоторые этнические аспекты социальных связей сибирских татар в XVII–XVIII вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск, 1988. – С. 117–130.

²⁸ *Акишин М.О., Ремнев А.В.* Управление Сибири XVI – начала XX века: административная политика, структура и люди // Власть Сибири XVI – начала XX века. – Новосибирск, 2002. – С. 14.

²⁹ *Буцинский П.Н.* Сочинение в двух томах / Т.1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Мандрики, 1999. – С. 26.

³⁰ *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного ...

³¹ *Москаленко С.В., Скобелев С.Г.* Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI –XX вв. // http://www.zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml.

Аннотация

Статья посвящена политической подоплеке образования Сибирского ханства и его роли на политической арене Средней Азии. Рассмотрены взаимоотношения Сибирского ханства, Бухары и Московского государства во второй половине XVI в. Дается анализ деятельности хана Кучума как руководителя большого государственного образования с момента формирования ханства и до его окончательного разгрома. Рассмотрены причины поражения ханства и изменения, которые произошли на политической арене среднеазиатского региона после этого события.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Средняя Азия, средневековье, Сибирское княжество Тайбугидов, Сибирское ханство, Бухара, Московское царство, Кучум, Абдаллах-султан, Иван IV, поход Ермака.

Summary

The article is devoted to the political motive of the formation of the Siberian Khanate and its role in the political arena of Central Asia. The author considered the relations between the Siberian Khanate and Moscow State in the second half of the XVIth century and analyzed the activity of khan Kuchum, the leader of the large state, from the point of khanate formation and its final destruction. Moreover, he considered the reasons of its defeat and changes which took place in the political arena of Central Asia after this event.

Key words: Western Siberia, Central Asia, Middle Ages, Siberian principality of Tibugids, Siberian Khanate, Bukhara, Moscow Kingdom, Kuchum, Abdallah Sultan, Ivan IV, Ermak's campaign.

УДК 340.15

МУСУЛЬМАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

А.Р. Мухаммадеев, кандидат исторических наук

Принятие в начале X в. ислама булгарами на государственном уровне означало и становление новой государственности, религиозной и правовой системы, мировоззрения в целом. В основе болгарского законодательства и суда лежала правовая система, которая существовала в начальный период становления ислама, а затем развитая и дополненная во времена Омеядов и Аббасидов. Но это вовсе не означает, что болгарская правовая система является точной копией таковых и не претерпела никаких изменений. Как один из основных отличий можно назвать то обстоятельство, что болгарский правитель принял систему обрядов не шафитского (багдадского), а ханафитского (среднеазиатского) толка. Окончательная победа системы ханафитского толка, уже успешно применявшейся к тому моменту волжскими булгарами, была обусловлена не столько религиозными соображениями и географическими факторами, сколько политическими тенденциями, желанием сохранить установившиеся торговые и культурные связи со Средней Азией.

Последователи ханафитской школы в правотворчестве и судопроизводстве руководствовались тем, что главное внимание следовало уделять смыслу, а не букве установлений, учитывая при этом местные условия. Таким образом, учение Абу-Ханифы и его последователей давало возможность относительно свободного действия в решении правовых вопросов в зависимости от конкретной обстановки. Отмеченная Ибн Фадланом осведомленность повелителя

булгар в правилах вынесения заключений фикха (обязательное согласие муджтахидов), а также практика совмещения вечерней и ночной молитв в летнее время (что требовало соответствующей фетвы) позволили специалистам сделать вывод не только об основательном знакомстве булгар с мусульманской правовой традицией, но и попытках конкретных ее разработок с учетом местных условий и особенностей¹.

В целом распространение в праве ханафитской школы сыграло в средневековых тюркских государствах особую важную роль. В государстве сельджукидов (XI–XIV вв.), например, со времен Тугрул-бея большинство кадиев выбиралось из числа ханафитов. Как естественный результат этого, ханафитская школа доминировала в юридической практике того времени. Однако прямых указаний судам действовать в рамках школы ханафитов не давалось. Такое же положение дел сохранялось и в первый период существования Османской империи. Тогда в бератах о назначении кадиев также не содержалось открытого указания действовать в рамках ханафитского права. Впрочем, в период, о котором идет речь, кадиями и так назначались в основном законоведы, принадлежавшие к школе ханафитов, и в подобных предписаниях, возможно, не было особой необходимости².

Имея в виду то, что до конца X в. во всем мусульманском мире судьи пользовались значительной свободой в выборе решения по вопросам, не регламентированным Кораном, сунной, индивидуальными или единогласными

решениями сподвижников Пророка и «в решении одних дел применяли выводы одного толка, а при рассмотрении других прибегали к нормам, предлагавшимся сторонниками другой школы права», Р.М. Мухаметшин делает вывод о том, что к началу X в. процесс становления государственности и религиозно-правовой системы Волжской Булгарии не закончился одним лишь фактом массового и официального принятия ислама. Ханафитский мазхаб с относительным терпением к инакомыслию и широким использованием местного обычного права, сложившегося у разных народов в доисламский период, возможно, не способствовал ускорению завершения этого процесса. В данном случае, говорит ученый, имея в виду болгарскую исламизацию как действительность, нельзя не согласиться с мнением Г.Э. фон Грюнебаума о том, что «в известном смысле закон следует рассматривать скорее как символ мусульманской идентификации и силу, связывающую всех мусульман, чем как практическое орудие повседневной юридической практики»³.

Необходимо особо подчеркнуть в средневековых исламских государствах роль фетвы, выражающую мнение правоведа, состоявшую из ответов на вопросы религиозно-правового характера. Изначально фетву широко использовали в качестве выражения принципа совещательности (шура), в целом рекомендуемого для применения в исламе. Группа из семи правоведов, которую основал в Медине второй халиф Омар, например, была инстанцией, решавшей юридические вопросы, куда свободно мог обращаться любой, включая кадия Медины. Кадий Куфы, Шуреих, на суде всегда держал около себя группу правоведов, чтобы опираться на их фетвы для использования в судебном процессе. В период становления исламского права каждый правовед-муджтахид имел право давать фетву, и к нему свободно могли обращаться любые граждане. Для этого было необязательным назначение на должность центральной властью, как

это случалось с кадиями, достаточно было обладать необходимым багажом юридических знаний, а потому каждый мударрис в медресе, где изучали фикх, мог рассматриваться как муфтий. Фетвы, данные такими муфтиями, которые через определенное время стали назначаться официально, никак не связывали кадиев, но неизменно играли важную роль в совершенствовании права. Это значение выявляется в большинстве сборников фетв, собиранием которых на протяжении истории исламского права занимались все школы.

По мнению специалистов, фетвы играли двоякую роль в развитии исламского права. В случаях, когда не было возможности привлечь муджтахидов, кадии время от времени откровенно нуждались в помощи муфтия, чтобы найти правовую основу для разбирательства той или иной тяжбы. В этом плане муфтии были помощниками кадиев. С другой стороны, наличие факихов (специалистов по фикху), к которым в любое время легко обращался народ за религиозно-правовыми консультациями, позволяло решать им проблемы без передачи их в суд⁴.

Освоение булгарами ханафитской школы означает и применение ими норм права именно этого направления ислама. Предположения о том, какие источники мусульманского права, кроме Корана и сунны, могли применять кадии и законоведы Волжской Булгарии, мы можем строить исходя из авторитетных источников, на которые опирался именитый татарский богослов Г. Утыз Имяни (1754–1834 гг.). Известно, что этот ученый не только продолжал пользоваться источниками времен существования Волжской Болгарии, но и был ярким приверженцем старых традиций местной мусульманско-правовой мысли. Эти источники можно разделить на три группы. Первая группа – это источники, относящиеся к VII–VIII вв., к ним, в частности, относят известную книгу «ал-Мабусут», автором которой является Абу Юсуф Якуб ибн Ибрагим ал-Кады ал-Канафи, один из учени-

ков Абу Ханифы (ум. в 798 г.). Вторая группа – источники, относящиеся к X–XII вв., среди которых «ан-Навазил фи ал-Фуруъ» в авторстве известного среднеазиатского факиха Абу ал-Ляйс Наср ибн Мухаммад ибн Ибрагим ас-Самарканди ал-Ханафи (ум. в 968 г.), «ал-Мухит», автором которой является Мухаммад ибн Ахмад ибн Аби Сахл ас-Сархаси ал-Ханафи (ум. в 1046 г.), «ал-Хидая», автор которого другой среднеазиатский богослов Бурхан ад-Дин ибн Аби Бакр ал-Маргинани ал-Ханафи (ум. в 1196 г.). В третью группу входят многочисленные трактаты XIII – XV вв., которые вне рамок нашего исследования, но также относились к ханафитскому толку. В целом же, известно, что Г. Утыз Имяни отдавал предпочтение либо фетвам Абу Ханифы, либо его учеников Абу Юсуфа и Мухаммада, но никогда не выходил за рамки их фетв, тем самым способствуя сохранению традиционных устоев татарско-мусульманского общества⁵.

Указанное позволяет нам сделать вывод о том, что правоведы и кадии Волжской Болгарии были знакомы с первыми двумя группами этих мусульманских источников права и успешно применяли их на практике. Это можно объяснить как хронологическими рамками их появления и тем, что они являются источниками непосредственно ханафитского толка ислама, официально принятого булгарами, так и тем, что эти источники со временем превратились в традиционные нормы мусульманской общественно-правовой мысли и продолжали применяться среди татар Поволжья спустя много столетий.

Были ли среди волжских болгар свои авторитетные знатоки мусульманского права, влиявшие на становление и развитие в стране исламской правовой мысли и способные решать спорные религиозно-правовые вопросы, в том числе судебные? Несомненно, были. Некоторые из них исследователи называли и по именам. Несмотря на сомнительность их источниковой базы, мы приведем сведения этих авторов. И. Березин, в частности, писал: «Из улемов (при-

знанные и авторитетные знатоки теологии и религиозного права) учеников последователей известны Абдул-Лятиф Бен Абдулла и великий из мюджтегидов Нух ибн Мюрим, сочинитель «Опоры судей и пользы юрисконсультов», могла его теперь находится в Булгаре. Знаменитый имам Хагер Задэ из Булгара похоронен в Хорезме; и еще один знаменитый Иса Бен Ахмед Бен Мухаммед Бен Абу-бекр, болгарский казначей, похоронен в Булгаре. На кладбище болгарском похоронены и другие мюджтегиды принципов и выводов из принципов. Не было числа умершим во время пелеринажа духовным лицам и законникам бухарским и хорезмским, пришедшим из земли Кашгара, среди которых был и Абдурахман Джами... Пришедший в Булгар учитель Хасам-эд-дин Бен Ибрагим сочинил книгу принципов (богословия) под названием «Утверждение Хюсамова и о выводах принципов “Железный камень”»⁶.

М.Худяков, ссылаясь на Шарафеддина бин Хисаметдина, также сообщает имена средневековых «суфийских наместников» Среднего Поволжья, повлиявших на религиозно-правовую жизнь. В частности, Бейраша, сына Ибраша, непосредственного ученика Ахмеда Ясави; Иш-Мухаммеда сына Тугк-Мухаммеда, ученика Бейраша; Идриса, сына Зуль-Мухаммеда и др.⁷.

Кажущаяся простота мусульманского правосудия не избавляла его от множества сложностей и нюансов. Они могли проявляться как исходя из местных особенностей, так и общих для всего мусульманского правоведения проблем. Примером тому могут служить мусульманские суды Османской империи: были известны случаи, когда стороны в суде старались поддерживать фетвой свои позиции. В протоколах шариатских судов довольно часто встречаются решения, опирающиеся на фетву, раздобытую только одной из сторон. Это говорит о том, что кадии находились под влиянием представленной им или затребованной ими самими фетвы. Хотя то, что фетва не связывала кадия,

еще не означало, что он мог просто отклонить ее, для этого были нужны веские основания. В противном случае сторона могла обратиться в *Диван-и Хумаюн**, и тогда кадий, беспричинно отклонивший фетву, мог оказаться в сложном положении. Особенно значимыми были фетвы, данные шейхульисламом⁸.

Несмотря на то что в Волжской Булгарии ислам был принят официально, нельзя отрицать возможность того, что определенная часть общества продолжала придерживаться языческих мировоззрений и обычаев. Это касалось не только зависимых финно-угорских аборигенов, но и некоторых групп самих болгар. О том, как решались среди них и связанные с ними судебные тяжбы и другие спорные вопросы, у нас сведений практически нет. Скорее всего, одним из источников права для общинных судов продолжали оставаться нормы обычного права. Сведения ал-Гарнати, побывавшего в Булгарии в XI веке, о суде над колдуньями у предков мордвы⁹ все же позволяют предположить, что среди языческого населения правосудие и через столетие после исламизации продолжало вершиться по обычному праву предков.

В связи с указанными обстоятельствами возникает ряд вопросов: Какую силу имели решения судов по обычному праву в пределах исламского государства? Были ли взаимосвязаны и взаимодействовали ли шариатское право и суд с языческим населением Волжской Булгарии? Если да, то какова была роль шариатских судов в решении судебно-спорных вопросов в языческих общинах? Ответ может подсказать аналогия с положением судов и судей в других средневековых тюркских государствах. В Османском государстве, например, кадии наделялись полномочиями разбирать не только шариатские дела, но

и дела обычного права. Там никогда не существовало специального суда, в котором слушались бы только дела обычного права. Настенная надпись в багдадском медресе Мерджание: «диван разбирает конфликты по шариату и по праву *орфи*» – показывает, что и при Ильханидах дела по обоим видам прав разбирались одним судьей. Не было иного судьи, кроме кадия, и в государствах сельджукидов. Со временем полномочия рассматривать некоторые дела немусульман были переданы судам соответствующих общин. Существовавшие в некоторых мусульманских странах диваны *мезалим* («диваны справедливости») представляли собой не суды *орфи*, а, отличаясь от обычных судов в организационном отношении, были наделены особыми полномочиями и обязанностями, действуя также в рамках шариата. В целом такая традиция соответствовала традиции всех прежних исламских государств¹⁰.

По-своему уникальной является судебная система Хазарии, в сферу влияния которой входила Волжская Булгария. В основном, система сюзеренитета-вассалитета между хазарским государством и булгарами дает возможность привлечения источников, касающихся публичного права Хазарии, для освещения общественно-правовых взаимоотношений Волжской Булгарии. Согласно сведениям ал-Масуди в Хазарском каганате действовали «семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Тауры (Тора, Пятикнижие), двое для тамошних христиан, которые судят по закону Инджиля (Евангелия), один же из них для славян, русов и других язычников, он судит по закону язычества, то есть по закону разума. Когда же случается великая тяжба, о которой они (судьи) понятия не имеют, то они собираются к мусульманским судьям, доносят об

* Несмотря на то что в османском праве не существовало постоянной кассационной инстанции, султанский диван время от времени контролировал решения, принятые кадиями, и выступал как суд высшей инстанции. Порой обычные суды избегали рассматривать какие-то запутанные тяжбы и передавали их на рассмотрение в диван как в суд первой и последней инстанции.

этом и покоряются решению, необходимому по закону ислама»¹¹.

Сведения из источников и изучение истории распространения мусульманского права среди татар дали основания Г. Губайдуллину предположить, что хазарское правительство, «несмотря на принадлежность членов его к иудейской религии, предпочитали арабское право и кассационным судом был суд из двух кадиев, производящих судопроизводство по шариату»¹².

Однако на этот счет имеется более раннее и, на наш взгляд, более правильное мнение. А.Я. Гаркави в своих разъяснениях к тексту источника говорит, что предпочтение, отданное ал-Масуди мусульманским кадиям, если не общее убеждение автора в превосходстве исламских законов над прочими, то, по всей вероятности, один отдельно взятый случай, возведенный им в общее правило. К тому же Ибн Фадлан откровенно свидетельствует о том, что трудные решения тяжбы были предоставляемы не мусульманским кадиям, а хазарскому кагану¹³.

По мнению П. Голубовского, в Хазарском каганате другие судьи обращались к мусульманским судьям потому, что они, очевидно, были государственными судьями¹⁴. Учитывая, что примерно в это время (сообщение ал-Масуди) Хазарское государство находилось на стадии развала, а вскоре каган вынужден будет обратиться за помощью к мусульманам и сам принять ислам, совсем отвергать эту версию, на наш взгляд, нецелесообразно.

Конечно, даже авторитет мусульманских судей в Хазарском государстве не мог дать им права быть вышестоящей инстанцией по отношению к другим, равным им, судам. Тем более, что иудейский, христианский и языческие суды рассматривали дела совсем по другим, своим законам и понятиям, у каждого из них были свои особенности судоговорения, ведения судебного процесса. Несомненно, ал-Масуди был глубоко убежден в превосходстве мусульманского права над другими как с

точки зрения правильности законов, так и справедливости. Не исключено, что другие судьи могли обратиться к более грамотным мусульманским кадиям, с целью узнать их точку зрения по тому или иному трудноразрешимому вопросу; поинтересоваться об отношении к таковым со стороны исламского законодательства; или узнать личное мнение по существу дела. О наличии в Хазарском каганате семи судей разного порядка судопроизводства также упоминают Ибн Хаукаль, Ибн Фадлан, ал-Мукаддаси, ал-Бекри.

Кроме того, Ибн Фадлан говорит, что у хазарского кагана был огромный город на Волге, состоящий из двух сторон, в одной части города жили мусульмане, в другой — каган и его приближенные. «Над мусульманами начальствует муж из числа приближенных отроков царя, который назывался хаз (кази). Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и временно приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому отроку-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней есть высокий минарет и несколько муэдзинов»¹⁵.

Наличие судей предполагает и наличие каких-то органов принуждения, исполнения судебных решений, правоохранительных органов. По мнению Плетневой, возможно, полицейские функции в случае Хазарского государства выполняли наемные гвардейцы кагана из мусульман, называемые ларшиями¹⁶.

Основной обязанностью, из всех выполнявшихся кадиями, была работа в качестве судьи. В бератах Османского государства, которыми кадий назначался на свой пост, ему предписывалось «... следовать шариату Пророка, руководствуясь священными указаниями и запретами». Кадий исполнял свои обязанности в пределах границ территории

и в рамках срока, на который он назначался. Решения, принятые кадием вне назначенной ему территории и за пределами сроков исполнения должности, считались недействительными.

На сегодняшний день из источников мы можем назвать имена конкретных болгарских судей-кадиев, оставивших свой след в истории Волжской Болгарии. Например, болгарского **кади** Якуба ибн Нугмана ал-Булгари (XII век), который создал «Историю Болгарии». К сожалению, на сегодняшний день не обнаружено ни единого экземпляра этой книги. Ш. Марджани еще в XIX в. сетовал, что, несмотря на данные по всей Европе объявления, ее поиски не дали положительных результатов (кстати, в это время еще не были обнаружены и записки Ибн Фадлана с отчетом о путешествии на Волгу). Следующий ученый — Абу ал-Аля Хамид ибн Идрис ал-**Кад**и ал-Булгари (XII век, был жив в 1106 году), кроме других титулов, носил звания «*борец с бидга*»*, «*факих*»¹⁷. Судя по сочинению ибн Дауда ас-Саксини, ученика «бывшего кадием Булгара» Хамида ал-Булгари, этот «**кади** Булгара» придерживался тарриката Ахмада Ясави¹⁸. Также известно имя шейха имама **кази** Гимадуддина Абу Бакра Мухаммади ибн ал-Хасана ибн Мансура ан-Насафи¹⁹. В «Тарихи-и Бейхак» Бейхаки есть сообщение, что в 1041/1042 (433 г.х.) «...человек из болгар — один из больших людей того народа — со свитой из пятидесяти человек, направляясь совершить хадж» посетил Багдад. Известно, что болгарского аристократа сопровождал человек по имени Йа'ла ибн Исхак ал-Хорезми, по прозвищу «**Судья**», который вел переговоры в халифском диване (государственной канцелярии)²⁰.

Из сообщения ал-Гарнати об указанном болгарском кадии, переписавшем «Историю Булгара», «который был из учеников Абу-л-Масали Джувейни», И.Л. Измайлов сделал выводы о существовании «в стране болгар института судей — городских кади, входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах»²¹.

Насколько здесь правомерно говорить об институте городских судей, трудно сказать, тем более что предлагаемая автором ссылка не дает дополнительной информации о других судьях, кроме полуполюгендарного бухарского правоведа-факиха, «хорошо знавшего медицину». Если мы говорим о судах как о системе, скорее всего, речь должна идти в целом об институте мусульманских судей, которые по своему общественному положению, статусу, знанию законов и моральным качествам выделялись от общей массы. Вхождение отдельных городских кадиев в высшую элиту, участие их в международных контактах, безусловно, говорит об их высоком авторитете в обществе, но уводит несколько в иную плоскость. Тем более что кадии кроме непосредственного осуществления правосудия выполняли множество функций, входящих в круг обязанностей чиновников и нотариусов.

Судя по общим тенденциям и принципам развития общественно-правовых взаимоотношений в средневековых странах их правители наделялись и верховной судебной властью. Более конкретные случаи проявления высшей судебной власти правителя в тюркских исламских государствах мы можем наблюдать на примере государства Караханидов и Османской империи. Правители Караханидского государства широко пользовались не только своим правом управлять народом, но и правом судить, поощрять верных и карать провинившихся подданных. Это отчетливо видно в произведении XI в. «Кутадгу билиг». Хан (элик) мог помиловать или покарать, символом чего в произведении являются находящиеся с двух сторон трона правителя две чаши: с «усладой» и ядом, в руке он держал нож. Чаша с усладой предназначена для тех, кто нашел здесь правосудие, а с отравой для тех, кто оказался неправым. Элик говорит о себе, что он символ справедливости и закона, его власть крепка, суд справедливый. Правитель одинаково судит бека и раба, чужого или своего, родню и пришельца, все они перед

законом равны, ни для кого из них он не прибавит или смягчит вину. Основа власти в ее справедливости, там, где от правителя «дан справедливый закон, порочный в темнице страдать осужден». Здесь же элик сообщает собеседнику, претенденту на ханскую службу Айтолды о своем праве казнить неверного подданного: «служи мне во благо — себя упасешь»²².

В тексте «Кутадгу билиг» неоднократно встречаются слова «закон» и «справедливость», которые практически везде являются тождественными понятиями. Правитель олицетворяет закон и справедливость. Хан владеет искусством сверять свою волю с государственными делами, применять свою власть ровно на столько, на сколько необходимо для пользы дела. Элик настолько справедлив, что сам определяет не только вину, но разделяет виновных по категориям, «карая дурных» и «отправляя на покой» негожих. В то же время любой правитель должен быть в курсе событий, творящихся в его стране, он силен грамотными и верными помощниками, подданными, знания и навыки которых позволяют править и поддерживать законность в государстве. Хану необходимо быть осторожным и придерживаться шариата. Вместе с тем закон, который он дал народу, выше его личной власти и величия²³.

Айтолды, олицетворяющий счастье, пишет завещание элику:

«Законы вводящий! Карай справедливо!
Законы крушащий для смерти пожива.
Правитель не пестуй порядок неправый:
Неправый не справится с трудной
управой!

А кто утверждает порядок неправый,
По смерти дурной покроется славой.
Кто добрых держался законов и правил,
Тот доброе имя надолго оставил»²⁴.

В идеале, правитель средневекового мусульманского тюркского государства — законодатель и верховный судья, он управляет и судит по закону, несмотря на происхождение, социальное и материальное положение, родственные отношения подданных. Каждый член

общества имеет право на справедливый суд и отношение к себе. Правитель должен придерживаться основ шариата и применять его по отношению к другим людям.

На примере Османской империи мы можем наблюдать более конкретные способы решения судебно-правовых споров и проявления высшей судебной власти правителя. В случаях, когда подчиняться той или иной фетве повелевал султан, у кадиев не было другого выхода, как выполнить волю правителя. В архиве султанского дворца Топкапы в Стамбуле хранится фетва, которая гласит: «Настоящая фетва выдана для обязательного исполнения высочайшим повелением...». Этот образец фетвы, обязательный к исполнению велением султана показывает, что иногда и сам султан запрашивал необходимую ему фетву, которая также являлась обязательной к исполнению. У шейхулисламов были возможности прямо направлять подобные фетвы султану, без посредства великого везира, и тем самым обеспечивать нужное решение кадия в суде²⁵. С одной стороны, это свидетельствует о высшей судебной власти султана, а с другой — показывает непосредственное влияние шейхулисламов на религиозно-правовую жизнь государства, судебную практику.

В исторической литературе отмечается, что к началу X в. в руках болгарского предводителя, кроме военной, была сосредоточена высшая судебная и гражданская власть. Согласно тюркским традициям, глава государства или народа являлся также первосвященником (в ранних государственных образованиях это просматривается в сакрализации правящего рода). Вместе с тем мусульманизация общества существенно не повлияла на эту роль болгарского правителя. Согласно сообщениям Ибн Фадлана, царь Алмуш выступает как высшая религиозная и судебная инстанция в государстве²⁶.

Кроме сведений Ибн Фадлана об Алмуше, в рамках верховной власти которого предполагается и высшая су-

дебная власть, образ мудрого и справедливового болгарского правителя, конкретно наделенного правом последней судебной инстанции, мы видим в «Сказании о Юсуфе». В произведении говорится, что он «избранных и простых судит справедливо, никому не доставляет обид и страданий». Власть Юсуфа казнить или миловать отображена и в другом отрывке, когда он сначала грозился покарать и казнить своих непутевых братьев, но затем, после мольбы о пощаде ради многострадального отца, сменил гнев на милость²⁷.

О высшей судебной власти правителя в средневековых тюрко-татарских государствах Среднего Поволжья свидетельствуют примеры из устного народного творчества казанских татар. В частности, у Н.Исанбета записана следующая поговорка: «Хөкем – көрәк, аны тоткан казый. Ханга кемне күмәргә кирәк – шуңа кабер казый», что по смыслу можно перевести как «Правосудие – лопата, она в руках кадия. Кто хану негоден – ему копает могилу»²⁸.

Материалы по истории Волжской Булгарии, в частности русские летописи и труды, написанные на их основе, позволяют нам увидеть зачатки такого явления, как международный суд. Несмотря на множество военных столкновений и конфликтов, большая часть истории взаимоотношений Волжской Булгарии и русских княжеств проходила в мирном сосуществовании, взаимопомощи, выгодных торговых сделках. Мирные договоры между булгарами и русскими княжествами предполагали и разрешение возникающих спорных вопросов на основе обычаев и традиций обеих сторон. Особо показателен в этом отношении один из последних перед монгольским нашествием мирных договоров между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией 1229 г. Подробности этого договора приводит В.Н. Татищев: рядом с русской границей на острове Коренев собрались русские и болгарские послы и стали договариваться. Как пишет историк, решили «купцам ездить в обе стороны

с товары не возбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно; (бродникам) рыболовам ездить с обе стороны до межи; и иметь любовь и мир, пленников всех освободить; **а буде будет разпря, судить, съехався судиям от обоих на меже**»²⁹.

Обоюдное желание нормализовать экономические и политические отношения двух государств вполне понятно. Исследователи, основываясь на русских летописях, пишут не только о взаимовыгодной торговле, но и о многочисленных колониях русских в Волжской Булгарии и болгар на русской территории. В частности, в городах Владимирско-Суздальской земли проживало множество болгар, которые обеспечивались даже ссудами³⁰.

Однако факт сотрудничества и возникновения тех или иных спорных ситуаций еще не говорит о наличии совместного суда, способного и предназначенного выносить решения, обязательные для исполнения обеими сторонами. На каких же основаниях собирались устроить суд люди князя Юрия Всеволодовича и представители от болгар в 1229 г.? Ответ на этот вопрос находится в тех же русских летописях. После предыдущих военных конфликтов, в 1220 г. великий князь Юрий принял мир от болгарских послов, «управишася по прежнему миру, яко же было при отце его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи, и посла съ ними мужи свои водити въ роту князей ихъ и земли ихъ по ихъ закону»³¹. Каждая из сторон принесла присягу в соответствии со своими обычаями и верой. Как писал Н.М. Карамзин об этом факте, опираясь на русские источники, «послы наши ездили к ним в землю, где народ утвердил сей мир, клятвою по закону магометанскому»³².

Здесь налицо принятие сторонами конкретных условий и взаимных обязательств в рамках мирных договоров, выполнение которых гарантировали обоюдные клятвы и присяги. Отступление от клятв или их нарушение считалось преступлением, рассматривалось

на совместном суде и строго каралось. Возможно пункты этого и предыдущих мирных договоров, а также общие принципы добрососедства и стали поводом для организации некоего прообраза международного суда над подданными этих государств на границе Руси и Волжской Булгарии.

Соприкосновения двух культур, согласование двух общественно-правовых систем мы видим и в сообщениях ал-Гарнати. Так, арабский путешественник сообщает об уголовном преследовании за имущественные преступления у славян. Если кто-либо из них наносил ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту, или нарушал законность каким-либо другим образом, то с нарушителя брали определенную сумму штрафа. Если у нарушителя не было денег, то как плату за преступление продавали его жену, сыновей и дочерей. При отсутствии семьи и детей виновного продавали самого. Он оставался рабом у потерпевшего до тех пор, пока не расплатился с потерпевшим, или кто-либо не расплачивался за него. В противном случае должник мог прослужить хозяину столько времени, пока тот не умрет. За подобную службу нарушителю не полагалось никакой платы. Такие строгие законы действовали и во взаимоотношениях славян с иноземцами и иноверцами. «А страна их надежная, — говорил ал-Гарнати. — Когда мусульманин имеет дело с кем-нибудь из них, и славянин обанкротился, то продает он и детей своих, и дом свой и отдает этому купцу долг»³³. Учитывая, что ближайшим мусульманским народом, постоянно проживающим рядом со славянами, были волжские болгары, с большей вероятностью можно сказать, что в данном случае идет речь о деловых и торговых взаимоотношениях, происходивших именно между этими соседскими народами.

Публичность судов всегда привлекает к ним общественное мнение, которое не всегда бывает однозначным. О том, как относилось общество к судам и судьям в Волжской Булгарии, мы мо-

жем судить из хикметов знаменитого поэта-суфия XII века шейха А. Ясави и произведений его последователя С. Бакыргани. Учитывая широчайшую популярность учения А. Ясави, у ученых имеются все основания предполагать, что при оживленных торгово-экономических и культурных связях Волжской Булгарии со Средней Азией оно стало достоянием культурной прослойки болгарского общества еще при жизни автора «Хикметов». По единодушному признанию исследователей, область широкого распространения произведений Ясави и Бакыргани — регион Поволжья и Приуралья³⁴. Рукописные списки хикметов этих авторов в данных регионах обнаруживаются до сих пор. Историки литературы и языка единодушны и в том, что влияние А. Ясави прослеживается в памятниках тюрко-татарской литературы, начиная с «Кысса-и Йусуф» Кул Гали до хикметов поэтов XVII — XVIII вв. Мавля Кулый и Г. Утыз Имяни. Поэтому ученые с достаточным основанием имеют право говорить и о знакомстве образованной прослойки болгарского общества XII в. с учением суфиев-пантеистов, страстным проповедником которого выступает А. Ясави³⁵.

Прославляя суфиев-мистиков как истинных ученых и достойных преклонения личностей, Ясави одновременно не скрывает своего презрения к сильным мира сего, блюстителям шариата и чистоты нравов, в том числе и судей:

Ставшие муллами, муфтиями выступали
С ложными притязаниями,
Выдавали белое за черное, их место в аду,
Ставшие кази, имамами выступали
С ложными притязаниями.
Они как ослы пали под кладью.

В другом хикмете, осуждая падение нравов среди мусульманского населения, автор винит в этом все общество, начиная с низших слоев, заканчивая правителями, допускающих несправедливости и нарушения закона. Ясави ясно дает понять, что при таких духовных наставниках и законниках развращение общества дело лишь времени:

Мусульманин убивает мусульманина,
 Поступая несправедливо, правое дело
 превратил в неправое.
 Мюриды не внимают душой своему пиру,
 Очень тревожные (зловещие) времена
 наступили, друзья.
 У народа нет щедрости,
 У царей, везирей нет справедливости,
 В молитвах дервишей нет согласия,
 Разные беды обрушились на народ,
 друзья³⁶.

Обобщая сказанное, мы можем сделать следующие выводы. Принятие ислама волжскими булгарами обусловило изменения как в общественно-правовых взаимоотношениях, так и непосредственно в судебной системе. Отныне правосудие вершили не знатоки древнего тюркского права и

обычаев, а специалисты по фикху. В болгарском обществе появились *кади*, основным предназначением которых было осуществление среди населения правосудия. Мусульманская правовая система принесла волжским булгарам новые принципы разрешения судебно-спорных вопросов и упорядочила судебно-правовые взаимоотношения в государстве. Следующим важным обстоятельством можно назвать то, что в этот период появились зачатки международного суда между Русью и Волжской Булгарией. Вместе с тем внутри общин и у других народов Волжской Булгарии оставалась возможность разрешать споры на основе обычного тюркского права. Высшей судебной властью оставался сам хан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе. — Казань: РИУ, 2010. — С. 63.

² История Османского государства, общества и цивилизации: в 2 т. / под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры; пер. В.Б. Феоновой под ред. М.С. Мейера. — Т.1. — М.: Восточная литература, 2006. — С. 347.

³ Мухаметшин Р.М. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. — Казань: Иман, 2000. — С. 19—20.

⁴ История Османского государства, общества и цивилизации... — С. 351.

⁵ Адыгамов Р.К. Габдрахим Утыз Имяни. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. — С. 96—97.

⁶ Березин И. Булгар на Волге // Ученые записки КГУ. Книга III. — Казань: Типография Казан. ун-та, 1852. — С. 153 — 155.

⁷ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М.: ИНСАН, 1991. — С. 198.

⁸ История Османского государства... — С. 351.

⁹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу и Центральную Европу (1131—1151). — М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. — С. 37.

¹⁰ История Османского государства... — С. 338—339.

¹¹ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и Хазарском царстве. — С.-Пбг.: Типография Академии наук, 1874. — С. 129—130.

¹² Губайдуллин Г. История распространения арабского права среди приволжских татар / Мухамадеев А.Р. Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. — Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009. — С. 86.

¹³ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей... — С.152.

¹⁴ Голубовский П. Болгары и хазары / «Киевская старина». Т. 22. — Киев, 1888. — С. 64.

¹⁵ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. — С. 147.

¹⁶ Плетнева С.А. Хазары. — М.: Изд-во «Наука», 1976. — С. 58.

¹⁷ Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Часть 1. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. — С. 101—102.

¹⁸ Измайлов И. Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. — Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. — С. 45.

¹⁹ *Марджани Ш.* Извлечение вестей... – С. 101–103.

²⁰ *Измайлов И.Л.* Великий волжский путь и распространение ислама в Поволжье // Великий волжский путь: история формирования и культурное наследие. Материалы III этапа Международной научн.-практ. конф. «Великий волжский путь». Часть II. Казань: ИИ АН РТ, 2004. – С. 36.

²¹ *Измайлов И.Л.* Распространение и функционирование ислама в Волжской Булгарии... – С.42; *Измайлов И.Л.* Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии / История татар... Т. II... – С. 555.

²² Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – С. 86–95.

²³ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание... – С. 59–62.

²⁴ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание... – С. 133.

²⁵ История Османского государства... – С. 352.

²⁶ История татар... Т. II... – С. 144.

²⁷ *Кул Гали.* Сказание о Юсуфе. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – С. 137.

²⁸ Нәкый Исәнбәт. Т. III. Татар халык мәкалләре... – 373 б.

²⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. – Т.3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – С. 225.

³⁰ *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984. – С. 91.

³¹ Русские летописи. Воскресенская летопись. Подготовлена Цепковым А.И. по изданию: ПСРЛ, т.7, СПб, 1856. – Рязань: «РИНФО», – С. 176.

³² *Карамзин Н.В.* История государства Российского. Кн. 1. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1994. – С. 448.

³³ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу... – С.36–37.

³⁴ Татар эдэбияты тарихы. Т.1. Казан: Татар. китап нәшр., 1984. – С. 126.

³⁵ *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (XIII–XVI вв.). – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 45–46.

³⁶ *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль... – С. 49–50.

Аннотация

Статья посвящена малоизученной теме общественно-правовых взаимоотношений в Волжской Булгарии. После официального принятия ислама судопроизводство по тюркскому обычному праву сменилось судами и судьями, разрешающими спорно-судебные вопросы на основе шариата. Автором рассмотрены основы и принципы мусульманского судопроизводства, освоенного волжскими булгарами. Показана роль кадиев и правителей в осуществлении правосудия, общественное мнение о судах. На основе источников выявлены зачатки международного суда. Материал подкреплен сведениями по судопроизводству других тюркских средневековых государств.

Ключевые слова: Волжская Булгария, общество, право, ханафизм, фикх, фетва, суд, судопроизводство, кади, спор, тяжба.

Summary

The article is devoted to the little-studied question of social legal relations in Volga Bulgaria. After adopting Islam officially the legal proceeding based on the Turkic law was replaced by courts and judges solving debatable legal issues on the basis of sharia. The author considered the main principles of the Muslim legal proceeding developed by the Volga Bulgars. The role of governors and kadi is shown in the realization of justice and public opinion about courts. The early stage of the international court is revealed on the basis of sources. The material is confirmed by the information concerning legal proceeding of other Turkic medieval states.

Key words: Volga Bulgaria, society, law, hanafism, fiqh, fatwa, court, legal proceeding, kadi, dispute, lawsuit.

УДК 297:26.009

ИСЛАМСКО-ХРИСТИАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАД–ВОСТОК: ВЗГЛЯД ИЗ ТАТАРСТАНА

Р.А. Набиев, доктор исторических наук, профессор

Взаимодействие цивилизаций в условиях новых технологий и коммуникаций, глобализации и конкуренции становится исключительно сложным и многообразным. В этом процессе устойчивые внутренние социокультурные традиции, в том числе религиозные, выступают в качестве самобытности и отличительных черт цивилизационных начал. Для российской цивилизации характерно базирование на трех ее составляющих: византийско-православной, западно-христианской и мусульманской. Социально-политическая трансформация советского общества породила изменение многих оценок и в духовно-религиозной жизни. Отношение к собственности, религии, окружающей природе и миру в целом определяет условия формирования на основе «старых» актуализированных новых ценностей. В этой связи сфера взаимодействия ислама и христианства в Татарстане, ее опыт и традиции обладают важной практической ценностью в проведении современной российской восточной политики.

В евразийском пространстве славяно-тюркские и исламско-христианские отношения выступают в качестве доминирующих факторов общественно-политической жизни. Исторически сложилось так, что формирование Российской империи шло путем вовлечения в орбиту государственной жизни тюркоязычных мусульманских народов, что явилось во многом результатом экспансионистской политики с элементами культуртрегерства. По мере освоения новых территорий взаимовлияние и

позитивное культурное сотрудничество народов возрастали. В основе мирных взаимоотношений и отсутствия религиозных войн лежали золотоордынские традиции уважения религий и культур. Конфессиональная политика чингизидов была весьма прагматичной и опиралась на принципах веротерпимости и межконфессиональной толерантности. Формирование российского типа взаимоотношений ислама и православия проходит длительный и непростой путь в своем развитии.

Межцивилизационные аспекты взаимоотношений мусульман и православных на всем протяжении истории, начиная с Хазарского каганата, хорошо просматриваются в Поволжье и Приуралье. Именно здесь – на стыке континентов – происходит взаимовлияние и взаимодействие разных культур, причем мирные и насильственные формы «культуризации» чередуются и все больше утверждаются спокойные способы сосуществования и взаимодействия культур. После завоевания Казанского ханства (1552) и других татаро-тюркских государств возобладали политика насильственной христианизации и русификации мусульманских и финно-угорских народов. По свидетельству миссионера Е.Малова, в середине XVIII в. сотни мечетей были ликвидированы, проводилось административное и экономическое давление с тем, чтобы принудить их к смене религии. В результате поволжские мусульмане активно участвовали в крестьянских восстаниях Батырши (1755), Пугачева (1773–1774) и других, что по своему со-

держанию больше носило социально-политический, чем чисто религиозный характер. Поэтому конфликт не перерос до религиозных войн. Взаимопонимание в социальной практике и имеющиеся традиции совместной жизни в добрососедстве в суровых климатических условиях и буднях формировали пределы возможного поведенческого действия верующих людей. Высшей ценностью для них стало самосохранение в мирном добрососедстве, происходило стихийное разделение политики царизма от интересов совместного дружеского проживания. Конфронтационная ситуация в межконфессиональной сфере, ставшая одной из социально-духовных причин недовольства нерусских народов, а также необходимость расширения территории на Востоке и последующее ее освоение и защита вынуждали царизм изменить политику по отношению к мусульманам. Наиболее характерными в этом отношении оказались указы Екатерины II о веротерпимости и создании Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) (1788) своеобразной формы «религиозной автономии». Здесь в основе нового вектора политики лежало стремление создать условия для устойчивого развития страны и обеспечения управляемости территории с мусульманским населением.

У российских мусульман на рубеже XIX и XX вв. стали весьма отчетливо видны поиски путей к открытости, стремление освоить принципы жизни нового времени, сохраняя свою религиозную идентичность. Вопросы равноправия языков и культур, участия общественно-политической жизни, например, в мусульманской фракции Госдумы первой российской революции, создания политической партии «Иттифак», издания газет и журналов явились свидетельством стремления российских мусульман к самоорганизации, защите своих интересов в иноверческом окружении и интеграции в общероссийское правовое пространство. В основу этих явлений были заложены

идеи джадидизма, выдвинутые в конце XIX в. виднейшими представителями татарской исламской теологической мысли Г.Курсави, Ш.Марджани, М.Биги, Р.Фахретдина, Г.Баруди и др. В православной среде в эти годы шли глубинные духовные поиски, зародилось обновленческое течение в русской православной церкви. Эти процессы и провозглашенная свобода совести, другие политические свободы в начале прошлого века способствовали расширению диалога культур, интеграции мусульман в общекультурное и политическое пространство российского общества. В целом российские мусульмане Поволжья путем модернизации традиционного татарского сообщества, реформирования и адаптации шариатских норм к изменившимся условиям при отсутствии какой-либо помощи государства приступили к раскрытию позитивного потенциала традиционного ислама. Они стремились показать и реализовать в социальной и общественной практике гибкость ханафитского мазхаба и духа коранической толерантности. Государство к этим явлениям относилось настороженно и опасалось усиления мусульманского влияния.

Постсоветское время предоставило возможность преодоления последствий «атеизации» общества, деформации духовно-нравственных ценностей «человеческого общежития». Формирование системы новых ценностей охватывает межконфессиональную сферу, что является, по сути, испытанием и для власти, и для общества, и для религии, в особенности для доминирующей по количеству верующих конфессии.

Поликонфессиональный и многонациональный характер российского федеративного государства складывается из многих составляющих элементов. У одних субъектов, например, в Дагестане, Чечне, Татарстане, Башкортостане преобладают в разных пропорциях мусульмане, а в других доминируют православные. Отсюда российская традиция исламско-христианских отношений в регионах выстраивается под влиянием

мнения и предпочтений местных политиков и преобладающего населения. Такие подходы могут быть не только с позитивом, но и не совсем адекватными при проецировании на всю территорию России. Скажем, это стало очевидным при попытках преподавания в школах основ православной культуры, в особенности в Татарстане оно вызвало полное непонимание.

Биконфессиональное паритетное большинство в Татарстане создало своеобразную лабораторию межрелигиозного и государственно-конфессионального взаимодействия в России постсоветского периода. В частности, в докладе комиссара Совета Европы по правам человека Альваро Хиль Роблеса «О соблюдении прав человека в Российской Федерации» Республика Татарстан была названа настоящей лабораторией, «в которой все определяется духом сотрудничества и диалога»¹. Именно эта обстановка и накопленный опыт стали обоснованием для проведения Советом Европы международной конференции в Казани 22–23 февраля 2006 г. с участием представителей мировых религий и ученых из европейских стран.

Сам процесс возрождения религии способствовал выработке политической формулы переходного периода: соблюдение баланса интересов двух крупных конфессий — ислама и православия — в виде равенства всех религиозных объединений перед законом. Общеизвестным является то, что практика преференции любой религиозной организации, тем более при биконфессиональном паритетном большинстве, может ухудшить ситуацию. В настоящее время при населении около 52% татар, 43% русских в республике к началу 2011 г. зарегистрированы 1095 мусульманских, 273 православных (РПЦ) общин, более 70 протестантских и иных религиозных организаций². Обеспечение атмосферы постоянного диалога, в частности, через участие в социальном партнерстве с госструктурами, проведение семинаров, конференций, «круглых столов», широкое обсуждение при-

нимаемых законов, а также совместное участие в культурно-просветительских и благотворительных акциях служат факторами в формировании межконфессиональной толерантности. Важно то, что устойчивость и долговременность межрелигиозных добрых отношений должны подкрепляться целенаправленной социальной и политической работой государства в религиозной сфере.

Обеспечение условий для возрождения религии без ее радикализации, недопущение распространения религиозно-политических течений, таких как ваххабизм, являлись одной из основ устойчивого развития общества и межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве. Главным направлением работы в Татарстане стало восстановление и развитие сложившихся традиций дореволюционного периода с поправкой на современные реалии. Идеи джадидизма, толерантных отношений, восприятие существующих норм, правил и законов государства стали весьма востребованными на фоне возникших проблем в сфере религии. Постепенно пришло осознание того, что ключевым моментом здесь является развитие образования и просвещения, помимо всех направлений работы. Именно «образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами...»³, говорится во «Всеобщей декларации прав человека», принятой в 1948 г. Далее — не консервирование, а восстановление полноценного функционирования других институтов ислама (вакуф, махалля, гошер), создание разных социальных структур на исламской площадке, отвечающих исламским традициям, причем не отгораживаясь и не изолируясь от участия представителей других конфессий в пользовании предполагаемых услуг.

Исламский мир в своей религиозной основе един, но многолик. В условиях динамичных, социально-политических, религиозных процессах исламских стран, в особенности в арабо-мусуль-

манском ареале, у России имеются важные геополитические интересы. То, что Россия стала членом в качестве наблюдателя организации «Исламская конференция» (ОИК), факт, говорящий сам за себя. При этом крупная доминирующая в стране православная конфессия (РПЦ) выступила с одобрением этого акта, что является проявлением доброй воли и заинтересованности в диалоге с мусульманами внутри страны и за ее пределами.

Татарстан в ходе подготовки к вступлению России в ОИК занял активную позицию не только в организационных процессах, но и в том, что сумел создать в новых условиях весьма позитивную систему взаимоотношений ислама и православия. В эти годы удалось смоделировать политико-правовые, социальные механизмы, обеспечивающие развитие и укрепление межконфессиональных отношений, в том числе с учетом интересов двух крупных общин — ислама и православия. В последние десятилетия Казань стала местом международных встреч и диалога представителей ислама и христианства в рамках ряда конференций и симпозиумов. В этих форумах происходят апробация идей и презентация реальных достижений. Генеральный секретарь Экмеледдин Ихсаноглу отметил: «Мусульмане России имеют свою многовековую культуру и историю, которая неразрывно связана с историей русского народа, и российские мусульмане для нас являются связующим звеном между мусульманским миром и русским народом»⁴, что напрямую относится к татаро-мусульманскому сообществу.

Представители традиционных конфессий республики, в частности, исла-

ма и православия, проявляют патриотические позиции по вопросу сохранения и развития культур и традиций народов своей страны и ее процветания. Озабоченность по поводу распространения ваххабизма и проявления экстремизма в самой мусульманской умме, среди общественности и государственных структур в целом продиктованы необходимостью создания атмосферы мира и согласия, спокойствия и уюта для каждого гражданина в «нашем общем доме». Теперь звон колоколов в церквях и призыв к намазу с минаретов, мечеть Кул Шариф и Благовещенский собор в Кремле татарстанцами воспринимаются как общекультурное достояние. Крупный проект по сохранению и развитию историко-архитектурного комплекса Свияжска и Булгара стал новым символом устремленности к взаимному уважению православных и мусульман, к обеспечению мира и согласия в обществе. Таким образом, формируется новый уровень культуры мирного сосуществования мусульман и православных, сложилась атмосфера взаимоуважения и стремления сохранить многообразие культур и жить вместе в мире в «нашем общем доме». Эти сложившиеся и развивающиеся векторы во взаимоотношениях ислама и православия имеют надежные ориентиры для выстраивания добрых отношений и взаимовыгодного международного сотрудничества, в том числе со странами мусульманского мира. Мировое сообщество может обеспечить свое спокойное развитие на пути сотрудничества, в том числе посредством диалога и взаимоуважения религиозных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Векторы толерантности: религия и образование. — Казань: Магариф, 2006. — С. 219.

² Текущий архив управления по делам религии при КМ РТ, январь 2011 г.

³ Организация Объединенных Наций. Официальные отчеты первой части третьей сессии Генеральной Ассамблеи. А/810. — С. 41–42.

⁴ Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX–XXI вв.: коллективная монография. — Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. — С. 160.

Аннотация

В статье рассмотрены традиции и новации в духовной и политической культуре пост-советского периода в контексте исторического развития в Волжско-Камском регионе. В дискурсе евразийской сути и политики государства раскрываются особенности межрелигиозного взаимоотношения, значимость межкультурных коммуникаций восточных и западных традиций, основанных на исламе и христианстве, для укрепления дружбы и согласия в обществе и мире.

Ключевые слова: межконфессиональный, государственно-конфессиональные отношения, миссионерство, традиция толерантности, джадидизм, биконфессиональное паритетное большинство, баланс интересов.

Summary

The article deals with the traditions and innovations in the spiritual and political culture of the post-soviet period in the context of the historical development in the Volga-Kama region. In the discourse of Eurasian essence and the policy of the state the peculiarities of interreligious relationship are revealed as well as the significance of intercultural communications of western and oriental traditions based on Islam and Christianity in order to strengthen friendship and concord in the society and in the world.

Key words: interconfessional, national confessional relations, missionary, tradition of tolerance, jadidizm, biconfessional parity majority, balance of interests.

УДК 316.325

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

3. Майданади, кандидат исторических наук, доцент

Современная историческая наука не может плодотворно развиваться без использования достижений предшествующих этапов исторической науки, выработанных исследовательских методов и накопленных знаний. Раскрытие основных этапов развития исторической мысли позволяет определить научные направления, оценить достигнутые результаты. На сегодняшний день существует большая необходимость в изучении концептуальных проблем социально-политической трансформации кочевых обществ, определении природы и сущности формирования политических институтов, изменения социальной структуры кочевников. Историографическое осмысление этих аспектов ставит перед нами следующие задачи: во-первых, что современные историки вкладывают в значение «государство», «кочевое государство», во-вторых, необходимо раскрыть особенности исследовательских парадигм в изучении социально-политических институтов кочевого общества.

Европоцентристские теории возникновения и развития государства подразумевают централизованную политическую власть, которая монополизирует (или делегирует) управление и регулярно взимает налоги на более или менее определенной территории. В исторической науке синхронные политические процессы считались последовательными стадиями формирования государства. Понятие «политогенез» было разработано в 1970–1980-х гг. Л.Е. Куббелем¹, обозначившим этим

термином процесс формирования государства. «Государство провозглашает «преимущество применения голой силы для решения социальных проблем». П. Голден² определяет, что государство обладает военной силой, способной защитить его перед лицом внешнего и внутреннего врага. Кроме военных и налоговых чиновников, оно имеет в своем распоряжении другие «эксплицитные, комплексные и формальные» органы управления. Оно руководит и устанавливает правила для общества, в котором производительные силы являются достаточно развитыми для того, чтобы породить, в различной степени, социальную дифференциацию, стратификацию и создать излишки, необходимые для содержания государства. Социальные связи основываются не на узах родства и обычаях». Следуя логике своих умозаключений, он полагает, что когда кочевые государства разрушались, племена и роды, составлявшие их, всего лишь перегруппировывались, иногда под руководством родов, происходивших от «харизматического» правящего дома, или под руководством новых родов, но чаще всего не как государства. Резюмируя свои концептуальные положения, ученый предполагает: «Они возвращались к определенной точке континуума между безгосударственностью и государственностью в ожидании нового катализатора, который мог бы снова подтолкнуть их к государству»³. На эти же исследовательские принципы опирается М. Фрид, анализируя систему государственного

устройства: «Точка концентрации является одним из основных принципов организации: иерархия, дифференцированная степень доступа к основным ресурсам, повиновение официальным лицам, защита территории. Оно сохраняет себя «и физическими, и идеологическими средствами, путем поддержания военных сил и путем создания идентичности среди других подобных организационных единиц»⁴. Западные исследователи, рассматривая основные признаки государства, приходят к выводу, что в своей основе государство должно быть «совокупностью организаций, наделенных властью принимать обязательные для народа решения, и организаций, юридически располагающихся на определенной территории, которые внедряют эти решения, используя, при необходимости, силу»⁵. В свою очередь Дж. Флетчер отмечает, что государственность не является институтом, который жизненно необходим для существования кочевого общества, вторит ему и П. Голден исходя из своих теоретико-методологических построений, он скептически относится к идее, что номады могут самостоятельно создавать государственность, хотя и не отрицает, что во Внутренней Азии под влиянием китайской цивилизации степные империи принимали форму раннегосударственных обществ⁶.

Современный американский антрополог и историк Дж. Барфилд полагает, что возникновение номадной государственности построено на противоречиях⁷. На вершине кочевой империи существует организованное государство, руководимое самодержцем, но оказывается, что большинство членов племени сохраняют свою традиционную политическую организацию, которая основывается на родственных группах различных рангов. По мнению исследователя, для разрешения этих противоречий были предложены две серии теорий, которые должны были показать, что племенная форма – это только оболочка для государственности либо что племенная структура никогда не ве-

дет к настоящему государству. Другими словами, данные изыскания позволяют раскрыть этапы и динамику развития исторической мысли в рассмотрении различных аспектов кочевой государственности, которые, по мнению зарубежных исследователей, лишь временно доминировали над племенной политической организацией. Прогресс в изучении особенностей сложения кочевой государственности показывает, что добиться этого невозможно без учета мировоззренческих знаний о прошлой социальной реальности и комплексного подхода к социально-историческому знанию. В статье «Альтернативы социальной эволюции» российские ученые Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев отмечают, что «государство не является единственно возможной постпервобытной эволюционной формой. ...это всего лишь одна из многих форм постпервобытной социально-политической организации: эти формы альтернативны по отношению друг к другу и способны трансформироваться друг в друга без каких-либо потерь в общем уровне сложности»⁸. Анализируя основные принципы генезиса и эволюции социально-политических структур, ученые приходят к заключению: «Таким образом, эволюционный путь, в рамках которого ретроспективно угадываются известные нам черты государства, является лишь одним из возможных «направлений» политогенеза. Но так как позднее большинство альтернативных социально-политических структур было уничтожено, поглощено государствами, или трансформировалось в государство, возможно, есть основания признать «государственную ветвь» политогенеза «основной», а альтернативные пути – «боковыми».

Номадолог Н.Н. Крадин определяет, что по уровню сложности большинство типичных кочевых империй Евразии больше соответствует уровню «вождеств». Еще радикальнее по данной проблеме позиция Э.С. Кульпина, исследователь резко отрицательно относится к возможности возникновения

государственных институтов в кочевом обществе: «Во все времена кочевники были маргиналами цивилизационного развития, которое традиционно связывается с развитым земледелием, ремеслом, городской культурой. Довольно часто, если не как правило, кочевники становились паразитической социально-политической надстройкой на теле государственной и общественной самоорганизации временно завоеванных ими земледельческих народов»⁹. Странники эволюционного, поступательного развития кочевого общества считают, что кочевники могли создавать собственную государственность. К ряду таких исследователей относятся С.Г. Кляшторный, Е.И. Кычанов, В.В. Трепавлов, А.М. Хазанов, Т. Холл, которые своими научными трудами внесли значительный вклад в разработку концепции «раннего государства» у кочевников. Исходя из своих мировоззренческих установок, ученые пришли к выводу, что кочевая государственность – итог постепенного внутреннего развития общества. А.М.Хазанов¹⁰ считает, что сам термин «кочевые государства» в известной мере является условным. Они были кочевыми, потому что были основаны кочевниками или потому, что кочевники занимают в них доминирующие позиции. Однако так или иначе, но все они были связаны с асимметричными отношениями с оседлыми обществами. Исследователь подчеркивает, что «в силу неавтаркичности и специализированного характера кочевой экономики она всегда должна была дополняться земледельческими и ремесленными продуктами, а главными центрами производства последних были города»¹¹. Исследователь основывается на постулате, что для того, чтобы кочевники создали государство, необходим был какой-то внешний катализатор (обычно оседлое государство). Соседние оседлые государства были слишком слабы политически (но это не означало обязательно военной слабости), чтобы представлять для кочевников реальную угрозу. В свою очередь, кочевники, для

которых неопределенность конфедеративных связей была нормой, никогда серьезно не угрожали окружающим государствам. Моделируя историческую действительность кочевого мира, А.М. Хазанов¹² разрабатывает несколько основных принципов сосуществования, взаимодействия городов и кочевого общества: 1. Торговля и поддержание разного рода контактов, включая религиозные и культурные, с городами в оседлых странах. 2. Завоевание этих стран или контроль над определенными оседлыми территориями, что почти автоматически влекло за собой использование их городов для самых различных нужд завоевателей: экономических, административных, культурных и т.д. 3. Создание собственного городского сектора в кочевых государствах. Таким образом, раскрывая специфические черты этого процесса, следует обратить внимание на то, что оседлые государства нередко рассматривали торговлю с кочевниками как инструмент внешней политики, средство экономического давления.

А.М. Хазанов всесторонне анализирует систему политической власти в кочевом обществе и считает, что она в значительной степени оставалась диффузной и в основном связанной с военными и организационно-регулятивными функциями. Соответственно они были рыхлыми, текучими по составу и недолговечными, за исключением тех случаев, когда они подвергались трансформации в результате специфических взаимоотношений с внешним миром. Иными словами, в самих кочевых обществах потребности политической интеграции были недостаточно сильны, чтобы приводить к необратимым структурным изменениям¹³. Несколько иной точки зрения придерживается и другие акценты расставляет Е.И.Кычанов. Изучая проблему возникновения и развития социальной дифференциации, исследователь заключает: «Вожизм (чифдом) и присвоенные им функции распределения общественного продукта – это и есть сложение господствующего

класса и приобретение им особого положения в распределении продукта»¹⁴. Представитель западной антропологической школы Дж. Флетчер, реконструируя жизнь кочевников в условиях постоянной мобильности, показывает несущественный характер надплеменной социальной организации и слабой интегрированности степных политий, которая была нестабильна и часто вообще распалась. «Члены племени считали себя принадлежащими к единому народу (ulus), который существовал в прошлом и в любое время мог быть восстановлен под новым или старым названием. Термин «улус» использовался для обозначения племени или, более вероятно, надплеменной общности, даже если последняя существовала только в умах людей. Улус мог также обозначать существующую надплеменную политику — либо слабо организованную «конфедерацию», либо жестко организованную «империю». Надплеменное общество балансировало взад и вперед между надплеменной анархией (воображаемым единым народом) и надплеменной политией, которая, в свою очередь, флуктировала между слабой конфедерацией и (намного реже) устойчивой автократией» — фиксирует автор¹⁵. Автор вскрывает сложные механизмы трансформации и изменений в традиционных кочевых структурах, показывает характерные для кочевого общества параллельные, пограничные и переплетающиеся механизмы взаимодействия, которые обеспечивали устойчивость системы. В этой связи возникает вопрос о новых концептуальных построениях применительно к изучению такого политического образования, как «кочевые империи».

В рассмотрении проблемы возникновения кочевых империй или «архаических империй» для исторических исследований характерна «дихотомия» (двойственность). Современные авторы, проводя реконструкцию «степных империй», считают, что для создания империи были необходимы два важных средства. Первое из них было структур-

ным, а второе — идеологическим. Структурным средством была десятичная военная организация, которую степные правители использовали, и это являлось мощным оружием в руках степного правителя и значительно усиливало его власть. Идеологическим средством усиления контроля хана была вера в Тенгри — бога кочевников. В работах современных историков прослеживается идея всемирного верховного бога и содержит в себе возможность единой универсальной сферы на земле — вероятность того, что верховный бог может назначать единого правителя для установления своего правления над всей этой универсальной сферой¹⁶. Н.Н. Крадин, анализируя природу «кочевых империй»¹⁷, выделяет следующие признаки: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному принципу»; 4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая форма наследования; 6) особый характер взаимоотношений с земледельческим миром. В исторических исследованиях современных российских авторов С.Г.Кляшторного, Т.И.Султанова всесторонне рассматриваются и факторы имперской традиции в истории сложения древнетюркской цивилизации. Ученые, опираясь на методы ретроспекции и сравнительного анализа, считают: «Между тем все, что мы можем определить как признаки, присущие цивилизации (и прежде всего, достаточно развитая письменность и запечатленная в этой письменности историческая память), явилось следствием создания Тюркского эля. Так сами тюрки называли свое государство, которое мы называем Тюркским каганатом или Тюркской империей»¹⁸.

Представленный историографический обзор позволяет выявить противоречия в исследовательской практике, специфические черты в изучении разных аспектов диалектического развития кочевого социума и преемственность исследовательских парадигм. Разные акценты и нюансы исследовательской практики, тем не менее, подчеркивают природу эволюционных изменений в кочевой среде, но при наличии регулярных контактов с урбанистическими обществами. Зачаточные формы государственности существовали в большинстве кочевых обществ, и движение к ее элементам, которые получали необходимый стимул, сразу же становилось эффективным. Общим для современных исследователей при всей разности достигнутых результатов является мнение о том, что кочевые общества обладали внутренними силами, способными создать государство, но, несомненно, главную роль сыграло внешнее воздействие, исходящей точкой и катализатором политического развития кочевников являлось осед-

ло-земледельческое общество. Следует отметить такую особенность исследовательской работы, что даже противоположные теории могут не исключать друг друга, а служить дополнением и показывать вектор развития концептуальных подходов и выработанных методов. Разнообразие подходов и мнений привело к раскрытию генезиса социально-политических изменений в кочевой среде, развитие исторической мысли позволяет определить ее основные направления, новые исследовательские горизонты. Современное движение исторического знания требует дальнейшего осмысления природы кочевого общества, понимания сути происходивших процессов, которые были непосредственно связаны с трансформацией внутренних механизмов кочевого общества. Эффективность теоретико-методологических построений применительно к изучению кочевой государственности заключена в спонтанных, неподготовленных и неожиданных поворотах исторической действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. — М., 1988. — С. 1.

² *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — С. 111.

³ Там же. — С. 112.

⁴ *Fried M.H.* The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology. New York. 1967. 235 p.

⁵ *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — С. 108.

⁶ *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Введение. — Улан-Удэ, 2004. — С. 7–8.

⁷ *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) — СПб., 2009. — С. 38–39.

⁸ *Крадин Н.Н.* Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2. — Новосибирск, 2001. — С. 369–396.

⁹ *Кульпин Э.С.* Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ, 2004. — С. 167.

¹⁰ *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. — Волгоград, 2006. — С. 480.

¹¹ *Хазанов А.М.* Кочевники и города в евразийском степном регионе и соседних государствах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. — А., 2004. — С. 318.

¹² Там же.

¹³ *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. — Волгоград, 2006. — С. 479.

¹⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — М., 1997. — С. 5.

¹⁵ Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Введение. — Улан-Удэ, 2004. — С. 221–222.

¹⁶ Там же. — С. 231.

¹⁷ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сборник статей. — С. 491.

¹⁸ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2004.

Аннотация

В статье освещаются различные концептуальные положения и подходы к проблеме формирования социально-политических институтов кочевого общества, представлен историографический обзор исследовательских парадигм современной исторической науки.

Ключевые слова: кочевники, государство, парадигма, город, вождизм, империя.

Summary

The article deals with different conceptual positions and approaches to the problem concerning the formation of social-political institutes of the nomadic society and presents historiographical review of the exploratory paradigms of the modern historical science.

Key words: nomads, state, paradigm, city, leaderism, empire.

УДК 930(091)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ТАССР (1917–1941 гг.)

З.Г. Гарипова, кандидат исторических наук

Республика Татарстан уже в 1920-х гг. стала одним из крупных научных центров Советского Союза. Но до этого, в первые годы Советской власти, научная работа по свидетельству публикаций тех лет пошла на убыль. В качестве причин указывались «отход» многих профессоров от работы, все уменьшающаяся возможность взаимоотношений с Западом, полное отсутствие новой литературы и аппаратуры для лабораторно-исследовательской работы. В 1918/19 учебном году физико-математическое общество, общество естествоиспытателей, юридическое, пушкинское общество, общество врачей, невропатологов и психиатров при Казанском университете уже не функционировали. Издание их печатных трудов прекратилось из-за дороговизны печатания¹. Но по мере стабилизации политической ситуации и ликвидации последствий Гражданской войны и голода результаты их трудов становились достоянием общест-

венности. Многие кафедры казанских высших учебных заведений, в том числе Казанского университета, также вели научные исследования по многим фундаментальным и прикладным направлениям. Кроме того, активно работали специализированные научно-исследовательские учреждения, которых в начале 1920-х гг. насчитывалось семь. Затем стали открываться новые, такие как Краевой микробиологический институт (1925 г.), Зоологический и ботанический сад, Областная лесная и лесомелиоративная станция (1926 г.), Институт социального здравоохранения и гиги-

ены (1926 г.). В их работе продолжали функционировать традиционные научные направления, в то же время возникали новые научные школы.

В начале 1920-х гг. число лиц, ведущих научную работу в области математики, резко увеличивается. Работы их охватывали почти все отрасли современной для своего времени математики. Научно-исследовательский институт математики и механики при Казанском университете объединял математиков из различных вузов Казани. Другим таким центром является Казанское физико-математическое общество. Казанскими математиками был решен ряд научных проблем. Ими были разработаны методы, нашедшие применение в работах других отечественных и иностранных математиков. Казанскими учеными велись исследования в следующих отраслях математики: алгебре, теории чисел, теории групп дифференциальных и интегральных уравнений, теории функции действительного переменного, теории аналитических функций, теории вероятностей и геометрии. Алгебра, как утверждал Б.М.Гагаев, сделалась предметом разработки в республике лишь с 1928 г., со времени приезда из Одессы проф. Н.Г.Чеботарева. До его приезда алгеброй после Н.И.Лобачевского никто не занимался. Чеботареву и его ученикам принадлежит цикл работ по распределению корней уравнений. Н.Г.Чеботаревым решен ряд важных проблем теории групп Ли. Б.М.Гагаевым написан ряд работ по изучению сходимости и суммируемости ортогональных рядов.

Надо заметить, что в этот период стали известными среди математиков татарские ученые. В их числе ученик проф. Б.М.Гагаева Г.Максудов (в области математического анализа), ученики Н.Парфентьева с кафедры механики Казанского университета К.З.Галимов, М.И.Альмухаметов. Из работ по аналитическим функциям известны труды Н.К.Усманова, продолжившего затем свою деятельность в Ленинградской военно-воздушной академии. По интегральным уравнениям были выполнены интересные работы учеником Б.М.Гагаева Г.С.Салиховым, который дал доказательства существования решений нелинейных интегральных уравнений более общих, чем ранее изученные, типов, а также существования собственных значений. Им же получен ряд интересных результатов по решению в конечном виде различных классов уравнения в частных производных, являющихся обобщением классических формул².

Н.Г.Чеботарев в 1938 г. писал, что разрабатываемая тема об «однолистно-продолжаемых полиномах» весьма трудная и имеющая большое значение в теории аналитических функций. Сам он написал две монографии: «Теория групп Ли» и «Алгебраические числа». М.Альмухаметов — «Особые точки систем дифференциальных уравнений». В.Яблоков занимался исследованием геометрических сопряжений в нуль-системе и изучением пространств финслера, П.Широков — вопросами теории римановых пространств. Н.Четаев закончил труд «Об устойчивых траекториях динамики», Х.Муштари — докторскую диссертацию «Об устойчивости тонких оболочек», М.Аминов изучал вопрос об аэродинамике машущих крыльев, а в разработке была тема докторской диссертации «Изменение статического принципа Гаусса в целях расширения его на некоторые задачи динамики»³. Из этого краткого обзора работ казанских математиков видно, что Казань сделалась одним из математических центров Советского Союза.

В области физико-математических наук, несмотря на тяжелые 1920-е гг., ценные исследования дали ученые Н. Парфентьев, Н. Четаев, А. Аминов, Х. Муштари, Н. Чеботарев, Е.К. Завойский, П.А. Широков и др. Работы казанских ученых по математике, астрономии, физике привлекали и тогда внимание ученых не только СССР. Их достижениями пользовались многие научные школы.

Недаром именно в Казанском университете организовывались международные конкурсы на соискание премии им. Лобачевского. По инициативе проф. Чеботарева ряд казанских математиков и механиков с 1929 г. работали в области теории устойчивости, которая имела громадное значение для решения вопросов машиностроения, теории аэроплана, сверхскоростных поездов. Полученные Чеботаревым, Персидским, Малкиным результаты были затем отмечены на Всесоюзном математическом съезде.

Различные комбинации пластин и оболочек являются конструктивными элементами самолетов и судов. В летательных аппаратах и быстроходных турбинах многие существенные детали еще в то время изготавливались в виде оболочек. Все это в свою очередь вызвало необходимость создания надежных методов расчета тонкостенных конструкций на прочность и в особенности на устойчивость.

В связи с важностью применения гибких пластин и оболочек в технике в конце 1930-х гг. как в Советском Союзе, так и за границей усиленно разрабатывалась нелинейная теория упругих пластин и оболочек. Усилия казанских ученых и в послевоенный период были направлены в основном на дальнейшую разработку теории пологих оболочек⁴.

К концу 1930-х гг. механико-математической школой, начало которой было положено Н.Лобачевским, разрабатывались научные проблемы, имеющие оборонное значение.

Бурное развитие физики приходится на 1930-е гг. Перед началом

Великой Отечественной войны ученые Е.К.Завойский, С.А.Альтшулер, Б.М. Козырев стояли на пороге открытия мирового значения — явления парамагнитного резонанса.

Казанские астрономы продолжали вести фундаментальные исследования в области изучения Луны. Надо заметить, что развитие астрономии в крае связано с основанием в 1804 г. Казанского университета и подготовкой на кафедре астрономии (с 1810 г.), одной из первых в России, профессии астрономов, а также с деятельностью И.А.Литтрова, оборудовавшего первую Казанскую городскую астрономическую обсерваторию. Издание при Казанском университете научных журналов «Труды Казанской городской астрономической обсерватории», «Известия» астрономической обсерватории Энгельгардта» и открытие в 1901 г. Астрономической обсерватории Казанского университета способствовали развитию астрономической науки. В 1930-е гг. создано Казанское астрономогеодезическое общество.

Первым директором Астрономической обсерватории был Д.И.Дубяго (до 1918 г.), который внес большой вклад в теорию движения комет. Благодаря работам Д.Я.Мартынова и его учеников в 1930—1940-е гг. Казань стала ведущим центром по изучению затменно-переменных звезд.

Еще до Октябрьской революции казанская химическая школа получила мировое признание. После Октября 1917 г. у истоков химической науки в Казанском университете стоял выдающийся ученый А.Е.Арбузов. В 1920-е гг. ему принадлежали фундаментальные работы в области кислородсодержащих органических производных фосфора. В лаборатории Арбузова впервые получены полные эфиры фосфористой кислоты в чистом виде, были открыты пути синтеза фосфорокربоновых кислот. Благодаря им Казань стала мировым центром исследования фосфорорганических соединений. А.Е.Арбузов начинает разрабатывать в этот период проблемы, имеющие народнохозяйст-

венное и оборонное значение: изучает смолы хвойных деревьев, состав живицы и скипидара. Это было впервые в Советском Союзе. Данное исследование установило отличие отечественного скипидара от французского и американского. Применяемые казанскими химиками новые методы дали возможность найти в скипидаре до этого неизвестную составную часть терпинкарен. Теоретическая разработка вопросов переходила в практику. Так, лаборатория Арбузова получила заказ от Дулевской фарфоровой фабрики. Эти открытия могли развить подсобный промысел на востоке европейской части страны — важной отрасли лесного хозяйства.

В конце 1920-х гг. в лаборатории А.Е.Арбузова была решена еще одна важная для экономики проблема — метод получения фурфурола из отходов сельского хозяйства, ставшего сырьем для производства пластических масс⁵. С 1929 г. в Научно-исследовательском институте им. А.М.Бутлерова начинается интенсивная работа по органическому производному фосфора. С 1930 г. исследования фосфорорганических соединений разветвляются и на кафедре органической химии Казанского химико-технологического института. В 1929 г. А.Е. Арбузовым и Б.А. Арбузовым был открыт новый способ получения свободных радикалов триарилметильного ряда. В период перед началом Великой Отечественной войны начинают возникать и развиваться новые центры изучения фосфорорганических соединений. К ним относятся исследования в Институте органической химии Академии наук СССР⁶. Была признана роль казанской школы химиков в возникновении и развитии отечественной химической промышленности в стране и значимо было их влияние на мировую химическую промышленность.

В начале XX в. на территории Татарстана проводились тектонические исследования. Так, существенно важные тектонические данные были выявлены А.В.Нечаевым, А.Н.Замятым и М.Э.Ноинским. Нечаев и Замятин

обнаружили в ядре Сокско-Шешминской дислокации выходы никем до сих пор не описанных нижнепермских известняков, принятых ими в то время за известняки каменноугольного возраста. Такие же известняки были выявлены и на р. Каме, в ядре Ижминводской структуры М.Э.Ноинским. Профессор Б.М.Юсупов отметил, что изучение тектоники Татарии в то время носило не систематический, а случайный характер. Для регионального обобщения отдельных, разрозненных наблюдений тектонических явлений достаточных данных еще не было.

Планомерное изучение тектоники Татарии началось лишь с 30-х гг. XX в. В отношении планирования работ по изучению тектоники Урало-Поволжья важная роль принадлежала участникам совещания, состоявшегося в 1929 г. в здании Политехнического музея в Москве. С докладом на совещании о тектоническом строении и перспективах нефтеносности Татарии выступил М.Э.Ноинский. Совещание выработало план инструментальной структурно-геологической съемки, что явилось началом нового этапа тектонических исследований в Татарской республике. Ведущую роль в осуществлении этого плана сыграли С.И.Миронов, Е.И.Тихвинская, К.Р.Чепиков, Н.П.Герасимов, С.П.Чернов, В.М. Бутров, Б.В.Селивановский и др.

В 1930-е гг. велись геологические исследования Ноинского в районе Ижевского минерального источника и Е.И.Тихвинской по вопросу миграции нефти в недрах Татарской АССР. Большую работу по обобщению материалов нефтепоисковых работ проводил Всесоюзный научно-исследовательский геологоразведочный институт. В частности, в 1942 г. здесь была составлена сводная структурная карта Татарии по маркирующим горизонтам верхнепермских отложений под редакцией С.И.Миронова. В 1943 г. структурная карта для Востока Татарии по кровле нижнеказанских отложений была составлена А.А.Мельниковым⁷.

Представители казанской геологической школы осуществили разработку стратиграфии, палеонтологии, тектоники, минералогии, в основном верхнепалеозойских отложений Востока Европейской части России, изучали нефтегазоносность и рудоносность Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. В минералогии фундаментальные исследования связаны с именами ученых, работавших в Татарстане в 1930-е гг., Б.П. Кротова, Л.М. Миропольского, Б.М. Юсупова и др.

Одной из важнейших проблем, которыми занимались физиологи в Татарстане, явилась проблема нервной деятельности. «От решения ее зависело понимание многих процессов, происходящих в человеческом организме, выяснения причин ряда заболеваний», — писал профессор А. Кибяков⁸. Этой проблеме была посвящена научная деятельность физиологов Казани еще с 1858 г., когда кафедре нормальной физиологии на медицинском факультете Казанского университета возглавлял профессор Овсянников.

Физиологическая лаборатория университета была создана трудами крупного ученого с мировым именем профессором А.Ф.Самойловым (умер в 1930 г.). Его лабораторию считали рассадником электрофизиологических знаний среди советских ученых.

Деятельность кафедры физиологии Казанского университета под руководством проф. А.Самойлова была известна за пределами СССР уже в 1920-е гг. По точности и четкости в деле записи электрических токов животного тела его лаборатория не только занимала первое место в СССР, но и имела возможность конкурировать с зарубежными институтами. Казанские ученые уже тогда знали, что любой миг жизни человека центральной нервной системы сопровождается появлением электрического тока, что всякий орган обнаруживает себя еще и своей электрической реакцией, которая дает возможность уловить новые стороны в работе того или иного органа в организме

человека. Труды ученых в этой области печатались в разных журналах не только Союза, но и за границей. Сам проф. Самойлов по приглашению иностранных научных обществ читал лекции об исследованиях своей лаборатории в Голландии, США, в Физиологическом обществе при Гарвардском университете в Бостоне, в Берлине.

Примечательно то, что в Татарстане, в лаборатории Самойлова, впервые в России был записан ток сердца. В Казань стали направлять для усовершенствования врачей из Москвы и других городов. Знаменитая московская больница им. Боткина, Институт профзаболеваний им. Обуха в Москве, курортные кардиологические клиники по методике и инструкции, разработанной казанским ученым Самойловым, создали у себя электрофизиологические кабинеты⁹.

Достоинными преемниками проф. Самойлова были профессора Воронцов и Киселев. В конце 1930-х гг. в физиологической лаборатории Казанского университета велись исследования по изучению процесса прохождения волны возбуждения по нервным проводникам. Заведующий лабораторией проф. Резвяков установил ряд фактов, свидетельствующих о том, что возбуждение, пробегая по нервным стволам, встречает сопротивление и уменьшается в своей величине. По утверждению проф. Кибякова, единого мнения о том, что происходит с импульсом, когда он пробегает по нервным стволам, не существует. Он делает вывод, что раскрытие этого процесса представляет практическую ценность — дает возможность понять причины многих заболеваний, связанных с поражением периферической нервной системы.

Одним из крупнейших основателей казанской школы физиологов является проф. Миславский, ученый с мировым именем. Здесь воспитывались кадры физиологов доцент И.Г.Валидов, профессор Чеботарев, Вишневецкий, Чирковский, Горяев, Терегулов, Домрачев и др.

В эти же годы в физиологической лаборатории института впервые было показано, что и во взаимоотношениях между отдельными нервными элементами также принимают участие химические факторы.

Самой молодой физиологической лабораторией Казани являлась лаборатория педагогического института. В этой лаборатории под руководством доцента О.Д.Курмаева установлены новые данные относительно влияния постоянного тока на полоски желудочного сердца. Эти данные в то время имели и теоретическое, и практическое значение (восстановление работы сердца и механизмы электронаркоза)¹⁰.

В 1920 г. в Казани был основан Клинический институт (с 1925 г. стал называться Казанский государственный институт для усовершенствования врачей — ГИДУВ). Хотя в первые годы его деятельности основной задачей было повышение квалификации врачей, позднее институт проводил исследовательские работы по приоритетным направлениям медицины. В эти годы функционировали и специализированные медицинские научно-исследовательские институты (микробиологический, туберкулезный, трахоматозный), внося огромный вклад в развитие медицинской науки. Перед ними была поставлена задача комплексного изучения человеческого организма, изыскания новых методов исследования, лечения и профилактики болезней на основе достижений биологии, физики и химии.

Сельскохозяйственные и лесные науки имели своим опорным пунктом Институт сельского хозяйства и лесоводства, созданный в 1922 г. на основе слияния лесного факультета университета и сельскохозяйственного факультета Казанского политехнического института (с 1930 г. — Казанский сельскохозяйственный институт, с 1995 г. — Казанская сельскохозяйственная академия). Создание института и начало его деятельности имели неоценимое значение для спасения сельского хозяйства от развала и окончательного упадка и

оскудения. Среди педагогов института были профессора А.М.Васильев, А.Я.Гордягин, Н.Н.Парфентьев, М.А.Грачев, М.Э.Ноинский, Н.А. Ливанов, В.Г.Беляев и др.

Надо заметить, что лесное опытное дело в Татарстане имеет более раннюю историю – берет свое начало с 1911 г., когда было открыто Опытное лесничество. Но лесоводство ограничилось тогда накоплением знаний лишь путем наблюдений, эксперименты же длительное время отсутствовали. Во время Гражданской войны и в первые годы восстановительного периода теоретические вопросы лесного хозяйства еще не получили первостепенного значения и лесное дело находилось в состоянии застоя. Научная исследовательская работа в Казанском опытном лесничестве начала оживать только с конца 1922 г. под руководством проф. К.В.Войт. Жизнь требовала придать лесному делу новые организационные формы. На основании нового положения о лесном опытном деле Татарской республики, утвержденного 12 июля 1926 г. ЦИК ТАССР, при Управлении лесами Татаркомзема организуются бюро по лесному опытному делу и лесная опытная станция «Татарстан» с присоединением к ней опытного лесничества.

В 1920-е гг. кроме опытного лесничества и лесной опытной станции большую исследовательскую работу вели кафедры лесного факультета Казанского института сельского хозяйства и лесоводства. Они проводили исследование проходных рубок в сосновых молодняках, изучали динамику естественного возобновления сосны на вырубках. По химической технологии ставились опыты с подсочкой сосны и ели. Почвоведы занимались изучением генезиса разновидностей почв. По лесной энтомологии велись исследования различных средств защиты леса от вредителей.

За период с 1925 по 1930 г. лесные кафедры института работали над 77 темами, из них к 1931 г. капитально было

изучено 26 тем. На наш взгляд, это не является мелкотемьем, а в большой степени показывает способность сотрудников работать по различным направлениям. Результаты их деятельности и поисков получили отражение в «Известиях» Казанского института сельского хозяйства и лесоводства», в журналах «На лесокультурном фронте», «Лесное хозяйство и лесоэксплуатация», в «Трудах» Общества изучения Татарстана» и др. Такие исследователи, как профессор А.Я.Гордягин, А.А.Юницкий, Л.И.Яшнов, А.П.Тольский и Г.С.Судейкин, а также Б.Н.Мартынов, П.Г.Трошанин, Б.М.Алимбек, Н.И.Степанов и др.¹¹, были известны своими трудами по проблемам общего лесоводства, лесной фитопатологии, орнитологии, энтомологии, по вопросам плодоношения, стандартизации семян, организации лесосеменных хозяйств. Надо заметить, тематические планы строились в соответствии с запросами производства с учетом народнохозяйственных задач правительства республики. Деятельность ученых лесного хозяйства в 1920–1930-е гг. обогатила лесную науку и оставила значительный практический след в технике ведения лесного хозяйства.

Узловые вопросы организации и планирования сельскохозяйственного производства в колхозах МТС изучал созданный в марте 1933 г. Татарский научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства. Уже через год положительные результаты и практические выводы институт передавал колхозам и МТС или опубликовывал в печати. Так, труды М.Г. Сафиуллина, А.П. Трапезникова, Галимова и др. увидели свет в виде книг или в журнале «Социалистическое хозяйство Татарстана»¹².

Многие проблемы экономики начал разрабатывать и внедрять первые результаты Татарский научно-исследовательский экономический институт, приступивший к работе в июле 1930 г. Уже в первый год существования института, занимаясь изучением производи-

тельных сил республики, проделал конкретную работу по вопросу изыскания сырья для местной промышленности. В частности, выполнены научные обоснования по бурению нефти.

Такие же результаты коллектив института имел и в отношении других естественных богатств. Республика являлась едва ли не самым богатым районом по гипсовым залежам, но вопрос о его использовании не ставился. Изучая гипс, институт доказал возможность производства многочисленных строительных материалов¹³.

В те же годы исследовательская мысль направляется по пути использования имеющихся в Татарии месторождений гипсов и ангидритов. Ряд исследователей — А.Я.Богородский, А.И.Луньяк, В.Г.Соболев (1930 г.) обращают внимание на возможность организации на этой базе комплексного производства серной кислоты и портланд-цемента. Рекомендации общего порядка о необходимости «ставить вопрос о производстве в Татарской республике цементов типа портланд-и роман-цемента, на базе известняков, доломитов и глин республики» были высказаны в 1932 г. также бригадой Камстроа (Батыр, Тромифук, Мясникова). В 1939 г. Е.И.Тихвинская отмечает целесообразность использования известняков верхнеказанского подъяруса, указывает ряд горизонтов известняков¹⁴.

Учеными (Татарский научно-исследовательский экономический институт) были продвинуты и вопросы относительно меди, возможность ее эксплуатации на основе обоснования историками предпосылок развития медедобывающей промышленности, ибо татарстанская территория была когда-то центром медеплавильной промышленности.

В полугодовом отчете института за 1930—1931 гг. значились такие работы, как опробование медных руд в Мамадышском районе, геологическая съемка с регистрацией полезных ископаемых в Бугульминском, Рыбно-Слободском

районах, близ Бондюжского химзавода, геолого-поисковые работы на горючие сланцы в Бугульминском районе, стекольные пески в районе станции Васильево, а также на флоридиновые глины в Чистопольском районе, на железный сурик в районе Кизического болота.

Насущные потребности развития народного хозяйства ТАССР и прилегающих территорий, наличие объективных предпосылок к созданию цементной промышленности явились причиной неоднократных попыток разрешения этой проблемы. Впервые вопросы организации цементного производства в республике были поставлены еще в 1930—1932 гг. в связи с большими задачами, возникшими перед страной в период осуществления первого пятилетнего плана. С.П.Егоров в сборнике «Геология и полезные ископаемые Татарской республики» (1932 г.) отмечал возможность использования для производства портланд-цемента известняков нижнеказанских отложений, развитых в районе г.Елабуга — устье реки Иж. О.А.Хованская, изучавшая глины различного возраста, пришла к заключению, что «... все исследованные глины Татарии пригодны для цементного производства ...»¹⁵.

Сотрудники Научно-исследовательского экономического института разрабатывали такие темы, как технико-экономические обоснования постройки завода азотных туков, развитие силикатной промышленности Татарстана, перспективы снижения себестоимости промышленной продукции.

Учеными секции экономики транспорта этого же института была составлена экономическая характеристика проектируемых железнодорожных линий в республике, инспекция железобетонных мостов¹⁶.

Надо подчеркнуть, что разрабатываемые в послевоенный период научные проблемы экологии, систематики наземных позвоночных животных, фауны края, водного режима растений, энтомологии, гидрологической изученности малых рек Среднего Поволжья име-

ли свою теоретическую базу и основу, заложенную также в 1920—1930-е гг.

Гидрогеологические исследования на территории Татарстана имеют свою давнюю историю. Подобные исследования проводились в связи с водоснабжением древнего города Болгары. Однако результаты этих работ в литературе не получили освещения, писал ученый М.С.Кавеев в 1957 г. В конце XIX столетия, в связи с проблемой водоснабжения крупных населенных пунктов, были организованы специальные работы по изучению подземных вод. Материалы буровых работ по водоснабжению, в период с 1883 по 1900 г., были опубликованы проф. А.А.Штукенбергом в трудах Казанского общества естествоиспытателей.

После Октябрьской революции 1917 г. гидрогеологические исследования были связаны с проектированием гидротехнических сооружений, поисками месторождений полезных ископаемых, изучением минеральных вод и со строительством инженерных сооружений. За период с 1917 г. на территории республики непрерывно продолжалось бурение скважин на воду. Темпы буровых работ на воду с каждым годом возрастали. Если в 1920 г. было пробурено 27 скважин, то в 1930 г. соответственно 40.

В освещении региональных гидрогеологических особенностей территории республики большое значение имели гидрогеологические наблюдения, проводимые в процессе геологической съемки. Начиная с 1933 г., в связи с изучением тектонических структур, была покрыта геологической съемкой почти вся территория Татарской АССР. В этом процессе были выявлены особенности гидрогеологии пермских и более поздних геологических образований, выступающих на дневную поверхность. Подземные воды глубинных горизонтов осадочной толщи на территории ТАССР изучались А.Г.Забировым, В.А.Сулиным, Н.В.Таргеевой. С начала организации Казанского филиала АН СССР гидрогеологические исследова-

ния Геологического института направляются на разработку теоретических вопросов, необходимых для решения практических задач, связанных с поисками нефтяных месторождений¹⁷.

В области истории и филологии в первое десятилетие после Февральской революции 1917 г. открылись сравнительно благоприятные возможности для научной разработки актуальных проблем истории татарского народа. На это были нацелены в основе своей научно-исследовательские планы Научной коллегии, Академцентра, различных научных обществ, таких как Татарское педагогическое общество, Научное общество татароведения, Общество изучения Татарстана, Дом татарской культуры, затем Татарский научно-исследовательский экономический институт, созданный в 1930 г. и просуществовавший около двух лет. В 1920-е гг. были опубликованы такие фундаментальные труды, как «Очерки истории Казанского ханства» М.Худякова, «История татарских классов» Г.Ибрагимова, «К вопросу о происхождении Камско-волжских болгар» В.Ф.Смолина. Им же в 1925 г. были закончены «Введение в Волжско-Камскую Булгарию», «Реальный словарь Волжско-Камского края».

Статьи ученых Джамала Валиди по наречиям глазовских и каринских (по-другому нократских) татар, Гали Рахима с анализом эпиграфических памятников татар эпохи Казанского ханства, которые еще не были объектом изучения, были опубликованы Обществом изучения Татарстана в 1931 г. Гали Рахим провел исследование более пятидесяти надгробных памятников Арского кантона, относящихся к XV в., и впервые сделал вывод об их языке (язык местных татар в сочетании со словами чыгтаев из Средней Азии).

Интересны выводы исследователя А.Васильева на основе анализа пяти серебряных монет Золотой Орды с татарскими надписями, найденных на территории Татарстана в одиннадцати окрестностях деревни Хайриби Лаишевского района. Ученый установил,

что монеты принадлежат ханам, царствовавшим непосредственно один за другим в небольшом промежутке времени — (десять лет) в 806–818 г., то есть в 1412–1413 н.э. По утверждению А.Васильева, они относятся к числу редких монет, одна из монет чеканена в «Болгаре Новом». Автор статьи ставит вопрос: «Что за Новый Болгар?». Известны монеты с указанием места чеканки, такие как Новый Сарай, Новый Азов, Новая Астрахань, Новый Гюлистан, но Нового Болгара на монетах не встречал. Крупнейший востоковед Френ также оставил их определение под вопросом и не высказал своего суждения¹⁸.

Е.Чернышев в статье «Причина эмиграции Крымских татар в Турцию в 1860 г.», основываясь на новых архивных материалах, дает новое объяснение этой проблеме. Причину крымско-татарской эмиграции он видит в экономическом развитии России середины XIV в. с ее заинтересованностью в восточных рынках сбыта российских товаров и связанной с этим аграрной политикой царского правительства, направленной на вытеснение крымских татар с исконных земель¹⁹. Надо заметить, что данный вывод ученого был не только новым словом, так как другие исследователи выделили главную причину эмиграции в подстрекательстве крымских татар Турцией к эмиграции, но и мужественным поступком для своего времени.

Среди трудов по татароведению 1930 г. нужно особо выделить статью профессора Н.Н.Фирсова о работе Эренжен Хара-Дован «Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв.», изданной в г. Белграде в 1929 г. Общество изучения Татарстана поместило ее на страницах своего сборника под названием «Чингиз-хан как полководец и его наследие»²⁰.

Характеризуя его труд, Н.Фирсов особо подчеркнул утверждение доктора Эренжена о том, что «империя Чингиз-хана управлялась на неукоснительном соблюдении законов, обязательных для всех, начиная от главы государства

и заканчивая последним подданным». Анализируя работу Эренжен, Н.Фирсов пишет, что автор выяснил лишь положительную сторону монархии Чингиз-хана: «Из культурного наследства, оставленного ею другим народам, и прежде всего народам Восточной Европы, собравшим в конце концов большую часть владений монгольской державы под власть нового государственного сосредоточения (Москвы и Петербурга), особенное значение имела веротерпимость. Но какими бы культурными благами и техническими удобствами управления ни снабдила Чингизова держава: через Золотую Орду Россию, это обстоятельство не дает нам ни малейшего права мечтать о возрождении величайшего Государства Великого Монгола»²¹.

Другой крупный ученый Ф.Баллод также сделал большие открытия в области изучения истории татар, являвшиеся результатом раскопок, произведенных им на развалинах бывших центров Золотой Орды. Благодаря этим изысканиям был поднят вопрос о пересмотре установившихся взглядов (после работ Березина и Саблукова) о Золотой Орде как кочевом и варварском государстве.

Приоритетное место получила история татарского народа и в плане Татарского научно-исследовательского экономического института, открытого на основе Постановления Совнаркома ТАССР от 18 марта 1930 г.²² Так, в плане Кабинета истории на 1930–1931 гг. значились темы: «Тюркизм в истории татар», «История главнейших татарских медресе Казани и Казанской губернии, Уфы, Оренбурга». В плане Кабинета языка и литературы на 1931 г. в разработке были темы: «Происхождение ремесел у урало-алтайских народностей по данным палеонтологии речи», «Происхождение земледелия у тюрков по данным палеонтологии тюрко-татарского языка», «Древнетатарские литературные памятники» и др. Исполнителями этих тем были известные ученые и писатели, общественные деятели Г.Алпаров, Г.Шараф, С.Атнагулов,

Г.Галеев, Г.Рахим, Г.Тулумбайский, А.Шнаси, М.Фазлуллин и др.²³

Постепенно начинаются и новые этнографические исследования. Казань издавна была крупным востоковедческим центром. Особенно большую роль в этом отношении сыграл Казанский университет, в стенах которого работало немало видных ученых, проявивших интерес к изучению истории и этнографии народов Поволжья: татар, чувашей, мари, удмуртов и др. Работа местных ученых в области этнографии начинается почти сразу после открытия в 1804 г. Казанского университета. Первым из них можно назвать многостороннего ученого проф. К.Ф.Фукса, напечатавшего в период 1814–1844 гг. ряд работ по этнографии народов края, особенно татар. В 1840–1860-х гг. с ценными работами выступают В.А.Сбоев, А.Артемьев и др. ученые.

Значительный толчок к изучению быта народов края дало открытие в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете с его печатным органом «Известия», которое стало центром местной этнографической мысли. Постепенно в деле изучения быта народов края занимают видное место кафедра географии и этнографии Казанского университета (П.И.Кротов, Б.Ф.Адлер), открытая в 1888 г., и Казанский городской музей, в котором создается историко-этнографический отдел, ряд лет руководимый Н.Ф.Катановым.

Еще в дооктябрьский период казанские этнографы и статистики-экономисты собрали и обработали материал по характеристике дореволюционного быта народов Среднего Поволжья. «Всех исследователей привлекали нерусские народы, с их своеобразным бытовым укладом, – писали Н.И.Воробьев и Г.М.Хисамутдинов, – русские же считались «обычными великороссами». Казанские этнографы считались одними из наиболее солидных исследователей в России. Изучая жизнь и быт нерусских народностей края, они в большинстве своем выступали в защиту интересов

этих народностей против социального и национального гнета.

В связи с образованием ТАССР общественность стала серьезно интересоваться изучением языка, истории и этнографии своих народов. Однако голод 1921 г. не давал еще возможности вести полевою исследовательскую работу среди народных масс. Поэтому до 1923 г. в Казани проводятся преимущественно концентрация уже имеющихся научных материалов, привлечение к работе ученых, а также подготовка национальных кадров. Концентрацию материалов стал проводить с 1920 г. Музей народов Востока, позднее влившийся в Центральный музей ТАССР. В эти годы становится заметным краеведческим центром республики. Организован был ряд экспедиций для изучения развалин Булгарского городища и эпиграфических памятников края.

В это же время в активную работу по этнографии включаются искусствовед П.М.Дульский, известный знаток мордвы М.Е.Евсеев, чувашевед Н.В.Никольский, молодые ученые-историки М.Г. Худяков и Г.С. Губайдуллин, этнографы М.С.Губайдуллина и К.С.Губайдуллин, искусствовед-архитектор В.В.Егерев, географ-этнограф Н.И.Воробьев и др. Начиная с 1924 г. развернулась более планомерная работа по изучению этнографии татар, которой руководил Н.И.Воробьев. Проводились почти ежегодно этнографические экспедиции в различные места Татарии, финансируемые местными учреждениями. Участниками поездок были: Н.И.Воробьев, К.И.Воробьев, Ф.И.Терегулова, этнографы Губайдуллины, историк Саид Вахитов, литературоведы Джамал Валиди, Али Рахим (А.Ш.Абдрахимов), историки Р.Ш. и З.Ш.Тагировы, квалифицированные фотографы Х.А.Апанаев, Н.П.Засыпкин, а также искусствовед П.М.Дульский. Результаты этих исследований были опубликованы в «Вестнике Научного общества татароведения» и журнале «Труд и хозяйство».

Статья этнографов Губайдуллиных на тему «Воспитание детей у татар России» привлекла внимание итальянского журнала «Новый Восток» и она была опубликована на итальянском языке в 1926 г. В книге Н.И.Воробьева «Материальная культура казанских татар» (Казань, 1930 г.) дан этнографический анализ одежды татар сравнительно с одеждой соседних и родственных по языку и культуре народов, в историческом разрезе описаны быт и материальная культура казанских татар²⁴.

В целом период, охватывающий более чем первое десятилетие после Октябрьской революции, для этнографической науки был временем накопления научных сил и новых материалов. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. делались первые попытки пересмотреть методологию этнографической науки. Этнографы вынуждены были упорно работать над освоением марксистско-ленинской методологии, над применением ее в своей исследовательской работе. В этнографической науке развернулась идейная борьба, происходили многочисленные теоретические конференции и дискуссии.

Открытие в 1939 г. при Казанском государственном университете историко-филологического факультета и создание в том же году Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории способствовали оживлению исследовательских работ в области изучения истории местного края. Однако следует отметить, что этнографические исследования в Татарской республике в то время еще не велись. Серьезная работа в этом направлении возобновляется лишь после Великой Отечественной войны.

Татарская фольклористика имеет свою достаточно длинную историю. Известный фольклорист проф. Хамит Ярмухаметов датировал начало записей татарского фольклора XVIII в. Объяснял это тем, что еще в XVIII в. в русской научной литературе имеются сведения по этнографии казанских татар и по их фольклору. В сборнике И.М.Снегирева

под названием «Русские в своих пословицах» (1834 г.) впервые были помещены татарские пословицы на русском и татарском языках. Затем фольклорные материалы — в сборниках профессора Карла Фукса (1844 г.), в хрестоматии М.Иванова (1842 г.), в «Русско-татарской азбуке» Г.Вагапова (1852 г.), в «Татарской хрестоматии» С. Кукляшева (1859 г.) и в ряде др. работ.

Крупным вкладом в татарскую фольклористическую науку являются работы известного тюрколога, академика В.В.Радлова, который после длительного пребывания среди сибирских татар в 70-х гг. XIX в. опубликовал большой труд, посвященный фольклору тюменских, тобольских и тарских татар. Х.Ярмухаметов отмечает, что сбор и изучение татарского фольклора до Каюма Насырова и Габдуллы Тукая велись отрывочно и разобщенно. Деятельность ученого просветителя Каюма Насырова внесла много нового в дело изучения татарского фольклора. Народный поэт Г.Тукай не только собирал образцы народной поэзии, но и выступил с первой исследовательской работой о характере и особенностях татарского фольклора. Вопрос о социальных функциях фольклорных произведений и их классовой дифференциации, проблема авторства в фольклоре, идейной направленности и структуры татарских народных печен — все эти вопросы были поставлены по существу впервые именно Г.Тукаем²⁵.

В дореволюционные годы в области собирания татарского фольклора видное место занимает работа фольклориста Хужи Бадыгова, который опубликовал ряд работ, включающих в себя пословицы, загадки, поговорки, песни и баиты (в 1912, 1913, 1919, 1926 гг.).

В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. систематической работы по сбору татарского фольклора не велось. Эта работа начинается лишь в 1930-е гг. Тогда, наряду с усилением собирательской деятельности, начинают появляться в печати фольклорные сборники. Например, «Советские пес-

ни» (1933 г.), «Народное творчество» (1938 г., 1940 г.), «Народные песни» (1939 г.), «Народные сказки» (1940 г.). Гумер Баширов впервые в татарской фольклористической практике издал сборник татарских народных сказок с соблюдением всех требований науки²⁶.

Татарское языкознание имеет свою многолетнюю и богатую историю. В числе других тюркских языков татарский язык еще до Октябрьской революции 1917 г. был вовлечен в орбиту научных исследований. Такие видные лингвисты, как И.Н.Березин, С.Хальфин, Каюм Насыров, В.В.Радлов, Н.Ф.Катанов и др., занимались собиранием и исследованием материалов по тюркским языкам вообще, и по татарскому языку в частности. Однако до революции, по утверждению специалистов, татарское языкознание еще не сложилось как самостоятельная отрасль лингвистических знаний.

Уже в 1918–1919 гг. татарская интеллигенция начала интенсивную работу во всех его областях. Прежде всего вопрос о реформе орфографии татарского языка на базе арабского шрифта был поставлен на обсуждение III Всероссийского съезда учителей, состоявшегося в мае 1918 г. в Казани. В январе 1919 г. проблемы татарского языка обсуждались на I Всероссийской конференции по шрифту и орфографии. Принятые на конференции решения легли в дальнейшем в основу мероприятий по усовершенствованию шрифта и орфографии татарского языка. В 1927 г. проф. Г.Алпаров отмечал, что татарский литературный язык стал научно упорядоченным, самостоятельным ...²⁷.

В 1920-е гг. создаются новые учебники татарской грамматики для начальных и средних школ и руководства по татарскому языку для вузов. В процессе их разработки получают свое окончательное оформление в трудах Г.Алпарова, Дж.Валиди и др. ученых логицизм, формализм.

В Академцентре активно работали такие видные лингвисты, как профес-

сор филологии Г.Саади, Г.Нугайбек, Г.Алпаров, Г.Бадигов, Дж.Валиди. Эти ученые начали свою лингвистическую деятельность до революции. Г.Саади начал печататься еще в 1911 г. Его «Морфология татарского языка в новом и упрощенном виде», «Усовершенствование грамматики татарского языка (морфология и синтаксис)», «Татарская этимология» и др. были изданы еще до революции. После Октября он печатает труды о классификации тюркских языков, об истории языка, письменности и литературы, о принципах изучения тюркских языков и составления их грамматики, многочисленные труды по литературе и искусству.

Академцентром организуется специальная комиссия по выработке научной терминологии, столь необходимой для учебных руководств и научных трудов. Эта комиссия разрабатывает и создает около 15 тысяч новых терминов по различным отраслям науки (по родному языку, математике, физике, ботанике, химии, зоологии и т.д.). Наблюдается, по оценке лингвистов, заметный рост употребления народных слов, фразеологии, речевых оборотов в произведениях татарской художественной литературы.

Большой вклад в разработку грамматики современного татарского языка внесли Г.Алпаров («Татарская грамматика на формальной основе», 1926 г.), Ш.Рамазанов (с 1930 по 1947 г. он опубликовал статьи, учебники и пособия «Грамматика татарского языка» (ч.1), «Очерки по татарскому языку», «Орфография татарского литературного языка»). Одним из продолжателей работы в этой области является В.Н.Хангильдин. Его труды по татарскому языку получили большую известность и за пределами республики. В 1934–1957 гг. были опубликованы его статьи по самым актуальным вопросам грамматики современного татарского языка. Работа В.Н.Хангильдина «Грамматика татарского языка. Очерки по морфологии» в 1954 г. была удостоена премии президиума АН СССР²⁸.

Особое место в разработке научной грамматики и фонетики татарского языка за советский период занимают труды проф. В.А.Богородицкого. Им впервые был создан Казанский кабинет экспериментальной фонетики в Волжско-Камском крае, который высоко ценился в СССР и за границей²⁹. С 1920 г. чл.-корр. АН СССР В.А.Богородицким включается в изучение татарского языка сравнительно-историческим методом. Им созданы такие известные в тюркологии труды, как «Этюды по татарскому и тюркскому языковедению» (1933 г.), «Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками» (1933), а также отдельные его статьи и очерки: «Характер тюркского сингармонизма», «Эволюция родительного падежа в тюркских языках», «Движение тона в двухсложных словах татарского языка»³⁰.

Продолжателями школы В.А. Богородицкого по экспериментальной фонетике явились его ученик Галимжан Шараф и др. Книги Г.Шарафа «Сонорная длительность звуков татарского языка», «Палятограммы звуков татарского языка» и статьи «Палятограммы

звуков татарского языка в сравнении с русскими»³¹ и др. были известны за пределами ТАССР.

В первое десятилетие после Октября 1917 г. активно началась работа по татарской лексикографии. К 1927 г. было выпущено 2 части I тома полного словаря татарского языка Дж.Валиди, а также ряд терминологических словарей. С 1927 г. начинается систематический выпуск русско-татарских и татаро-русских словарей различных типов (1927, 1929, 1931, 1932, 1936, 1938 гг.). В 1939 г. — Русско-татарский терминологический словарь по физике и метеорологии. В 1941 г. издан русско-татарский словарь политико-экономических терминов. Но в дальнейшем Великая Отечественная война прервала работу в области татарского языкознания. Новое оживление наступает лишь с 1946 г.

В то же время надо заметить, что развитию науки в Татарстане серьезный урон нанесли необоснованные репрессии в отношении тех, кто стоял у истоков науки, ведущих научных работников. 1930-е гг. прошли в жестоких преследованиях и терроре видных представителей татарской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сотонин К.* Научная жизнь за 1918/19 уч. год // Научные известия. Сб. второй. — М., 1922.

² Ученые заметки Казанского гос. университета. Т. 106. Кн. 2. Вып. 4. — Казань, 1946. — С. 3—13.

³ *Чеботарев Н.Г.* Математическая жизнь в Казани // Успехи математических наук. — 1938. — Вып. 4. — М. — Л. — С. 297—299.

⁴ *Суркин Р.Г.* О работах казанских ученых по теории положих оболочек // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Юбилейный сборник. — Казань, 1957. — С. 27—29.

⁵ *Гарипова З.Г.* Казань: общество, политика, культура. — Казань, 2004. — С. 101—101.

⁶ *Арбузов Б.А.* Работы Химического института КФАН СССР в области органических производных фосфора // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. — Казань, 1957. — С. 35—36.

⁷ *Юсупов Б.М.* Пути и некоторые результаты тектонических исследований в Татарии // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. — Казань, 1957. — С. 71—79.

⁸ *Кибяков А.* Школа казанских физиологов // Красная Татария. — 1941. — 14 мая.

⁹ *Гарипова З.Г.* Казань: общество, политика, культура. — Казань, 2004. — С. 101—102.

¹⁰ *Кибяков А.* Указ. раб.

¹¹ *Бобровский А.А.* 40 лет лесного опытного дела в Татарии // 40-летнего опытного дела в Татарии труды по лесному хозяйству. Вып. X. — Казань, 1952. — С.3.

¹² НА РТ. Ф.р-1076. Оп.1. Д.68. Л.1.

¹³ *Гарипова З.Г.* Общество, политика, культура. — Казань, 2004. — С.103.

¹⁴ *Незимов В.Н., Сементовский Ю.В.* Экономика и создание цементной промышленности в Татарии //Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С. 114.

¹⁵ *Незимов В.Н., Сементовский Ю.В.* ... – С. 114.

¹⁶ *Гарипова З.Г.* Казань ... – С. 103–104.

¹⁷ *Кавеев М.С.* Основные итоги изучения подземных вод Татарской АССР и задачи дальнейших исследований //Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С.97–99.

¹⁸ Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – С. 175.

¹⁹ Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – С. 173.

²⁰ Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – С. 179.

²¹ Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – С. 180.

²² НА РТ. Ф.р-516. Оп.1. Д.4. Л.9.

²³ Там же. Д.137. Л.9.

²⁴ *Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М.* Исследования казанских ученых по этнографии народов Среднего Поволжья // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С. 163, 165, 166.

²⁵ *Ярмухаметов Х.* Татарская советская фольклористика за 40 лет // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – 1957. – С. 173–175.

²⁶ *Ярмухаметов Х.* Татарская советская фольклористика ... – С. 177.

²⁷ *Залый Л., Амиров Г.* Татарское языкознание за 40 лет // Известия Казанского филиала АН СССР. – Казань, 1957. – С.183.

²⁸ Архив Казанского филиала АН СССР. Ф.1. Оп.61. Д.12. Л.1–15.

²⁹ Красная Татария. 1932, 10 июня.

³⁰ *Залый Л., Амиров Г.* Указ. раб. – С. 187.

³¹ Вестник научного общества по татароведению. – 1927, № 7. – С. 65–102.

Аннотация

В статье освещаются результаты научных исследований в области физико-математических, химических наук, получившие признание ученых СССР и мировой науки. Показан вклад казанских физиологов в отечественную медицину. Автором рассматривается деятельность ученых республики, оставившая практический след в технике ведения лесного хозяйства, казанской геологической школы, осуществившей разработку стратиграфии, тектоники, минералогии, одновременно выделяя гидрогеологические особенности территории республики. В работе показаны новые направления гуманитарной науки.

Ключевые слова: история науки, естественные и гуманитарные науки в Татарстане, история развития науки в Татарстане, казанская научная школа.

Summary

The article summarizes the results of the development of various natural sciences (physico-mathematical, chemistry, physiology) in Tatarstan which were recognized in the Soviet Union and in the world scientific community. The author considered the contribution of the republic's academicians to the development of forestry, geological researches, mineralogy, etc. New directions of humanities are shown as well.

Key words: history of sciences, natural sciences and humanities in Tatarstan, development of sciences in Tatarstan, Kazan scientific school.

УДК 94

РУССКИЙ РУБЛЬ И ТАТАРСКИЙ СУМ В СИСТЕМЕ МЕР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*А.Л. Пономарев, доктор исторических наук,
Московский государственный университет*

Древнерусские летописи и записки средневековых арабских путешественников, купеческие пособия и бухгалтерские книги итальянских коммерсантов, ведших свои дела в Золотой Орде, содержат множество упоминаний о серебряных рублях или же о серебряных сумах (*sommo*), связанных и с уплатой дани, и с покупкой товаров, наконец с щедротами, которыми ханы осыпали заезжих гостей. С другой стороны, историкам и археологам давно известны серебряные платежные слитки, которые они закономерно и оправданно связывают с «серебряными рублями» письменных памятников. Форма и вес слитков варьируют, и за разными их модификациями в литературе закрепились определения «новгородские», «черниговские», «киевские», «ладьевидные», «русские», «литовские», на-

конец, «татарские» рубли (гривенки). Интерес к ним обусловлен тем, что данные слитки обслуживали экономику Киевской и Московской Руси, Литвы и Золотой Орды, полнота представлений о которой несравнима с нашими знаниями политической истории или материальной культуры.

Намерение определить то, каким и чем был рубль-сум-*sommo*, однако, выводит нас далеко за пределы Восточной Европы и за рамки частного вопроса одной из отраслей вспомогательной исторической дисциплины — нумизматики. Решая вопрос о соотношении русского рубля и татарского сума, об их происхождении, возможно объяснить устои средневековой экономики, увидеть рациональные основы средневекового менталитета и даже получить пищу для культурологических изысканий.

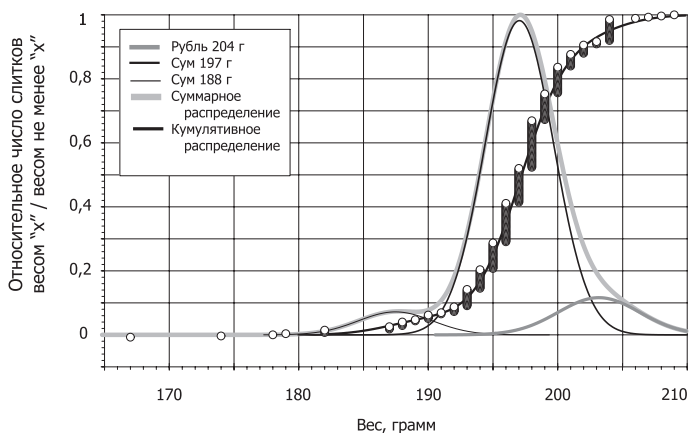

Рис. 1. Описание распределения веса татарских слитков с помощью нормальных законов (вес слитков по Н. Бауеру; 278 экз.); индекс корреляции 0,99536

- 1) $M_0 = 203,18$ г; $\sigma = 3,15$ г; $\mu = 0,847$ г; 32 экз.
- 2) $M_0 = 197,04$ г; $\sigma = 2,65$ г; $\mu = 0,176$ г; 226 экз.
- 3) $M_0 = 187,47$ г; $\sigma = 2,89$ г; $\mu = 0,68$ г; 18 экз.

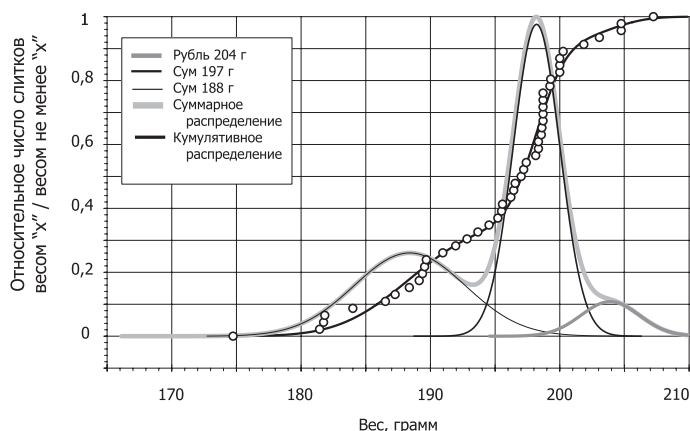

Рис. 2. Описание распределения веса татарских слитков с помощью нормальных законов (вес слитков из кладов джучидских монет по Г.А. Федорову-Давыдову; 47 экз.); индекс корреляции 0,99557

- 1) $M_0 = 203,9$ г; $\sigma = 2,26$ г; $\mu = 0,738$ г; 4 экз.
- 2) $M_0 = 198,21$ г; $\sigma = 1,81$ г; $\mu = 0,351$ г; 26 экз.
- 3) $M_0 = 188,4$ г; $\sigma = 4,31$ г; $\mu = 1,05$ г; 17 экз.

В соммо-суме-рубле уживалось три функции. Подобно итальянской лире, французскому ливру, либо византийской литре, сума был в Золотой Орде весовой единицей. Серебряные слитки были для населения Руси и степей деньгами, т.е. средством платежа, что историкам ясно давно и что объясняет своим коллегам-торговцам итальянский аноним XIV в.¹ Третье качество сума — счетно-денежной единицы — не надо доказывать тем, кто знает, что в его русском аналоге-рубле считалось с XIV в. 200 денег, а позднее и до сих пор — 100 копеек. Двойкая природа «соммо» явно представлена в Массарии 1381 г. — бухгалтерской книге генуэзского казначейства Каффы, где говорится об уплате «ста пятидесяти соммо в аспрах и соммо»².

Несмотря на идентичность их природы, потребительские качества рубль и сума отличались. Русский вес «новгородских» рублей в 204,7 г был, очевидно, не только русским: он прослеживается и на материале XI–XIII вв., происходящем из Волжской Булгарии³. Этот вес был принципиально выше тех двух стандартов, по которым слитки изготавливались в Орде, — 196,47 и 188,61 г⁴. Нумизматы старшего поко-

ления, уверенные в том, что татарские ханы удовлетворяли свои потребности в серебре за счет дани с русских земель, видели в слитках облегченного веса продукцию русских ювелиров и объясняли их вес угаром серебра при литье⁵.

Принять их точку зрения нельзя не только потому, что описанные технологии XIV в. предусматривали потери металла в размере 0,67%⁶, и не только потому, что абсолютной связи между формой слитков и их весом не существует. Предположить, что из года в год, из века в век у русских мастеров вместо слитков с нормой в 204 г получались слитки с татарским весом в 196 г, можно только в том случае, если допустить, что у них начисто отсутствовали умственные способности, и они никак не могли уразуметь, куда девается серебро.

Признать существование особых денежно-весовых стандартов, использовавшихся в Золотой Орде, заставляют и прямые указания западноевропейских источников, относящиеся к рассматриваемому периоду. Интерпретировать их отечественные ученые, начиная с Г.А. Федорова-Давыдова, в одной из первых своих работ⁷ обратившегося к рассмотрению знаменитой «Практики торговли» Франческо Балдуччи Пего-

лотти⁸, пробовали неоднократно. Однако найти истоки и понять специфику денежно-весовой системы татарского государства без привлечения сведений о синхронных во времени системах было невозможно.

* * *

Доказательству того, что средневековые меры были неисправимо разнородны, посвящены монографии. Знакомство с учебными пособиями способно лишь усугубить чувство собственного превосходства современного человека над своими предками, которые были неспособны создать рациональную систему для обслуживания торговли. Опровержение этой точки зрения в целом бессмысленно, ибо множество наций, действительно, создали большое количество способов измерения для многих видов товара, применение которых ограничивалось границами феодальных владений.

Однако роль золота и серебра как всеобщих эквивалентов достаточно рано вывела из общей закономерности именно меры веса для благородных металлов. Они оказались в компетенции финансовых органов по той же самой причине, что в их компетенции находилась монета: унификация мер серебра давала власти и обществу те же преимущества, что и унификация монеты. Поэтому можно увидеть параллели в судьбе королевского ливра, объединившего территории империи Карла Великого, и в судьбе тройской или кельнской марки, распространившихся по Западной Европе, либо марки Кракова, к которой прибегали торговцы Восточной Европы, территориально, экономически и политически тяготевавшей к польскому королевству.

Метрический эквивалент средневековых мер веса может быть установлен разными способами. Часть этих мер дожила до XIX в., и мы можем говорить, что иранский мискаль при монголах соответствовал 4,68 г, что русский рубль XIII в. представлял собой половину фунта в Российской империи в XX в.

Использование этих цифр в исследованиях по метрологии XIII–XV вв. подразумевает, что мы абсолютно уверены в том, что за шесть веков данные стандарты сохранились в неизменности. Это относится, конечно, и к наиболее популярным в XIII–XV вв. мерам веса. В 1836–1838 гг. стандарт кельнской марки составлял 233,8875 г⁹. Вес флорентинской лиры в метрическом измерении был определен в 1809 г. специальной комиссией Великого герцога Тосканы в 339,442 г¹⁰. Вес же венецианской марки после того, как Наполеон ликвидировал независимость Адриатической Республики, оказался равным 238,5 г¹¹.

Иногда существует возможность установить интересующий нас метрический эквивалент по сохранившимся средневековым эталонам. Уже давно нумизматы и исследователи геновской торговли оперируют весом 316,75 г как весом лиры Генуи XIII–XV вв. Однако указанный вес — это округление, которое сделал издатель коллекции мер Геновского музея Пьетро Рокка. В действительности эталон лиры, уже в 1523 г. хранившийся в Геновском кафедральном соборе св. Лаврентия, соответствует 316,778 г¹². Исследователи французского средневековья приняли в качестве стандарта парижского ливра (две тройских марки) 489,5058 г, поскольку единственный сохранившийся от средневековья набор из 13 гирь, составляющих вместе 50 марок¹³, весит 12237,6429 г (т.е. средний вес марки равен 244,7529 г).

Подсчеты, основанные на весе разнобразных разновесов из сплавов меди, свинца или железа, оставляют вопросы — для взвешивания каких товаров они предназначались и насколько века пребывания в земле сказались на их собственном весе. Счастливое исключение среди разновесов составляют стеклянные гири. Анонсированное статистическое исследование более чем пятисот ранневизантийских гирек-экзагиев¹⁴ должно показать, каков наиболее вероятный вес стеклянных гирек.

Как пишет К. Энтвистл, они предназначались для проверки солидов с теоретическим весом 4,55 г, который (при сделанном автором округлении) соответствует принятой по умолчанию в науке величине позднеримской-ранневизантийской литры 327,45 г¹⁵. Подобная статистика давно существует для арабских стеклянных гирек омейядского периода, и их вес 4,68 г, помимо прочего, подтверждает преимущество весовой системы халифата от византийской и позднеримской. Вес 4,68 г соответствовал мискалю — весовой единице, лежавшей в основе мусульманских мер веса и находившейся с дирхемом в каноническом соотношении 10 к 7¹⁶. Весовой же дирхем, соответствующий мискалю 4,67786 г, появился как $\frac{1}{100}$ византийской литры 327,45 г. Она была еще жива в Венеции в XIII—начале XIV вв. и использовалась как раз для взвешивания византийских золотых перперов, а также жемчуга и золотой фольги. Флорентинец Пеголотти, оперируя точностью в полденаро (0,59 г), определяет эту лиру как 11 унций и 14 денаро Флоренции, т.е. 327,6558 г¹⁷.

Еще одну возможность для определения исходных весовых норм дает нумизматический материал. Она редко находит употребление в науке, а нумизматы такую возможность с порога отвергают¹⁸. Тем не менее она существует, поскольку монету позволительно рассматривать также как своего рода разновес, причем разновес, произведенный по определенной рациональной норме и, в отличие от гирек неизвестного происхождения, без сомнения, связанный с мерами веса для золота и серебра. Многочисленность этих «разновесов» позволяет статистическими методами определить вес, характерный для всего множества, намного точнее, чем для гирек, которые не привязаны, помимо прочего, к строго определенному времени. Преимущества дают свойства серебряных и золотых монет, которые значительно меньше отклоняются от изначального стандарта вследствие окисления и износа, чем гирьки,

а сами отклонения доступны измерению. Приверженность средневековья к двенадцатеричной системе счета и широкое использование простых дробей должны подсказать нам, каким рациональным способом веса монет привязаны к мерам веса. Можно добавить, что определение законного веса монеты в средневековье сводилось не столько к тому, сколько мелких фракций фунта, к примеру, гран или каратов, она должна включать, а к тому, сколько монет составляли по весу фунт или марку.

И все же, в большинстве случаев, наши представления о мерах веса восходят к измерениям, произведенным еще в средневековье. Купеческие практики, составленные для ориентации современников в условиях торговли, всегда содержат сведения о том, как соотносятся между собой меры различных регионов, часто перевод из одной системы в другую приводится в бухгалтерских книгах или торговых контрактах, иногда составители хроник или путешественники информируют своего читателя о том, чему соответствует на их родине чужеземный вес. Компилятивный характер купеческих пособий оставляет множество вопросов¹⁹. На проверку оказывается, что Франческо Балдуччи Пеголотти, составитель главного источника по метрологии Восточного Средиземноморья в начале XIV в., пребывая на Кипре, не имеет четкого представления о том, какова величина более чем значимой в торговле Франции и сопредельных государств тройской марки²⁰. При всех своих недостатках «Практика торговли» содержит крайне существенную информацию, выходящую за пределы намерений ее составителя. Многочисленность торговых пунктов, которым купец уделяет внимание, не может скрыть того, что употреблявшиеся от Сицилии до Кавказа меры веса для золота и серебра достаточно единообразны. Они если не тождественны, то привязаны простейшими счетными соотношениями к четырем основным системам — неаполитанской, венецианской, дамасской и к

византийской. Неоднократные сравнения византийских, ордынских и генуэзских мер веса, содержащиеся в труде Пеголотти, требуют первоочередного внимания, поскольку именно с генуэзцами, полностью и легко адаптировавшимися в Крыму к золотоордынской системе, связана разгадка ее устройства и появления²¹.

* * *

Уже с давних пор в историографии утвердилось мнение, что вес византийской литры постепенно уклонялся от позднеримского фунта в 327,45 г, достигнув в XIV в. примерно 317 г²². На зыбкие основания для подобной реконструкции указывал в свое время еще Ф. Грирсон²³, однако весом 318 г, либо же весом 317 г, как весом византийской литры, продолжают оперировать и поныне.

Чем привлекает эта норма ученых? С одной стороны, они отдают дань уважения труду Э. Шильбаха, поскольку ожидается, что 317 г — фактически те же 316,75 г, на которых остановился немецкий автор. С другой стороны, нумизматы сохраняют опору на свидетельства современника. Округлив еще раз, теперь уже до целых граммов, вес генуэзской лиры, указанный П. Рокка, они подставили его в равенство Пеголотти, писавшего о тождестве генуэз-

ских и византийских мер. Прямолинейным такой подход назвать мало²⁴. Можно ли его назвать корректным?

Фактически для определения византийского стандарта, существовавшего в XIV в., взяты разновес XVI в. и сведения практики, которые датируются, подчеркну, лишь предположительно 20–30-ми гг. XIV в., поскольку в труде Пеголотти выявлены заимствования из купеческих пособий, восходящих к середине XIII в. Довольствуясь существованием разновесов, описанных П. Рокка, ученые не задавались вопросом, соответствуют ли они весу генуэзской лиры, известной флорентинскому купцу?

Пеголотти описывает генуэзскую лиру неоднократно, причем не только в разделе, посвященном Константинополю. Ее величину купец выражает чаще всего через известные нам стандарты веса Венеции и Флоренции (238,5 и 339,442 г), хотя меры Неаполя, Пизы, Авиньона, Брюгге и других городов также фигурируют в этих равенствах²⁵. Отбросив очевидные ошибки копииста²⁶, можно увидеть, что только в четырех случаях из тридцати пересчеты купца показывают цифру больше 316 г. Средняя цифра для пересчетов Пеголотти оказывается равной 314,306 г, и более того, приводимые им значения колеблются вокруг этой величины по самому знаменитому закону случая — закону

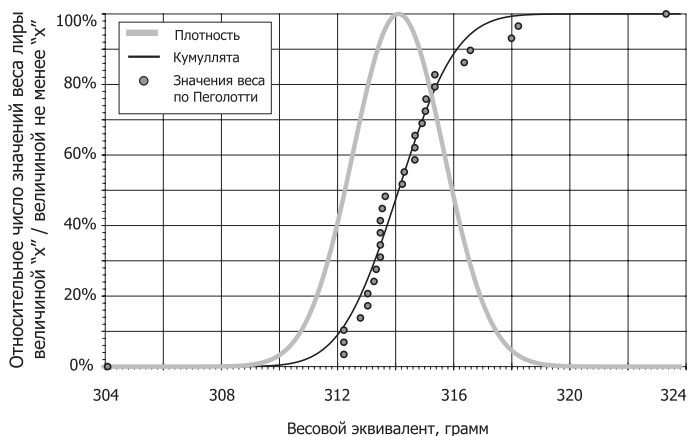

Рис. 3. Метрический эквивалент лиры Генуи-Перы и литры Константинополя по данным Франческо Балдуччи Пеголотти, выраженный им через марку Венеции (238,5 г), лиру Флоренции (339,442 г) и парижский ливр (489,5058 г)

Гаусса. Эта цифра может соответствовать разноресу из собора св. Лаврентия только для тех, кто думает, что разница в два грамма (например, золота) никакого значения для средневековых коммерсантов не имела.

Проверить неофициальное мнение флорентинца и достоверность веса 314,3 г позволяют законодательные и бухгалтерские документы генуэзской коммуны. Генуя чеканила золотую монету, известную под названием «дженовино». Генуэзским монетчикам

требовалось, естественно, определить, сколько дженовино они должны отчеканить из своей лиры. Счетоводам монетного двора в начале XV в. было достаточно знать, что из веса лиры получается $88\frac{4}{5}$ дженовино²⁷. Принятая 29 октября 1445 г. регламентация по сути повторяет эту норму²⁸. Из текста постановления, гласящего, что из пяти лир требуется чеканить 444 монеты, «ни монетой больше и ни монетой меньше», следует, что мастера и законодатели оперировали весом лиры и дженовино

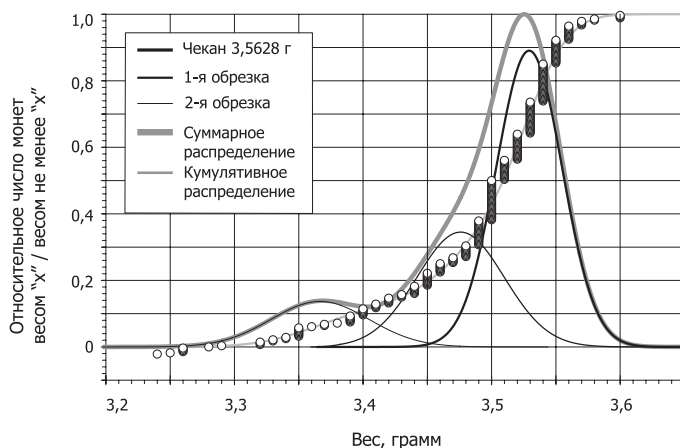

Рис. 4. Описание распределения весов с помощью суммы нормальных законов (Венеция, 1300–1423, дукаты и подражания дукатам, 281 экз.; лоты аукционов 2002–2010 гг.)

- 1) $M_0 = 3,5292$ г; $\sigma = 0,0256$ г; $\mu = 0,0020$ г; $P = 161$ экз.;
- 2) $M_0 = 3,4759$ г; $\sigma = 0,034$ г; $\mu = 0,0037$ г; $P = 83$ экз.;
- 3) $M_0 = 3,3666$ г; $\sigma = 0,0381$ г; $\mu = 0,0071$ г; $P = 39$ экз.

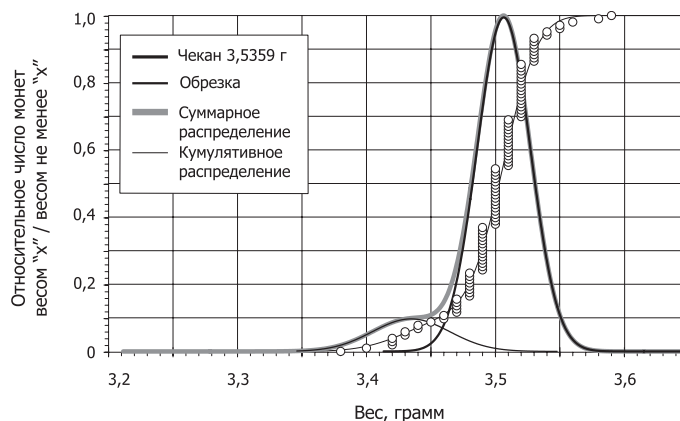

Рис. 5. Описание распределения весов с помощью суммы нормальных законов (Флоренция, 1300–1450, флорины, 104 экз.; лоты аукционов 2008–2010 гг.)

- 1) $M_0 = 3,5065$ г; $\sigma = 0,0207$ г; $\mu = 0,0022$ г; $P = 91$ экз.
- 2) $M_0 = 3,4346$ г; $\sigma = 0,0301$ г; $\mu = 0,0084$ г; $P = 13$ экз.

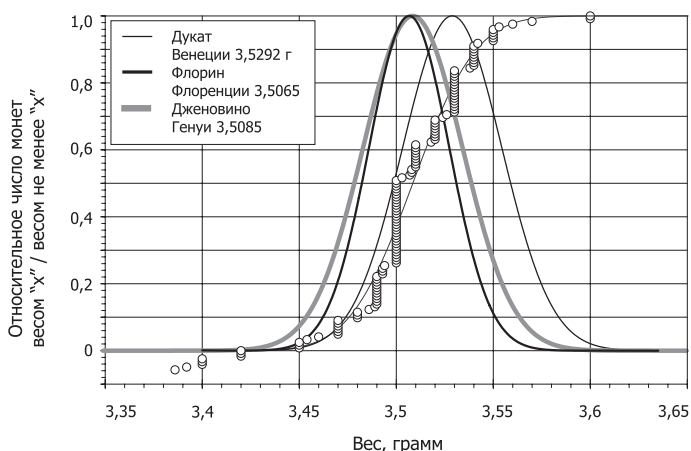

Рис. 6. Описание распределения весов с помощью сумм нормальных законов (Генуя, 1252–1499, дженовино, 133 экз.; лоты аукционов Ghiglione 32-46 и Christie's 2432)

1) $M_0 = 3,5085$ г; $\sigma = 0,0256$ г; $\mu = 0,0023$ г; $P = 123$ экз.

с точностью в пять раз выше, чем $1/_{88,8}$, а именно $0,225\%$ ($1/_{444}$), или же 8 миллиграмм.

В генуэзских документах, написанных по-латыни, монета генуэзских дождей называется и «flogenus», и «ducatus». Для этого были разные основания. Назвать ее флорином было просто: это имя стало нарицательным для денежного обращения той эпохи, и даже венецианские золотые дукаты называли флоринами, «flogenus Veneticus». Называть ее именем «дукат», производным от латинского «dux», также не было противоестественно: и в Венеции, и в Генуе главой государства был дож, dux.

Золотой флорин выпускали изначально по стопе 96 монет из лиры Флоренции. Его стандарт был ровно 18 каратов в мерах Флоренции, что в метрической системе соответствует 3,5359 г. Венецианский дукат был несколько тяжелее — его стандарт называется 3,5628 г. Разница между весом двух номиналов втрое больше, чем точность, принятая на монетном дворе Генуи. Если метрический эквивалент генуэзской лиры был, как сейчас считают, 316,778 г, стандарт дженовино был ориентирован на дукат ($316,778 \times 5 : 444 = 3,5673$ г). Если же стандарт дженовино стремился к весу флорина, вес генуэзской лиры не должен серьезно отличаться от $3,5359 \times 444 : 5 = 313,988$ г²⁹.

Выбор между двумя вариантами позволяет сделать сравнение распределений веса золотых монет Генуи, Флоренции и Венеции (рис. 4–6). Их характеристики указывают на то, что дженовино было легче венецианского дуката и чрезвычайно точно соответствовало флорину (модальный вес дженовино определен по 123 экземплярам со среднестатистической ошибкой в 2,3 мг, то есть с вероятностью 99,72% он не может быть ниже 3,5016 и выше 3,5154 г).

Таким образом, бытующее сейчас мнение о том, что вес генуэзской лиры соответствует 316,75 г, является заблуждением. Анализ нумизматического материала подтверждает показания комплекса сведений Пеголотти о том, что ее эквивалентом был вес порядка 314,3 г.

Новонайденная величина генуэзской лиры способна объяснить многое. Например, происхождение этой лиры или причину, по которой генуэзские меры легко совмещались с мусульманскими, а равно и то, почему современники писали о тождестве мер Константинополя и Перы. Поправки меньше, чем 0,02%, достаточно для того, чтобы увидеть генетическую связь этой лиры с ранневизантийской литрой 327,45 г и с мусульманским мискалем 4,6779 г. Эта связь с очевидностью отражает тесные экономические связи Республики с Левантом и Византией. Искомый вес

генуэзской лиры 314,352 г составляет $\frac{2}{3}$ от ратля (144 дирхема). Становится понятно, почему генуэзский «кантар» состоит не из 100 лир, а из 150: в нем было действительно 100, но не лир, а ратлей. Стандарт 314,352 г был производным от стандарта 327,45 г; их связывает пропорция $\frac{96}{100}$ (или $\frac{72}{75}$), которая позволила византийцам в какой-то момент перейти на двенадцатеричное исчисление. Экзагий ($\frac{1}{72}$) новой литры стал равен 4,366 г, и о его применении в монетном деле говорят веса золотых перперов эпохи Комнинов и Никейской империи. Именно этот вес, округленный до 4,4 г, часто выступает в исследованиях как стандарт византийского перпера³⁰.

К сказанному следует добавить, что реконструкции веса византийской литры в 317 г, основанные на тождестве «генуэзской лиры» в 316,75 г и мер веса Константинополя в начале XIV в., не могли не полагать и крайне странных обстоятельств. Империя должна была якобы позаимствовать у колонистов Перы те генуэзские меры, которыми они пользовались. Текст мартовского хрисовула 1304 г., в котором Андроник II Палеолог серьезно расширяет привилегии колонии, не дает оснований для подобных утверждений. Император разрешает коммуне Перы обзавестись собственными рычажными весами (*statera*) для взвешивания грузов. В реальности он передает право сбора весовых пошлин, причем под присмотром византийских чиновников, поскольку пошлины с негенуэзцев идут по-прежнему в императорскую казну. Именно на этом делает акцент хрисовул, оставляющий на усмотрение колонистов, какими мерами они захотят пользоваться³¹.

Говорить о каких-то заимствованиях генуэзских мер нет смысла, а настаивать на том, что первые Палеологи были вынуждены отказаться от византийских норм ради удобства своих союзников, нет причин. Как и мусульмане, византийцы пришли к весу 314,352 г до Палеологов, и если этот же вес появился в Генуе, думать надо о византийском влиянии на Республику, а не наоборот. Ра-

венство мер Константинополя и Перы, о котором говорит Пеголотти неоднократно, датируется, минимум, XIII в. и появилось оно в его труде как результат компиляции. Когда купец выражает византийский вес напрямую, через свои родные флорентинские меры, эквивалентом византийской литры в одном случае оказывается 304,0835 г³². О том, что это не случайность, говорит не только метрология монеты Палеологов, рассмотренная ранее, но и соотношение между венецианской маркой и византийской литрой, заверенное на высшем уровне³³. Средний вес византийской литры определяется из договора как 304,0908 г. Его невозможно отличить от веса 304,0607 г, к которому перешли византийцы, прибегнув к вычислениям с использованием простых дробей и взяв за стандарт веса (пусть даже только для благородных металлов) норму в $\frac{13}{14}$ от ранневизантийской литры 327,45 г.

* * *

Денежно-весовые стандарты, нашедшие употребление в различных регионах Золотой Орды и Восточной Европы, как и многие другие, использовавшиеся в средневековых государствах Европы и Азии, возникли под влиянием византийской системы мер. Этот феномен в полной мере отражает ту культурную роль, которую сыграли в истории Римская империя и ее наследница — Византия. Отказываясь от римских мер и вводя собственные, христианские или мусульманские государи следовали простейшим вычислительным приемам³⁴. Неудивительно поэтому, что пришедшие на Ближний Восток крестоносцы могли легко пользоваться привычной им кельнской маркой: ведь она, как и мискаль, была производным от римской либры и поэтому две христианские марки составляли мусульманский кадак. Это родство торговцы считали настолько естественным, что обозначали мискаль итальянским словом «саджо», которое было не только лексически связано с греческим «экзагием», но и обозначало ту же $\frac{1}{72}$

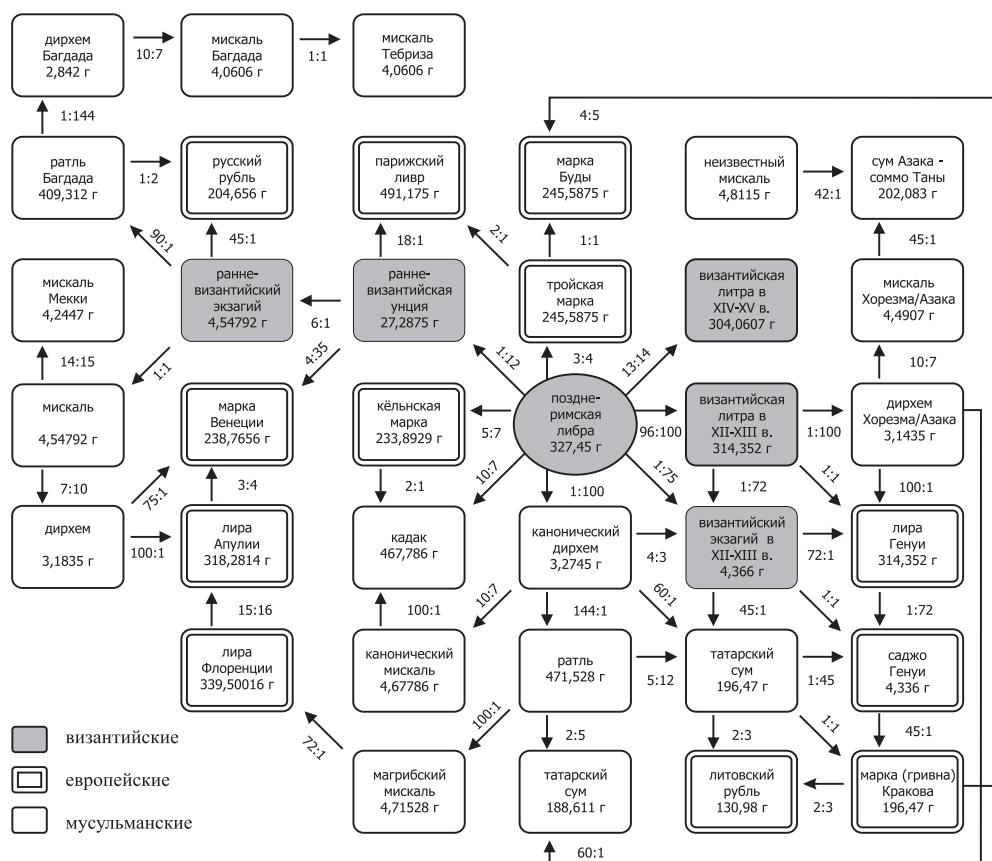

Рис. 7. Численные и генетические связи между мерами веса XII–XV вв.³⁵

часть базового веса, не литры, правда, а лиры.

Рецепция византийских стандартов происходила в разное время, отчего в основу разных денежно-весовых систем Восточной Европы и Золотой Орды легли разные варианты литры. Однако происходила она достаточно единообразно и отражала единые основы счета средневековья. Южная Русь заимствовала византийскую литру напрямую, и ее мастера отливали гривенки в половину литры. Еще до комниновской эпохи болгарское и вслед за ним население будущей Московской Руси восприняло византийские меры, введя рубль в 204,7 г, равный 45 эксагиям. Татарский сум, появившийся в более позднее время в Причерноморье, был также равен 45 эксагиям, но уже позднейшей византийской литры. Генетическая связь византийских и мусульманских стандар-

тов допускает и иное объяснение: сум представлял собой одновременно 60 дирхемов. К этому «магическому» числу древности прибегли также тогда, когда вводили другой сум весом 188,61 г, нашедший употребление в Поволжье. Его появление надо связывать, скорее, не непосредственно с византийской литрой в 314,352 г, а с дирхемом в 3,14352 г, пришедшим из другой области Орды, из Хорезма. Приверженность различных регионов Золотой Орды к различным стандартам сума, а вместе с нею и рациональные основы создания денежно-весовых систем доказывают не только сами веса слитков, о которых говорилось выше, но и то, что на разных монетных дворах джучидская монета выпускалась по стандартам, связанным простейшими пропорциями с дирхемами, мискалями и ратлями, различающимися по весу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «In la Tana core una moneda, che se chiama sumo...» «В Тане ходит монета, которая называется сум...» (Tarifa zoè noticia dy pexi e mexure di luogi e tere che s'adovra marcadantia per il mondo. Venezia, 1925. P. 45).

² Archivio di Stato di Genova. San Giorgio. 34. 590/1226. Massaria Caffè 1381. Fol. 295r. – «...quantitate sommorum centum quinquaginta in asperos et sommos».

³ *Валеев Р.М.* Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV в.). Казань, 2007. С. 102–107, 129–130. Автор выводит указанный вес напрямую из багдадского ратля в 409,512 г, эквивалентного, таким образом, русскому фунту.

⁴ *Пономарев А.Л.* Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи: Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики. – М., 2002. – С. 105–107.

⁵ Апельлировать к угоранию серебра возможно лишь в том случае, если слитки изготавливались всегда поодиночке – серебро сначала взвешивалось, потом плавилось и угорало. В действительности было иначе, что доказывает, в частности, существование так называемых «слитков двойного литья» – отлитых в два приема. От прочих слитков их отличает то, что в нижней части слитка проба серебра понижена. При литье нескольких слитков из одного тигля это неизбежно – последним выливается более легкий, обедненный серебром расплав из верхнего слоя. Вряд ли стоит считать это признаком, секретом или особенностью технологии. Ср.: Сотникова М.П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода и проблемы происхождения новгородской денежной системы // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1981. Т. 12. С. 219–234; Она же. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков XIV–XV вв.: Дело Федора Жеребца // СА. 1957. №3. С. 54–59.

⁶ «...sbattine d. 18 a fiorino per libra chome è uzanza d'afinatura...» (Saminiato de'Ricci. Il manuale di mercatura di Saminiato de'Ricci / A cura di A. Borlandi. Genova, 1963. P. 135–136).

⁷ *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. по данным Франческо Пеголотти // СА. 1958. – № 3. – С. 65–72.

⁸ *Pegolotti F.B.* La Pratica della mercatura / Ed. by A. Evans. Cambridge (Mass), 1936.

⁹ *Witthöft H.* Das Fundament des Gewichts in Köln. Nach schriftlichen Überlieferungen des 14.–19. Jahrhunderts. Jahrbuch des Kölnischen Geschichtsvereins. 1990. Bd. 61. S. 35–57.

¹⁰ *Russo G., Chimienti M.* La distribuzione del peso del fiorino e del ducato nel tardo Medio Evo. Un primo confronto tra risultanze archivistiche e dati ponderali riportati nel CNI. Rivista Italiana di Numismatica e Scienze Affini. 2002. Т. 103. P. 181–194.

¹¹ Вес 238,5 г фактически не отличается от 238,49936 г, к которому марка Венеции приравнена в новейшем исследовании (De Ruiz M. Monete a Venezia nel tardo medioevo: un ritorno alle fonti. Treviso, 2001). Также см.: Martini A. Manuale di metrologia. Torino, 1883. P. 818; Tavole di ragguaglio dei pesi e delle misure già in uso nelle varie province del Regno col sistema metrico decimale. Edizione Ufficiale. Roma, 1877.

¹² *Rocca P.* Pesi e misure antiche di Genova e del Genovesato. Genova, 1871. P. 9, 110.

¹³ *Blancard L.* La pile de Charlemagne: étude sur l'origine et les poids des deniers neufs et de la livre de Charlemagne. Annuaire de la société française de numismatique. 1887. P. 595–638; Ученые давно предположили, что этот фунт произошел непосредственно от византийской литры: увеличив ее вес в полтора раза, Карл Великий ввел парижский ливр, равный 16 унциям. (Guilhiermoz P. Note sur les poids du Moyen Âge. Bibliothèque de l'École des chartes. Paris. 1906. Т. 67. P. 214).

¹⁴ При этом именно эталона, применяемого для взвешивания благородных металлов, а не какой-нибудь другой близкой меры веса, существовавшей для взвешивания других товаров.

¹⁵ *Entwistle Chr.* Byzantine Weights // Economic History of Byzantium. Washington, 2002. P. 610–614. Сам автор придерживается мнения, что ранневизантийская литра соответствовала 327,6 г, а также поддерживает господствующую точку зрения о том, что этот вес постепенно снижался, достигнув в XIV в. примерно 319 г (Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 166–168). Ср.: *Guey J.* Peut-on estimer la livre romaine au centigramme près? Non. Revue Numismatique, 1976. Vol. 13. P. 110–114.

¹⁶ Ср.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 7–16; *Мухамадиев А.Г.* Об обрезанных монетах Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрянский клад). Нумизматика и эпиграфика. 1970. Т. 8. С. 56.

¹⁷ Pegolotti F.B. *La pratica della mercatura*. P. 146. Купец подчеркивает, что для взвешивания золота в Венеции используется другая мера, нежели марка серебра. Венецианскую марку он определяет там же с указанной точностью как 8 унций 10 денариев Флоренции (238,0808 г). В пределах ошибки в полденария оказывается и вес парижской (тройской) марки, приводимый Пеголотти на с. 201 издания А. Эванса (245,0108–245,1526 г), где сравниваются меры Флоренции и Парижа.

¹⁸ Munro J. *The Maze of Medieval Mint Metrology...*

¹⁹ Об этом писалось давно, см. Saporì A. *Studi di storia economica secoli XIII–XIV–XV*. Firenze, 1956. Vol. 2. P. 17–19, 78–85.

²⁰ На это обратил внимание еще Дж. Мунро (Munro J. *The Maze of Medieval Mint Metrology...* P. 10–11).

²¹ Pegolotti F.B. *La pratica della mercatura*. P. 36. Единственное равенство Пеголотти (на с. 150), которое позволяет думать, что соммо в Азаке весило 204 г, не указывает, на какие унции пересчитывает соммо купец. Если на унции Венеции, получается 204,33 г, но если унции Флоренции – 193,87 г. В трех других случаях (с. 23, 53, 223) меры Таны эквивалентны генуэзским, т.е. сум равен 196,47 г.

Существование третьей нормы татарского сума, практически неотличимой от нормы для русского рубля, подтверждает анонимная купеческая практика XIV в. (*Tarifa zoè noticia dy pexi e mexure...* P. 19.). «Questi è li pexi de la Tana, como eli geta a Venezia. In prima le 6 marche d'ariento geta contase dever gitar sumi 7 a la Tana, e più sazi 2; sì che onze 6, quarti 3 e karati 9 xe lo sumo, vien gitar a Veniexia onze 6, sazi 5 men karati 3. E lo dito sumo geta a la Tana sazi 42, e lo sazo è karati 24, sì che marche C. da Veniexia geta a la Tana sumi 117½». «Меры же Таны, как их измеряют в Венеции, таковы. Во-первых, 6 марок серебра представляют собой в Тане 7 сумов и еще 2 саджо, то есть сум равен 6 унциям с 3 четвертями и еще с 9 каратами, что составляет 6 унций и 5 саджо без 3 каратов. И состоит упомянутый сум из 42 саджо, а саджо из 24 каратов, так что 100 марок Венеции равны 117½ сума». Расчеты, основанные на весе марки Венеции в 238,5 г, дают в качестве метрического эквивалента сума Таны три малоотличимых цифры – 203,0473, 203,0977 и 202,979 г.

В отличие от других сумов указанный сум Таны состоял не из 45 саджо-мискалей, а только из 42. Генетическая связь такого мискаля (4,8328–4,8357 г) с прочими весовыми системами вызывает вопросы. Не исключено, что истина кроется в другом сообщении этой же купеческой практики (с. 21–22), и в зависимости от того, какой «другой» мискаль (4,4907 или 4,547 г) фигурирует там, вес азакского сума будет либо 202,08 г, либо окажется весом русского рубля 204,7 г. «Ancoга è da saver che in Tana li pexadory conta lo sumo sazi 42. Vero è che i dicti sazi 42 pexa tanto quanto li sazi 45; mo a marina se conta lo sumo sazi 45, e cuxi se rahona per tute marcadantie». «Еще следует знать, что в Тане весовщики считают в соммо 42 саджо. Суть же в том, что означенные 42 саджо весят столько же, сколько 45 саджо; на пристанях сейчас в соммо считают 45 саджо, и именно так исчисляется во всех торговых сделках».

²² Schilbach E. *Byzantinische Metrologie*. München, 1970. S. 178.

²³ *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection: Volume Five: Michael VIII to Constantine XI, 1258–1453 / by Ph. Grierson*. Washington (DC), 1999. Vol. 5, Pt. 1. P. 43.

²⁴ Bertelè T. *Misure di peso a Bizancio / A cura di G. Bertele*. Padova, 2009.

²⁵ Pegolotti F.B. *La pratica della mercatura*. P. 38, 49–52, 64, 93, 114, 147–148, 168, 188, 198–199, 213, 221–222.

²⁶ Pegolotti F.B. *La pratica della mercatura*. P. 148, 221. «Marchio 1 d'argento di Parigi fa in Genova onze 9, denari 8.» Результат этого равенства (339,42 г) соответствует лире Флоренции, а не Генуи. В случае «Marchi 1 d'argento al peso della Corte fa in Genova onze 8 e denari 13½...» определить происхождение ошибки (361,5 г) трудно, поскольку марка Авиньона выражена у Пеголотти через марку Нима, соотносенную в свою очередь с флорентинской унцией (P. 200, 229). Весьма вероятно также, что в тексте издания на с. 148 «E saggi 56 di Pera fanno a Vinegia marchio 1» содержится ошибка: марка Венеции должна быть равна не 56 саджо, а 55, поскольку ку иначе лира Перы оказывается излишне легкой – 306,6 г.

²⁷ Archivio di Stato di Genova. *Zecca Anticha*. 8. Fol. 1v. [21.05.1421] «lib 40 unc 3 den 5 ad racionem de fl 88¼ pro libra in pondere ascendunt in summa fl 3575 in auro...»

²⁸ Archivio di Stato di Genova. *Manoscritti Membranacei*. XXIII. *Constitutiones et ordines cethe*. Fol. 4v. «...за пять лир золота следует выдать не больше и не меньше, чем 444 дуката».

²⁹ При этом он будет ниже $3,5359 \times 445 : 5 = 314,695$ г, что также следует из постановлений, приведенных выше.

³⁰ Catalogue of the Byzantine Coins... Vol. 5, Pt. 1. P. 42.

³¹ *Belgrano L.T.* Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genova, 1884. Т. 13. P. 106.

³² *Pegolotti F.B.* La pratica della mercatura. P. 199. «Perpero 1 peso di Gonstantinopoli fa in Firenze denari 3 e grani 14 di g^o[grosso? giusto?] peso». Вес перпера-экзагия из этого равенства – 4,22338 г, хотя в этом же параграфе Пеголотти пишет, что «Libre 1 d'argento di Firenze fa in Gonstantinopoli once 12, denari 22» (т.е. литра эквивалентна 315,35 г). Указанный в этом разделе «Практики» вес перпера ничем не отличается от веса первой эмиссии перперов Андроника II и Михаила IX типа «4 замка» или от веса перперов с изображением Андроника II и Андроника III (Пономарев А.Л. Кризис, которого не было: Денежно-финансовая система Византии в конце XIII–середине XIV в. Византийский временник. 2008. Т. 67. С. 17–37).

³³ *Bertelè T.* I gioielli della corona bizantina dati in pegno alla repubblica veneta nel sec. XIV e Mastino II della Scala // Studi in onore di Amintore Fanfani, 6 vols. Milano, 1962. Т. 2. P. 99.

³⁴ Отличия значений от расчетных могли появиться уже при репликации эталонов в средневековье. Например, эталоны тройской унции, существовавшие во Фландрии или Англии, отличались от французских (Munro J. The Maze of Medieval Mint Metrology in Flanders, France and England: Determining the Weight of the Marc de Troyes and the Tower Pound from the Economics of Counterfeiting, 1388–1469. Toronto, 1998. P. 1–30; <http://www.chass.utoronto.ca/escira/wpa.html>). Метрические эквиваленты других мер могут расходиться с «идеальными» по иным причинам: вследствие статистических погрешностей и ошибок измерения при использовании нумизматических данных, либо (как показывает пример Пеголотти) из-за приближенности письменных данных.

³⁵ Значения мер веса, приведенные на схеме, рассчитаны исходя из «материнского» веса – веса позднеримского фунта.

Аннотация

Разнообразные дирхемы и мискали Востока, лиры и марки Европы ведут свое происхождение от византийской литры (позднеримского фунта-либры). Влияние римско-византийской культуры, рационализм счета в дробях двенадцатеричной системы, наконец, торгово-экономическое взаимодействие позволяют объяснить систему мер веса, сложившуюся в средневековье. Русский рубль 204,7 г (45 экзагиев), татарские сумы 196,47 и 188,61 г (45 мискалей либо 60 дирхемов), лежавшие в основе денежно-весовых систем Восточной Европы, также восходят к византийским мерам. Последние менялись, и отличие между рублем и сумом связано лишь с тем, что они появились в разные периоды истории. Результатом родства множества мер была совместимость денежных систем многих государств, появление инфраструктуры торговли, в которой исчисление налоговых и кредитных ставок, накладных расходов и т.п. крайне упрощалось.

Ключевые слова: Система мер средневековья, Золотая Орда, Московская Русь, Византия, Генуя, рубль, сум, соммо, литра, дирхем, мискаль, Франческо Балдуччи Пеголотти.

Summary

Different dirhams and mithqals of the East, lire and marks of Europe descend from Byzantine litra. The influence of Roman Byzantine culture, rationalism of calculation in fractions of the duodecimal system and finally commercial economical interaction allow to explain weight measurement developed in the Middle Ages. The Russian rouble 204,7g., Tatar sums 196, 47 and 188, 61g. which lay on the basis of monetary-weight systems of Eastern Europe also descend from Byzantine measures. The latter changed and the difference between the rouble and sum is only connected with the fact that they appeared in different historical periods. The result of the relationship between measures was the compatability of the monetary systems of many states, the appearance of trading infrastructure in which the calculation of tax and credit rates, overhead expenses were simplified.

Key words: Medieval weight standards, Golden Horde, Moscow Russia, Byzantium, Genoa, rouble, Tartar sum, sommo, litra, dirham, mithqal, Francesco Balducci Pegolotti.

УДК 342.711

КРИТЕРИЙ ОБЫЧНОГО МЕСТОЖИТЕЛЬСТВА И ПРАВО ОПТАЦИИ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГРАЖДАНСТВА В СЛУЧАЕ ПРАВОПРЕЕМСТВА ГОСУДАРСТВ

*А.Б. Аксенов, кандидат юридических наук,
доцент Казанского филиала Российской академии правосудия*

При правопреемстве государств одним из важнейших вопросов является влияние изменения суверенитета на гражданство жителей государства. Поскольку наличие у лица гражданства является предпосылкой обладания полным объемом прав и свобод, закрепленных во внутригосударственном законодательстве, правопреемство государств, затрагивая гражданство лиц, проживающих на вовлеченной в правопреемство территории, напрямую затрагивает их права и интересы. В отличие от таких объектов правопреемства, как международные договоры, международные долги, архивы, собственность, связь между лицом и государством, которая входит в понятие гражданства, априорно исключает идею какой-либо передачи. Основной принцип, который является проявлением суверенитета государства, заключается в том, что правопреемство государств не наделяет индивида правом преемства в отношении гражданства. Все вопросы гражданства, в том числе вопросы его приобретения или утраты, регулируются государствами в соответствии с принципом государственного суверенитета по их усмотрению. Но это не означает, что государства могут произвольно устанавливать порядок приобретения гражданства, не считаясь с общепризнанными принципами международного права и международными обычаями. В отношении же всего комплекса вопросов гражданства, связанных с правопреемством государств, можно утверждать, что их вообще невозможно эффективно решить только в рамках внутригосударственного зако-

нодательства. Суверенное государство имеет право решать, какие лица должны рассматриваться как его граждане, но этот принцип применим только при условии соблюдения им международно-договорных обязательств. Поэтому хотя гражданство в основном регулируется внутренним правом, компетенция государств в этой области может осуществляться только в пределах, установленных международным правом, а в конкретном контексте правопреемства государств международное право играет еще более важную роль.

С развитием принципов и норм в области прав человека, особенно после Второй мировой войны, существенно изменилось значение традиционного подхода, основанного на приоритете интересов государства над интересами отдельных лиц. В этой связи решение вопросов, касающихся гражданства в контексте правопреемства государств, стало учитывать интересы как государств, так и лиц, затрагиваемых правопреемством.

Анализ практики государств позволяет сделать вывод, что для определения основной группы граждан государства-преемника чаще всего использовался критерий обычного местожительства. Именно на него дается ссылка в меморандуме Секретариата ООН от 14 мая 1954 г., в котором указывается, что в случае передачи территории государство, к которому территория отошла, обязано предоставить свое гражданство лицам, постоянно на ней проживающим в момент присоединения данной территории¹.

Эта же точка зрения нашла отражение в ст.18 Гарвардского проекта Конвенции о гражданстве 1929 г. В комментариях к статье указано, что в ней сформулирована общепризнанная (обычная) норма международного права. При этом в Гарвардском проекте различаются два случая: а) при полном поглощении одного государства другим лицом, имевшие гражданство первого государства, становятся гражданами второго без всяких оговорок (если только законодательство второго государства не предоставляет им возможности от него отказаться); б) при переходе части территории от одного государства к другому или образовании нового государства на части территории, принадлежавшей ранее другому государству, граждане первого государства, сохраняющие обычное местожительство на указанной территории, теряют свое гражданство и становятся гражданами государства, которое пользуется в данный момент суверенными правами на эту территорию (если только последнее на основании договора или собственного законодательства не предоставляет им права от него отказаться). Как подчеркнуто в комментариях, данное положение — единственный случай прямого международно-правового регулирования гражданства².

В современных условиях вопрос о гражданстве лиц, проживающих на территории, переходящей от одного государства к другому в порядке правопреемства, решается в большинстве случаев в договорном порядке либо путем принятия специального законодательства. При территориальных изменениях типичным способом приобретения гражданства является групповое предоставление гражданства обычно всем или большинству граждан, постоянно проживающих на территории, затрагиваемой правопреемством. Предоставление гражданства чаще всего сопровождается утратой прежнего гражданства. Гражданство иностранных граждан, временно или постоянно проживающих в пределах этой территории, остается без изменения. Для

лиц без гражданства, проживающих на такой территории, предоставление гражданства государства-преемника допустимо и даже желательно с точки зрения современного международного права. Обычно условия и порядок предоставления апатридам гражданства в связи с правопреемством государств определяются заинтересованными государствами.

Формой группового предоставления гражданства является трансферт — автоматический переход из одного гражданства в другое. При объединении государств или присоединении одного или нескольких государств к другому часто имело место автоматическое предоставление гражданства. При переходе части территории одного государства к другому на ней неизбежно будет находиться известное количество лиц, принадлежащих к нации, основная часть которой проживает в пределах государства, уступившего указанную часть территории. Эти лица могут не захотеть изменить свое гражданство. Осуществление трансферта и предоставление им гражданства государства, к которому отошла территория, вопреки их желанию противоречит основным принципам международного права, поэтому в современных условиях трансферт связан с правом оптации, при котором лицу предоставляется добровольный выбор: либо сохранение прежнего гражданства, либо приобретение гражданства того государства, к которому переходит территория. При этом термин «оптация» означает не только выбор между гражданствами, но используется в более широком смысле, охватывая также процедуры позитивной оптации, т.е. добровольного приобретения гражданства путем заявления, и негативной оптации, т.е. отказа от гражданства, приобретенного *ex lege*. Такое право оптации может быть предоставлено в соответствии с национальным законодательством даже без соглашения между государствами, затрагиваемыми правопреемством. Особое значение оптация имеет в качестве одного из способов, направленных на устранение риска без-

гражданства в ситуациях правопреемства государств.

Условием использования права оптации может быть санкция как государства, гражданство которого утрачивается, так и государства, гражданство которого приобретается, после чего оптация считается осуществленной и наступает изменение гражданства или закрепление одного из имеющихся у лица гражданств. Правовой основой оптации является не только международный договор, но, как правило, и соответствующий внутренний правовой акт сторон, в котором могут быть трансформированы договорные нормы. Подобным образом оптация применялась в практике освобожденных государств Азии и Африки. Среди европейских государств практика закрепления во внутригосударственных актах правил оптации применяется теми из них, в которых договорные нормы автоматически не инкорпорируются во внутреннее право.

Многочисленные международные договоры, регулирующие вопросы гражданства в связи с правопреемством, а также соответствующие национальные законы предусматривают право оптации или подобную процедуру, позволяющую лицам получить гражданство путем выбора между гражданством государства-предшественника и государства-преемника или между гражданством двух или нескольких государств-преемников. Часто право оптации в международных договорах связано с переселением, хотя общих правил по этому вопросу не существует. Так, согласно договору между СССР и Чехословакией от 29 июня 1945 г. Закарпатская Украина воссоединилась с Украинской ССР и была включена в ее состав, в связи с чем возникла необходимость определить гражданство лиц словацкой и чешской национальностей, постоянно проживавших на территории Закарпатской Украины, а также русских и украинцев, проживавших на землях Словакии. Было заключено специальное межправительственное соглашение, оформленное Протоколом к названному договору, о предоставлении

права выбора указанным лицам соответственно гражданства Чехословакии и СССР. Эти лица имели право оптировать соответствующее гражданство в срок до 1 января 1946 г. и при получении согласия государства выбранного гражданства должны были в течение года переселиться в это государство.

Практика государств свидетельствует о том, что продолжительность периода, в течение которого затрагиваемые лица могут использовать право оптации, существенно различается. Например, в договоре между Индией и Францией об уступке территории Чандернагора от 2 февраля 1951 г. осуществление права оптации предусматривалось на период в шесть месяцев, в то время как договор между Испанией и Марокко о возвращении Испании Марокко территории Сиди Ифни от 4 января 1969 г. предусматривал трехмесячный период. В некоторых случаях право оптации предоставлялось на более значительный срок (примером могут служить Эвианские соглашения между Алжиром и Францией от 19 марта 1962 г.).

Уважение воли лица, затрагиваемого правопреемством государств, является фактором, который по мере развития норм в области прав человека приобретает первостепенное значение, однако это не означает, что каждый случай приобретения гражданства при правопреемстве должен иметь договорную основу. Право оптации должно играть определенную роль, в частности, в решении проблем предоставления гражданства лицам, попадающим в зону перекрывающихся друг друга юрисдикций государств, затрагиваемых правопреемством.

В недавних случаях правопреемства государств в Восточной и Центральной Европе вопросы гражданства регулировались не договором, а только посредством национального законодательства затрагиваемых государств³, вследствие этого возможность выбора гражданства устанавливалась одновременно в праве двух государств. Так, Закон о гражданстве Словацкой Республики содержал положение о факультативном приобре-

тении гражданства: каждый, кто был на 31 декабря 1992 г. гражданином Чехословацкой Федеративной Республики и не приобрел *ipso facto* гражданство Словакии, имел право выбрать гражданство Словакии. Для факультативного приобретения гражданства Словакии бывшими гражданами Чехословакии не выдвигалось никаких других требований, таких, например, как постоянное место жительства на территории Словакии⁴. Чехия и Словакия не заключили между собой договор, регулирующий вопросы гражданства в связи с разделением Чехословацкой Федеративной Республики, поскольку в 1969 г. при ее создании параллельно с ее гражданством было установлено гражданство членов федерации⁵. Таким образом, при разделении Чехословацкой государства-преемники при определении их граждан использовали в качестве основного критерия, условно говоря, гражданства республик, являвшихся субъектами федерации. Именно этот критерий является основополагающим в ст. 1 Закона о гражданстве Чехии от 29 декабря 1992 г. и ст. 2 Закона о гражданстве Словакии от 12 ноября 1992 г.

Не существовало необходимости в договорном регулировании вопросов гражданства и в случае объединения Германии. Это объясняется тем, что согласно официальной позиции ФРГ⁶, ни военная капитуляция в 1945 г., ни образование двух германских государств в 1949 г. не прекратили существование Германского Рейха. Однако это государство было пассивным субъектом международного права, не способным своими действиями приобретать и нести международные права и обязанности. ФРГ являлась тем же субъектом международного права, что и Третий Рейх, но его суверенитет был ограничен территорией ФРГ. ГДР рассматривалась как отдельное государственное образование, но также принадлежавшее к Рейху⁷.

При подготовке объединения ФРГ и ГДР вновь возникла проблема международной правосубъектности Германии. С точки зрения международного права

очевидно, что объединение представляет образование единого государства двумя прежде существовавшими государствами. Решением парламента ГДР от 28 августа 1990 г. правительство ГДР было уполномочено заключить международный договор об объединении. Таким договором стал Договор между ФРГ и ГДР о восстановлении единства Германии от 31 августа 1990 г.⁸ Ст. 23 Основного закона ФРГ подчеркивала идентичность объединенной Германии. Сфера действия международных договоров ФРГ была расширена на территорию ГДР (ст.11 Договора от 31 августа 1990 г.), а международные договоры ГДР в основном подлежали прекращению после консультации с их участниками (ст.12 Договора от 31 августа 1990 г.). Таким образом, объединение Германии представляет собой присоединение ГДР к ФРГ. Идентичность ФРГ – единой Германии – не изменилась, ГДР прекратила существование как субъект международного права, случаев правопреемства ФРГ – единой Германии – в отношении международных договоров ГДР не возникло⁹.

Такой подход к международной правосубъектности объединенной Германии не мог не сказаться на решении вопросов о гражданстве населения этого государства. Согласно решениям Федерального Конституционного суда ФРГ гражданство Германской Империи продолжало существовать и после 8 мая 1945 г. и являлось единым для ФРГ и ГДР; в рамках публичного порядка приобретение гражданства ГДР имело силу одновременного приобретения гражданства Германской Империи¹⁰. 3 октября 1990 г., являющегося датой объединения Германии, граждане ГДР утратили ее гражданство, но не приобрели нового гражданства, а лишь сохранили общегерманское гражданство¹¹.

Сложнее решались вопросы гражданства населения при распаде в 1991 г. Социалистической Федеративной Республики Югославии и образовании независимых Словении, Хорватии, Македонии и Боснии-Герцеговины. Меж-

дународная конференция по Югославии предложила бывшим членам СФРЮ проект Договора о правопреемстве, часть II которого была посвящена вопросам гражданства. Ст. 111 этого Проекта предусматривала, что любое лицо, бывшее гражданином СФРЮ на дату, в которую была создана республика, гражданином которой это лицо также являлось, считается с этой даты гражданином договаривающейся стороны – преемника этой республики. В соответствии со ст. 112, регламентирующей изменение гражданства, ни один гражданин бывшей СФРЮ не должен стать лицом без гражданства; двойное гражданство разрешается: а) ни один гражданин договаривающегося государства не должен быть лишен без своего согласия этого гражданства только в силу приобретения гражданства другого договаривающегося государства; б) ни один гражданин договаривающегося государства не должен быть лишен права приобрести гражданство другого договаривающегося государства или принужден к отказу от прежнего гражданства как условия приобретения другого гражданства.

Международная конференция по Югославии также предложила бывшим членам СФРЮ установить на двусторонней основе правила об изменении гражданства одного из этих договаривающихся государств на гражданство другого договаривающегося государства.

Однако и в этом случае правопреемства вопросы гражданства также регулировались не договором, а внутригосударственным законодательством. Государства-преемники при решении вопросов гражданства населения применили критерий «гражданства субъекта федерации», который лег в основу ст. 39 Акта о гражданстве Словении от 5 июня 1991 г., ст.ст. 35 и 37 Закона о гражданстве Хорватии от 26 июня 1991 г., п.1 ст.26 Закона о гражданстве бывшей югославской Республики Македонии от 12 ноября 1992 г. В силу указанного критерия некоторые граждане государства-предшественника, обычно проживающие на территории

конкретного государства-преемника, не получили его гражданства. В законодательстве государств-преемников содержались отдельные положения о приобретении такими лицами их гражданства. Так, ст. 40 Акта о гражданстве Словении от 5 июня 1991 г. предусматривает, что «гражданин другой республики (Югославской Федерации), постоянным местом жительства которого, по состоянию на день проведения плебисцита о независимости и автономии Республики Словении, является Республика Словения и который фактически проживает там, может приобрести гражданство Республики Словении, если он подаст заявление в компетентный административный орган внутренних дел той общины, в которой он проживает». П. 2 ст. 30 Закона о гражданстве Хорватии от 26 июня 1991 г. предусматривает, что любое лицо, принадлежащее к народу Хорватии, которое не имело хорватского гражданства на день вступления в силу Закона, но которое может доказать, что оно законно проживало в Республике Хорватии по меньшей мере 10 лет, будет считаться хорватским гражданином, если оно обратится с письменным ходатайством, в котором заявит, что рассматривает себя в качестве гражданина Хорватии. Ст. 29 Закона о гражданстве Боснии и Герцеговины с поправками 1993 г. предусматривает, что все граждане бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия, проживающие на территории Боснии и Герцеговины, автоматически становятся с 6 апреля 1992 г. гражданами Боснии и Герцеговины¹².

Причиной отказа от договорного регулирования вопросов гражданства в случаях территориальных изменений в Европе в 1990-х годах является, как справедливо указывается в литературе, отсутствие политической воли (СФРЮ) или отсутствие необходимости в таком регулировании (Германия и ЧСФР)¹³.

После распада СССР в большинстве государств – его бывших республиках – гражданство предоставлялось всем гражданам бывшего СССР, постоянно

проживающим в республике на момент вступления в силу закона о гражданстве или принятия декларации о государственном суверенитете.

Гражданами Российской Федерации, в соответствии со ст. 13 Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации»¹⁴, признавались все граждане бывшего СССР, постоянно проживающие на территории России на день вступления в силу указанного Закона, если в течение одного года после этого дня они не заявили о своем нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации. Для лиц, проживавших в Российской Федерации и заявивших об отказе от российского гражданства в течение года, последствия наступали с момента такого заявления. Остальные лица, постоянно проживавшие в Российской Федерации, ничего не предпринявшие относительно гражданства, считались гражданами России. Признание как специальный вид приобретения гражданства России основано на критерии постоянного места жительства и праве оптации и полностью соответствует международно-правовым нормам о приобретении гражданства в связи с правопреемством государств. Обычное место жительства (постоянное проживание) — критерий, хотя и не единственный, но чаще всего используемый на практике для определения основной группы граждан государства-преемника. Как верно указывает Е.С. Смирнова, Россия, регулируя совокупность изначальных граждан, воспользовалась широкой моделью предоставления гражданства¹⁵.

Очевидно, что положение указанной нормы Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» 1991 г. соответствует рекомендации Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., содержащейся в главе IV «Правопреемство государств и гражданство», в которой в подобных ситуациях предлагается учитывать наличие подлинной и эффективной связи лица с государством, место проживания, «территориальное происхождение». Следует напомнить, что принятая после распада СССР Ев-

ропейская конвенция о гражданстве была ориентирована разработчиками на урегулирование вопросов гражданства в аналогичных случаях.

Подобного подхода к вопросам приобретения гражданства государства-преемника в случае распада государств придерживается также и Комиссия международного права ООН. В ст. 5 проектов статей «О гражданстве физических лиц в связи с правопреемством государств», разработанных Комиссией, изложена презумпция гражданства, лежащая в основе базовых решений для различных видов правопреемства государств, которая полностью реализована ст. 13 Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» 1991 г.

Отмечая, что при предоставлении гражданства государством-преемником в последние десятилетия широко применялся критерий обычного места жительства, следует еще раз подчеркнуть, что при распаде Югославии и разделении Чехословакии государства-преемники при определении их граждан использовали в качестве основного критерий, условно говоря, гражданства республик, являвшихся субъектами федерации.

В тех случаях, когда лицам была предложена возможность приобрести гражданство государства их местожительства, почти все они воспользовались таким предложением. Когда такие возможности были серьезно ограничены, возникли значительные трудности. Например, практика Чешской Республики показывает, что почти все обычно проживающие на ее территории лица, которые не приобрели чешское гражданство *ex lege* в силу вышеупомянутого критерия, приобрели его путем осуществления права оптации. По оценке экспертов Совета Европы по вопросам законодательства о гражданстве, этот результат оптации существенно не отличается от результата использования критерия обычного места жительства¹⁶.

Преимущества критерия обычного места жительства признает и ст.8 Венецианской декларации о последствиях правопреемства государств для граж-

данства физических лиц: «Во всех случаях правопреемства государств государство-преемник предоставляет свое гражданство всем гражданам государства-предшественника, постоянно проживающим на его территории»¹⁷.

Критерий обычного места жительства, используемый при предоставлении

гражданства государства-преемника, в необходимом сочетании с правом оптации, представляется, на наш взгляд, наиболее приемлемым и оптимальным вариантом решения сложных проблем гражданства в связи с правопреемством государств, о чем свидетельствует практика государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Yearbook of the International Law Commission, 1954. — Vol. II. — P. 61.

² См.: The American Journal of International Law, Vol. 23 (Special Supplement), 1929. — P. 15, 61.

³ *Микулка В.* Второй доклад о гражданстве в связи с правопреемством государств. Док. ООН А/СN. 4/474 (Russian). — P. 67.

⁴ Комиссия международного права ООН. Третий доклад о гражданстве в связи с правопреемством государств. Док. ООН А/СN. 4/480/Add. 1.

⁵ Закон о гражданстве Словакии №206/68, принятый Национальным Советом Словакии, и Закон о гражданстве Чехии №36/69, принятый Национальным Советом Чехии.

⁶ Решения Федерального Конституционного Суда ФРГ 36 BVerfGE 1 (1973), 40 BVerfGE 141 (1975), 77 BVerfGE 137 (1987).

⁷ Более подробно см.: *Рачков И.В.* Международно-правовое регулирование вопросов гражданства при территориальных изменениях в Европе в XX веке: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — С. 130—132.

⁸ BGVl. 1990. II S.889.

⁹ *Рачков И.В.* Указ. соч. — С. 131—132.

¹⁰ Решение по делу Тезо от 21.10.1987 (BVerfGE 77, 137; NJW 1988, 1313).

¹¹ *Рачков И.В.* Указ. соч. — С. 132.

¹² См.: Комиссия международного права ООН. Доклад о работе ее 51-й сессии (3 мая — 23 июля 1999 г.). Документ ООН А/54/10. — С. 81—82.

¹³ *Рачков И.В.* Указ. соч. — С. 130.

¹⁴ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992.— № 6. Ст. 243.

¹⁵ *Смирнова Е.С.* Россия и европейские стандарты института гражданства в начале XXI в. // Государство и право. — 2002. — № 2. — С. 68.

¹⁶ См.: Report of the Experts of the Council of Europe on the Citizenship Laws of the Czech Republic and Slovakia and their Implementation, Strasbourg, 2 April 1996, para 22 and note 7.

¹⁷ Council of Europe document CDL — NAT (96) 7 rev.

Аннотация

Статья посвящена анализу практики предоставления гражданства в случаях правопреемства государств, включая недавние случаи правопреемства в Восточной и Центральной Европе, а также распада СССР, на основе чего автором делается вывод о том, что критерий обычного места жительства, используемый при предоставлении гражданства государства-преемника, в необходимом сочетании с правом оптации, является наиболее приемлемым вариантом решения сложных проблем гражданства в связи с правопреемством государств.

Ключевые слова: правопреемство государств, гражданство, оптация, обычное место жительства.

Summary

The article is devoted to the analysis of the practice of providing citizenship in cases of states' legal succession including recent cases of legal succession in Eastern and central Europe as well as the dissolution of the Soviet Union. On the basis of the mentioned points the author draws the conclusion that the criterion of the usual place of residence, used when providing citizenship of the state-successor, in the necessary combination with the right of option is the most acceptable way of solving difficult problems of citizenship in view of states' legal succession.

Key words: legal succession of states, citizenship, option, place of residence.

УДК 342.72/.73

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

*Р.Р. Амирова, доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Субъектам Российской Федерации предоставлена возможность защиты прав и свобод своих граждан. В то же время Конституция РФ не содержит четкого разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в этой сфере. Если в ведении федерации находятся (в соответствии с пунктом «в» статьи 71 Конституции РФ) вопросы *регулирования* и *защиты* прав и свобод человека и гражданина, то к совместному ведению отнесена лишь *защита* прав согласно пункту «б» статьи 72 Конституции РФ. Конечно, в компетенцию федерации должно входить «установление исходных, фундаментальных положений в деле правового регулирования и закрепления прав и свобод человека и гражданина»¹, но едва ли к полномочиям субъектов следует относить лишь «определение и установление региональных особенностей»².

Представляется, что защита прав и свобод — это понятие объемное, включающее в себя целый комплекс мер по их предупреждению и восстановлению. Ларин А.М. определяет защиту через триаду действий: противодействие, предупреждение и возмещение. Так, по его мнению, защита прав и свобод в общем смысле есть «противодействие незаконным нарушениям и ограничениям прав, свобод и интересов личности, предупреждение этих нарушений и ограничений, а также возмещение причиненного вреда в случае, если предупредить или отразить нарушения и ограничения не удалось»³.

Особой точки зрения придерживается Матузов Н.И., считая, что категорию защиты прав и свобод можно объяснить посредством термина «притязание». По его мнению, важно, что «лицо предъявляет свои права, претендует на них, требует, настаивает, т.е. притязает. И в принципе не имеет значения, к кому они обращены»⁴. В свое время это понятие наиболее точно определял Явич Л.С. Под притязанием он понимал «меру требования управомоченного к обязанному лицу, не исполнившему своей юридической обязанности, обращенного к последнему через компетентные органы государства»⁵.

Ведахин В.М. и Шубина Т.Б. считают, что термину «защита права» в законодательстве и в научной литературе придают два различных смысла. В законодательстве данное понятие чаще всего носит достаточно абстрактный характер и означает возможность государства, его органов защищать те или иные права, не конкретизируя, идет ли речь о защите нарушенных прав, или о гарантиях, формах реализации тех или иных, не нарушенных прав. Иное звучание приобретает «защита права» в научной литературе — это самостоятельная категория, не входящая в понятийный аппарат ряда других категорий, таких как субъективное право, законность, правонарушение и т.д. Она включает в себя элемент вышеназванных категорий и имеет свое функциональное назначение — обеспечение и восстановление правопорядка, предупреждение правонарушений⁶.

Ведяхин В.М. предлагает отказаться от использования термина «охрана» для характеристики общего процесса правового регулирования, регулятивных отношений и субъективных прав, т.к. для этого процесса достаточно пользоваться такими общепринятыми правовыми категориями и понятиями, как правовой статус, правовое положение, правоспособность и дееспособность и другие⁷. Трудно согласиться с данным предложением, т.к. в законодательстве применяются как понятия защиты, так и охраны прав и свобод человека и гражданина. Например, в Конституции РФ в статьях 2, 45, 46, 61 используется понятие «защита», а понятие «охрана» — в статьях 35, 41, 52. Статья 35 Конституции РФ закрепила охрану права частной собственности, в статье 41 Конституции РФ установлено право гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь, т.е. в этих статьях речь идет об охране ненарушенных прав. Возникает вопрос, каким образом можно сформулировать данные статьи, используя «общепринятые правовые категории и понятия»? Практически этого сделать невозможно.

В статье 52 Конституции РФ говорится об охране законом прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, т.е. об охране уже нарушенных прав, что нарушает предложенную конструкцию построения данных норм, поэтому статью 52 Конституции РФ следовало сформулировать иначе, опираясь на термин защиты: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью защищаются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

Таким образом, охрана осуществляется независимо от факта нарушения прав и свобод, путем установления правомерного механизма правового регулирования, а защита только тогда, когда права или свободы нарушены или есть непосредственная угроза их нарушения. Если соотносить эти категории по объему, то можно отметить, что охра-

на — это более широкое понятие, а защита является видовым понятием, поэтому они совпадать не могут.

Отсюда *защита прав и свобод* обладает следующими признаками:

во-первых, это определенная деятельность, причем не только государственных органов, поскольку законодательством предусматривается возможность самостоятельной защиты прав и свобод самим субъектом права, например, самозащита права, общественные формы защиты. Если под этой деятельностью в материальном смысле понимается восстановление первоначального положения или выплата компенсации в случае невозможности восстановления, то в процессуальном — деятельность государственных и негосударственных органов по применению тех или иных средств и способов защиты;

во-вторых, подразумевается применение особых мер, которые могут выступать в форме «притязания», противодействия, предупреждения, возмещения;

в-третьих, допускается применение принуждения. Если права и свободы невозможно реализовать в добровольном порядке, то у соответствующих органов должно иметься достаточно средств для исполнения их в принудительном порядке, для чего они должны наделяться государством соответствующими полномочиями;

в-четвертых, предполагается претерпевание неблагоприятных последствий для лиц, нарушивших права, свободы или законные интересы;

в-пятых, это особый, установленный законом, порядок осуществления нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

В целом под *защитой прав и свобод человека и гражданина* можно понимать применение особых мер принудительного характера по предупреждению или восстановлению нарушенных прав и свобод управомоченным на то органом или самим заинтересованным лицом, осуществляемое в строго установленном порядке.

Для определения сущности «формы защиты прав и свобод человека» как основного понятия данного исследования будет важным уяснить то, что категории – форма и содержание друг без друга существовать не могут, потому что содержание должно быть обязательно оформленным, а форма, в свою очередь, – выражать содержание. Содержание обуславливает форму, а значит, оно играет более активную роль в отличие от пассивной формы, именно поэтому «в процессе развития любого явления изменения формы отстают от изменений содержания. В борьбе с отстающей, не соответствующей ей формой содержание побеждает, преодолевает, сбрасывает ее, порождая соответствующую своему состоянию новую, высшую форму»⁸. Так как форма выступает существенной определенностью предмета, то именно она отличает одно явление от другого.

Форма – способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением⁹.

В понятии «форма защиты прав и свобод человека и гражданина» содержанием выступает категория «защиты прав и свобод». Содержанием защиты прав и свобод является совокупность элементов, признаков и связей, характеризующих внутреннюю организацию защиты. Понятия формы и содержания рассматриваются во взаимосвязи, неразрывно друг от друга, поэтому форма защиты призвана выражать эти элементы, признаки и связи, поэтому это определенные основы, предпосылки, условия, необходимые для защиты прав.

Таким образом, *если под содержанием защиты прав и свобод человека и гражданина понимается совокупность ее элементов, признаков и связей, то под формой защиты следует понимать внутреннюю организацию содержания, выступающую как взаимосвязь этих элементов – это определенные основы, предпосылки, условия, необходимые для защиты прав и свобод человека и гражданина.*

Как правило, большинство ученых, занимающихся проблемой классифика-

ции форм защиты, предлагает в качестве критерия их разграничения тот или иной вид субъекта, осуществляющий защиту права. Например, Воложанин В.П. предлагает различать следующие формы правовой защиты: судебную и несудебную, при которых основную функцию защиты выполняет судебная форма. Несудебная форма, в свою очередь, состоит из административной и общественной защиты. Так, «при наличии различных форм правовой защиты неизбежно и подразделение процессуальных норм, регламентирующих юрисдикционную деятельность судебных и несудебных органов» и далее «несудебная процессуальная форма более упрощенна и примитивна, что объясняется, прежде всего, особенностями административной или общественной юрисдикции»¹⁰.

Чечот Д.М. предлагает такие формы защиты, как судебная – «высшая конституционная форма» и несудебные формы, среди которых можно выделить государственные и общественные формы охраны и защиты прав¹¹. Всего им было предложено пять форм защиты: судебная, административная, арбитражная, нотариальная и общественная¹².

Кожухарь А.Н. предлагает классификацию, согласно которой все формы защиты делятся на юрисдикционные и внеюрисдикционные. К юрисдикционным он относит только те, в которых восстановление прав осуществляется различными государственными и общественными органами, с присущим каждому из них определенным процессуальным порядком деятельности. Защита прав и интересов во внеюрисдикционной форме протекает в рамках материального правоотношения и осуществляется самими участниками правоотношения¹³. Отличие юрисдикционной формы от внеюрисдикционной можно провести по следующим признакам:

- Рассмотрение и разрешение правового вопроса специально уполномоченным органом, который создается в установленном законом порядке;

- Четкое определение компетенции и порядка работы указанных органов нормативными актами;

- Независимость в своих действиях при разрешении конкретного дела;

- Стадийность правоприменительного процесса;

- Гражданская процессуальная форма¹⁴. Выделяя данную классификацию, Кожухарь А.Н. не приводит точного разграничения и поэтому неясно, какие формы к каким видам отнести. Если к юрисдикционным были отнесены судебная, арбитражная, третейская, административная и иные виды процессуальных форм, то внеюрисдикционные вообще не названы¹⁵. Поэтому их можно обозначить по остаточному признаку, это: самозащита и правозащитная деятельность общественных объединений.

Кожухарь А.Н. оставил без внимания такую известную форму защиты прав и свобод, как деятельность прокуратуры, что не случайно, т.к. деятельность прокуратуры очень трудно классифицировать. С одной стороны, защита права осуществляется органом, наделенным на то государственно-властными полномочиями, для которого характерен особый порядок принятия актов реагирования. С другой стороны, акт прокуратуры обладает обязательностью и исполнимостью, прокурор независим в своих действиях при его принятии, но в то же время ему не предоставлено право отмены или изменения решений, признанных им незаконными и необоснованными. Это касается принесения протеста, внесения представления, объявления предостережения, но не возбуждения уголовного дела или производства об административном правонарушении. Таким образом, деятельность прокуратуры можно отнести к юрисдикционной форме защиты прав и свобод.

Следует выделить такую форму защиты, как деятельность Уполномоченного по правам человека. Деятельность Уполномоченного по правам человека не является основной формой защиты нарушенных прав и свобод. заинтере-

сованные лица могут к ней прибегнуть лишь в качестве субсидиарного (дополнительного) средства правового обеспечения нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Уполномоченный по правам человека не наделяется правом разрешения конкретных дел. Он не имеет права отмены решений, принятых полномочными государственными органами, осуществляющими защиту и восстановление нарушенных прав и свобод. Поэтому можно прийти к выводу, что данная форма не может быть отнесена к юрисдикционной форме. К внеюрисдикционной форме она также не может быть отнесена, потому что защита права не осуществляется «самим участником правоотношения». Для деятельности Уполномоченного по правам человека можно предложить особую классификацию, в которой среди форм защиты выделить две: основные и дополнительные. Деятельность омбудсмана следует, на наш взгляд, отнести к дополнительной форме защиты.

Представляется, что *формами защиты прав и свобод человека и гражданина* в Российской Федерации могут быть:

во-первых, защита прав граждан органами государственной власти и их должностными лицами, т.е. *государственная защита* прав граждан, включающая в себя судебную защиту, деятельность прокуратуры, деятельность органов исполнительной власти или административная защита, деятельность законодательных органов и Уполномоченного по правам человека в некоторых субъектах РФ является государственным органом, следовательно, это юрисдикционная защита. Следует уточнить, что хотя Уполномоченный по правам человека — это лицо независимое, но в любом случае — государственное, т.к. его должность вправе ввести лишь государство, закрепив это положение в своем Основном Законе. Таким образом, государственную защиту прав человека могут осуществлять лишь государственные органы в процессе осуществления своей деятельности, в пределах своей компетенции;

во-вторых, правозащитная деятельность общественных объединений, т.е. *общественная защита*;

в-третьих, *самозащита прав человека*, которая представляет собой применение самим заинтересованным лицом предусмотренных законом мер для восстановления нарушенных прав и свобод.

Вместе общественная защита и самозащита представляют собой негосударственные формы защиты прав и свобод личности.

Защита прав и свобод государством является основной, главной формой во всем правозащитном механизме. Это обусловлено, по мнению О. Снежко, рядом причин: «Во-первых, государство располагает системой органов, которые обязаны осуществлять деятельность по защите прав и свобод. Во-вторых, государство имеет в своем распоряжении набор эффективных средств не только для защиты и восстановления нарушенных прав и свобод, но и для недопущения подобных нарушений. В-третьих, только акт государственного органа обладает необходимой обязательной силой в отношении всех иных актов. В-четвертых, государство располагает аппаратом принуждения с целью привлечения виновных в нарушении прав и свобод личности к ответственности. Все остальные способы защиты прав и свобод дополняют, но не подменяют государственную защиту»¹⁶.

Защита прав и свобод может осуществляться не только посредством правоприменения, но и путем использования права. Поэтому можно предложить такую классификацию, согласно которой все формы защиты представить в виде *непосредственных* или *опосредованных*. Критерием разграничения данных форм является реализация прав и свобод. Если непосредственные формы заинтересованное лицо может осуществить самостоятельно, без обращения к тем органам и организаци-

ям (не обязательно государственным), которые вправе осуществлять защиту права, то опосредованные — лишь посредством обращения, через их непосредственную деятельность. Непосредственной формой является самозащита, а опосредованными — судебная и административная формы, деятельность прокуратуры, Уполномоченного по правам человека. Деятельность неправительственных организаций можно отнести как к одной, так и к другой форме защиты нарушенных прав, в зависимости от применяемого средства защиты. Если неправительственные организации оказывают бесплатные юридические услуги, осуществляют мониторинг нарушений прав человека, проводят публичные выступления или пропагандируют правозащитные идеи, то для их деятельности характерна непосредственная форма защиты прав. Лишь в случае оказания юридического представительства граждан в судебных органах неправительственные организации осуществляют опосредованную форму защиты прав.

В зависимости от того или иного вида деятельности, осуществляемой в процессе охраны и защиты прав и свобод личности, можно провести классификацию, согласно которой могут быть представлены *законотворческие* и *правореализующие формы защиты*. Законотворческую форму вправе осуществлять лишь законодательные (представительные) органы в процессе принятия законодательных актов, что приводит к закреплению новых прав и свобод человека и гражданина, а также установлению реальных гарантий их обеспечения. Все остальные органы и организации как государственные, так и негосударственные вправе осуществлять лишь правореализующую форму защиты. Их деятельность должна быть направлена на исполнение или на оказание помощи в исполнении имеющихся прав и свобод человека и гражданина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Якцив О.Г.* Защита прав и свобод человека и гражданина в субъектах РФ / О.Г. Якцив // Закон и право. – 2003. – № 6. – С. 4.

² *Якцив О.Г.* Там же. – С. 4.

³ Общая теория прав человека / под ред. д.ю.н. Лукашевой Е.А. – М.: Изд-во НОРМА, 1996. – С. 169.

⁴ *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1972. – С. 110, 112.

⁵ *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л.С. Явич. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 126.

⁶ См.: *Ведахин В.М., Шубина Т.Б.* Защита права как правовая категория / В.М. Ведахин, Т.Б. Шубина // Изв. вузов: Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 67, 79.

⁷ См.: *Ведахин В.М.* Меры защиты как правовая категория / В.М. Ведахин // Право и политика. – 2005. – № 5. – С. 25.

⁸ *Минасян А.М.* Категории содержания и формы / А.М. Минасян. – Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1962. – С. 32.

⁹ См.: Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. д.ю.н., проф. В.Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – С. 468.

¹⁰ *Воложанин В.П.* Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров / В.П. Воложанин. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1974. – С. 34, 36.

¹¹ См.: *Чечот Д.М.* Как защитить свое право / Д.М. Чечот. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 18, 30, 34.

¹² См.: *Чечот Д.М.* Субъективное право и формы его защиты / Д.М. Чечот. – Л., 1968. – С. 53.

¹³ См.: *Кожухарь А.Н.* Право на судебную защиту в исковом производстве / А.Н. Кожухарь. – Кишинев: Штиица, 1989. – С. 13.

¹⁴ *Радченко П.И.* Правовая природа органов гражданской юрисдикции // В сб.: Проблемы социалистической законности / П.И. Радченко. – Харьков, 1989. Вып. 24. – С. 25.

¹⁵ См.: *Кожухарь А.Н.* Право на судебную защиту в исковом производстве / А.Н. Кожухарь. – Кишинев: Штиица, 1989. – С. 14.

¹⁶ *Снежко О.А.* Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / О.А. Снежко. – Саратов, 1999. – С. 2–3.

Аннотация

В статье рассматриваются различные формы защиты прав и свобод человека и гражданина, дается их классификация.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека, судебная защита, Уполномоченный по правам человека.

Summary

The article deals with different ways of protection of rights and freedoms of the man and citizen, moreover, their classification is given.

Key words: protection of rights and freedoms, legal defence, the Commissioner for human rights.

УДК 342

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

С.А. Батагаева, аспирант Иркутского государственного университета

Конституцией Российской Федерации предусмотрено, что каждый субъект Федерации имеет свою конституцию или устав, самостоятельно определяет свои органы государственной власти, в том числе и судебные, которые должны содействовать обеспечению охраны конституции (устава) субъекта Российской Федерации. Учреждение в субъектах Российской Федерации судебных органов конституционного контроля явилось позитивным моментом в укреплении российской государственности и демократического конституционного строя Российской Федерации. Конституционная юстиция субъектов Российской Федерации была создана исходя из реальной необходимости авторитетного и эффективного конституционного контроля за деятельностью региональных органов государственной власти и местного самоуправления в целях признания и соблюдения ими конституционных норм, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Изучение проблемы организации и деятельности конституционных и уставных судов субъектов РФ диктуется тем, что конституционное правосудие в субъектах РФ является сравнительно новым институтом российского конституционного права, который проходит этап своего становления, поэтому существуют еще много дискуссионных вопросов, неточностей, проблем в регулировании деятельности этих судов, в частности и в Конституционном суде Республики Бурятия.

Одна из причин замедления темпов учреждения органов конституционного

контроля в субъектах РФ кроется в организационной проблеме (в частности, финансовой и кадровой) обеспечения деятельности органов конституционной юстиции субъектов РФ. Первая из этих проблем обусловлена порядком финансирования судов субъектов РФ за счет средств бюджета соответствующего субъекта РФ. В связи с чем экономическое состояние одних, в первую очередь дотационных субъектов, тормозит процесс создания в них данных судов. В других субъектах органы исполнительной власти не желают тратить средства региональных бюджетов на создание судебной системы, полагая, что финансировать эти расходы должен все же федеральный центр. Одним из главных возражений против конституционных и уставных судов — это ссылка на их «незагруженность», слабую интенсивность в рассмотрении дел. При этом нередко их деятельность сравнивается с судами общей юрисдикции. Конституционные и уставные вопросы и споры не сопоставимы с уголовными и гражданскими делами, тем более с делами об административных правонарушениях. Сама подготовка к разрешению конституционного дела иногда требует многомесячного масштабного изучения не только отечественного, но и зарубежного законодательного, правоприменительного и доктринального массива, а также общепризнанных принципов и норм международного права. Это сложная исследовательская работа, во многом неизвестная судьям общей юрисдикции. Так, в 2008 году на сессии Народного Хурала Республики Бурятия

некоторые депутаты неосновательно утверждали, что Конституционный суд Бурятии как институт не нужен, за год рассматривают два-три дела, а средства на их содержание ежегодно республика тратит огромные.

В связи с созданием конституционных (уставных) судов возникает и ряд организационных проблем, касающихся выбора оптимального варианта состава суда, порядка его формирования. Во многом это обусловлено финансированием суда за счет бюджета субъекта РФ, а также предполагаемой интенсивностью работы суда. Опыт показывает, что весьма «рискованно» создавать суд в составе менее пяти судей, когда по тем или иным причинам может оказаться под вопросом необходимый для рассмотрения дела кворум¹. Такая ситуация нередко возникает и в судах, если он сформирован частично (например, Конституционный суд Республики Бурятия, когда один судья перешел на другую работу, не смог функционировать продолжительное время). В ст. 5 Закона Республики Бурятия «О Конституционном суде Республики Бурятия» установлено, что Конституционный суд состоит из Председателя Конституционного суда и четырех судей². На практике данная норма не реализована. На протяжении всей своей деятельности Конституционный суд осуществляет свои полномочия в составе Председателя и двух судей. Аналогичная ситуация сложилась в некоторых других субъектах РФ. Поэтому в силу того, что в Законе Республики Бурятия ничего не говорится о возможности осуществления полномочий Конституционным судом Республики Бурятия в усеченном составе, подобное положение является нарушением ряда конституционных норм, таких как право граждан на участие в отправлении правосудия, право граждан на рассмотрение Конституционным судом их жалоб и др. В случае выбытия хотя бы одного судьи становится невозможным выполнение Конституционным судом

Республики Бурятия закрепленных за ним полномочий, поскольку в ст. 25 Закона «О Конституционном суде Республики Бурятия» установлено, что суд правомочен рассматривать вопросы и принимать решения при наличии не менее трех судей. Поэтому выход видится в назначении судей в количестве, установленном законом, либо изменении нормы закона и установлении числа судей, фактически осуществляющих свои полномочия. На сегодняшний день не существует единого порядка назначения (избрания) судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Каждый субъект федерации по своему усмотрению регулирует данный вопрос. Согласно Закону «О Конституционном суде Республики Бурятия» в случае выбытия судьи из состава Конституционного суда республики отбор кандидатов на освободившуюся должность осуществляется на конкурсной основе в порядке, установленном федеральным законом. Не совсем понятно, как порядок назначения (избрания) судей согласуется со ст. 18 Закона «О Конституционном суде Республики Бурятия», где закреплено, что в полномочия Председателя суда входит предложение Президенту Республики Бурятия кандидатуры на должность судьи Конституционного суда Республики Бурятия. Вполне вероятно, что отобранные на конкурсной основе кандидатуры на должность судьи будут представляться Председателем суда Президенту Республики Бурятия, который в свою очередь внесет их на рассмотрение Народного Хурала Республики Бурятия³.

В последнее время конституционные и уставные суды субъектов федерации для обоснования своих правовых позиций все чаще применяют общепризнанные принципы и нормы международного права. Конституционные (уставные) суды субъектов федерации с нарастающей интенсивностью используют в своих решениях принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской

Федерации. Анализ решений конституционных и уставных судов показывает, что за период их существования для аргументации своих правовых позиций они использовали свыше 20 актов международного права. Среди них: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Европейская Хартия о местном самоуправлении от 15 октября 1985 г.; Венская конвенция от 8 ноября 1968 г. «О дорожном движении»; Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.; Декларация по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. и другие акты международного права⁴. В своих решениях Конституционный суд Республики Бурятия дает интерпретацию норм актов международного права в совокупности с нормативными актами внутреннего законодательства и используют ее в качестве аргументов, доводов для доказательства формулируемой правовой позиции. Однако необходимо отметить, что Конституционный суд республики применяет нормы международного права только в постановлениях, но не использует в определениях и заключениях, в отличие от Конституционного суда Российской Федерации.

К сожалению, среди полномочий Конституционного суда Республики Бурятия нет права рассматривать дела по жалобам граждан в порядке абстрактного нормоконтроля. Из действующих конституционных, уставных судов субъектов Российской Федерации только Конституционный суд Республики Карелия обладает данным правомочием. Многие ученые и практики полагают, что наделение граждан правом обращения в конституционные (уставные) суды вне связи с конкретным делом повысит количество обращений и соответственно количество рассмотренных органами конституционной (уставной) юстиции дел⁵.

Анализ работы Конституционного суда Республики Бурятия позволяет сделать вывод о его значительном вкладе в укрепление законности, обеспечение защиты прав и свобод граждан, освобождение правового пространства от нелегитимных актов. По итогам рассмотрения обращений о проверке конституционности законов и иных нормативных актов органов государственной власти и местного самоуправления в Республике Бурятия за 15 лет Конституционным судом Республики Бурятия вынесено 117 итоговых решений, в том числе 39 постановлений и 78 определений. Положения 25 законов Республики Бурятия и иных нормативных актов признаны не соответствующими Конституции Республики Бурятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митюков М.А. О проблемах создания и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Проблемы образования и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева и др. – М., 2000. – С. 19.

² О Конституционном суде Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 25 окт. 1994 г. № 42-1 // Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. – 1995. – № 2.

³ Хантаев А.Р. Закон Республики Бурятия «О Конституционном суде Республики Бурятия»: некоторые проблемы применения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 143.

⁴ Гошуляк В.В. Правовая аргументация при выработке правовых позиций конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2004. – № 11. – С. 17.

⁵ Хантаев А.Р. Указ. соч. – С. 143.

Аннотация

В статье на примере деятельности Конституционного суда Республики Бурятия рассматриваются отдельные проблемы конституционного правосудия.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционные (уставные) суды, конституционный контроль, Республика Бурятия.

Summary

The article deals with separate problems of the constitutional justice by the example of the activity of the Constitutional court of the Republic of Buryatia.

Key words: constitutional justice, constitutional courts, constitutional control, the Republic of Buryatia.

УДК 34:001.4

О ПРИМЕНЕНИИ ПОНЯТИЯ «СФЕРА»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Р.И. Загидуллин, аспирант Казанского (Приволжского)
федерального университета*

В современной отечественной юридической науке сложился определенный фундаментальный комплекс категорий, понятий, которые широко используются во всех отраслях права (общественные отношения, предмет, метод, отрасль права, институт и др.). Одновременно наблюдается процесс введения в научный оборот новых терминов и понятий, постепенно получающих распространение в юридической практике. Одним из таких новшеств является термин «сфера». Стали привычными в научном обиходе такие словосочетания, как «жилищная сфера»¹, «социальная сфера»², «экономическая сфера»³, «сфера наделяемая отдельными государственными полномочиями»⁴ и т.д.

Следует отметить, что данное понятие используется не только учеными-юристами, но и фиксируется в законодательных актах (федеральных и региональных). Например, в Федеральном законе от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании»⁵ термин «сфера» употребляется для обозначения областей деятельности органов управления и образовательных учреждений и др. П. 5 ст. 1 сообщает: «В государственных и муниципальных образовательных учреждениях, органах, осуществляющих управление в сфере образования, создание и деятельность организационных структур политических партий, общественно-политических и религиозных движений и организаций (объединений) не допускаются». В п. 6.2 ст. 9 того же Закона декларируется о том, что «к структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования и условиям ее реализации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, устанавливаются федеральные государственные требования».

Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»⁶, действовавший в период с 1999 по 2003 год, под предметом ведения Российской Федерации понимал «сферу общественных отношений, регулирование которой отнесено Конституцией Российской Федерации исключительно к компетенции Российской Федерации». Как видно, федеральный законодатель посредством термина «сфера» передал определение понятия «предметы ведения Российской Федерации».

В Федеральном законе от 24 декабря 1992 года № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики»⁷ под понятием «жилищная сфера» подразумевается «область народного хозяйства, включающая строительство и реконструкцию жилища, сооружений и элементов инженерной и социальной инфраструктуры, управление жилищным фондом, его содержание и ремонт». Жилищный же кодекс Российской Федерации⁸ не содержит официального определения «жилищная сфера», одна-

ко данное словосочетание в нем также применяется. Например, п.1 ст. 2 названного Кодекса гласит: «...содействуют развитию рынка недвижимости в жилищной *сфере* в целях создания необходимых условий для удовлетворения потребностей граждан в жилище».

В ст. 14.1 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁹ также присутствует данное понятие: «оказание содействия национально-культурному развитию народов Российской Федерации и реализации мероприятий в *сфере* международных отношений на территории поселения».

Если в федеральных законах термин «сфера» непосредственно применяется в тексте, то в ряде региональных законодательных актов — уже в самом названии законодательного акта. Эта тенденция особенно наглядно проявляется в законах, имеющих отношение к вопросам о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями: например, региональные законы о наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере архивного дела (Кировская область)¹⁰, в сфере поддержки сельскохозяйственного производства (Кировская область)¹¹, в сфере охраны труда (Самарская область)¹².

Следует также отметить, что в решениях Конституционного суда Российской Федерации также встречается понятие «сфера» в различных словосочетаниях. Например, в сфере правового регулирования¹³, в сфере народо-властия¹⁴, в сфере правосудия¹⁵, в сфере бюджетного регулирования¹⁶ и т.д.

Таким образом, в процессе правотворчества федеральный и региональный законодатель довольно часто прибегают к термину «сфера», однако нормативное определение данного понятия на сегодняшний день пока отсутствует. Возможно, это обстоятельство обусловлено, с одной стороны, его отсутствием

в Конституции Российской Федерации, а с другой — новизной.

В этой связи востребовано выяснение значения понятия «сфера» в лингвистическом, философском и юридическом аспектах.

Слово «сфе́ра» греческого происхождения (*sphaira* — шар), которая означает замкнутую поверхность, все точки которой равноудалены от центра. В русском языке понятие «сфера» имеет несколько значений: 1) а) замкнутая поверхность, все точки которой равноудалены от центра, б) поверхность и внутреннее пространство шара; 2) общественное окружение, среда; 3) пределы распространения чего-либо¹⁷. По смысловому содержанию юридической науке подходит третье значение данного понятия.

В философии, например, под этим термином понимается область действия, пределы распространения чего-либо¹⁸. В экономике под сферой подразумевается область определенного вида деятельности: производственная сфера, инновационная сфера¹⁹. В политологии «сфера политическая» означает одну из основных подсистем общества, охватившей политико-властные отношения государства и общества. Содержание политической сферы можно выразить через интеграцию интересов политических субъектов в форме общегосударственных, общественных интересов, направлении их деятельности на улучшение жизни народа, наведения порядка и стабильности путем осуществления политико-властных действий. Политическая сфера как бы вбирает в себя совокупность воли многообразных субъектов, но не посягает на их относительную самостоятельность, автономность²⁰.

Примечательно, что в юридических словарях²¹ не встречается разъяснение понятия «сфера». Это явление в значительной степени можно объяснить тем, что для юриспруденции данное понятие является опосредованным, далеким от конкретно-юридического употребления термином. Однако довольно частое обращение к нему в российской

правовой науке и практике в рамках различных словосочетаний порождает необходимость его интерпретации и как юридического термина. Например, сразу возникает закономерный вопрос: что подразумевает законодатель, употребляя такие понятия, как «жилищная сфера», «сфера образования», «сфера наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» и т.д.

Поиск ответа на этот вопрос требует соотнесения понятия «сфера» с такими основополагающими понятиями, как «отрасль права», «предмет правового регулирования», «правовой институт» и другими.

В зависимости от того, какие общественные отношения нормы права регулируют, они объединяются в обособленные, относительно самостоятельные группы. Самые большие группы именуется отраслями права. Отрасль права — это часть системы права, представляющая собой совокупность правовых норм, регулирующих качественно однородную группу общественных отношений с присущим ей особым методом правового регулирования. Каждая отрасль права отличается от другой предметом и методом правового регулирования. Под предметом правового регулирования понимаются те общественные отношения, которые регулируются юридически²². Предмет регулирования является главным, объективным основанием для распределения правовых норм по отраслям права²³.

Однако здесь следует помнить, что не все общественные отношения регулируются правом. Именно в таких случаях, по нашему мнению, применяется понятие «сфера».

Таким образом, можно констатировать, что термин «сфера» обозначает совокупность однородных общественных отношений. В данном случае, по нашему мнению, понятие «сфера» шире, чем понятие «отрасли права», «предмета правового регулирования», так как включает в себя не только обязательные правила поведения, регулируемые

государством, но и часть общественных отношений, не урегулированных правовыми нормами.

Но и здесь следует помнить, что если речь идет о «сфере правового регулирования», под которой мы понимаем совокупность общественных отношений, которую возможно и необходимо упорядочить с помощью права, то функционирование тех отношений невозможно без использования правовых средств. Таким образом, составить «сферу правового регулирования» могут только те отношения, которые поддаются правовому регулированию²⁴.

Также следует отметить, что нормы внутри правовых отраслей также группируются по институтам и субинститутам (подинститутам). Но будучи понятием универсальным, сфера может применяться в различных вариантах. Например, говоря об институте наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, мы можем использовать такое словосочетание, как «сфера наделяния органов местного самоуправления...», которое фактически употребляется как синоним термина «институт». В то же время данное понятие может войти в состав более узких по содержанию словосочетаний: наделяние органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере архивного дела, в сфере образования, в сфере опеки и попечительства и т.д. При этом в рамках выделенных словосочетаний также можно обнаружить и иные «сферы»: «наделяние органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в сфере социальной поддержки отдельных категорий населения», «сфера оплаты труда приемных родителей», «сфера выплаты ежемесячного денежного пособия опекуну (попечителю), приемному родителю на содержание ребенка, находящегося под опекой (попечительством), в приемной семье», «сфера социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов», «сфера предоставления гражданам, имеющим детей в возрасте до трех

лет, ежемесячной денежной выплаты на приобретение специальных молочных продуктов» и т.д.

Также необходимо обратить внимание на экономический термин «сфера», под которым, как уже отмечалось, понимается «определенный вид деятельности». По нашему мнению, понятие «сфера» в юриспруденции также возможно применить к различным видам деятельности, например, «расширение сферы деятельности судов» или, по отношению правотворческой деятельности, можно употребить словосочетание «правотворческая сфера».

Таким образом, понятие «сфера», употребляемое в юридической науке и практике, является сложным термином, обозначающим как совокупность однородных общественных отношений, так и, в случаях установленных законом, какой-либо вид юридической деятельности. Однако и законодатель, и судьи, и ученые-юристы употребляют данное понятие без смысловой нагрузки, хотя, по нашему мнению, оно обладает большим потенциалом для дальнейшего развития теории юриспруденции. Следовательно, понятие «сфера» заслуживает более глубокого, специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, *Маслей С.Э.* Компетенция органов местного самоуправления в жилищной сфере (муниципально-правовое исследование): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — 23 с.; *Петров Д.А.* Сделки с недвижимостью в жилищной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 1998. — 21 с.; *Кудашкин А.В.* Социальные гарантии военнослужащих по налогам в жилищной сфере // *Право в вооруженных силах.* — 2009. — № 10. — С. 74–78; Федеральный закон от 24 декабря 1992 года № 4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики» // *Российская газета.* — 1993. — 23 января. — № 15 (утратил силу).

² Например, *Суменков С.Ю.* Социальная сфера как основа исключений из правил // *Правовая политика государства: теория, история, практика.* Сб. науч. ст. Вып. 1. — Пенза: Информ.-изд. центр ПГУ, 2004. С. 141-149; *Корневская С.Н.* Административно-правовое регулирование муниципального управления в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2004. — 24 с.

³ Например, *Адзинова Е.А.* Обеспечение конституционного права на судебную защиту в экономической сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 26 с.; *Карягина В.С.* Правореализация в экономической сфере: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — 176 с.; *Адзинова Е.А., Ермошин Г.Т.* Развитие в законодательстве о судебной власти конституционного права на судебную защиту в экономической сфере // *Законодательство и экономика.* — 2004. — № 11. — С. 78–90.

⁴ Например, Закон Удмуртской Республики от 16 мая 2006 года № 19-РЗ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Удмуртской Республики в сфере поддержки сельскохозяйственного производства» // *Известия Удмуртской Республики.* — 2006. — 23 мая. — № 71; Закон Самарской области от 10 июля 2006 года № 72-ГД «О наделении органов местного самоуправления на территории Самарской области отдельными государственными полномочиями в сфере охраны труда» // *Волжская коммуна.* — 2006. — 14 июля. — № 126 (26679).

⁵ *Российская газета.* — 1992. — 31 июля. — № 172.

⁶ *Российская газета.* — 1999. — 30 июня (утратил силу).

⁷ *Российская газета.* — 1993. — 23 января. — № 15 (утратил силу).

⁸ *Российская газета.* — 2005. — 12 января. — № 1.

⁹ *Собрание законодательства Российской Федерации.* — 2003. — № 40. — Ст.3822.

¹⁰ Закон Кировской области № 360-ЗО от 17 сентября 2005 г. «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов, городских округов Кировской области отдельными государственными полномочиями области в сфере архивного дела» // *Вятский край.* — 2005. — 4 октября. — № 182(3590).

¹¹ Закон Удмуртской Республики от 16 мая 2006 года № 19-РЗ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Удмуртской Республики в сфере поддержки сельскохозяйственного производства» // *Известия Удмуртской Республики.* — 2006. — 23 мая. — № 71.

¹² Закон Самарской области от 10 июля 2006 года № 72-ГД «О наделении органов местного самоуправления на территории Самарской области отдельными государственными полномочиями в сфере охраны труда» // Волжская коммуна. — 2006. — 14 июля. — № 126 (26679).

¹³ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2010. — 12 марта. — № 5130.

¹⁴ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 22 июня 2010 года № 14-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 статьи 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. — 2010. — 7 июля. — № 5226.

¹⁵ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 марта 2009 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2009. — 1 апреля. — № 55.

¹⁶ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 11 ноября 2003 года № 16-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» // Российская газета. — 2003. — 18 ноября. — № 3347.

¹⁷ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Сост. Т.Ф.Ефремова. Т.2: П-Я. М.: Изд-во «Русский язык», 2000. — С. 316; Популярный энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — С. 286; Большая Советская энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров. М. «Советская Энциклопедия». — С. 114.

¹⁸ Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2005. — С.444.

¹⁹ Современный экономический словарь. 4-е из. перераб и доп. — М.: ИНФРА-М, 2005. — С.380.

²⁰ Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь-справочник (политология); отв. ред. Борцов Ю.С. — Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1997. — С.501.

²¹ Большой юридический энциклопедический словарь. — М.: Книжный мир, 2005. — 720 с.; Российская юридическая энциклопедия. — М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. — 686 с.; Домашняя юридическая энциклопедия. — М.: Рипол Классик, 2004. — 640 с.

²² Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений / М.И. Абдулаев. — М.: Магистр-Пресс, 2004. — С. 211.

²³ Хропанюк В.Л. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В. Г. Стрекозова. М.: Изд-во «Интерстиль», «Омега-Л». — 2008. — С. 223.

²⁴ Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел. — 2000. — С. 532.

Аннотация

В современной юридической науке происходит введение в научный оборот новых терминов и понятий. Одним из них является термин «сфера», который на сегодняшний день применяется без смысловой нагрузки, хотя обладает большим потенциалом для дальнейшего развития теории юриспруденции.

Ключевые слова: сфера, институт, наделение отдельными государственными полномочиями.

Summary

The introduction of new terms and notions into scientific circulation takes place in modern jurisprudence. One of them is the term «sphere» which is nowadays applied without any notional load although it possesses great potential for further development of the theory of jurisprudence.

Key words: sphere, institute, providing with state power.

УДК 342.4

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ КОНСТИТУЦИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

*Р.Р. Муртазина, аспирант Казанского (Приволжского)
федерального университета*

Основу правовой системы республики составляет ее конституция. Специфической чертой конституций субъектов Российской Федерации, с процессуальной точки зрения, по сравнению с другими нормативными правовыми актами субъектов федерации, являются их стабильность и относительная устойчивость.

Основы конституционного правотворчества субъектов Российской Федерации заложены в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе от 06.10.1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в редакции от 05.04.2010)¹.

Названным федеральным законом предусмотрены общие правила принятия конституций субъектов Российской Федерации и поправок к ним. На основании названного федерального законодательного акта конституции субъектов Российской Федерации принимаются законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, если иное не установлено конституциями, большинством не менее двух третей голосов от установленного числа депутатов. Таким образом, субъектом Российской Федерации может быть установлен и более сложный порядок изменения конституции.

Более сложным является, например, порядок изменения конституции путем республиканского референдума или наличие каких-либо обязательных процедур, например, опубликование для всеобщего сведения и обсуждения законопроекта либо опрос граждан. Усложненный порядок изменения республиканской конституции, как правило, ведет к «удорожанию» процедуры внесения изменений. В таких случаях можно говорить о стоимости того или иного изменения Основного Закона.

Так, например, статья 4 Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 15.06.2002. 15-з № 361-II «О порядке принятия Конституционного закона Республики Саха (Якутия) «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Саха (Якутия)» содержит императивную норму, согласно которой все изменения и дополнения Конституции Республики Саха подлежат обсуждению населением. Кроме того, статьей 8 названного закона закреплено, что предложения об изменениях и дополнениях должны содержать в том числе и результаты опросов общественного мнения. Правда, республиканский законодатель не конкретизировал количество опрошенных, однако в любом случае сама организация процедуры опроса потребует дополнительных бюджетных средств.

Закон Республики Коми от 07.07.2006. № 65-РЗ «О выборах, референдумах и опросе в Республике Коми»² наделяет субъектов права законодательной инициативы в Государственном Совете Республики Коми правом выступить с предложением о проведении опроса. Указанный закон устанавливает, что республиканский опрос граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Коми, проводится в целях выявления мнения населения в случаях, предусмотренных законодательством Республики Коми. При этом закон предусматривает два вида проведения опроса граждан: тайное голосование по бюллетеням опроса на участках проведения опроса и поименное голосование по опросным спискам на участках проведения опроса. Законодательство Республики Коми не содержит норм о том, что опрос граждан обязателен в случаях изменения республиканской конституции, хотя такой механизм стал бы дополнительной гарантией демократических основ законодательного процесса, но приведет к необходимости его финансирования.

Отдельные республиканские конституции содержат положения о том, что они могут быть изменены посредством референдума. Так, возможность изменения посредством референдума содержат в себе, например, конституции Удмуртской Республики, Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Республики Дагестан, Республики Калмыкия³, Республики Тыва, Республики Татарстан.

Являясь одним из основных институтов непосредственной демократии, референдум – процедура достаточно дорогая. Однако некоторые положения отдельных конституций можно изменить только посредством референдума.

Так, например, поправки к главам I и XVI Конституции Республики Тыва принимаются референдумом Республики Тыва. Положения статьи 1 Конституции Республики Татарстан и статьи 123 Конституции Республики

Татарстан могут быть изменены только посредством референдума Республики Татарстан.

В информации Конституционного суда Российской Федерации об исполнении решений Конституционного суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года Конституционный суд Российской Федерации обращает внимание на сохранившиеся в статье 1 Конституции Республики Татарстан положения о суверенитете республики, несмотря на имеющийся вывод Конституционного суда Российской Федерации о неконституционности таких положений⁴.

Действительно, решением Верховного суда Республики Татарстан от 31.03.2004 г. № 3П-1-23/2004 г. подтверждено, что положения части 1 статьи 1 в той части, что Республика Татарстан объединена с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и Договором Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан, аналогичны по содержанию нормам учредительных актов других субъектов Российской Федерации, ранее признанным Конституционным судом Российской Федерации несоответствующими Конституции Российской Федерации. Учитывая изложенное, согласно статье 80 ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации», Президент Республики Татарстан должен был внести в Государственный Совет Рес-

публики Татарстан законопроект о внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан. Однако статьей 123 Конституции Республики Татарстан закреплено, что положения статьи 1 Конституции Республики Татарстан и самой статьи 123 могут быть изменены только по результатам референдума Республики Татарстан. Такой порядок изменения Конституции Республики Татарстан вполне соответствует федеральному законодательству и отвечает правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 18 июля 2003 года № 13-П.

Таким образом, изменить Конституцию Республики Татарстан возможно только посредством референдума. По данным Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан, для изменений такого рода потребуется 130–150 миллионов рублей⁵, что в период финансового кризиса серьезная сумма даже для Республики Татарстан.

Однако следует отметить, что проблема внесения изменений в Конституцию Республики Татарстан связана не только с финансированием.

Согласно подпунктам «а» и «б» пункта первого статьи 11 Закона Республики Татарстан от 09.08.2003 г. № 33 З-РТ «О референдуме Республики Татарстан» инициатива проведения референдума принадлежит: гражданам, имеющим право на участие в референдуме; избирательному объединению, иному общественному объединению, устав которого предусматривает участие в выборах и (или) референдумах и которое зарегистрировано в порядке, определенном федеральным законом на республиканском или федеральном уровне, не позднее чем за один год до

дня образования инициативной группы по проведению референдума.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» не предусматривает механизма исполнения решения суда в случае, если норма, признанная неконституционной, подлежит изменению в рамках референдума.

Таким образом, в сложившейся ситуации Президент Республики Татарстан не может обратиться с соответствующим законопроектом, так как этот вопрос должен решаться в рамках референдума, а правом инициативы проведения референдума глава Республики Татарстан не наделен. Исполнить решение Конституционного суда Российской Федерации без изменения действующего законодательства не представляется возможным. Хотя выход из ситуации все же есть: правом выступить с инициативой проведения референдума можно наделить Президента Республики Татарстан, который в таком случае будет иметь возможность и обязанность, в контексте решений Конституционного суда РФ, инициировать процедуру внесения изменений в Основной Закон Республики Татарстан.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что проблемы финансирования в условиях финансового кризиса не должны становиться причиной сужения демократических основ законодательного республиканского процесса. Очевидно, что необходимость дополнительного финансирования при решении вопросов изменения конституции субъекта является вполне оправданной, так как любые изменения конституции как Основного Закона правовой системы субъекта федерации требуют особого внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 06.10.1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18.10.1999 г., № 42, ст. 5005.

² Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми, 23.01.2007 г., № 1, ст. 4657.

³ Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия содержит положение о том, что его действие может быть прекращено только путем референдума Республики Калмыкия.

⁴ Опубликовано на официальном сайте Конституционного суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=701>.

⁵ *Плотникова И.* От Татарстана требуют поправить конституцию // *Вечерняя Казань.* – 2009. – 10 июня.

Аннотация

Статья рассматривает процесс внесения изменений в Конституцию Республики Татарстан, проблемы исполнения решений Конституционного суда Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционный процесс, конституция субъекта Российской Федерации, внесение изменений в конституцию.

Summary

The article deals with the process of making changes into the Constitution of the Republic of Tatarstan, problems of carrying out the decisions of the Constitutional court of the Russian Federation.

Key words: constitutional process, Constitution of the subject of the Russian Federation, making changes into the Constitution.

Алеева Г. У. Татарский язык: общественно-политическая лексика. — Казань: Алма-Лит, 2010. — 344 с. Научный редактор: Ф. Ю. Юсупов.

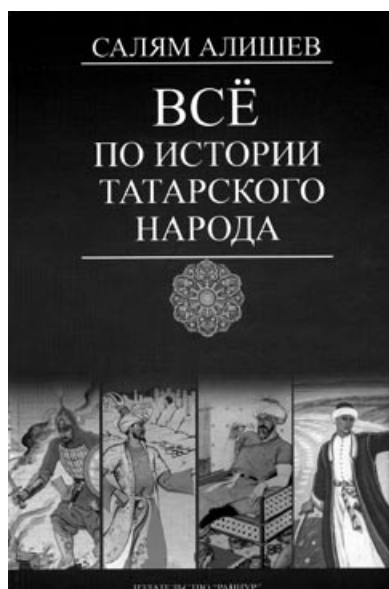
Данная работа представляет собой первый опыт монографического исследования общественно-политической лексики в татарском языке, где впервые собрана и систематизирована общественно-политическая лексика татарского языка. Автор доказывает, что в современном татарском языке имеется богатый пласт данной лексики, часть которой зафиксирована еще в Орхоно-Енисейских памятниках. В книге определены историко-генетические пласты, структура и способы образования общественно-политической лексики; выявлены недочеты в лексикографировании и употреблении общественно-политической лексики татарского языка, намечены пути их устранения и предупреждения.

Книга может быть полезной для филологов, языковедов, аспирантов, студентов вузов и для широкого круга читателей.

Алишев С. Х. Все по истории татарского народа. — Казань: Изд-во «Раннур», 2010. — 608 с.

Книга С. Х. Алишева состоит из пяти разделов: «Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. XIII—XV вв.», «Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв.», «Тернистый путь борьбы за свободу», «Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании», «Правовое положение татар в России. XIX в.». Первые четыре раздела книги представляют ранее изданные труды ученого. В первой главе пятого раздела освещаются: правовое положение различных сословно-социальных групп татар в первой половине XIX в.: купечества, государственных крестьян, мусульманского духовенства; правительственные меры пресечения случаев возвращения крещеных татар в ислам и т. п. Во второй главе социально-правовое положение татар рассматривается в контексте происходящих в России модернизационных процессов. В третьей главе повествуется об антиправительственных выступлениях татарских крестьян против фискального, национального гнета, бесчинства местных чиновников, дается характеристика движения возвращения крещеных татар в ислам в XIX в.

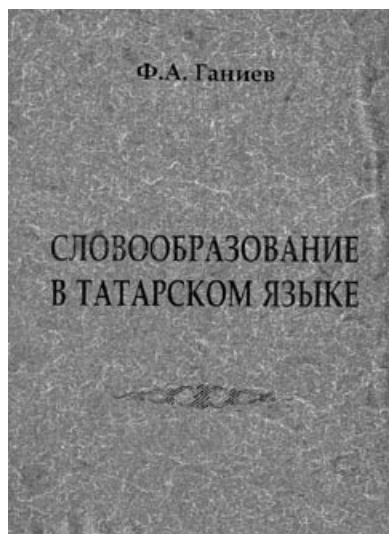
Ганиев Ф.А. Словообразование в татарском языке. — Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2009. — 726 с.

В монографии исследуется словообразование в современном татарском языке. Рассматриваются теоретические проблемы тюркского словообразования, где выдвигается ряд новых положений.

В ней подвергается анализу восемь способов словообразования татарского языка, тогда как во многих трудах по тюркологии их количество не превышает 4-5 способов, три способа образования сложных слов сводится к одному, что полностью искажает картину словопроизводства. В работе суффиксальное словообразование рассматривается в связи и в зависимости от производящих основ, что представляет собой единственно правильный путь его исследования, до сих пор на фонетическое словообразование и на конверсию мало обращается внимание.

В книге дается полный научный анализ всех способов словообразования на большом фактическом материале. Монография вносит много нового как в татарское языкознание, так и в тюркологию.

Она рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей вузов и школ, научных работников и всех тех, кто интересуется вопросами языкознания.

Ганиев Ф.А. Словообразование сложных слов в татарском языке. — Анкара, 2010. — 154 с.

В Турции переведена на турецкий язык и издана книга члена-корреспондента Академии наук Татарстана, главного научного сотрудника ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, профессора Ф.А.Ганиева «Словообразование сложных слов в татарском языке» Государственным плановым комитетом. Переводчик Чаштегин Тургунбайер.

В данной монографии исследуется очень актуальная и важная проблема тюркологии — образование сложных слов. Со времени Вильгельма Гумбольдта тюркские языки рассматривались как агглютинативные (суффиксальные), но, как показывают современные исследования, больше половины лексических единиц (слов) выражается аналитическими средствами (т.е. дополнительными словами), в книге исследуется три способа образования сложных слов: сложение слов, переход словосочетаний в сложные слова, лексикализация словосочетаний при одновременной их суффиксации. Основу исследования составляет глубокий анализ структуры и образования сложных слов. В лексикографии рассматривается 150 типов образования сложных слов с многочисленными моделями. Монография не имеет аналогов в тюркологии.

Ганиев Ф.Э. Тезмә фигыльләрнең аңлатмалы сүзлеге. Беренче кисәк. – Казан: Мәгариф, 2010. – 376 бит.

Составные глаголы в татарском языке представляют собой большую часть лексики глаголов татарского языка. Несмотря на это, в тюркологии на них весьма мало обращается внимание. Они даже как лексические единицы практически не включаются в словари, несмотря на то, что они представляют значительное богатство татарского языка..

Составные глаголы татарского языка по структуре и семантике полностью совпадают с такими единицами японского языка и языка хинди.

Данный труд – это толковый словарь составных глаголов в татарском языке, где приводятся актуальные составные глаголы и дается толкование (пояснение) их значения. Первая часть словаря включает составные глаголы от буквы «А» до буквы «Л».

Такого словаря не имеется в тюркологии.

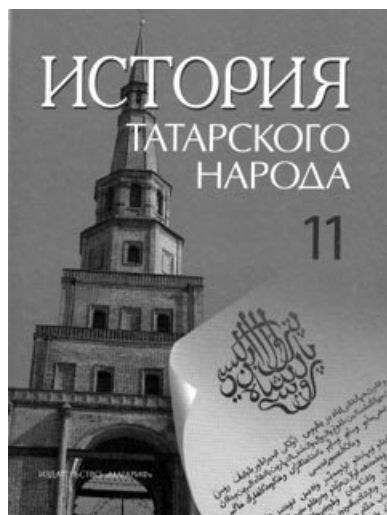

История татарского народа. XVIII – начало XX вв.: учеб. пособие для 11 кл. общеобразоват. шк. (профильный уровень) / авт.-сост. И.К. Загидуллин, М.М. Гибатдинов, Д.Ф. Загидулина. – Казань: Магариф, 2010. – 320 с.

Учебное пособие предназначено для профильных классов полной средней школы (XI класс), адресовано учащимся, желающим углубленно (по сравнению с базовым уровнем) изучать историю и обществоведческие дисциплины (гуманитарный, социально-экономический профили).

Авторы рассматривают профильный уровень второго центра как своеобразный предуниверсарий, призванный подготовить выпускника школы к последующему профессиональному образованию по выбранному профилю. Включенный в учебное пособие материал позволяет на принципиально новом уровне расширить и углубить знания, полученные при изучении курса «История Татарстана» в первом центре. Оно носит модульный характер и включает в себя те аспекты истории татарского народа, которые прежде были недостаточно отражены в традиционных учебных пособиях и программах.

Учебное пособие предусматривает изучение региональных общих черт и особенностей социально-экономического и культурного развития татар. В основу был взят принцип, объединяющий региональный и этнический аспекты национальной истории, история татар выступает как неотъемлемая часть мировой и российской истории.

Большое внимание уделено отказу от европоцентричного, моносубъектного подхода к истории, в пользу полисубъектного подхода, позволяющего формировать систему ценностей и отношений, соответствующих поликультурному сообществу.

К текстовому материалу каждого из 19 уроков приложены выдержки из источников, раскрывающих отдельные аспекты изложенных событий и явлений, а также служащих материалом для самостоятельной работы учащихся. Учебное пособие широко иллюстрировано.

Отто Дж. Маенхен-Гельфен. Мир гуннов. Исследования истории и культуры / пер. с англ. В.С.Мирзаянова. – Казань: Изд-во «Слово», 2010. – 528 с.

Настоящий труд был первоначально издан на английском языке в США в 1973 г. на основе незавершенной рукописи профессора Отто Дж.Маенхен-Гельфена, посвятившего изучению истории и культуры гуннов практически всю свою творческую жизнь. На русском языке труд американского ученого издается впервые.

Книга состоит из 12 разделов, в каждом из которых освещаются отдельные аспекты заявленной сложной темы: литературные свидетельства, история, экономика, общественные отношения, военное дело, религия, искусство, язык и др. Автор также фрагментарно освещает историю и культуру многочисленных народов Европы и Азии, связанных с гуннами, историческую географию, гуннские войны и др. темы.

Фрагменты рукописи Маенхен-Гельфена, выходящие за пределы темы глав книги, представлены в виде приложения.

Книга богато иллюстрирована: представлены фотографии, рисунки предметов материальной и духовной культуры гуннов и карты (на форзацах).

Этнологические исследования в Татарстане / сост. и отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. – Вып. IV. – Казань: Институт истории АН РТ, 2010. – 324 с.

Четвертый выпуск сборника «Этнологические исследования в Татарстане» посвящен 75-летию заслуженного работника культуры, лауреата Государственной премии в области науки и техники Республики Татарстан, старшего научного сотрудника отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Рауфы Каримовны Уразмановой.

Специальный раздел «Профессия – ученый» посвящен юбилару. В него включена статья Р.Н. Мусиной и С.В. Суловой о жизненном и творческом пути Р.К. Уразмановой; список ее трудов, имеющих важное научное значение

для нового поколения исследователей. Здесь же под названием «К антропологии академической жизни» помещен сценарий «капустника», подготовленный сотрудниками отдела этнологии Института истории АН РТ к юбилею ученого. Нам представляется, что такой материал демонстрирует не только важные грани личности и теплое отношение к юбиляру со стороны коллег, но имеет определенную научную ценность, ибо подготовлен в русле формирования нового направления этнологии – «Антропология академической жизни».

Раздел «История этнологии. Этническая история» включает в себя статьи, направленные на выявление роли ученых в становлении и развитии этнологической науки в регионе (Ф.Ф. Галлиев, Ф.Л. Шарифуллина), истории формирования научного изучения нотографии народных песен татар Волго-Уральского региона (З.Н. Сайдашева), освещение сложных вопросов формирования и развития народов, традиционных культур на территории Татарстана, сопредельных территорий и государств постсоветского пространства (М.М. Акчурин, М.Р. Ишеев, З.А. Махмутов, Е.Г. Гушина, О.А. Масалова, Р.А. Бушков).

Раздел «Традиционные культуры: аутентичность и инновации» содержит работы, выполненные в русле этнографической науки. Особенности хозяйственной деятельности татарских крестьян в первой половине XIX в. раскрываются в работе Н.А. Халикова. С.В. Сулова, описывая коллекции по костюму в музейных собраниях России и Украины, вводит в научный оборот новые этнографические материалы по волго-уральским, сибирским и астраханским татарам, а также по малоизученной группе – крымским татарам. Л.Ф. Фасхутдинова, изучая особенности золотошвейного искусства у татар, в представленной работе рассматривает один из его аспектов – семантику орнаментальных мотивов, показывает связь изобразительных образов в татарском золотном шитье с мифологией народов

Поволжья и Приуралья. Новые интересные материалы представлены в статье Л.Н. Дониной. Основываясь на междисциплинарном подходе – на стыке этнографии, искусствоведения и театроведения, автор раскрывает разновидности интерпретаций татарского костюма в драматическом театре. Следующий блок раздела включает в себя статьи по традиционной духовной культуре. Его открывает работа Р.К. Уразмановой, в которой описывается трансформация народного татарского праздника сабантуя на протяжении полутора веков. Важными аспектами внимания автора стало рассмотрение сабантуя, во-первых, в качестве интегратора и консерватора этнического самосознания татарского народа, во-вторых, его инструментальной функции в условиях глобализации. Особенности свадебного цикла казанских, касимовских татар, мишарей и кряшен раскрывает Ф.Л. Шарифуллина. З.А. Тычинских, основываясь на авторских полевых материалах, а также материалах других исследователей, показывает комплекс родильных обрядов сибирских татар. В.И. Яковлев обосновывает необходимость выделения в качестве самостоятельного научного направления в исследованиях традиционных музыкальных инструментов – исторического этноинструментоведения. Автор раскрывает методологию исследований, доказывает целесообразность организации этноинструментального мониторинга среди народов Волго-Уральского региона. Изучением этнокультурных процессов среди чувашского населения Татарстана продолжает заниматься Г.Р. Столярова.

С этносоциологических позиций рассматривается широкий круг вопросов, представленных в разделе «Этничность в социологическом измерении». Г.И. Макарова раскрывает этнические особенности современных обращений к традиционной культуре; Г.Ф. Габдрахманова показывает потенциал доверительных отношений для межэтнического взаимодействия; анализу потребительских практик татар посвящена работа Н.В. Рычковой.

Этнодемографическая тематика и проблемы этнической толерантности представлены работами молодых исследователей А.В. Николаевой и Р.Р. Кушаева. Процесс формирования этнической идентичности немцев освещен в статье Т.А. Титовой и Т.Р. Бариева. Самостоятельным блоком выступают работы, направленные на изучение религии и отражающие сложные процессы реформирования татарского мусульманского сообщества в конце XIX в. (Р.Р. Габбасов) и качественно различное возвращение ислама среди этно-

территориальных групп российского общества в 1990–2000-е гг. (Л.В. Сагитова). Раздел «Идеология и этнокультурная политика» представлен работами Л.А. Юсуповой и Д.М. Исакова, которые имеют особое значение для осмысления конструктивистской роли национальной и научной интеллигенции.

В сборник включен анонс монографических изданий, подготовленных татарстанскими исследователями в 2010 г.

Г.Ф. Габдрахманова,
кандидат социологических наук

Горбачев И.Г., Печников В.Н. Институт цензуры в российском законодательстве XVI–XIX вв. (Историко-правовое исследование). Изд. второе (дополненное). — Казань: Юниверсум, 2010.

Выход в свет второго издания монографического исследования И.Г. Горбачева и В.Н. Печникова представляет весьма своевременным.

История формирования отечественного законодательства о печати и цензуре переплетается с проблемами борьбы за гласность, за свободное слово. В России свобода средств массовой информации пробивалась трудными, тернистыми путями. Интерес к указанным проблемам обуславливается огромным историческим значением печати для общества. Между тем специальные труды о цензуре печати (Н.А.Энгельгардт, А.М.Скабичевский, К.К.Арсеньев и др.) были созданы в подавляющем большинстве еще в XIX столетии, и стали уже библиографической редкостью. Юридическая и историческая литература по данной проблеме содержала фрагментарный и весьма разбросанный материал. Эти пробелы практически устранены с выходом рецензируемого труда.

Авторами впервые комплексно исследована правовая система, составляющая содержание института цензуры, в исторической последовательности его формирования. Структура работы определяется предложенной И.Г. Горба-

чевым и В.Н. Печниковым периодизацией этапов развития законодательства о цензуре.

Первая глава монографии отведена вопросам историографии проблемы. Авторами дается обстоятельный, комплексный анализ источников, послуживший базой исследования. Привлекает внимание содержание дневников и другой мемуарной литературы, оставленных высокопоставленными государственными деятелями XIX — начала XX столетия: записки министра внутренних дел П.А.Валуева, министров народного просвещения А.С.Шишкова, А.В.Головнина, цензоров С.Н.Глинки и Вас.Цее, блистательного академика А.В.Никитенко и др., всего 23 источника. Существенный интерес представляет содержание официальных документов, в том числе проектов цензурных уставов, официальных записок высших царедворцев, причем большинство данных документов впервые вводится в научный оборот. Авторами изучен значительный пласт специальных исследований, так или иначе связанных с исследуемой проблемой, их более 240.

Во второй главе монографического труда И.Г.Горбачева и В.Н.Печникова рассматриваются процессы становления цензурного контроля над российской печатью и его правовое регулирование до создания системы цензурных учреждений (середина XVI — начало

XIX вв.). Авторы отмечают, что первые зримые попытки ввести правительственный контроль над печатью были предприняты к концу 50-х гг. XVIII в. Именно тогда фактически началось становление института духовной цензуры, сделаны шаги в осуществлении надзора за журналистикой. Вместе с тем в целом нормотворческая деятельность «до-екатерининской» поры в рассматриваемой сфере характеризовалась крайней казуистичностью, в ней отсутствовала какая-либо определенная стратегия (с. 21–22).

Качественно новый этап формирования института цензуры связывается с правлением Екатерины II. Именно по ее инициативе в 1770-х гг. в России впервые было разрешено создание «вольных» (частных) типографий, а в этих условиях потребовалось усиление цензурного контроля над печатью. Указом 15 января 1783 г. осуществление цензурных полномочий возлагалось на полицейские учреждения — управы благочиния. Революционные события во Франции вызвали ответную реакцию российского Престола; 1790-е гг. ознаменовались борьбой правительства с «вредными» идеями. Цензурная политика Павла I фактически являлась продолжением и совершенствованием системы мер по ужесточению борьбы с инакомыслием. Достигала ли эта политика своих главных целей? Выводы авторов рецензируемого труда свидетельствуют об обратном (с. 39).

Третья глава монографии посвящена анализу нормотворческих новаций в эпоху Александра I. В правительственной политике в отношении цензуры этого времени И.Г.Горбачев и В.Н.Печников выделяют два этапа, приходящихся, соответственно, на первое и второе десятилетия царствования императора. Начальный период правления Александра характеризуется в целом как реформистский, либеральный. Снимаются некоторые обременительные цензурные ограничения, 9 июля 1804 г. император подписывает первый российский кодифицированный акт —

Устав о цензуре. Авторы справедливо подчеркивают важность его издания. Началось институциональное оформление цензуры. Была осуществлена попытка не только обобщить, систематизировать предшествующие узаконения, но и продвинуть вперед сферу управления цензурой. Своим гуманным отношением к писателям, относительной мягкостью санкций Устав выгодно отличался от датских узаконений о печати, первоначально положенных за основу проекта его составителями — Н.Н.Новосильцевым, Н.Я.Озерецковским, Н.И. Фусом.

В монографии делается акцент на том, что российская цензура, в отличие от западной, изначально получила не столько карательное, сколько «попечительное» направление. Управление цензурой было сосредоточено во вновь созданном Министерстве народного просвещения, а непосредственное осуществление цензурных полномочий возлагалось на университеты. Последние на практике не ограничивались запретительными мерами, но фактически стали своего рода литературными центрами, объединявшими литераторов, ученых и критиков (с. 64).

На протяжении второго десятилетия царствования Александра происходил постепенный отход от либеральных принципов цензурного контроля, а полицейские методы получали приоритет. Причины такого рода изменений, по мнению авторов, заключались в совокупности определенных внутренних и внешнеполитических факторов. Положения либерального Устава 1804 г. были фактически перечеркнуты последующими ведомственными правовыми актами, инициированными представителями консервативно настроенных кругов высшего эшелона власти. В сложившихся условиях было неизбежным издание нового цензурного кодекса, и его разработка действительно началась уже с 1823 г. еще при жизни Александра I, а завершилась его преемником, Николаем I, подписавшим 10 июня 1826 г. второй Устав о цензуре.

В монографии обстоятельно исследуется процесс подготовки нового нормативно-правового акта, где главными действующими лицами выступали одиозные чиновные фигуры, такие как А.С.Шишков, А.А.Ширинский-Шихматов, М.Л.Магницкий, известные своим неприятием всего нового, прогрессивного. Неудивительно, что созданный их стараниями Устав его современниками был определен как «чугунный», сковывающий инициативу и существенно затруднявший реализацию творческих новаций. К тому же данный кодекс в определенном отношении оказался неудобным и правительственным «верхам».

22 августа 1828 г. Император подписывает третий, более либеральный, Устав о цензуре. Авторы уделяют много внимания вопросам разработки этого документа, подробно останавливаясь на тех изменениях, которые претерпел проект документа от его истоков (осень 1826 г.) до окончательного утверждения царем. Обнародование документов, освещающих этот процесс, представляет существенный интерес с точки зрения более глубокого понимания политических нюансов, которые преобладали в правительственных «верхах» в рассматриваемый период. Не менее познавательное значение имеет и та часть монографического исследования, которая посвящена изучению персонального вклада составителей Устава — членов Особого совещания — В.С.Ланского, Д.В.Дашкова, И.В.Васильчикова, С.С.Уварова и др. В монографии дается обстоятельный постатейный анализ положений Устава 1828 г., убедительно показывается его отличие от предшествующего цензурного кодекса.

Цензурная политика правительства Николая I в последующие годы в научной литературе традиционно характеризуется как существенный поворот к реакции, «эпохой цензурного террора». По мнению же И.Г.Горбачева и В.Н.Печникова, внимательно изучивших правоприменительную практику 1830—1850-х гг., в целом нет оснований

для утверждения о широком использовании в России в данный период мер карательной политики. Тем более нельзя говорить о массовых репрессиях за нарушение правил о цензуре. Правительственные циркуляры и иные документы этого периода преследовали в основном превентивные цели, являясь инструментами политики устрашения, но отнюдь не карательными мерами. Авторы поддерживают аргументацию М.С.Ольминского (1906 г.), согласно которой «в первой половине XIX в. цензурное ведомство и высшая власть нередко шли впереди русской интеллигенции, защищая право свободы исследования и право критики» (с.127—128).

Вопросы цензурного контроля над печатью в период либеральных реформ Александра II и последующих за ними контрреформ конца XIX столетия рассматриваются в четвертой главе монографии. Авторы подчеркивают крайнюю непоследовательность правительства в проведении цензурной реформы (конец 1850-х — начало 1860-х гг.). В этом вопросе амплитуда колебаний в правительственном нормотворчестве была достаточно существенной, что, безусловно, не способствовало позитивным тенденциям развития российского общества. В данный период управление цензурой передано из системы Министерства народного просвещения в ведомство Министерства внутренних дел, и эта трансформация отнюдь не являлась формальностью, она была обусловлена глубинными процессами. Изменялась правовая природа отечественной цензуры: органы управления ею приобрели полицейский, карательный характер; наряду с предварительной цензурой стала применяться ее последовательная форма. Не было и речи о «даровании» населению свободы слова, свободы печати, хотя требования о предоставлении этих свобод достаточно громко выдвигались либеральной российской оппозицией. Останавливаясь на причинах непоследовательности цензурной реформы 1865 г., И.Г.Горбачев и В.Н.Печников высказывают предпо-

ложение, что в осуществлении политики реформ правительственная элита старалась не прибегать к радикальным политическим решениям, опасаясь возможности возникновения социальных потрясений.

Авторы обстоятельно изучили законопроектную деятельность правительства после первого покушения на Александра II (4 апреля 1866 г.). Эта дата считается точкой отсчета в проведении «попятного направления» в цензурной политике. Именно с середины 1860-х гг. начинают создаваться специальные правительственные учреждения для обсуждения планов радикального реформирования печати (комиссии П.П.Гагарина, С.Н.Урусова, П.А.Валуева). Главное внимание, так или иначе, уделялось мерам борьбы с леворадикальной идеологией, выражениями которой являлись публикации в периодической печати. В этой связи были усилены prerogatives министра внутренних дел.

Нормотворческая политика нового императора Александра III в области цензуры печати не претерпела существенных изменений. Это было обусловлено, считают авторы, тем, что по мнению высокопоставленных особ из окружения императора в распоряжении правительства уже имелся надежный арсенал правовых средств воздействия на печать, позволяющих их эффективно использовать в сложившихся политических условиях. Поэтому главное направление новой силовой политики по отношению к российской прессе было сосредоточено в области совершенствования правоприменительной практики (с. 195). Проведя исследование многочисленных циркуляров Министерства внутренних дел и Главного управления по делам печати, издававшихся в конце XIX в., И.Г.Горбачев и В.Н.Печников обращают внимание на то, что основным инструментом правительства в противодействии «вредным» направлениям российской печати стали административно-правовые средства: предостережения, приостановка изда-

ний, запрещение их розничной продажи и т.д.; применялись и уголовные репрессии. Однако предпринятые правительством законодательные и иные меры оказались неэффективными в борьбе с революционной пропагандой в печати. В этой связи авторами делается вывод о том, что уже с конца XIX столетия «законодательство о печати и сама печать начали развиваться почти параллельными путями. Это было началом процесса ... полной утраты ... правительством цензурного контроля над печатью» (с. 200).

Специальный раздел исследования И.Г.Горбачева и В.Н.Печникова отведен вопросам ответственности за уголовные преступления в области печати (глава 5), и это, несомненно, следует поставить в заслугу авторам. Уголовно-правовым методам в рассматриваемую эпоху отводилась значительная роль в осуществлении задач самодержавного государства. Однако данные проблемы не находили должного отражения в литературе. Так, труды по уголовному праву виднейших отечественных правоведов XIX–XX вв. А.В.Лохвицкого, П.Д.Калмыкова, Н.С.Таганцева и др. не содержали развернутого социально-правового анализа такого рода постановлений. Эти вопросы специально не рассматривались и советскими юристами.

В рецензируемой работе карательные постановления, связанные с деятельностью печати, исследованы достаточно подробно. Авторы отмечают фрагментарность такого рода норм в составе первых цензурных кодексов. Так, отдельные нормы уголовно-правового характера имелись еще в Уставе о цензуре 1828 г., где преобладающей формой ответственности были административные взыскания. Но достаточную определенность положения об уголовной ответственности получили в результате издания систематизированных законодательных актов: Свода законов Российской империи 1833 г. (Т. XV, Свод законов уголовных) и Уложения о наказаниях уголовных и

исправительных 1845 г. Авторами осуществлен юридический анализ соответствующих нормативных положений указанных кодифицированных актов, они прослеживают и направления основных изменений, которые вносились последующими редакциями этих законов до конца XIX столетия.

Данные о характере динамики развития законодательства в этой сфере позволяют в целом констатировать тенденцию к постепенному усилению уголовной репрессии. Однако уголовно-правовая ответственность за противоправные деяния в области печати и цензуры в рамках общеуголовного законодательства все же не могла конкурировать с преобладающим использованием административно-правовых методов.

Эволюция отечественного законодательства о цензуре печати в монографии исследуется параллельно с этапами развития аналогичных правовых систем, с анализом правоприменительной практики в странах Запада. Такой сравнительный подход позволяет выявить общие закономерности и основные различия в формировании института цензуры в России и других государствах.

Авторами делается вывод, что правовые творческие и правоприменительные решения в области цензурного контроля в России принимались, как правило,

с учетом национальных традиций, без слепого копирования иностранного опыта. На Западе же, по крайней мере, до первой половины XIX в., цензурный режим в целом характеризовался чрезвычайной суровостью, преобладали уголовные преследования, применялась смертная казнь.

И.Г.Горбачев и В.Н.Печников подчеркивают в связи с этим очевидность гуманитарного приоритета отечественного нормотворчества в области цензуры печати. Несмотря на ограничения, установленные законодательством в этой сфере, цензурный контроль в России не приобрел характер тотального, оставляя прессе значительную «свободу маневра». Объективно отечественный цензурный контроль выполнял, особенно на протяжении XIX в., функцию положительной селекции мысли.

Рецензируемая монография будет интересной и полезной для преподавателей, студентов, для всех, кто интересуется вопросами развития отечественных государственно-правовых установлений. К сожалению, тираж книги явно недостаточен для того, чтобы она стала достоянием широкого круга читателей.

*Рецензент
д.ю.н., профессор ИСГЗ
А.Г. Гатаулли*

Сперанский П.Т., Сперанская-Штейн Л.Л. От эскиза к спектаклю / авт.-сост. Л.Н. Донина. — Казань: Татарское книжное издательство, 2010. — 464 с., илл.

В 2010 году в Татарском книжном издательстве при содействии Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева, заместителя премьер-министра, министра культуры Республики Татарстан З.Р. Валеевой и финансовой поддержке Министерства культуры Республики Татарстан издан альбом

Л.Н. Дониной и Р.И. Такташ «П.Т. Сперанский, Л.Л. Сперанская-Штейн. От эскиза к спектаклю». Это первое исследование, максимально полно раскрывающее творчество двух выдающихся театральных художников и иллюстрирующее полувековую историю театров Казани.

Петр Тихонович Сперанский (1890–1964) – заслуженный деятель искусств ТАССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный художник Республики Татарстан. Творчество основоположника татарского театрально-декорационного искусства, главного художника ТГАТ им. Г.Камала, главного художника ТАГТОБ им. М.Джалиля П.Т. Сперанского, оформившего около 400 спектаклей, во многом определяло пути развития казанских театров начала первой половины XX века.

Любовь Львовна Сперанская-Штейн (1913–2010) – народный художник Республики Татарстан, первая женщина-сценограф Татарстана, основоположник национального сценического костюма в музыкальном театре, художник по костюму в ТАГТОБ им. М. Джалиля, главный художник Казанского театра кукол, оформила более 100 спектаклей в театрах Татарстана и России.

Книга представляет собой аннотированный альбом-каталог произведений театрально-декорационного искусства, находящихся в настоящее время в частном собрании Л.Л. Сперанской-Штейн. Концепция альбома заключается в воссоздании целостного визуального представления об отдельном спектакле и этапах истории театров Казани в целом. Каждый спектакль составлен из эскизов декораций, кроки (набросков), эскизов костюмов, а также премьерной афиши и фотографий мизансцен и актеров в роли, что создает объемное представление о спектакле, раскрывает эволюцию замысла его художественного оформления от первоначальных эскизов-набросков до их воплощения на сцене. По объективным причинам в альбом вошли работы художников, датиро-

ванные в основном 1942–1970 гг. Эскизов и макетов периода 1915–1940 гг. не сохранилось. В связи с тем, что до настоящего времени частное собрание Сперанских не имеет официального статуса музея-квартиры, работы были не атрибутированы и системно не введены в научный оборот.

Петр Тихонович Сперанский мечтал о создании в Казани театрального музея, неоднократно писал об этом в прессе. Поэтому в коллекции находятся сохраненные им работы столичных художников, работавших в театре по приглашению в период подготовки к Декадам татарского искусства и культуры в Москве (1941, 1957). Это эскизы костюмов Б.А. Матрунина, Н.И. Бессарабовой, В.А. Волковой, В.А. Людмила. Атрибуция произведений этих авторов позволила ввести в научный оборот неизвестный пласт отечественного театрально-декорационного искусства.

Фотографии происходят из личной коллекции Сперанских, архивных фондов ТАГТОБ им. М.Джалиля; музея-квартиры Н.Г. Жиганова, музея ТГАТ им. Г.Камала, архива СТД РТ, из частных собраний Н.Д. Юлтыевой, В.Н. Горшкова, Г.И. Сайфуллиной, А.Ф. Гацулиной, Г.Х. Тагирова, О.А. Логиновой, У.Г. Альмеева. Атрибуция фотографий, большая часть которых в свое время не была подписана, осуществлена Р.И. Такташ.

Афиши, отобранные из личной коллекции Сперанских, архивных фондов ТАГТОБ им. М.Джалиля, музея КБДТ им. В.И. Качалова, ЦГА РТ, содержат информацию о премьере и составе художественно-постановочной части, составе исполнителей и художниках-постановщиках, что превращает книгу в своеобразный справочник. Кроме того, афиши иллюстрируют самый ранний период творчества П.Т. Сперанского.

Биографические сведения о П.Т.Сперанском до сих пор разрознены, противоречивы и не известны общественности. Биография художника восстановлена на основании информации из статей справочного характера, рецен-

зий, архивных материалов, театральных афиш и программ, рукописи автобиографии и личных документов. Отдельные факты творческой биографии художника, хронологические даты истории театров проверены и подтверждены материалами из ЦГА РТ, ЦГА ИПД РТ, СТД РТ. Ретроспектива работ Сперанского позволила нам дать характеристику основных этапов его творчества.

Особую научную значимость имеет представленный в альбоме в качестве «Приложения» репертуар спектаклей, оформленных П.Т. Сперанским за период его работы во всех казанских театрах в 1917–1964 гг. Основанный на материалах афиш, программ и анонсов в периодической печати в таком объеме и полноте информации репертуар со-

ставлен впервые. Огромную научную и практическую значимость, особенно в контексте истории оперного театра, имеет «Указатель имен».

Неоценимую бескорыстную помощь в создании альбома оказали консультанты – ведущие специалисты Татарстана в области истории театра и театрального искусства: У.Г. Альмеев, Ю.А. Благов, В.Г. Горшков, Л.А. Дьяченко, Н.И. Жиганова, И.И. Илялова, Ю.Н. Исанбет, Г.М. Кантор, А.Б. Кноблок, Л.Г. Шакирзянова, Н.Д. Юлтыева, что стало залогом научного уровня издания и достоверности собранных в нем сведений.

Л.Н. Доина,
кандидат искусствоведения

Российские мусульмане в этноконфессиональных процессах XIX–XXI вв.: коллективная монография и сборник выступлений на научной конференции, посвященной памяти академика АН РТ Р.И. Нафигова /под общ. ред. Р.А. Набиева. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – 260 с.

К выходу в свет 20-го выпуска из серии «Культура, религия и общество»

Данная серия была основана проф. КГУ Набиевым Р. А. в 1997 г. Многочисленные книги, ставшие весьма востребованными в начальный период возрождения религии, по инициативе и под его редакцией, осуществленной уже в качестве председателя Совета по делам религий при КМ РТ, увидели свет. В этих изданиях рассматривались и разрабатывались теоретико-методологические проблемы развития государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений. Неизменно вызывали интерес информационно-аналитические материалы и сборники выступлений участников научно-практических конференций, «круглых столов», а также энциклопедические издания, в частности, «Ислам на европейском Востоке».

Актуальность рецензируемой коллективной монографии очевидна с разных точек зрения. Развитие России в последние десятилетия предстает как сложный и противоречивый процесс, в котором неоднозначно переплетаются внешние и внутренние, традиционные и современные факторы. Развитие страны подчас оказывается достаточно неожиданным и даже парадоксальным: чем больше все аспекты жизнедеятельности общества подвергаются современным воздействиям, тем сильнее проявляются исторические и цивилизационные отличия, присущие национальным и религиозным общностям и различным регионам России, и тем отчетливее звучит проблема духовно-религиозного возрождения народов нашей

страны. Процессы трансформации российского общества, начавшиеся в конце 80-х годов прошлого века и продолжающиеся по сей день, характеризовались религиозным возрождением и ростом национального самосознания. В связи с этим татары все более уверенно ассоциировали себя с исламом, постоянно увеличивалась численность прихожан, исполняющих основные предписания ислама, строились новые мечети, открывались и функционировали религиозные воскресные школы, медресе различного статуса и, наконец, стал функционировать Российский исламский университет в Казани. В этой связи рассмотрение этноконфессиональных процессов в отдельных регионах Российской Федерации в контексте региональной политики государства в XIX–XXI вв., в частности отражение узловых аспектов социокультурной, общественно-политической и религиозной жизни российских мусульман, освещение проблем и особенностей исламского возрождения в постсоветский период видится актуальным на современном этапе.

Авторы коллективной монографии представили осмысленные суждения о проблемах, месте и роли мусульман в контексте российской истории на различных узловых и непростых этапах ее развития. Мусульмане были и остаются неотъемлемой частью истории и культуры страны. Предложенный авторами подход востребован и оправдан. Во-первых, в процессах, произошедших за последние 150 лет, более отчетливо просматриваются судьбы народов, их потери, приобретения и перспективы на будущее. Пожалуй, это один из удачных и своевременных случаев широкого охвата и глубокой проработки насущных проблем мусульман России. Во-вторых, привлечены к разработке известные ученые, такие как Р.Набиев, Р.Циунчук, А.Гафаров, среди которых редактор данного проекта имел немалый опыт практической работы в госструктурах по вопросам религии. Важно то, что проведен анализ истоков

мусульманской модернизации в татарском обществе в конце XIX столетия, становление традиции джадидизма, в целом поворот татар-мусульман к принципам нового времени. Ключевым мотивом, как отмечается в книге, здесь стало стремление к открытости, диалогу и восприятию достижений других народов при сохранении своей идентичности.

Пробуждение мусульманских народов, их стремление к равенству, развитию своего языка и культуры в годы первой российской революции были закономерными. Их участие в национально-освободительном движении и политической жизни страны, защита и отстаивание своих интересов в Государственной Думе основательно и убедительно показаны в книге. Самым примечательным итогом развития мусульманской самоорганизации в период поиска вектора развития страны и революционных выступлений стала способность мусульман выражать свои потребности в области общественно-политического и социокультурного развития. Возникновение мусульманской фракции в Госдуме, национальной партии «Иттифак», появление газет и журналов на родном языке тому веское подтверждение.

Все эти позитивные процессы, связанные с развитием джадидистской традиции, различными формами самоорганизации и в целом интеграции в социально-политическое и общекультурное российское пространство, были прерваны в советский период. В принципе все, только лишь с разными оттенками, религиозные направления пострадали, подверглись притеснениям. Констатируя это, авторы смогли раскрыть основные проблемы религиозного возрождения в условиях постсоветского периода.

Раскрытие на профессиональном уровне духовно-нравственного потенциала ислама через призму функционирования его институтов представляется принципиально важным как на фоне общемировых исламофобских на-

строений, так и проблем, имеющих в татарстанской умме. Пути проникновения чуждых исламских течений, зачастую имеющих религиозно-политический характер типа ваххабизма, четко обозначены в книге. Главное здесь то, что исходя из большого хронологического охвата и анализа авторам удалось обобщить и сформулировать исключительно важный вектор развития уммы в контексте государственно-конфессиональных отношений. Это — раскрытие и развитие пока еще в большей степени законсервированных институтов на традиционной основе ханафизма и джадидизма. Именно полноценное функционирование традиционных институтов, проверенных в российском иноверческом окружении на протяжении столетий (махалля, система образования, вакуф, закят, гошер и современные формы социального служения и партнерства с государством), выступает надежным заслоном против проникновения чуждых течений и развития устойчивости общества (с.186–187). Это и есть, по сути, раскрытие доброго потенциала и истины ислама, интегрированного в современную социально-политическую жизнь.

Когда теоретические суждения авторов базируются на обширном историческом материале, возрастает их весомость. Так и здесь, например, авторы делают заключение, что финишная линия переходного периода должна завершиться обеспечением большей самостоятельности религиозных организаций на основе их самофинансирования из традиционных источников, при «дис-

танцировании» от государственной опеки. Это будет способствовать развитию гражданского общества и стабильности в жизни страны. Как справедливо утверждается в книге, это должно заменить этап покаяния государства перед конфессиями и его правовую и финансовую поддержку институтов религии, осуществленные в первом десятилетии периода возрождения (с. 194).

Интересным получилось данное издание еще и тем, что в книгу в качестве приложения вошли материалы научной конференции, посвященной академику АН РТ Р.И.Нафигову, который оставил заметный след в изучении татарской общественной мысли и исследовании развития революционных настроений в регионе в конце XIX — начале XX вв.

Политическая значимость книги в условиях современных реалий не вызывает сомнений. Получился также востребованный научный продукт. Интересные наблюдения и выводы именно важны сегодня, их можно учитывать и использовать в определении стратегической линии поведения государственных, общественных и религиозных структур. Книга, безусловно, будет полезна для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих историю духовной и политической жизни России. Остается поблагодарить авторов и пожелать им творческих успехов.

*Декан теологического факультета
Российского исламского университета,
кандидат исторических наук
Шагабиев Д.А.*

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

14–16 марта 2011 г. в Москве прошел I Российский нефтяной конгресс – крупнейший форум специалистов и ученых в области нефтяной промышленности. Республику Татарстан на конгрессе представляли президент Академии наук РТ, академик А.М. Мазгаров и главный инженер ОАО «Нижнекамскнефтехим» Х.Х. Гильманов.

Организатором конгресса являлся Российский национальный комитет Мирового нефтяного совета (РНК МНС). Главная тема конгресса: Нефть – глобальный источник энергии. Модернизация нефтегазового комплекса России: современное состояние, проблемы, перспективы.

А.Мазгаров выступил с докладом на пленарном заседании 15 марта, объявленном днем нефтехимии и нефтепереработки. Тема доклада: «Катализаторы и процессы окислительной сероочистки углеводородного сырья». Академик рассказал о последних достижениях сотрудников Волжского научно-исследовательского института углеводородного сырья. Результаты, полученные татарстанскими учеными, вызвали большой интерес у участников конгресса. В этот же день после обеда А.М.Мазгаров возглавил работу секции «Нефтехимия и нефтепереработка: новые технологии».

16 марта в Институте нефтехимического синтеза РАН им. Топчиева состоялось первое заседание секции газохимии. А.М.Мазгаров провел его в качестве председателя секции газохимии научного совета по химии ископаемого и возобновляемого углеводородного сырья РАН и выступил с докладом «Газохимия России: проблемы и перспективы».

Следующее заседание научного совета планируется сделать выездным и провести его в мае-июне в Казани на базе Академии наук Татарстана.

* * *

21 марта в Академии наук Республики Татарстан состоялось очередное заседание президиума АН РТ с участием первого заместителя премьер-министра РТ Р.Ф. Муратова.

На заседании были подведены итоги конкурса республиканских молодежных научных грантов и премий в 2011 г. в номинациях «Премия» и «Грант». О результатах доложил председатель Комиссии по отбору и поддержке талантливой молодежи АН РТ академик Н.А. Сахибуллин. В номинации «Премия» определены 12 победителей, в номинации «Грант» – 20.

* * *

22 марта в Балтасинской средней школе состоялась I районная научно-практическая конференция имени академика А.М. Мазгарова «Шаги в науку – 2011». В конференции приняли участие президент Академии наук РТ А.М. Мазгаров и вице-президент академии А.Ш. Зиатдинов.

Научно-практическая конференция была организована для учащихся 7–11 классов района. Ахмет Мазгарович выступил перед старшеклассниками с докладом на тему «Роль науки в современной жизни» и ответил на их вопросы. Азат Шаймуллович сделал выступление на тему «Судьбы малой Родины и большой – неразделимы».

Проведение такого мероприятия стало возможным благодаря тому, что Балтасинский район является родиной А.М.Мазгарова и А.Ш.Зиатдинова. Ахмет Мазгарович учился в Балтасинской средней школе с 8-го по 10-й класс и окончил ее в 1959 г. (Справка: Балтасинская средняя школа существует с 1927 г., за 65 выпусков здесь получили аттестаты 6633 учащихся).

Академия наук Республики Татарстан с самого своего основания ведет активную работу по поиску, отбору и поддержке талантливой молодежи (учащейся и вузовской), а также по популяризации научных достижений.

* * *

«БИЗНЕС Online» организовал публикацию экспертных оценок года работы в Казанском кремле Президента Татарстана Рустама Минниханова. В качестве эксперта выступил и президент АН РТ Ахмет Мазгарович Мазгаров. <http://www.business-gazeta.ru./article/37648/13/>

* * *

3 апреля в Малом зале КСК К(П)ФУ «Уникс» состоялся первый отборочный тур III Республиканского конкурса «Эрудит-2011». Организаторы конкурса – Министерство образования и науки Республики Татарстан, Академия наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Академический лицей им.Н.И.Лобачевского, инновационный технопарк «Идея».

В I туре приняли участие 380 человек – учащиеся 125 школ из 25 районов Татарстана. Конкурсанты – 2 возрастные группы (7–9-е и 10–11-е классы) – письменно отвечали на предложенные им вопросы. Всего вопросов было 100 по 10 предметным областям. На письменную работу школьникам выделялось 100 минут.

* * *

Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан и Академия наук Республики Татарстан объявили о начале приема заявок на VII Республиканский конкурс «Пятьдесят лучших инновационных идей для Республики Татарстан». На конкурс принимаются проекты, ориентированные на решение проблем научно-технического, экономического, социального и гуманитарного развития Республики Татарстан. К участию в конкурсе приглашаются физические лица из Республики Татарстан, регионов Российской Федерации и иностранные граждане.

* * *

5 апреля 2011 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась презентация сборника статей «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» и книги С.Х.Алишева «Все по истории татарского народа». На мероприятии присутствовали научные сотрудники и аспиранты Института истории АН РТ, а также представители научной элиты Казани: академики И.Р.Тагиров и М.З.Закиев, профессора Р.К.Валеев, О.В.Синицын, Г.М.Мустафина, Ф.Г.Ислаев и др.

Заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доктор исторических наук И.К.Загидуллин ознакомил присутствующих с основными вехами жизни и научной деятельности доктора исторических наук С.Х.Алишева и представил их вниманию сборник статей «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. – 428 с.). Сборник издан по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.» (Казань, 24 марта 2009 г.), посвященной 80-летию юбилею С.Х.Алишева, и стал первым выпуском в одноименной серии, в которой

в дальнейшем планируется публиковать результаты регионального исследования различных сторон духовной и социально-экономической жизни народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Р.Г.Галлям, представляя книгу С.Х.Алишева «Все по истории татарского народа» (Казань: Раннур, 2010. — 608 с.), уделил внимание структуре и содержанию этого труда, охватывающего большой период с XIII по XIX в., в течение которого татарский народ прошел огромный путь становления и развития как самостоятельная народность, в то же время являлся преемником сильных тюркских держав. Р.Галлям отметил и большой вклад ученого в изучение социальной и национально-освободительной борьбы татарского народа в XVI–XIX вв.

Своими воспоминаниями о совместной работе с С.Х.Алишевым поделились его друзья-ученые И.Р.Тагиров, М.З.Закиев, отметившие его неустанную работу и преданность исторической науке; один из последних учеников ученого И.З.Файзрахманов рассказал о научной деятельности и вкладе С.Х.Алишева в развитие национальной истории.

* * *

С 5 по 8 апреля в Академии наук РТ проходит Международная конференция «Физика высокочастотных разрядов» и Международная школа молодых ученых и специалистов «Высокочастотные разряды: теория и техника». Организаторы форума — Российская академия наук и Академия наук Республики Татарстан, Министерства образования РФ и РТ, КГТУ (КХТИ), КГТУ им.А.Н.Туполева.

Мероприятия приурочены к 100-летию со дня рождения Георгия Бабата (1911–1960) — видного советского электротехника, доктора технических наук, автора более ста изобретений и многих научных идей.

В церемонии открытия мероприятий в здании АН РТ принял участие Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин. От лица Президента Татарстана, правительства и парламента республики он сердечно поприветствовал более 200 участников представительного форума, прибывших в Казань из городов России, Европы и Америки.

* * *

18 апреля по каналу «ТНВ-Татарстан» состоялась телепередача «Прямая связь» с участием президента АН РТ А.М.Мазгарова, заместителя министра энергетики РТ, члена-корреспондента АН РТ И.А. Ларочкиной и академика Р.Х.Муслимова. Тема программы — проблемы добычи и переработки нефти и газа.

* * *

20 апреля сотрудники Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана принимали у себя гостей — воспитанников татарской гимназии № 17 им.Г.Ибрагимова. Встреча была посвящена 125-летию Г.Тукая.

Встреча ученых со школьниками началась с обстоятельной экскурсии по фондам. Дело в том, что новое двухэтажное помещение в здании «Манеж» Казанского кремля отдел получил сравнительно недавно. Здесь был сделан ремонт, монтаж специальных хранилищ для редких рукописей. И теперь о сохранности письменного и музыкального наследия тревожиться нет смысла. Гимназистам показали хранилище, читальные залы. Руководитель центра Р.Исламов рассказал о коллективе и направлениях исследовательской работы, продемонстрировал перед школьниками уникальные рукописные документы — письма Г.Тукая и М.Джалиля, медицинскую карту Г.Ибрагимова и др.

20 апреля в Академии наук Республики Татарстан состоялся финальный тур III Республиканского конкурса «Эрудит Татарстана-2011», в котором приняли участие 229 учащихся практически со всех районов республики, 45 из них боролись за почетные степени «юных академиков» и звания лауреатов конкурса. Организаторы конкурса – Министерство образования и науки РТ, Академия наук РТ и НОУ «Академический лицей им. Н.И. Лобачевского». Генеральный спонсор конкурса – компания «Тандем-Д».

В торжественных церемониях открытия и награждения участников конкурса приняли участие вице-президент АН РТ Н.М.Валеев, советник президента АН РТ Ш.М. Чабдаров, председатель жюри, член-корреспондент АН РТ Ф.Ш.Хузин и генеральный директор инновационного технопарка «Идея» С.В.Юшко. Вела мероприятие начальник отдела по связям с общественностью и СМИ АН РТ, доцент К(П)ФУ Р.В.Даутова.

В рамках «Эрудит Татарстана-2011» были также проведены конкурс «Нано IQ» инновационного технопарка «Идея» и конкурс интеллектуально-психологического лагеря «Территория МЫ».

* * *

21 апреля 2011 г. в малом зале Академии наук РТ обсуждали проблемы создания малых предприятий при вузах и НИИ. Этой проблематике была посвящена региональная научно-практическая конференция «Проблемы эффективной реализации Федерального закона № 217. Создание малых предприятий при вузах и НИИ».

В работе конференции принимали участие представители Государственного Совета РТ, Кабинета Министров РТ, Министерства образования и науки РТ, Комитета по развитию малого и среднего предпринимательства Республики Татарстан. Всего в форуме участвовало свыше 50 человек, которые представляли федеральный и научно-исследовательские университеты, крупные государственные и негосударственные высшие учебные заведения, малые инновационные компании при вузах, организации и ведомства РТ, СМИ.

* * *

22 апреля в Казани проходила VI Казанская венчурная ярмарка, в которой приняли участие Президент Татарстана Рустам Минниханов, Премьер-министр республики Ильдар Халиков, директор Инвестиционно-венчурного фонда РТ Айнур Айдельдинов, первые лица ОАО «РОСНАНО», ОАО «Российская венчурная компания» и Фонда «Сколково», а также других российских компаний и крупнейших венчурных фондов Европы. В работе VI Казанской венчурной ярмарки участвовали также президент Академии наук Республики Татарстан А.М.Мазгаров, вице-президент А.Л.Абдуллин, главный ученый секретарь Д.Ф.Загидуллина, советники АН РТ, представители президиума и отделений академии.

* * *

22 апреля 2011 г. в 14.00 в актовом зале Академии наук Республики Татарстан состоялась публичная лекция академика Евгения Павловича Велихова, президента Российского научного центра «Курчатовский институт». Тема лекции – «Конвергенция – магистральное направление развития современной науки».

* * *

25 апреля 2011 г. в ГТРК «Корстон» прошла Международная научная конференция «Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур», посвященная 125-летию со дня рождения поэта Г.Тукая. С приветственным словом к участникам

конференции выступил президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров. Ахмет Мазгарович также принял участие в Празднике поэзии и в церемонии вручения Государственной премии имени Г.Тукая, возложил цветы к памятнику великого поэта.

* * *

26 апреля 2011 года в Академии наук Республики Татарстан состоялось подписание Соглашения о взаимодействии Академии наук Республики Татарстан и Министерства экологии и природных ресурсов Республики Татарстан. В церемонии подписания соглашения принимали участие президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, министр экологии и природных ресурсов РТ А.Г.Сидоров, вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин, заместитель министра экологии и природных ресурсов РТ по охране окружающей среды А.Э. Калайда, главный ученый секретарь АН РТ Д.Ф.Загидуллина, директор Института проблем экологии и недропользования АН РТ Р.Р.Шагидуллин.

* * *

27 апреля 2011 г. в Казани (ГТРК «Корстон») состоялось открытие Международной конференции, посвященной 25-летию Чернобыльской катастрофы «Современная эколого-антропологическая методология изучения и решения проблем здоровья населения». Организаторы конференции – Кабинет Министров РТ, Министерство по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям РТ, Министерство здравоохранения РТ, Академия наук РТ, Республиканский центр реабилитации МЧС РТ им. Ш.С. Каратая и др.

* * *

27 апреля в малом зале Академии наук Татарстана состоялась презентация сразу трех новых книг, посвященных истории татарской элиты: сборника статей «Татарские мурзы и дворяне: история и современность», монографии Д.М. Исхакова «Арские князья и нукратские татары» и книги Р.С. Кашаева «Казанская гильдия». Мероприятие проводили Институт истории им. Ш.Марджани и Меджлис татарских мурз Республики Татарстан.

* * *

11 мая 2011 г. в Екатеринбурге состоялось подписание Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Академией наук Республики Татарстан, Казанским научным центром Российской академии наук и Уральским отделением Российской академии наук. В рамках подписания состоялся круглый стол, в котором приняли участие представители всех сторон-подписантов.

На круглом столе затрагивались актуальные проблемы организации и развития российской и региональной науки, обсуждались основные направления возможного взаимодействия Академии наук Татарстана, Казанского научного центра РАН и Уральского отделения РАН. Председателем круглого стола был В.А. Черешнев – председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы РФ, академик РАН и РАНХ, президент Уральского НИИ человека. Татарстан в обсуждении представляла весьма авторитетная делегация: президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, постоянный представитель РТ в Свердловской области Р.З. Бикбов, председатель Комитета Госсовета РТ по законности и правопорядку Ш.Ш. Ягудин, вице-президент АН РТ А.Ш. Зиятдинов, 1-й председатель исполкома Всемирного конгресса татар, академик АН РТ И.Р. Тагиров, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, член-корреспондент АН РТ Р.С. Хакимов, профессор Национально-исследовательского университета им. А.Н. Туполева В.В. Хоменко. Также на круглом столе присутствовал О.Г. Синяшин – пред-

седатель Казанского научного центра РАН, директор Института органической и физической химии им. А.Е. Арбузова, академик РАН.

Достаточно представительной была и делегация Уральского отделения РАН: главный ученый секретарь отделения Е.В. Попов, научный руководитель Института органического синтеза УрО РАН, академик РАН О.Н. Чупахин, директор Института экологии растений и животных УрО РАН, академик РАН В.Н. Большаков, директор Института истории и археологии УрО РАН, академик РАН В.В. Алексеев и директор Ботанического сада УрО РАН С.А. Шавнин. В обсуждении перспектив научно-технического сотрудничества активное участие приняли и другие представители научных кругов Свердловской области.

Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Академией наук РТ, Казанским научным центром РАН и Уральским отделением РАН подписали президент Академии наук РТ А.М. Мазгаров, председатель КазНЦ РАН О.Г. Синяшин и председатель УрО РАН В.Н. Чарушин.

Круглый стол и церемония подписания важного документа были блестяще организованы Постоянным Представительством Республики Татарстан в Свердловской области, за что Академия наук Татарстана выражает руководителю постпредства Р.З. Бикбову огромную признательность.

* * *

11–12 мая 2011 г. в Санкт-Петербурге прошел Международный конгресс «Фундаментальные исследования и инновации 2011». Организаторы – Российский фонд фундаментальных исследований и издательство Elsevier, при поддержке Министерства образования и науки РФ и Российской академии наук. В рамках конгресса состоялась также церемония награждения самых публикуемых и цитируемых российских ученых Scoreus Award Russia 2011.

В работе конгресса приняли участие представители ведущих научно-исследовательских институтов (грантодержателей РФФИ) и вузов России, представители РФФИ, Министерства образования и науки РТ, Российской академии наук, а также зарубежные представители и руководители научных подразделений различных организаций. Главными вопросами для обсуждения были значимость фундаментальных исследований, их оценка и влияние на инновации. Научное сообщество Татарстана и Академию наук РТ представлял на конгрессе Р.Г. Яхин, доктор технических наук, начальник научно-организационного отдела АН РТ.

* * *

18 мая 2011 года состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан, в котором принял участие первый заместитель премьер-министра Республики Татарстан Р.Ф. Муратов. Вел заседание президент Академии наук РТ А.М. Мазгаров.

На повестке дня были следующие вопросы: 1. О выборах президента Академии наук РТ; 2. О допуске работ к участию в конкурсе на соискание Государственных премий в области науки и техники РТ 2011 г.; 3. О составе и положении Совета по изучению и сохранению культурного наследия; 4. О конкурсе на соискание именных премий Академии наук РТ В.А. Энгельгардта, А.Г. Терегулова, К.Г. Боля в 2011 г.; 5. Об утверждении состава комиссии для рассмотрения обращения НИИХП о принятии под научно-методическое руководство АН РТ.

* * *

19–20 мая президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгарович Мазгаров принимал официальную делегацию из Республики Башкортостан. В состав делегации входили заместитель премьер-министра Башкортостана Марат Мусаевич Мулюков,

президент Академии наук Республики Башкортостан Рамиль Назифович Бахтизин и генеральный директор НПФ «Оргнефтегаз» Тимур Артурович Хакимов. В рамках визита подписан новый договор о научном сотрудничестве между Академией наук Республики Татарстан и Академией наук Республики Башкортостан.

От Академии наук РТ в приеме гостей принимали участие заместитель президента АН РТ А.М.Гумеров, главный ученый секретарь АН РТ, член-корреспондент Д.Ф.Загидуллина, советник президиума АН РТ, академик А.В.Ильясов.

* * *

С 21 по 23 мая 2011 г. на базе Казанского историко-архитектурного музея-заповедника в выставочном зале «Манеж» прошел II Международный Болгарский форум, в котором приняли участие ученые из Болгарии, Венгрии, Молдовы, Казахстана, Украины и России. Гостей приветствовал Государственный советник РТ Минтимер Шаймиев.

«Это очень важная встреча. Сегодня уже с уверенностью можно сказать, что Болгарский форум, как постоянная площадка для обмена мнениями по широкому кругу научно-практических проблем, связанных с богатейшей историей не только Волго-Уральского региона, но и Алтая, а также Восточной Европы, состоялся. Мы хотим эту работу продолжать на постоянной основе, ежегодно обогащая ее новым содержанием, с учетом мнений, которые сегодня здесь прозвучат», – сказал Минтимер Шаймиев, открывая работу форума.

Неподдельный интерес, который проявляют к Болгарскому форуму исследователи, специалисты ведущих российских и зарубежных научных центров, по словам Государственного советника РТ М.Шаймиева, подтверждает правильность принятого решения, сообщает ИА «Татар-информ». На открытии форума также прозвучали приветствия директора Института истории им.Ш.Марджани АН РТ Р.Хакимова, президента Академии наук РТ А.Мазгарова, ректора КФУ И.Гафурова.

Международный Болгарский форум был основан в 2010 г. по инициативе первого Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева. Организаторы – Академия наук Республики Татарстан, Министерство культуры Республики Татарстан и Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Среди гостей форума были такие мировые светила, как Почетный генеральный директор Национального музея Венгрии Иштван Фодор (Венгрия), директор Археологического музея г. Варны Валерий Йотов (Болгария), доктор исторических наук Николай Руссев (Молдова), директор Института археологии им. А. Маргулана академик Карл Байпаков (Казахстан), директор Института археологии Российской академии наук Николай Макаров (Россия), зав. отделом средневековой археологии Крымского филиала ИА НАНУ Сергей Бочаров (Украина).

Основной целью форума стало рассмотрение вопросов, связанных с историей взаимоотношения городской и степной культур народов Поволжья в эпоху существования Золотой Орды. В ходе деятельности форума успешно реализуются задачи объединения специалистов, занимающихся болгарской цивилизацией в самом широком спектре; развития Болгарского музея-заповедника как культурного и туристического центра; углубленного исследования истоков болгарской цивилизации. Болгары Среднего Поволжья и Балкан на многие века определили историю Восточной Европы, став основой этносов Хазарского каганата, Волжской и Дунайской Болгарии, а также – Золотой Орды.

Проведение форума было бы невозможным без неопценимого вклада, который внесли в его организацию руководство и специалисты Республиканского фонда «Возрождение», заслужившие глубокую и искреннюю благодарность со стороны отечественной и мировой науки.

25 мая 2011 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось Общее отчетно-выборное собрание АН РТ с участием Президента Республики Татарстан Р.Н.Минниханова, Государственного советника М.Ш.Шаймиева, первого заместителя премьер-министра РТ Р.Ф.Муратова, заместителя Председателя Государственного Совета Республики Татарстан А.П.Гусева. Также приняли участие академик АН РТ, генерал армии М.А.Гареев, академик РАН М.Ч.Залиханов, председатель президиума КазНЦ РАН, академик РАН О.Г.Синяшин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук, профессор А.В.Яковенко и другие представители государственных структур, руководители ряда промышленных предприятий, представители академической, вузовской и отраслевой науки в лице ректоров вузов, директоров НИИ, заведующих кафедрами, научных сотрудников.

Собрание началось с минуты молчания – участники собрания почтили память членов академии, ушедших из жизни за последний год: академика Зубаирова Диялвера Мирзабулловича, академика Валиева Камиля Ахметовича, академика Усманова Миркасыма Абдулахатовича, члена-корреспондента Тунакова Алексея Павловича.

Председателем Общего собрания президиум АН РТ утвердил академика Г.Л.Дегтярева, который ознакомил участников с порядком проведения форума, а затем предоставил слово для доклада «Об основных итогах деятельности Академии наук Республики Татарстан и очередных задачах» президенту АН РТ академику А.М.Мазгарову.

Выступая с докладом «Об основных итогах деятельности АН РТ и очередных задачах», президент АН РТ Ахмет Мазгарович рассказал о том, что с принятием нового устава АН РТ в 2007 г., с изменением состава и расширением полномочий президиума начался новый этап в его деятельности. Наряду с обсуждением плановых вопросов определились новые направления и приоритеты, связанные как с совершенствованием самой структуры АН РТ, так и с необходимостью решения научно-технических и социокультурных проблем республиканского значения.

За отчетный период, по его словам, велась целенаправленная работа не только по реорганизации, но и по созданию новых научных учреждений. Так, в 2007 г. был создан Научно-исследовательский центр семьи и демографии, в 2008 г. образован Институт проблем экологии и недропользования. В своем выступлении А.Мазгаров рассказал, чем жила Академия наук РТ в течение последних пяти лет, и о существующих проблемах.

По докладу А.М.Мазгарова выступил первый заместитель премьер-министра РТ Р.Ф.Муратов, который отметил, что республиканские министерства и ведомства не в полной мере используют научный потенциал республики. В то же время не хватает настойчивости научным институтам АН РТ в части продвижения своих идей практического их применения. Равиль Фатыхович призвал собравшихся вести активную совместную работу в этом направлении. Также он призвал активизировать работу по созданию малых инновационных компаний – для привлечения молодых ученых.

Было предоставлено слово Президенту Республики Татарстан Р.Н. Минниханову. Обращаясь к представителям татарстанской науки, он отметил, что с именами многих из них связаны важнейшие достижения, открытия, научные школы и направления. Он напомнил, что в этом году исполняется 20 лет с момента учреждения АН РТ – «это большой срок, этап становления и активной работы целого поколения. За эти годы сформировались направления работы, структура и кадровый состав академии – путь пройден немалый».

Академия наук Татарстана подводит итоги своей работы за последние 5 лет. «В наш динамичный век – это очень значительный период, – заметил Президент

РТ. — Обсуждение доклада президента академии дает представление о том, что удалось и что пока не получается у главного академического центра республики. Это важно, так как долгосрочные перспективы развития нашей республики напрямую связаны с повышением качества научных исследований. Необходимо четко осознавать, что в нынешних условиях в научной среде многократно возрастает конкуренция».

Рустам Минниханов особо подчеркнул, что на интеллектуальном рынке активно действуют мощные мировые научные центры. На последнем общем собрании Российской академии наук шел острый разговор о проблемах отечественной фундаментальной науки, поисках новых форм связи науки и производства. «Внутри страны растет потенциал вузовской науки. Это происходит и в нашей республике. В частности, Федеральный университет и оба исследовательских института заинтересованы в том, чтобы доказать состоятельность своих амбиций», — добавил он.

«Мы все являемся свидетелями динамичного развития республики. При этом отмечу, что, реализуя масштабные проекты, мы все чаще привлекаем технологии, специалистов из-за пределов республики, да и страны. На этом мы уже неоднократно акцентировали ваше внимание. Но, к сожалению, мы в этом деле продвигаемся медленно», — сказал Президент РТ. В этих условиях, по его мнению, необходимо менять подходы к организации и планированию научной работы.

Отметив, что практически на всех встречах вопрос государственного финансирования остается ключевым, Р. Минниханов подчеркнул: «Скажу однозначно: государство будет и дальше поддерживать фундаментальную науку, но финансирование Академии наук не должно быть разновидностью компенсации за былые заслуги, оно должно поощрять новые исследования». В целом, отметил глава республики, надо сделать акцент на целенаправленном финансировании поисковых работ, шире практиковать грантовые программы.

Также, по мнению Рустама Минниханова, актуальным вопросом остаются судьбы молодых ученых. «За последние годы было сказано много правильных слов о поддержке ученой молодежи. Свои меры по привлечению новых научных кадров наметила и наша Академия наук. Но если быть объективными, серьезных изменений мы пока не добились, — посетовал Президент Татарстана. — И есть тенденция в вашей работе, которая вызывает, мягко говоря, неодобрение — сегодня более 10 процентов состава академии составляют бывшие или действующие представители государственных структур».

Рустам Минниханов подчеркнул, что в эпоху глобализации многое зависит от интеграции научных исследований. В отчете президента АН РТ приводится перечень партнеров академии. «Хотелось бы видеть в нем новые научные центры — как отечественные, так и зарубежные. Тем более, интерес к Татарстану неуклонно растет», — подчеркнул глава республики.

Нельзя сказать, что все отлажено и во взаимодействии с федеральными научными центрами, в частности, с Российской академией наук, отметил Р. Минниханов: «Время от времени раздаются сетования в отношении недостаточной активности представителей наших гуманитарных наук на федеральном научном пространстве. Есть вопросы по нашему участию в научных форумах, в организации совместных исследований. Прошу серьезно подумать по этому поводу. Замкнутость в таких вопросах — плохой союзник».

В завершение своего выступления глава республики отметил, что АН РТ за 20 лет внесла существенный вклад в социально-экономическое развитие нашей республики. «Если звучат слова критики, то с единственной целью — чтобы на следующем отчетном собрании мы с вами могли сказать: научное сообщество Татарстана добилось новых серьезных результатов», — резюмировал Рустам Минниханов.

Президент Татарстана Р.Н.Минниханов поздравил академика АН РТ, заведующего кафедрой современной отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета И.Р. Тагирова с 75-летним юбилеем.

Затем Г.Л.Дегтярев, приступая к процедуре выборов президента Академии наук РТ, напомнил собравшимся порядок выборов. 6 марта 2011 года истек срок полномочий президента АН РТ. По уставным документам АН РТ в течение трех месяцев после истечения срока академия обязана организовать выборы президента АН РТ на Общем отчетно-выборном собрании АН РТ сроком на пять лет (по Уставу АН РТ п.37). В соответствии с порядком выборов президента Академии наук РТ в отделениях АН РТ прошли совещания бюро по выдвижению кандидатов на должность президента АН РТ. Все семь отделений АН РТ провели заседания бюро, во всех отделениях единогласно была выдвинута кандидатура действующего президента Академии наук РТ, академика А.М.Мазгарова для избрания на должность президента АН РТ. 18 мая 2011 г. президиум Академии наук РТ рассмотрел зарегистрированную кандидатуру А.М.Мазгарова и в результате тайного голосования рекомендовал Общему собранию для избрания на должность президента АН РТ сроком на пять лет.

В результате тайного голосования членов Академии наук РТ на Общем собрании президентом Академии наук Республики Татарстан был избран Ахмет Мазгарович Мазгаров.

Второе отделение Общего отчетно-выборного собрания АН РТ посвящалось выборам академиков, членов-корреспондентов, почетных и иностранных членов Академии наук Республики Татарстан.

Академия наук Республики Татарстан в соответствии с Уставом Академии наук РТ и «Положением о выборах в Академию наук РТ» заранее известила научную общественность республики о проведении очередных выборов действительных членов (академиков) и членов-корреспондентов АН РТ, почетных и иностранных членов АН РТ и зарегистрировала кандидатов на объявленные вакансии. Всего было вакансий: 5 действительных членов и 7 членов-корреспондентов. Из них 7 – с возрастным ограничением. Было подано 20 заявлений, из них 8 – на вакансии с возрастным ограничением.

Во всех отделениях были проведены общественные обсуждения выдвинутых кандидатов на указанные вакансии и затем тайным голосованием в соответствии с «Положением о выборах в АН РТ» были проведены выборы кандидатов в академики и члены-корреспонденты АН РТ на объявленные вакансии. Академики-секретари отделений поочередно доложили Общему собранию результаты проведенных у них выборов. Окончательный вердикт должен был быть вынесен в итоге тайного голосования членов Академии наук Татарстана на Общем собрании. Избранным считается кандидат, набравший наибольшее число голосов, но не менее 2/3 от числа принимавших участие в голосовании. В соответствии с Уставом АН РТ и «Положением о выборах в АН РТ» выборы действительных членов (академиков), членов-корреспондентов и почетных членов АН РТ осуществляются отдельно, т.е. в выборах академиков участвуют только академики, а в выборах членов-корреспондентов, почетных и иностранных членов участвуют академики и члены-корреспонденты.

По результатам тайного голосования избраны:

действительными членами (академиками) АН РТ – Д.Ф.Загидуллина (специальность «Литература народов Российской Федерации (татарская литература»); Р.С.Хакимов (специальность «Теория политики, история и методология политической науки (по историческим наукам)»); О.Н.Ильинская (специальность «Микробиология»); А.Л.Абдуллин (специальность «Тепловые энергоустановки»);

членами-корреспондентами АН РТ – Р.Р.Салихов (специальность «История Татарстана и татарского народа»); С.А. Шарипов (специальность «Экономика и земельные отношения»); А.В.Яковенко (специальность «Право»); Г.Р.Вагапова (специальность «Эндокринология»); С.А.Михайлов (специальность «Машиноведение»); А.Ф.Надеев (специальность «Телекоммуникационные системы и компьютерные сети»); Л.Р.Тагиров (специальность «Физика наноструктур»);

иностранцами членами АН РТ – по отделению медицинских и биологических наук Ганс В. Хогерзайл и Элизабет Танзи; по отделению сельскохозяйственных наук Синдир Камиль Окуау;

почетными членами АН РТ – по отделению физики, энергетики, наук о Земле Залиханов Михаил Чоккаевич; по отделению химии и химической технологии Берлин Александр Александрович.

Участники Общего собрания отчетно-выборного собрания АН РТ поздравили вновь избранных. Была сделана фотография на память.

*Подготовил отдел
по связям с общественностью и СМИ АН РТ*

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@ Rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!